

Федеральное государственное бюджетное учреждение
высшего профессионального образования
“Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова”

На правах рукописи

ПЕТРОСЯНЦ ОРЕСТ ВИКТОРОВИЧ

США И НАЦИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ: ОТ МЮНХЕНА ДО ПЕРЛ-ХАРБОРА

Раздел 07.00.00 – Исторические науки

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
к.и.н., доц. Горохов Валерий Николаевич

Москва, 2014 г.

Оглавление

Введение.....	3
Обзор источников.....	12
Обзор историографии	20
Глава 1. Американо-германские отношения от Мюнхена до начала Второй мировой войны.....	37
§1. Соединенные Штаты и нацистская Германия в “постмюнхенский период” (октябрь 1938 г. – февраль 1939 г.).....	37
§2. Акты немецкой агрессии в Европе и обострение американо-германских отношений (март 1939 г.)	84
§3. Характер американо-германских взаимоотношений в преддверии Второй мировой войны (май-август 1939 г.).....	112
Глава 2. США и нацистская Германия в начальный период Второй мировой войны (сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г.).....	136
§1. Соединенные Штаты и развязывание нацистской Германией европейской войны	136
§2. “Миссия С. Уэллеса” и американо-германские отношения (февраль – март 1940 г.).....	165
§3. Капитуляция Франции и становление англо-американской антигитлеровской коалиции.....	191
Глава 3. Американо-германские отношения от нападения нацистской Германии на СССР до Перл-Харбора	235
§1. Соединенные Штаты и нападение нацистской Германии на СССР: реакция, оценки, выводы.....	235
§2. Необъявленная война в Атлантике (сентябрь – ноябрь 1941 г.).....	261
§3. Американо-германские отношения накануне вступления США в войну.....	288
Заключение	304
Библиография	319

Введение

Конец 1930-ых гг. был ознаменован глубоким кризисом Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, обусловившим начало Второй мировой войны. Основным дестабилизирующим фактором, повлиявшим на ее стремительное ослабление, являлись действия агрессивных держав – нацистской Германии, фашистской Италии и Японии, находившейся под властью милитаристских группировок. Конечным результатом их внешнеполитических усилий провозглашалось создание “нового международного порядка”, установление мировой (для Германии) и региональной (для Италии и Японии) гегемонии, подчинение и порабощение других стран и народов. В качестве идеологического обоснования экспансионистского курса выдвигались расовые, социал-дарвинистские, а также геополитические теории и концепции. Подобные установки и шаги к их практической реализации привносили в систему международных отношений качественно новый элемент: “устремления государств агрессивного блока представляли собой угрозу не только для соперничавших с ними великих держав, но и для всей мировой цивилизации”¹.

Другой сегмент в международной политике того времени был представлен формально не оформленной коалицией западных демократических государств, состоявшей из Великобритании, Франции и Соединенных Штатов Америки. Несмотря на логику построения и существования Версальско-Вашингтонской системы, во второй половине 1930-ых гг. руководящими кругами этих стран был избран курс, направленный на “умиротворение” агрессоров, который в значительной степени способствовал разрушению созданного ими же после Первой мировой войны международного порядка.

Соединенные Штаты Америки, являвшиеся крупнейшим государством в стане западных демократий, в критические предвоенные годы в области внешней политики придерживались принципа изоляционизма, связанного с необходимостью воздержания от вовлечения в международные споры и

¹ Горохов В.Н. История международных отношений, 1918-1939. М., 2004. Стр. 186.

противоречия, не затрагивавшие их собственную безопасность и национальные интересы.

Начало Второй мировой войны, ставшее следствием действий нацистской Германии, нацеленной на тотальную ревизию сложившегося миропорядка, поколебало присущие Соединенным Штатам традиционалистские доктрины и обусловило активизацию усилий руководства страны по изменению устоявшихся внешнеполитических подходов, а также переосмыслению собственной роли на международной арене в свете происходивших деструктивных процессов.

Временной отрезок с осени 1938 г. по декабрь 1941 г. представлял собой весьма насыщенный, и, в то же время, достаточно противоречивый период в истории американско-германских отношений. Несомненно, что изучение данной проблемы представляет серьезный исследовательский интерес в силу целого ряда причин.

Во-первых, Соединенные Штаты, наряду с Францией и Великобританией, являлись одним из основных творцов Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, сложившейся в течение нескольких лет после окончания Первой мировой войны. В силу этого обстоятельства перспективным выглядит рассмотрение и анализ отношения США к действиям нацистской Германии, направленным на полный демонтаж этой системы.

Во-вторых, особую специфику отношениям США и Германии придавала их географическая удаленность друг от друга. Данный факт обуславливал ситуацию, при которой Соединенные Штаты не являлись, да и не могли являться в означенный период времени объектом потенциальной гитлеровской агрессии. Внешнеполитические планы национал-социалистов ограничивались пределами Старого света.

Осознавая это, администрация Ф. Рузвельта не менее отчетливо понимала, что конфликт интересов с нацистской Германией уже имеет место и, в случае отсутствия контрмер, может привести к весьма негативным последствиям. Речь идет о начавшемся в середине 1930-ых гг. довольно стремительном процессе

проникновения нацистской Германии в страны Латинской Америки, что, несомненно, встречало неблагоприятную реакцию США, считавших Западное полушарие территорией своего экономического и политико-идеологического преобладания. Вашингтон с течением времени стал уделять пристальное внимание немецкой активности на южноамериканском континенте; фактически, перед Соединенными Штатами возникла задача по борьбе с нацистским утверждением в регионе, по сведению к минимуму влияния Германии на латиноамериканские республики. Действия, предпринятые в рамках так называемой “политики добрососедства” по отношению к государствам Южной Америки, оказались довольно эффективными и позволили косвенными методами понизить степень немецкой активности, что в полной мере отвечало соображениям национальной безопасности и государственным интересам США.

Что касается экспансионистских действий Германии в Европе как накануне Второй мировой войны, так и после ее начала, Соединенные Штаты внимательно следили за ними, однако, как правило, воздерживались от обязывающих заявлений и оценок происходящего. Подобное поведение американской стороны было обусловлено несколькими факторами.

Одним из важнейших являлся уже упомянутый принцип изоляционизма, свойственный внешней политике США с конца XVIII века. Он был задекларирован первым президентом страны Джорджем Вашингтоном в его “прощальном послании” 1796 г. и подразумевал необходимость минимизации политических связей с европейскими государствами.

Свое развитие данный принцип получил в 1823 г., когда президент Джеймс Монро обратился к Конгрессу с посланием, в котором выдвинул тезис о разделении мира на европейскую и американскую системы и провозгласил идею о невмешательстве США во внутренние дела европейских стран и, соответственно, о невмешательстве последних во внутренние дела государств Западного полушария.

Укоренившееся в сознании нескольких поколений американцев, это воззрение было поколеблено участием США в Первой мировой войне; большая

часть населения выступала против вмешательства в дела Европы, и, хотя в итоге война завершилась для США успешно, изоляционистские настроения вспыхнули в обществе с новой силой. Конгресс отказался ратифицировать устав Лиги Наций, считая крайне нежелательным участие страны в обязывающих союзах и организациях.

Кроме того, Соединенные Штаты были на законодательном уровне ограничены в области некоторых аспектов своей внешней политики: в период с августа 1935 г. по декабрь 1941 г. действовало законодательство о нейтралитете, принятое как временное, затем продленное и расширенное, а еще позднее ставшее постоянным. Нейтралитет предопределил в целом выжидательную позицию крупнейшей мировой державы в критические для цивилизации годы, что имело своим результатом далеко идущие отрицательные последствия².

С другой стороны, существовали и иные подходы к внешней политике страны. Речь идет об интернационализме – принципе, согласно которому США надлежало играть куда более деятельную роль на мировой арене, не ограничиваясь пределами одного полушария, а отстаивая свои интересы по всему миру. Подобные взгляды были свойственны ряду общественных организаций, некоторым группам политического истеблишмента и представителей администрации, в том числе и президенту Соединенных Штатов Франклину Рузвельту.

Противоборство изоляционистов в лице значительной части Конгресса и интернационалистов, возглавляемых президентом, по вопросам о нейтралитете и возможном изменении общего характера внешней политики США являлось одной из отличительных черт внутренней общественно-политической обстановки этой страны в изучаемые годы.

Объектом данного исследования являются отношения Соединенных Штатов и нацистской Германии в период с октября 1938 г. по декабрь 1941 г.

² Наджафов Д.Г. Нейтралитет США, 1935-1941. М., 1990. Стр. 11.

В качестве предмета исследования выступают наиболее значимые аспекты политических, дипломатических и идеологических отношений США и Германии в означенный отрезок времени.

Цель диссертации состоит в составлении целостной картины американо-германских отношений, анализе и обосновании причин, влиявших на их трансформацию, а также выделении условий и тенденций, определявших суть этих отношений.

Данная цель потребовала решения следующих исследовательских задач:

- раскрытие сущности политики США и Германии по отношению друг к другу в контексте общей международной обстановки изучаемого периода;
- установление степени влияния наиболее значимых международных событий и процессов на характер американо-германских отношений;
- анализ реакции Соединенных Штатов на нацистскую агрессию в Европе и потенциальную возможность возникновения гитлеровской угрозы Западному полушарию;
- определение уровня значимости “фактора США” для правящих кругов рейха при формировании и претворении в жизнь агрессивного внешнеполитического курса;
- анализ восприятия германским руководством миротворческих предложений и инициатив, выдвигавшихся Соединенными Штатами;
- оценка внутривнутриполитической конъюнктуры США в плане ее воздействия на стремление администрации Ф. Рузвельта к переосмыслению роли Германии на международной арене и масштаба нацистской опасности.

Хронологические рамки исследования охватывают период с октября 1938 г. по декабрь 1941 г. Нижняя граница исследования связана с заключением Мюнхенского соглашения, ставшего этапным событием не только в международных, но и в американо-германских отношениях. Отныне Германия при осуществлении своих внешнеполитических действий могла уже не считаться с позицией западных демократий, в том числе и Соединенных Штатов. Что касается США, то среди руководства этой страны пусть не сразу, но в достаточно

скором времени после Мюнхена стало распространяться мнение, что данное событие не устраняет напряженность международной обстановки, а усиливает ее. Верхняя хронологическая граница датируется 11 декабря 1941 г. – днем официального начала войны между Вашингтоном и Берлином.

Научная новизна данной диссертационной работы определяется совокупностью обозначенных исследовательских задач, направленных на выявление сущности отношений двух государств и проведение анализа факторов, влиявших на их трансформацию в течение упомянутого промежутка времени. Кроме того, в диссертации предпринята одна из первых в отечественной историографии попыток развернуто осветить принципиальный характер борьбы американских изоляционистов и интернационалистов по вопросу об отношениях с нацистской Германией, а также рассмотреть причины и предпосылки, подготовившие и обусловившие в достаточно трудных условиях конечную победу интернационалистов в этом противостоянии. Необходимо также отметить, что в научный оборот впервые вводится ряд архивных документов по изучаемой проблематике.

Актуальность темы исследования определяется тем, что государствам современного мира – как правило, наиболее мощным и развитым – регулярно приходится сталкиваться с различными вызовами, грозящими нарушить сложившуюся систему международных отношений и поставить под вопрос их лидерские позиции. В связи с этим опыт изучения американо-германских отношений в критические годы накануне Второй мировой войны и после ее начала представляется весьма показательным, поскольку в настоящее время ключевые международные проблемы также связаны с необходимостью поддержания безопасности и поиска наиболее действенных средств противостояния деструктивным силам, явлениям и процессам. Следование принципам международного сотрудничества при этом выступает в качестве основного фактора, позволяющего с высокой степенью эффективности реагировать на возникающие угрозы глобального характера.

При написании диссертации был задействован широкий спектр принципов и методов научного исследования.

Проблемно-хронологический принцип позволил проследить трансформацию американо-германских отношений с учетом фактической и временной последовательности происходивших событий и явлений. Сравнительно-исторический метод был применен для сопоставления внешнеполитических курсов, проводившихся Вашингтоном и Берлином в отношении друг друга, а также выявления их коренных различий. Системный метод использовался для рассмотрения внешнеполитических актов обоих государств в контексте общей международной обстановки накануне и после начала Второй мировой войны.

Вместе с тем, обращение к заявленной проблематике было связано с необходимостью применения особого инструментария, разработанного в рамках теории международных отношений.

В значительной степени данное исследование опирается на положения теории политического реализма. Основываясь на подходе к международной политике как к объективной реальности, эта парадигма уделяет принципиальное внимание так называемым “рациональным” факторам – военному и экономическому потенциалам, государственным интересам и т.д. Главными участниками международных отношений являются суверенные государства. При этом, как правило, речь идет не обо всех государствах, а о наиболее крупных, конфликтные или кооперативные отношения между которыми составляют существо международной политики³. Наиболее полное изложение базовых элементов данной теории принадлежит американскому исследователю Г. Моргентау, выдвинувшему ряд основополагающих тезисов, среди которых выделяется положение о том, что международная политика по своей сути является борьбой за власть. Что касается проводимой государствами внешней

³ Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2006. Стр. 109-110.

политики, то она носит сугубо рациональный характер и определяется задачей накопления мощи и борьбой за влияние на мировую политику⁴.

При изучении американско-германских отношений в заявленный период, теория политического реализма позволила выявить объективные факторы, обусловившие постепенное, но неуклонное ухудшение и обострение отношений двух государств в течение всех лет, предшествовавших официальному началу военного противостояния Вашингтона и Берлина.

Теория конфликта, рассматривающая конфронтационное взаимодействие государств на международной арене⁵, была применена нами для анализа ценностно-целевого антагонизма Соединенных Штатов и нацистской Германии. В конце 1930-ых – начале 1940-ых гг. США придерживались изоляционистского курса, Германия же стремилась к воплощению агрессивной ревизионистской программы – разгрому Франции и Великобритании, сокрушению Советского Союза и созданию предпосылок для тотального доминирования “арийской нации”.

Действия рейха в Старом свете привели к тому, что американская позиция с течением времени подверглась существенным изменениям. Соединенные Штаты, сознавая все более увеличивавшуюся опасность нацистской Германии и распространения ее государственно-политических установок, были вынуждены начать осуществление попыток по отходу от следования традиционным доктринам с целью обеспечения собственной безопасности, сохранения общественных и идеологических ценностей⁶. Это явление достаточно ярко проявилось в выдвинутых администрацией Ф. Рузвельта интернационалистских инициативах, ориентированных на трансформацию американской внешней политики.

⁴ Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y., 1948; Morgenthau H. In Defense of the National Interest: a Critical Examination of American Foreign Policy. N.Y., 1951; Thompson K. Political Realism and the Crisis of World Politics: an American Approach to Foreign Policy. Princeton, 1960; Schwarzenberger G. Power Politics. A Study of World Society. Third Edition. L., 1964.

⁵ Boulding R. Conflict and Defence: a General Theory. N.Y., 1962; Wright Q. Escalation of International Conflict //Journal of Conflict Resolution. 1965. № 4. P. 434-449; Mitchell C. The Structure of International Conflict. N.Y., 1981. James P. Crisis and War. Kingston, 1988.

⁶ Основы общей теории международных отношений. Под ред. А.С. Манькина. М., 2009. Стр. 465-466.

Помимо означенных теорий, в данном исследовании была использована концепция восприятия, разработанная американским исследователем Робертом Джервисом⁷. Он отметил, что на внешнюю политику государства могут влиять не только объективные факторы, но и то, каким образом истеблишмент, правящая элита воспринимает и трактует ситуацию на мировой арене, экономический и военный потенциал своих противников и союзников, их цели и готовность совершать те или иные действия, степень угрозы национальной безопасности и государственным интересам.

Концепция Р. Джервиса применялась как методологическая основа при рассмотрении таких важных для понимания сюжетов, как оценка действий Соединенных Штатов немецкими дипломатами и отношение правящих кругов США к возможности вовлечения страны в зарубежные конфликты. Помимо этого, она была полезна при анализе вопросов, связанных с усилением политико-идеологического влияния Берлина в латиноамериканском регионе, что не могло не затрагивать интересов США. Степень реальной угрозы нацизма Западному полушарию в целом была невелика, но, тем не менее, в восприятии ряда политических деятелей, а также некоторых сегментов американского общества она являлась в известной степени завышенной. Это позволило Белому дому не только приступить к наращиванию военного потенциала США, но и начать использование сложившейся обстановки в попытках обеспечения перехода от традиционной политики невмешательства к более активному вовлечению страны в международные процессы.

Применение вышеперечисленных методологических подходов обеспечивает более полный и глубокий анализ конкретных исторических фактов и процессов, позволяет дать обоснованное объяснение исследуемым событиям.

⁷ Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, 1976.

Обзор источников

Исследователь, приступающий к рассмотрению американско-германских отношений в 1938 – 1941 гг., имеет в своем распоряжении достаточный массив исторических источников.

При написании данной работы были задействованы как архивные, так и опубликованные материалы.

Особое значение для проведения настоящего исследования имели материалы президентской библиотеки Франклина Рузвельта, расположенной в американском городе Гайд-Парк⁸. Фонды данного архива включают в себя источники различного происхождения: официальные документы, частную и деловую переписку, воспоминания, выдержки из периодических изданий и т.д.

Основное внимание в плане изучения позиции Соединенных Штатов в отношении нацистской Германии привлекают личный⁹ и официальный¹⁰ фонды (файлы) президента, а также файл государственного секретаря¹¹ и персональные файлы высокопоставленных чиновников государственного департамента – заместителя государственного секретаря С. Уэллеса¹² и советника государственного секретаря А. Берли¹³.

Личный и официальный файлы Ф. Рузвельта содержат в себе материалы, затрагивающие общую внешнеполитическую проблематику и включают в себя как конфиденциальную переписку главы Белого дома с рядом лиц, так и официальные документы и донесения, поступавшие в Вашингтон.

Не менее насыщенным в плане выявления отношения Соединенных Штатов к нацистской Германии является файл государственного секретаря, включающий в себя корреспонденцию между сотрудниками госдепартамента и американскими дипломатами в Третьем рейхе, а также некоторые материалы межведомственного обмена сведениями и мнениями.

⁸ Franklin Delano Roosevelt Library, Hyde Park (далее - FDRL).

⁹ Collection: Roosevelt, Franklin D.: Papers as President: President's Personal File (далее - PPF), 1933-1945; FDRL.

¹⁰ Collection: Roosevelt, Franklin D.: Papers as President: Official File (далее - OF), 1933-1945; FDRL.

¹¹ Collection: Roosevelt, Franklin D.: Papers as President: President's Secretary's File (далее - PSF), 1933-1945; FDRL.

¹² Welles, Sumner: Papers: Under Secretary of State, 1937-1943 (далее – Sumner Welles Papers). FDRL.

¹³ Berle, Adolf A.: Papers: Assistant Secretary of State, 1938-1944 (далее – Adolf Berle Papers). FDRL.

Трудно переоценить предоставленную автору возможность изучения уникальных материалов президентской библиотеки Франклина Рузвельта, касающихся формирования внешнеполитического курса США, в общем, и его германского вектора, в частности.

Вторым архивом, материалы фондов которого были привлечены к написанию настоящей работы, является Архив внешней политики Российской Федерации¹⁴. Исследовательский интерес представляют документы и отчеты, составлявшиеся советскими дипломатическими представителями, находившимися в конце 1930-ых – начале 1940-ых гг. в Берлине и Вашингтоне. В них, среди прочего, можно найти упоминания об оценках, которые выражали немецкие и американские официальные лица относительно перспектив двусторонних отношений, обзоры периодической печати, касавшейся данной тематики, а также сведения, затрагивавшие текущий ход событий и сопровождавшиеся прогнозами его возможного развития.

Кроме того, были изучены некоторые документы, хранящиеся в Российском государственном военном архиве¹⁵. Речь идет о переписке, осуществлявшейся между различными организациями Третьего рейха и лицами немецкого происхождения, проживавшими в Соединенных Штатах, а также республиках Латинской Америки. В частности, основной интерес в данной области представляет корреспонденция “Фихтеанского общества”¹⁶, дающая возможность для формирования отчетливого представления о сущности взаимодействия, осуществлявшегося между его членами и разделявшими идеологию национал-социализма немцами государств Нового света. Кроме того, ее рассмотрение позволяет выделить важные для понимания факторы и принципы, на основе которых строилось это взаимодействие.

¹⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ).

¹⁵ Российский государственный военный архив (далее – РГВА).

¹⁶ “Фихтеанское общество” – названная в честь немецкого философа Й.Г. Фихте (1762-1814) национал-социалистическая пропагандистская организация, подчинявшаяся министерству народного просвещения и пропаганды Третьего рейха. Штаб-квартира организации находилась в Гамбурге. Главой “Фихтеанского общества” был публицист Теодор Кессемайер.

Опубликованные источники, в свою очередь, различаются по своему характеру и происхождению, что позволяет распределить их на следующие группы:

- официальные материалы (дипломатические документы, протоколы слушаний и дебатов в Конгрессе США);
- дневники, мемуары;
- публицистические сочинения;
- материалы прессы.

Одним из основных источников официального характера, использованных в данной работе, является издание “Внешняя политика Соединенных Штатов”¹⁷, выпущенное государственным департаментом США. Представляя собой многотомную серию сборников материалов по внешней политике страны, оно служит неотъемлемым элементом при изучении американских действий на мировой политической арене.

Среди размещенных в нем документов встречаются дипломатические телеграммы, отчеты и меморандумы. Рассмотрение представленных в данном сборнике материалов позволяет сформировать точку зрения о целях и задачах, преследовавшихся Соединенными Штатами в отношении Германии, а также проследить ход и логику принятия определенных решений.

Серьезный интерес представляют также документы Конгресса США¹⁸. Данное официальное издание содержит протоколы заседаний обеих палат, стенограммы прений, законодательные акты, резолюции, доклады комитетов. Эти материалы достаточно широко отражают борьбу политических течений и группировок, дают информацию о различных подходах к проблемам нейтралитета и трансформации общего внешнеполитического курса Соединенных Штатов.

Касаясь официальных источников немецкого происхождения, необходимо отметить такой ресурс, как “Документы внешней политики Германии”¹⁹, представляющий собой сборники документальных публикаций. Они включают

¹⁷ Foreign Relations of the United States. 1938-1941. Washington, 1955-1958 (далее - FRUS).

¹⁸ US Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. 1939-1941. Volumes 84-87. Washington, 1940-1942 (далее - CR).

¹⁹ Documents on German Foreign Policy 1918-1945. Series D. Washington, 1949-1964 (далее - DGFP).

инструкции рейхсканцлера, министра иностранных дел и статс-секретаря по иностранным делам дипломатическим представителям за границей, донесения германских дипломатов ведомству иностранных дел, переписку различных отделов этого ведомства с другими министерствами.

Отмечается, что данное издание осуществлялось “на основе максимальной научной объективности”²⁰, но, тем не менее, редакторы и издатели сохраняли полную независимость в подборе документов и их допуске в печать. Соответственно, можно сделать правомерный вывод о том, что не все материалы немецкого внешнеполитического ведомства нашли свое отображение; однако, данный факт не уменьшает исследовательскую ценность “Документов внешней политики Германии”, которые служат важным источником для работ, посвященных внешнеполитическим проблемам этого государства.

Необходимо также упомянуть о протоколах совещаний рейхсканцлера А. Гитлера и главы немецкого военно-морского флота гросс-адмирала Э. Редера²¹. Применительно к настоящей теме исследования особый интерес представляют материалы совещаний, касавшихся “необъявленной войны” Германии и Соединенных Штатов в Атлантическом океане осенью 1941 г., а также некоторые предыдущие отчеты Редера, включавшие в себя предложения о возможных вариантах действий кригсмарине в отношении американского флота.

Что касается источников дневникового происхождения, то они принадлежат как американским дипломатам, так и военным и политическим деятелям Третьего рейха.

Следует выделить записи главы европейского отдела госдепартамента Джея Моффата²², занимавшего этот пост вплоть до июня 1940 г. Чиновник описывает процессы принятия решений, происходившие в американском внешнеполитическом ведомстве, а также представляет позиции участников соответствующих дискуссий.

²⁰ DGFP. Series D. Volume 4. General Introduction. P. IX.

²¹ Fuehrer Conferences on Naval Affairs 1939–1945//Brassey's Naval Annual. L., 1948. P. 29-496.

²² Moffat J.P. The Moffat Papers. Selections from the Diplomatic Journals of J.P. Moffat. Cambridge, 1956.

Приводя данные и сведения о дипломатической деятельности на европейском направлении, осуществлявшейся госдепартаментом США, выражая традиционные подходы и идеи американской дипломатии, Моффат использует довольно образный стиль, который, тем не менее, не скрывает его прагматичных воззрений на разворачивавшиеся в Европе события.

Также выделим материалы дневника посла Соединенных Штатов в Германии в 1937 – 1938 гг. Хью Вильсона, подобранные и опубликованные спустя 15 лет после окончания Второй мировой войны его сыном²³. В них дипломат уделяет внимание внутривластной обстановке в Германии, рисует психологические портреты высших немецких руководителей; однако, применительно к нашей теме, основной исследовательский интерес вызывают его размышления и ремарки насчет событий осени 1938 г., когда в Третьем рейхе произошла печально известная “хрустальная ночь” – еврейский погром, ставший причиной заметного осложнения германо-американских отношений. Вильсон обнаруживает полное неприятие происходивших событий, которое, тем не менее, остается лишь на страницах дневника – в своих донесениях, направлявшихся в Вашингтон, посол был намного более сдержан в оценках.

Кроме того, к исследованию были привлечены дневники Адольфа Берли²⁴ – помощника государственного секретаря США К. Хэлла. Берли являлся одним из наиболее влиятельных чиновников американского дипломатического ведомства и оказывал существенное воздействие на формирование внешнеполитического курса страны. Основным достоинством его записей предстает тот факт, что в них довольно подробно отражен процесс принятия решений в государственном департаменте, а также весьма обстоятельно раскрыты содержание и характер предшествовавших им дискуссий и консультаций.

Отметим также, что при написании работы был задействован так называемый “Секретный дневник” Гарольда Икеса²⁵ – министра внутренних дел США, одной из самых заметных фигур рузвельтовской администрации. Основное

²³ Wilson H. A Career Diplomat. The Third Chapter, the Third Reich. N.Y., 1960.

²⁴ Berle A. Navigating the Rapids. From the Papers of Adolf Berle. N.Y., 1973.

²⁵ Ickes H. The Secret Diary of Harold Ickes. Volumes 2-3. N.Y., 1954.

внимание в нем уделено внутривластным процессам, но, тем не менее, мы находим здесь информацию о внешнеполитических действиях американских властей, о формировании подходов к решению европейских проблем, а также встречаем оценки происходивших событий. Несмотря на то, что Г. Икес не оказывал непосредственного влияния на формирование американской внешнеполитической линии, он являлся активным участником совещаний высшего государственного руководства США, посвященных международной ситуации. Данные обстоятельства говорят в пользу использования его дневниковых записей в качестве источника.

В свою очередь, некоторые оценки действий Соединенных Штатов в отношении Германии и перспектив развития германо-американских отношений мы находим в дневнике министра народного просвещения и пропаганды Третьего рейха Й. Геббельса²⁶. Данные комментарии немногочисленны, но оперативны, что позволяет составить представление о непосредственной реакции этого высокопоставленного чиновника на происходившие события.

Кроме того, упомянем про дневниковые записи начальника штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта Ф. Гальдера²⁷. Соединенные Штаты, что вполне объяснимо, упоминаются в них лишь периодически; но, в то же время, оценки, данные Гальдером миссии С. Уэллеса и ряду других сюжетов, заслуживают внимания.

Что касается материалов мемуарного характера, то, безусловно, следует выделить воспоминания государственного секретаря Соединенных Штатов Америки в 1933 – 1944 гг. Корделла Хэлла, увидевшие свет в 1948 году²⁸. Хэлл отразил в них почти весь жизненный путь, уделив основное внимание государственной карьере и дипломатической деятельности. Проблема трансформации внешнеполитического курса США и ориентации на противодействие нацистской агрессии занимает серьезное место на страницах его

²⁶ Goebbels J. von. Die Tagebücher von Joseph Goebbels: sämtliche Fragmente. Teil 1: Aufzeichnungen, 1924-1941. Band 3: 1.1.1937 - 31.12.1939, Band 4: 1.1.1940 - 8.7.1941 (далее – Die Tagebücher). N.Y., L., München, 1987.

²⁷ Halder F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres, 1939-1942. Bände 1-3. Stuttgart, 1962-1964 (Русский перевод: Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939-1942 гг. В 3 томах. М., 1968-1971).

²⁸ Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. Volumes 1-2. N.Y., 1948.

мемуаров, позволяя проследить подходы и мотивы, превалировавшие в Вашингтоне.

Здесь же следует отметить книгу “Время для решения”, автором которой является заместитель государственного секретаря С. Уэллес²⁹. Данное произведение повествует о ситуации в Соединенных Штатах и на мировой арене с точки зрения политика, принимавшего непосредственное участие в процессе выработки и принятия решений.

В качестве особой категории источников выделим публицистические сочинения немецких пропагандистов, бывших современниками исследуемых нами событий³⁰. В силу присущих ей жанровых свойств, публицистика является весьма субъективным источником. В то же время, она позволяет более полно обозреть направленность внешнеполитической мысли нацистской Германии в отношении Соединенных Штатов и расширить наше представление о целях, преследовавшихся Берлином в идеологическом противостоянии с Вашингтоном.

Выпущенные в Третьем рейхе публицистические издания, посвященные американской тематике, были выдержаны в достаточно схожей тональности и сосредоточивали внимание читателя на “порочности” внешней и внутренней политики, проводимой Ф. Рузвельтом и его администрацией. Национал-социалисты стремились свести приводимые ими выкладки к простому выводу о том, что глава Белого дома находился под мощным влиянием приближенной к нему группы людей, продвигавшей интересы финансистов Уолл-стрит. Публицисты утверждали в сознании немцев искаженный, но весьма выгодный в пропагандистском плане образ высшего руководства США. Не менее важными задачами нацистских авторов были формирование резко негативного представления о действиях Соединенных Штатов на международной арене и компрометация интернационалистских устремлений американской администрации.

²⁹ Welles S. The Time for Decision. N.Y., 1944.

³⁰ См., например: Schönemann F. Die aggressive Wirtschaftspolitik der Vereinigten Staaten in Südamerika und die Stellung Deutschlands. Stuttgart, 1939; Clauss M., Scheffer P., Krauss J. USA 1940: Roosevelt-Amerika im Entscheidungsjahr. Berlin, 1940; Bang P. Amerika. Stuttgart, 1941; Lohe W. Roosevelt-Amerika. München, 1941; Schadewaldt H. Was will Roosevelt? Düsseldorf, 1941; Seibert Th. Das amerikanische Rätsel: die Kriegspolitik der USA in der Ära Roosevelt. Berlin, 1941.

Кроме того, к рассмотрению были привлечены материалы прессы. Речь идет о крупнейших газетах США – “Нью-Йорк Таймс”³¹ и “Вашингтон Пост”³² и Германии – “Фелькишер Beobachter”³³. На своих страницах все эти издания уделяли значительное внимание вопросам внешней политики своих государств и международной обстановке. В “Нью-Йорк Таймс” и “Вашингтон Пост”, как правило, появлялись аналитические статьи и обзоры на данную тематику; “Фелькишер Beobachter”, бывшая официальным печатным органом НСДАП, выражала идеологию национал-социализма, оправдывая и обосновывая притязания и экспансионистские устремления рейха, постоянно акцентируя внимание на кабальных постановлениях Версаля и грядущем “великом восстановлении Германии”, а также критикуя постепенную интернационализацию настроения американской администрации.

Помимо означенных периодических изданий, были задействованы материалы ведущей американской газеты изоляционистской направленности “Чикаго Трибьюн”³⁴ и наиболее влиятельной деловой газеты США – “Уолл Стрит Джорнал”³⁵.

Таким образом, мы имеем дело с достаточным количеством исторических источников, имеющих как официальный, так и неофициальный характер происхождения. Правомерно утверждать, что совокупность данных материалов и документов с известной степенью полноты отражает суть и специфику межгосударственных отношений Соединенных Штатов и Германии в 1938 – 1941 гг.

³¹ New York Times. 1938-1941.

³² Washington Post. 1938-1941.

³³ Völkischer Beobachter. 1938-1941.

³⁴ Chicago Tribune. 1938-1941.

³⁵ Wall Street Journal. 1938-1941.

Обзор историографии

В ходе работы над диссертацией были использованы как общие работы по теории и истории международных отношений, так и исследования, непосредственно посвященные тематике американо-германских отношений в 1938-1941 гг.

Несмотря на то, что в общих трудах по теории и истории международных отношений (“Конфликты и кризисы в международных отношениях”³⁶, “Основы общей теории международных отношений”³⁷, “Системная история международных отношений”³⁸, работы В.Н. Горохова³⁹, А.Ю. Сидорова и Н.Е. Клейменовой⁴⁰, М.А. Хрусталева⁴¹) проблематика отношений США и Германии занимает не основное место, они позволяют корректно интегрировать рассматриваемые события в контекст конкретной исторической обстановки интересующего нас периода времени.

В то же время, представляется закономерным более подробно остановиться на характеристике работ, непосредственно посвященных американо-германским отношениям в 1938-1941 гг. Первые исследования, освещавшие их отдельные аспекты, стали появляться в начале 1950-ых гг., причем этот процесс параллельно начался как в Советском Союзе, так и в западных государствах.

Начавшаяся “холодная война” СССР и США обусловила в целом негативную направленность оценок, заявлявшихся советскими историками применительно к позиции Вашингтона в отношении нацистской Германии и ее действий на международной арене. Данный подход господствовал в отечественной историографии вплоть до рубежа 1980-1990-ых гг.

Одним из первых трудов советских историков по тематике отношений Соединенных Штатов и Германии в предвоенные годы стала работа

³⁶ Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории. М., 2001.

³⁷ Основы общей теории международных отношений. Под ред. А.С. Манькина. М., 2009.

³⁸ Системная история международных отношений. Том 1. События 1918-1945. Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2006.

³⁹ Горохов В.Н. Указ. соч.

⁴⁰ Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений 1918-1939. М., 2005.

⁴¹ Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М., 2008.

А.Я. Попова⁴². Ее название говорит само за себя и полностью отражает характер ее содержания: США предстают в роли страны, непосредственно ответственной за подписание Мюнхенского соглашения. При этом действия руководителей государственного департамента и американских дипломатов рассматриваются как сугубо антисоветские. Кроме того, автор указывает на общность интересов монополистических кругов США и Германии, стремившихся к установлению империалистической гегемонии в глобальном масштабе, подчеркивая, что одной из их основных целей было намерение направить потенциальную нацистскую агрессию на СССР; американские послы в европейских державах характеризуются как “ярые реакционеры, тесно связанные с монополистическими объединениями и непосредственные проводники антисоветской политики”⁴³.

Первым отечественным исследователем, целиком сосредоточившим свое внимание на проблематике американско-германских отношений накануне Второй мировой войны, стал Ю.М. Мельников. Написанная им монография⁴⁴ представляет собой довольно обстоятельный анализ политических связей двух государств. Ее основным достоинством является взвешенный и последовательный подход к событиям дипломатической истории. Однако, тем не менее, мы вправе выделить и некоторые авторские упущения – в частности, практически не затронутыми остались фактор нейтралитета США и проблема внутривнутриполитического противоборства интернационалистов и изоляционистов в отношении действий нацистской Германии.

Необходимо упомянуть и про статью Ю.М. Мельникова, основное внимание в которой концентрировалось на значении американско-германских противоречий, их влиянии на начало Второй мировой войны и стремлении американских империалистов направить потенциальный вектор гитлеровской агрессии на Советский Союз⁴⁵.

⁴² Попов А.Я. США – организатор и активный участник Мюнхенского сговора с фашистскими агрессорами. М., 1952.

⁴³ Там же. Стр. 99.

⁴⁴ Мельников Ю.М. США и гитлеровская Германия. 1933-1939 гг. М., 1959.

⁴⁵ Он же. Роль американско-германских противоречий в возникновении Второй мировой войны//Вопросы истории. 1959. № 3. Стр. 77-97.

Следует также отметить работу М. Батурина⁴⁶. Авторское внимание в ней было сосредоточено на подготовке, проведении и последствиях Мюнхенской конференции, а также на оценке ее результатов высшими американскими государственными руководителями. Схожая проблематика несколько ранее была затронута в статье Ю.В. Арутюняна⁴⁷.

Первым достаточно полным исследованием, включавшим в себя сюжеты, связанные с отношениями США и нацистской Германии не только накануне Второй мировой войны, но и в 1939 – 1941 гг., стала монография Ю.Л. Кузнец⁴⁸, основной упор в которой также ставился на американской политике попустительства нацистской агрессии, но, в то же время, упоминались некоторые попытки переосмысления сущности гитлеризма, предпринятые в Вашингтоне.

Оценивая упомянутые выше работы, правомерно говорить о том, что в 1950-ые – начале 1960-ых гг. в советской исторической науке господствовал подход, заключающийся в рассмотрении действий Соединенных Штатов в предвоенные годы как антисоветских, направленных на поддержку и поощрение потенциальной нацистской агрессии против СССР. Весьма важно подчеркнуть, что при этом анализ непосредственных отношений США с Германией, а также с другими крупными европейскими государствами зачастую оказывался отодвинутым на второстепенный план.

Изучение американо-германских отношений получило свое дальнейшее развитие в конце 1960-ых гг. в монографии Д.Г. Наджафова “Народ США – против войны и фашизма”⁴⁹. Ее основным отличием от предыдущих исследований являлся акцент не на “антисоветской” внешней политике США, а на восприятии самими американцами международного курса своей страны. Автор приходит к выводу, что антинацистская позиция большинства граждан Соединенных Штатов послужила важной предпосылкой, подготовившей условия для участия их страны в вооруженной борьбе с Германией.

⁴⁶ Батурин М. США и Мюнхен. Из истории американской внешней политики 1937-1938 гг. М., 1961.

⁴⁷ Арутюнян Ю.В. Роль американской дипломатии в организации Мюнхенской конференции 1938 года // Вопросы истории. 1958. № 2. Стр. 76-95.

⁴⁸ Кузнец Ю.Л. Вступление США во Вторую мировую войну. М., 1962.

⁴⁹ Наджафов Д.Г. Народ США – против войны и фашизма. М., 1969.

1970-ые годы стали временем появления ряда интересных отечественных исследований, в которых были рассмотрены ранее не поднимавшиеся аспекты американо-германских отношений. Содержательная монография В.С. Коваля⁵⁰ посвящена анализу вопросов внешней политики и стратегии Соединенных Штатов в период перехода от нейтралитета к участию в антигитлеровской коалиции, а также процессу становления американо-советского сотрудничества в деле противостояния нацизму.

В.А. Никитин посвятил свою объемную статью⁵¹ подрывной деятельности, осуществлявшейся Третьим рейхом в Соединенных Штатах. Рассматривая пропагандистскую и иную активность, развитую на данном направлении как неформальными агентами, так и официальными представителями нацистской Германии, в частности, некоторыми консулами в крупных американских городах, исследователь приходит к выводу о том, что поражение подобных устремлений было обусловлено в целом антинацистской позицией американского народа⁵².

С.З. Случ сосредоточил внимание на восприятии американского фактора лидерами вермахта в преддверии Второй мировой войны⁵³. Автор отмечает, что на оценку “фактора США” в высшем военном руководстве Германии наложили существенный отпечаток результаты борьбы по вопросам внешней политики в Конгрессе США весной-летом 1939 г., когда последний фактически отказался одобрить предложенные Рузвельтом законы о нейтралитете, подтвердив тем самым верность изоляционистскому курсу⁵⁴.

В статье Н.Н. Яковлева на основе анализа сложной международной обстановки накануне и в начальный период Второй мировой войны подчеркивается, что именно политический реализм привел президента США Ф. Рузвельта к сотрудничеству с СССР перед лицом общего врага⁵⁵.

⁵⁰ Коваль В.С. США во Второй мировой войне: некоторые проблемы внешней политики. Киев, 1975.

⁵¹ Никитин В.А. Подрывная деятельность нацистского рейха в США//Американский ежегодник. 1976. М., 1976. Стр. 43-94.

⁵² Там же. Стр. 92.

⁵³ Случ С.З. “Фактор США” в оценке командования вермахта накануне второй мировой войны//Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1973. № 2. Стр. 50-69.

⁵⁴ Там же. Стр. 66.

⁵⁵ Яковлев Н.Н. Ф. Рузвельт – сторонник сотрудничества с Советским Союзом//Вопросы истории. 1972. № 12. Стр. 91.

Начиная с 1990-ых гг. в силу ряда обстоятельств в отечественной исторической науке был запущен процесс отхода от установленных ранее идеологических норм и рамок при проведении исследований. В этот период в российской историографии также появилось несколько работ, посвященных отношениям США и Германии в конце 1930-ых – начале 1940-ых гг.

Б.А. Егоров посвятил свою статью⁵⁶ изучению общественного мнения США в вопросе об отношениях с Германией и реакции на нацистскую агрессию в Европе. Автор определяет уровень информированности американского общества о происходивших событиях и процессах как довольно высокий, отмечает значительную поляризацию позиций граждан США насчет того, какой надлежит быть внешней политике их страны. Завершая статью, историк резюмирует: “Американцы знали, что в мире развиваются тревожные процессы, чувствовали нарастание угрозы войны, необходимость воспрепятствовать взрыву насилия. Вместе с тем, они не хотели признавать существование опасности военного конфликта, который мог затронуть интересы США”⁵⁷.

Кроме того, выделим статью В.Т. Юнгблюда⁵⁸, посвященную анализу и оценке позиций государственного секретаря США К. Хэлла, его заместителя С. Уэллеса, а также главы европейского отдела госдепартамента Дж. Моффата относительно нарастания международной напряженности в Старом свете. Все они рассматриваются автором как ярко выраженные реалисты, у каждого из которых, тем не менее, были индивидуальные воззрения на европейский вектор внешней политики США. Так, К. Хэлл выступает в роли сторонника жесткого отстаивания национальных интересов США, С. Уэллес воспринимается в качестве дипломата с высокой степенью гибкости подходов и воззрений, Дж. Моффат предстает как активный сторонник невовлечения в любые европейские противоречия, во взглядах которого, к тому же, превалировал именно прогерманский акцент.

⁵⁶ Егоров Б.А. Нацистская агрессия и общественное мнение США//Международные отношения накануне Второй мировой войны. СПб., 1993. Стр. 92-104.

⁵⁷ Там же. Стр. 94.

⁵⁸ Юнгблюд В.Т. Европейская политика США в воззрениях руководителей госдепартамента и дипломатов в 1933 – 1941 гг.//Общественная мысль и социально-политическое движение в Новое и Новейшее время. Волгоград, 1994. Стр. 123-129.

К числу научных трудов, затрагивающих проблемы взаимоотношений США и Германии, следует, безусловно, отнести вышедшую в 1992 году монографию Г.Н. Севостьянова⁵⁹, являющуюся наиболее полной работой отечественной историографии по данной тематике. Очевидными достоинствами исследования являются привлечение насыщенного и разнообразного числа источников, акцент на борьбе американских изоляционистов и интернационалистов по вопросам внешней политики страны, в том числе относительно нацистской Германии, а также внимание к позиции, занятой в связи с этой ситуацией ведущими конгрессменами.

Монография Н.И. Егоровой⁶⁰ представляет собой обстоятельный анализ действий государственного департамента Соединенных Штатов в означенный период времени, а также деятельности, проводимой в европейских странах представителями американского дипломатического корпуса. Помимо этого, в работе достаточно подробно рассмотрены действия американской администрации, направленные на трансформацию внешнеполитического курса страны.

Выделим, кроме того, статью И.В. Григораша⁶¹, посвященную противостоянию президента и Конгресса США по поводу изменения внешнеполитических концепций страны и возможности выстраивания обновленных подходов в отношении агрессивных держав.

Рассматривая отечественную историографию заявленной проблематики, представляется логичным также упомянуть про ряд исследований, в которых были изучены явления, свойственные для политического, идеологического и экономического противостояния нацистской Германии и Соединенных Штатов, развернувшегося в латиноамериканском регионе. Впервые отдельные вопросы

⁵⁹ Севостьянов Г.Н. Европейский кризис и позиция США, 1938–1939 гг. М., 1992.

⁶⁰ Егорова Н.И. Изоляционизм и европейская политика США, 1933–1941 гг. М., 1995.

⁶¹ Григораш И.В. Борьба Франклина Рузвельта за усиление позиций исполнительной власти во внешнеполитическом механизме США (зима-лето 1939 г.)//Вопросы гуманитарных наук. 2002. № 3. Стр. 19-32.

данного сюжета были рассмотрены в монографиях С.А. Гонионского⁶² и В.Н. Селиванова⁶³.

Более углубленный анализ факторов, обусловивших данный конфликт интересов, и изложение причин, повлиявших на понижение степени немецкого влияния на южноамериканском континенте к началу 1940-ых гг., приведены в работах И.И. Янчука⁶⁴ и Ю.М. Григорьяна⁶⁵. Следует обратить внимание и на диссертацию Т.А. Афониной⁶⁶, целиком посвященную нацистскому проникновению в Латинскую Америку и позиции Соединенных Штатов в отношении данной проблемы.

Переходя к обзору англоязычной историографии, следует выделить весьма важный момент: количество работ, непосредственно посвященных отношениям США и Германии в рассматриваемый нами период времени, относительно невелико. Тем не менее, эта проблема являлась одной из центральных во множестве других исследований, основными темами которых выступали дипломатия и внешняя политика Франклина Рузвельта, а также изоляционизм Соединенных Штатов во второй половине 1930-ых – начале 1940-ых гг.

Процесс формирования официального направления американской историографии начался в конце 1940-ых гг. Его представители стремились поддержать, оправдать и объяснить внешнюю политику Соединенных Штатов, проводимую в отношении нацистской Германии, указать на то, что действия Ф. Рузвельта, обусловленные резко менявшимися международными условиями, были верными и своевременными.

Первой из работ данного направления, подробно освещавших характер американо-германских отношений, является монография Б. Рауха⁶⁷. Несмотря на то, что в распоряжении историка находился ограниченный спектр источников,

⁶² Гонионский С.А. Латинская Америка и США, 1939-1959. Очерки истории дипломатических отношений. М., 1960.

⁶³ Селиванов В.Н. Военная политика США в странах Латинской Америки. М., 1970.

⁶⁴ Янчук И.И. Политика США в Латинской Америке в 1939-1945 гг. М., 1975.

⁶⁵ Григорьян Ю.М. Германский империализм в Латинской Америке. М., 1974.

⁶⁶ Афонина Т.А. Нацистское проникновение в Латинскую Америку и позиция США (1933-1939 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007.

⁶⁷ Rauch B. Roosevelt from Munich to Pearl Harbor. NY, 1950.

исследование получилось взвешенным и обстоятельным. Рассматривая действия президента США, автор выстроил последовательную картину трансформации внешнеполитического курса государства. Проведение Мюнхенской конференции при этом означало собой рубежный пункт в воззрениях Рузвельта и его сторонников–интернационалистов, касавшихся гитлеровской Германии и ее действий на международной арене. Стремление противостоять блоку агрессивных держав становилось, согласно Рауху, одной из главных задач Рузвельта. Однако, несмотря на все старания, она не находила своего решения на протяжении более чем трех лет – вплоть до атаки на Перл-Харбор – в силу существующего в США законодательства и сплоченных действий конгрессменов-изоляционистов, противившихся вовлечению страны в “зарубежные противоречия”.

При написании своей монографии Г. Трефусс⁶⁸ задействовал в основном материалы Нюрнбергского трибунала, а также некоторые документы немецкого внешнеполитического ведомства. Основное внимание автор сосредоточивает на том, что нацистская Германия через свои дипломатические представительства в США пыталась подогреть в стране изоляционистские настроения и не допустить вовлечения Америки в войну. Кроме того, исследователь отмечает, что рейхсканцлер А. Гитлер, несмотря на непримиримую позицию, занятую в отношении Соединенных Штатов главой немецкого военно-морского флота Э. Редером, постоянно полемизировал с адмиралитетом и вплоть до декабря 1941 г. неизменно настаивал на необходимости избегать атак на американские корабли вплоть до окончательного решения континентальных задач рейха.

Весьма подробно отношения двух государств затронуты в трудах У. Лангера и С. Глисона⁶⁹. По мнению авторов, кризис, предшествовавший Второй мировой войне и крайняя дестабилизация ситуации вследствие агрессивных действий Германии и ее союзников, представляли собой “вызов”, с которым были вынуждены столкнуться Соединенные Штаты. Традиционные внешнеполитические императивы вследствие этого должны были быть

⁶⁸ Trefousse H. Germany and American Neutrality, 1939-1941. N.Y., 1951.

⁶⁹ Langer W., Gleason S. The Challenge to Isolation. The World Crisis of 1937–1940 and American Foreign Policy. N.Y., 1952; Langer W., Gleason S. The Undeclared War, 1940-1941. N.Y., 1953.

подвергнуты трансформации. Исследователи акцентировали внимание на том, что американскому руководству и обществу в подобных условиях удалось проявить твердость в деле противостояния Германии. При этом, однако, акты умиротворения со стороны США – такие, например, как обращение Ф. Рузвельта к А. Гитлеру в апреле 1939 г., рассматривались ими в качестве явлений, свидетельствовавших о стремлении избежать войны и сохранить в Европе “мир и законность”.

В исследовании Дж. Комптона⁷⁰ важное место занимает анализ восприятия Соединенных Штатов, формировавшегося у высшего руководства нацистской Германии на основе сведений и отчетов, предоставлявшихся дипломатами, которые находились в Америке. Комптон полагает, что эти доклады сочетали в себе как реалистические оценки, касавшиеся неизменного курса Вашингтона на поддержку Великобритании, так и некоторые мнимые суждения насчет возможностей рейха существенно влиять на изоляционистские тенденции путем пропагандистской деятельности. Подводя итог своей работе, автор резюмирует, что у Гитлера, в силу его сосредоточенности на затягивавшейся борьбе с Советским Союзом, отсутствовала стратегия возможного противостояния Соединенными Штатами.

Профессор истории Калифорнийского университета Р. Даллек⁷¹ рассматривал внешнюю политику Соединенных Штатов с упором на личность Ф. Рузвельта. При этом особенностью авторской концепции являлось сопоставление внутри- и внешнеполитических условий, оказывавших на президента влияние в принятии тех или иных решений. Историк весьма справедливо указывал на поляризацию общественного мнения в вопросе о возможном изменении общей направленности американской внешней политики; Рузвельт выступал в роли политика, стремившегося к реализации своей “интернационалистской программы”. Однако, позиция влиятельных изоляционистов из Конгресса и сочувствующей им части населения все-таки возобладали над этой целью

⁷⁰ Compton J. The Swastika and the Eagle. Hitler, the United States and the Origins of the World War II. Boston, 1967.

⁷¹ Dallek R. Franklin Delano Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N.Y., 1979.

президента, что в целом определило сохранение господствовавших в США внешнеполитических подходов вплоть до декабря 1941 г. Конгресс характеризуется исследователем в качестве достаточно сплоченной силы, противившейся реализации любых внешнеполитических инициатив Ф. Рузвельта.

У. Кинселла в своей работе⁷² уделил внимание событиям дипломатической истории 1938 – 1939 гг. – подготовке и проведению Мюнхенской конференции, обращениям Ф. Рузвельта к А. Гитлеру с призывами к отказу от применения силы и т.д. Не предлагая новых подходов к данным проблемам и не выдвигая новых оценок действий американской дипломатии, автор склонен расценивать позицию Белого дома и государственного департамента как довольно рискованную – “решение вмешаться в нестабильные европейские дела произошло на фоне мощной общественной критики и развернутой в прессе кампании относительно пагубности подобного поведения”⁷³.

Позиция американских изоляционистов и их реакция на интернационалистские инициативы Ф. Рузвельта максимально подробно рассмотрены в исследовании У. Коула⁷⁴. Занимая прочное положение во многих комитетах Конгресса, изоляционисты, среди которых также было значительное количество соратников президента по демократической партии, оказывали существенное влияние на формирование общего внешнеполитического курса страны, в том числе и в отношении агрессивных держав. Противоборство Рузвельта с конгрессменами рассматривалось У. Коулом как своего рода “технический конфликт”, который, тем не менее, не нашел, да и не мог найти компромисса вплоть до трагедии Перл-Харбора. Это было обусловлено огромной разницей в подходах к сущности внешней политики США и противоположностью воззрений на то, решение каких проблем – внешних или внутренних – являлось приоритетным: “ограниченный сохранявшейся силой изоляционизма, президент Рузвельт не мог использовать и не использовал американскую мощь, дабы

⁷² Kinsella W. Leadership in Isolation. Franklin Delano Roosevelt and the Origins of the Second World War. Boston, 1978.

⁷³ Ibid. P. 123.

⁷⁴ Cole W. Roosevelt and the Isolationists, 1932-1945. Lincoln, 1983.

поддержать сопротивление притязаниям Гитлера в Центральной Европе, Великобритании, Франции, Чехословакии и России”⁷⁵.

Р. Херцстайн⁷⁶ полагает, что Ф. Рузвельт был выраженным противником и антиподом Гитлера, предвидевшим истинную степень нацистской угрозы и возглавлявшим весьма успешную борьбу против нацистской пропаганды в Соединенных Штатах. Обращая внимание на то, что пронацистская активность в довоенной Америке прямо поддерживалась германским правительством, исследователь заостряет внимание на фигуре президента США, стремившегося устранить эти проявления и подготовить страну к серьезному восприятию гитлеровской угрозы.

В то же время, проблематика американо-германских отношений рассматривалась и в ревизионистском направлении американской историографии, также возникшем в конце 1940-ых гг. и воспринимавшем внешнеполитическую активность президента США Ф. Рузвельта в качестве негативного феномена. Существенное внимание также уделяется роли внутривнутриполитических факторов и условий, не позволивших Рузвельту в полной мере реализовать его стремления; кроме того, выдвигается мнение о переоцененной угрозе нацизма для Соединенных Штатов и всего Западного полушария. Среди исследований, осуществленных в рамках данного направления, следует выделить работы Ч. Бирда⁷⁷, Ф. Сэнборна⁷⁸ и Ч. Тэнзилла⁷⁹. Эти историки в целом сходились во мнении, что вступление США во Вторую мировую войну было обусловлено тем, что Вашингтон “спровоцировал” японскую агрессию в Перл-Харборе, тем самым освободив себя от любых ограничений, касавшихся, в том числе, и начала военного противостояния с нацистской Германией, которое воспринималось как первичное и ключевое. Оформившись, данный подход получил наименование “ревизионистского”.

В 1960-1970-ых гг. положения, выдвинутые представителями критического

⁷⁵ Ibid. P. 287.

⁷⁶ Herzstein R. Roosevelt and Hitler: Prelude to War. N.Y., 1989.

⁷⁷ Beard Ch. President Roosevelt and the Coming of the War 1941. N.Y., 1948.

⁷⁸ Sanborn F. Design for War. A Study of Secret Power Politics 1937-1941. N.Y., 1951.

⁷⁹ Tansill Ch. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy, 1933-1941. Westport, 1952.

направления, были развиты в работах “неоревизионистов”⁸⁰, указывавших на существенные изъяны и просчеты внешнеполитического курса рузвельтовской администрации. Появление “неоревизионистов” являлось своеобразным ответом “на настоятельную потребность американской внешней политики, приступившей к переоценке отживших представлений в условиях резко возросших для США трудностей на международной арене”⁸¹.

Здесь же следует упомянуть монографию П. Хирдена⁸², указавшего на значимость роли экономических соображений, обусловивших вступление США в войну с нацистской Германией. Согласно точке зрения исследователя, Ф. Рузвельт, его советники и влиятельные лидеры американского бизнес-сообщества были обеспокоены тем, что Германия и державы “Оси”, в случае достижения своих внешнеполитических целей, создадут серьезную угрозу экономическому положению Соединенных Штатах на международной арене. Опасаясь воплощения этого сценария, следствием которого могло стать фактическое закрытие Европы для американского экспорта, руководство страны пришло к выводу о необходимости бороться с гитлеризмом, чтобы сохранить иностранные рынки открытыми для реализации выпускаемой в США продукции.

Необходимо также выделить ряд работ американской историографии, достаточно подробно затрагивавших частные сюжеты отношений США и нацистской Германии в исследуемый период. Представляется логичным разделить их на несколько категорий в зависимости от того аспекта, который обращал на себя основное внимание исследователей.

Вопросы, связанные с военно-морским противостоянием Вашингтона и Берлина во время “необъявленной войны” в Атлантике, нашли свое отражение в трудах С. Морисона⁸³, Х. Хервига⁸⁴, Т. Бэйли и П. Райана⁸⁵, П. Аббация⁸⁶.

⁸⁰ Kolko G. The Politics of War: The World and United States Foreign Policy. N.Y., 1968. Barnes H.E. Pearl Harbor After a Quarter of a Century. N.Y., 1972.

⁸¹ См. Степанова О.Л. Историки-“ревизионисты” о внешней политике США//Вопросы истории. 1973. № 3. Стр. 95.

⁸² Hearden P. Roosevelt Confronts Hitler: America's Entry into World War II. DeKalb, 1987.

⁸³ Morison S. History of the United States Naval Operations in World War II. Volume 1. The Battle of the Atlantic, September 1939 - May 1943. Boston, 1952. (Русский перевод: Морисон С. Битва за Атлантику (сентябрь 1939 г. — май 1943 г.). История морских операций военно-морского флота США во второй мировой войне. М., 1956).

Воззрения А. Гитлера на Соединенные Штаты были рассмотрены в статьях Й. Ремака⁸⁷ и Дж. Вайнберга⁸⁸. В данных исследованиях авторы в целом сошлись во мнении, что рейхсканцлер, основываясь как на своих личных заключениях, так и на сведениях, предоставлявшихся ему сотрудниками внешнеполитического ведомства, в известной степени принижал роль и значение США в международных отношениях. Существенное внимание взглядам фюрера на заокеанскую державу также уделено в опубликованной в 2011 г. монографии К. Фишера⁸⁹.

Проблемы, связанные с деятельностью организованных нацистских и прогерманских объединений на территории США, были изучены в работах С. Даймонда⁹⁰, А. Смита⁹¹, Л. Белла⁹².

Исследования С. Кейси⁹³ и Р. Стила⁹⁴ посвящены отношению американского общества к нацистской агрессии в Европе и восприятию возможной гитлеровской угрозы Соединенным Штатам. Помимо этого, в них затронуты вопросы взаимодействия государства и общества в свете данных проблем.

Монографии Э. Герранта⁹⁵, Э. Фрая⁹⁶, И. Геллмана⁹⁷ и М. Фридмана⁹⁸

⁸⁴ Herwig H. Politics of Frustration: the United States in German Naval Planning, 1889-1941. Boston, 1976; Herwig H. Prelude to Weltblitzkrieg: Germany's Naval Policy toward the United States of America, 1939-1941//Journal of Modern History. 1971. Volume 43. № 4. P. 649-668.

⁸⁵ Bailey Th., Ryan P. Hitler vs Roosevelt. Undeclared Naval War. N.Y., 1979.

⁸⁶ Abbazia P. Mr. Roosevelt's Navy. Annapolis, 1975.

⁸⁷ Remak J. Two German Views of the United States: Hitler and his Diplomats//World Affairs Quarterly. 1957. Volume 28. №1. P. 65-73.

⁸⁸ Weinberg G. Hitler's Image of the United States//American Historical Review. 1964. Volume 69. №4. P. 1006-1021.

⁸⁹ Fischer K. Hitler and America. Philadelphia, 2011.

⁹⁰ Diamond S. The Nazi Movement in the United States, 1924-1941. Ithaca, 1974; Diamond S. The Bund Movement in the United States: An Overview//Germany and America. Essays on Problems of International Relations and Immigration. N.Y., 1981. P. 183-198.

⁹¹ Smith A. The Foreign Organization of the Nazi Party and the United States//Germany and America. Essays on Problems of International Relations and Immigration. N.Y., 1981. P. 173-182.

⁹² Bell L. The Failure of Nazism in America: the German American Bund, 1936-1941//Political Science Quarterly. Volume 85. № 4. P. 585-599; Bell L. In Hitler's Shadow : the Anatomy of American Nazism. N.,Y., 1973.

⁹³ Casey S. Cautious Crusade: Franklin D. Roosevelt, American Public Opinion and the War against Nazi Germany. N.Y., 2001.

⁹⁴ Steele R. Preparing the Public for War: Efforts to Establish a National Propaganda Agency, 1940-1941//American Historical Review. Volume 75. № 6. P. 1640-1653; Steele R. The Great Debate: Roosevelt, the Media, and the Coming of the War, 1940-1941//Journal of American History. Volume 71. № 1. P. 69-92.

⁹⁵ Guerrant E. Roosevelt's Good Neighbor Policy. Albuquerque, 1950.

⁹⁶ Frye A. Nazi Germany and the American Hemisphere, 1933-1941. New Haven, 1967.

⁹⁷ Gellman I. Good Neighbor Diplomacy: United States Policies in Latin America, 1933-1945. Baltimore, 1979.

⁹⁸ Friedman M. Nazis and Good Neighbors: the United States Campaign against the Germans of Latin America in World War II. Cambridge, 2003.

посвящены рассмотрению политики “доброго соседа”, активно проводившейся США в отношении южноамериканских республик и позволившей косвенными методами понизить уровень политического, идеологического и экономического влияния нацистской Германии на континенте.

Среди работ по американо-германским отношениям, выпущенным в относительно недавнее время, представляется необходимым выделить монографии Ю. Денеке⁹⁹ и Р. Розенбаума¹⁰⁰, в которых достаточно подробно анализируются факторы, связанные с восприятием действий Третьего рейха политической элитой и народом США.

В то же время, следует упомянуть о некоторых исследованиях, в которых выдвигаются достаточно смелые нетрадиционные суждения о некоторых аспектах отношений США и нацистской Германии. Речь идет о монографиях Дж. Даффи¹⁰¹ и С. Росса¹⁰².

В своей работе Дж. Даффи осуществляет переоценку стратегических целей, преследовавшихся А. Гитлером в ходе Второй мировой войны, утверждая, что фюрер стремился к развязыванию войны с Америкой, поскольку его европейские амбиции были удовлетворены. Автор приводит сведения о немецких намерениях осуществить воздушные бомбардировки американских городов, а также совершить ряд морских нападений на американские корабли.

С. Росс, не возражающий против того, чтобы его называли “бунтарем”¹⁰³, подвергает жесткой критике деятельность Ф. Рузвельта, направленную, по его мнению, на избавление от нейтралитета и целенаправленное втягивание страны в войну. Обвиняя главу Белого дома в “натравливании” американских эсминцев на немецкие подводные лодки, сосредоточении в своих руках небывалой полноты власти, применении секретных методов в дипломатии, автор заключает, что Рузвельт постоянно вводил американских граждан в заблуждение, скрывая интервенционистские намерения администрации.

⁹⁹ Doenecke J. The Battle Against Intervention, 1939-1941. Malabar, 1997; Doenecke J. Storm on the Horizon: the Challenge to American Intervention, 1939-1941. Lanham, 2000.

¹⁰⁰ Rosenbaum R. Waking to Danger. Americans and Nazi Germany, 1933-1941. Santa Barbara, 2010.

¹⁰¹ Duffy J. Target America: Hitler's Plan to Attack the United States. Westport, 2004.

¹⁰² Ross S. How Roosevelt Failed America in World War II. Jefferson, 2006.

¹⁰³ Ibid. P. 177.

Оценивая немецкую историографию интересующей нас проблематики, правомерно вести речь о том, что в Германии (изначально в ФРГ) постепенно сложились два магистральных подхода к интерпретации отношений Соединенных Штатов и Третьего рейха.

Первый подход оформился в 1970-ых гг. и был связан с приданием детерминирующего значения в двусторонних отношениях экономическим факторам. Основной фигурой данного направления стал исследователь Г.-Ю. Шредер, выпустивший ряд работ по проблематике американско-германских отношений¹⁰⁴. Согласно заявленной им позиции, германо-американские отношения определялись, прежде всего, экономическими движущими силами¹⁰⁵. Администрация США, на его взгляд, рассматривала проникновение нацистской Германии в Латинскую Америку, а также экономическое доминирование рейха в Юго-Восточной Европе как угрозу свободному экономическому развитию. Кроме того, Шредер полагал, что одним из основных факторов германо-американского конфликта интересов стала борьба за рынки сбыта и источники сырья в разных регионах мира, которая, обостряясь, обуславливала все увеличивавшуюся напряженность отношений между двумя государствами.

Примерно в те же годы в рамках полемики с интерпретацией внешней политики с позиций экономического детерминизма в историографии ФРГ сложился второй подход, учитывавший не только экономические факторы, но также уделявший значительное внимание комплексу политических, дипломатических и идеологических аспектов межгосударственных отношений. Важное место в данном подходе занимают исследования, осуществленные

¹⁰⁴ Schröder H.-J. Deutschland und die Vereinigten Staaten 1933-1939. Wiesbaden, 1970; Schröder H.-J. Das Dritte Reich und Amerika. Die ökonomische Konfrontation 1933-1941//Studia Historiae Oeconomicae. Poznan, 1976. Volume 11. P. 159-183; Schröder H.-J. Das Dritte Reich, die USA und Lateinamerika 1933-1941//Hitler, Deutschland und die Mächte (Hrsg. von M. Funke). Düsseldorf 1976, S. 339-364; Schröder H.-J. Economic Appeasement: Zur britischen und amerikanischen Deutschlandpolitik vor dem Zweiten Weltkrieg//Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1982. № 30. S. 82-97.

¹⁰⁵ Schröder H.-J. Deutschland und die Vereinigten Staaten 1933-1939. Wiesbaden, 1970. S. 286-287.

Д. Юнкером¹⁰⁶, Б. Мартином¹⁰⁷ и другими историками¹⁰⁸.

В то же время, следует подчеркнуть, что дискуссионность подходов к рассмотрению американско-германских отношений была характерна исключительно для западногерманской историографии. В историографии ГДР данная проблематика, за редким исключением, не нашла подробного изучения. По сути, представляется возможным выделить лишь исследования, предпринятые в 1960-ых гг. Г. Хассом¹⁰⁹. В своей монографии исследователь, придерживавшийся марксистско-ленинских позиций, провел обстоятельное исследование отношений двух государств и рассмотрел процесс их трансформации. Что касается авторского мнения насчет события, обусловившего окончательный поворот Вашингтона к противоборству с нацизмом, то им является выступление А. Гитлера в Рейхстаге в конце апреля 1939 г., во время которого фюрер отверг все миротворческие предложения, полученные от Ф. Рузвельта в его послании несколькими неделями ранее¹¹⁰.

В свою очередь, современная немецкая историография проблемы также выдвинула ряд достаточно подробных комплексных исследований. В частности, речь идет о монографии Г. Зиройса¹¹¹, сосредоточивающей внимание на политических и дипломатических проблемах, свойственных американско-германским отношениям, а также работах Ф. Гассерта¹¹² и К. Вильгельм¹¹³, обстоятельно затрагивающих идеологические аспекты двусторонних отношений, в том числе пропагандистскую активность Третьего рейха в Америке.

¹⁰⁶ Junker D. Der Unteilbare Weltmarkt: Das ökonomische Interesse in der Aussenpolitik der USA 1933-1941. Stuttgart, 1975; Junker D. Nationalstaat und Weltmacht. Die globale Bestimmung des nationalen Interesses der USA durch die Internationalisten 1938-1941//Weltpolitik II 1939-1945: 14 Vorträge (Hrsg. von O. Hauser). Göttingen, 1975. S. 17-36; Junker D. Kampf um die Weltmacht: die USA und das Dritte Reich, 1933-1945. Düsseldorf, 1988; Junker D. Deutschland im politischen Kalkül der Vereinigten Staaten 1933-1945//Der Zweite Weltkrieg: Analysen, Grundzüge, Forschungsbilanz. München, 1989.

¹⁰⁷ Martin B. Durchbruch zur politischen Weltmacht. Die interventionistische Globalstrategie der Regierung Roosevelt 1933-1941. Militärgeschichtliche Mitteilungen. Freiburg-in-Breisgau, 1981. Band 30. Heft 2. S. 57-98; Martin B. Friedensinitiativen und Machtpolitik im Zweiten Weltkrieg, 1939-1942. Düsseldorf, 1974.

¹⁰⁸ Hillgruber A. Der Faktor Amerika in Hitlers Strategie 1938-1941//Deutsche Grossmacht und Weltpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Düsseldorf, 1977. S. 197-222. Helbig W. Die Vereinigten Staaten von Amerika 1941-1945//Weltpolitik II 1939-1945: 14 Vorträge (Hrsg. von O. Hauser). Göttingen, 1975. S. 37-52.

¹⁰⁹ Hass G. Die "Friedens"bedingungen der imperialistischen Mächte und die Welles-Reise (Februar/März 1940)//Die Volksmassen, Gestalter der Geschichte. Berlin, 1962. S. 452-469; Hass G. Von München bis Pearl Harbor. Berlin, 1965.

¹¹⁰ Hass G. Von München bis Pearl Harbor. Berlin, 1965. S. 127.

¹¹¹ Sirois H. Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und USA 1933-1941. Paderborn, 2000.

¹¹² Gassert Ph. Amerika im Dritten Reich. Ideologie, Propaganda und Volksmeinung, 1933-1945. Stuttgart, 1997.

¹¹³ Wilhelm C. Bewegung oder Verein? Nationalsozialistische Volkstumpolitik in den USA. Stuttgart, 1998.

Привлеченные к исследованию труды отечественных и зарубежных специалистов, несомненно, оказали существенную помощь в рассмотрении различных аспектов затрагиваемых в данной диссертации проблем. В то же время, мы вправе отметить, что представляется очевидной необходимость дальнейшего изучения отношений США и Германии в 1938-1941 гг. Применяв все имеющиеся данные, автор постарался провести анализ сущности и динамики этих отношений, сопроводив его собственными оценками происходивших событий и процессов.

Глава 1. Американо-германские отношения от Мюнхена до начала Второй мировой войны

§1. Соединенные Штаты и нацистская Германия в “постмюнхенский период” (октябрь 1938 г. – февраль 1939 г.)

Осенью 1938 г. американо-германские отношения пребывали в относительно стабильном состоянии, в котором, однако, на протяжении всех лет с момента прихода нацистов к власти отсутствовала положительная динамика. Заокеанская держава и ее политика в отношении Третьего рейха на тот момент занимали второстепенное положение в тактических и стратегических планах немецких лидеров, ориентированных на решение европейских континентальных задач.

Соединенные Штаты, во внешнеполитической линии которых господствовал изоляционизм, внимательно наблюдали за развитием ситуации в Европе, но, как правило, воздерживались от обязывающих заявлений и оценок, характеризовавших действия Германии по созданию мощного в военно-промышленном плане государства, стремящегося к приобретению новых территорий и ревизии Версальского порядка. Допустимо говорить о том, что Вашингтон в известной степени разделял и поддерживал умиротворенческий курс, принятый в отношении Берлина правительственными кругами Великобритании и Франции.

Первоначальная реакция высших американских руководителей на подписание Мюнхенского соглашения¹¹⁴, ставшего пиковой точкой политики умиротворения, также была лишена отрицательных оттенков.

30 сентября в кабинете государственного секретаря США К. Хэлла состоялось длительное обсуждение того, каким образом следует относиться к заключенному в столице Баварии договору. В результате на следующий день

¹¹⁴ Мюнхенское соглашение было подписано 30 сентября 1938 г. рейхсканцлером Германии А. Гитлером, премьер-министром Италии Б. Муссолини, а также главами правительств Великобритании и Франции Н. Чемберленом и Э. Даладье. Его основными положениями стали передача Судетской области Германии, эвакуация с ее территории чешского населения и вооруженных сил в срок с 1 по 10 октября, обязательство чехословацкого правительства в течение трех месяцев “урегулировать” вопросы, касающиеся польского и венгерского национального меньшинств, то есть, фактически, удовлетворить территориальные притязания Польши и Венгрии. Результаты Мюнхенской конференции способствовали тому, что Германия превратилась в одно из наиболее мощных европейских государств, приобретя 20% территории, 25% населения и половину промышленного потенциала Чехословакии.

госсекретарь решил воздержаться от конкретных комментариев, ограничившись заявлением о том, что “это событие вызвало всеобщее чувство облегчения”¹¹⁵.

Хэлл отметил, что он лично “воздаст должное сотрудникам государственного департамента за их эффективное взаимодействие” и направил послам в Великобритании и Франции Дж. Кеннеди и У. Буллиту сообщения с благодарностью за их деятельность во время кризиса¹¹⁶.

Заместитель Хэлла, С. Уэллес, выступая 3 октября в радиозфире, заявил: “Сейчас, возможно, больше, чем в любое время за последние два десятилетия, представляется удобный случай для установления народами нового мирового порядка, основанного на справедливости и законе”¹¹⁷.

Имеет смысл отметить, что восприятие Мюнхена представителями крупного американского бизнеса также было весьма позитивным. Так, например, 4 октября Т. Ламонт, один из совладельцев финансовой империи Морганов, отметил, что “Чемберлен сделал самое лучшее из того, что можно было предпринять”¹¹⁸.

Что касается президента США Ф. Рузвельта, то он также выглядел вполне удовлетворенным. 1 октября он писал одному из родственников: “Несколько дней назад мне хотелось убить Гитлера и ампутировать ему нос. Сегодня же я испытываю по отношению к нему дружелюбные чувства и у меня больше нет желания покушаться на жизнь фюрера”¹¹⁹. В письме, адресованному американскому послу в Италии У. Филлипсу, глава Белого дома отмечал, что “ничуть не огорчен конечным итогом Мюнхенской конференции”¹²⁰. Кроме того, поздравляя с подписанием соглашения Н. Чемберлена, Рузвельт подчеркнул: “Я полностью разделяю веру в то, что сегодня существует величайшая возможность для установления нового порядка, в основе которого находятся справедливость и закон”¹²¹. Таким образом, налицо полное, практически

¹¹⁵ New York Times. 01.10.1938.

¹¹⁶ Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 596.

¹¹⁷ New York Times. 04.10.1938.

¹¹⁸ Цит. по: Hearden J. Op. cit. P. 109.

¹¹⁹ Franklin Delano Roosevelt. His Personal Letters. Volume 2. N.Y., 1950. P. 814.

¹²⁰ Ibid. P. 816.

¹²¹ Цит. по: Севостьянов Г.Н. Указ. соч. Стр. 156.

дословное совпадение в оценке госдепартаментом и президентом Мюнхенского соглашения – американский лидер фактически повторил слова, несколько ранее уже произнесенные С. Уэллесом. Исходя из данных оценок, правомерно заключить, что первоначальная реакция государственных и дипломатических руководителей Соединенных Штатов на это событие соответствовала их представлениям о возможности ограничить амбиции Третьего рейха за счет удовлетворения его территориальных претензий к другим европейским государствам.

Тем не менее, следует отметить, что подобное видение ситуации было свойственно не всем членам администрации. Еще во время работы конференции (до оглашения ее результатов) помощник К. Хэлла Дж. Мессерсмит¹²², являвшийся специалистом по Германии, составил меморандум, в котором говорилось о величайшей ошибке, совершаемой в Мюнхене.

Стремление избежать войны любой ценой, отмечал он, может привести к весьма серьезным последствиям. По мере того как Германия, Италия и Япония будут осуществлять свои экспансионистские планы, перед США будут возникать все более острые проблемы, касающиеся рынков сбыта, источников сырья, сфер приложения капиталов. Конференция не предотвратит угрозу возникновения военного конфликта, а наоборот, приведет к усилению напряженности в международной обстановке: “Наши отношения практически с каждым европейским государством заметно усложнятся; проблемы, которые и без того существуют, будут усугублены”. Несколько раз оговаривая, что его видение сложившейся обстановки является не пораженческим, а реалистическим, Мессерсмит подчеркнул: “Мюнхенское соглашение несет угрозу США и их интересам”¹²³.

В октябре Мессерсмит получил письмо от советника Рузвельта Ф. Франкфуртера¹²⁴, в котором последний, затрагивая недавние международные события и конференцию в столице Баварии, выразил мнение, что “результат

¹²² Джордж Мессерсмит (1883-1960) – американский дипломат, помощник К. Хэлла в 1937-1940 гг.

¹²³ FRUS. 1938. Volume 1. P. 705-706.

¹²⁴ Феликс Франкфуртер (1882-1965) – американский юрист, член Верховного суда США в 1939-1962 гг., личный друг и неофициальный советник президента Соединенных Штатов Ф. Рузвельта.

мюнхенской политики таит в себе угрозу для человечества, и он еще не сказался до конца”¹²⁵. Отвечая, Мессерсмит так оценил позицию американского руководства: “Мы не хотели принять на себя часть ответственности, которая, тем не менее, лежит на нас, а теперь, когда ее бремя свалилось на нас всей своей тяжестью, мы не можем и дальше избегать его”¹²⁶. Опытный дипломат весьма точно охарактеризовал действия своей страны во время Мюнхенской конференции, по сути указав на то, что Соединенные Штаты, проявив недальновидность, солидаризовались с европейскими державами-умиротворительницами, разделив их подход к методам “поддержания мира” в Старом свете.

Однако, на фоне приведенных выше взглядов и оценок состояния международной ситуации, как позитивных, так и негативных, особняком стояла речь, произнесенная в Лондоне американским послом в Великобритании Дж. Кеннеди¹²⁷. 19 октября он был приглашен для открытия торжественного обеда, организованного Военно-морской лигой по случаю годовщины Трафальгарской битвы. Являясь убежденным сторонником проводившегося властями Великобритании курса на умиротворение нацистской Германии и рассматривая результаты Мюнхенской конференции как выгодные для всех заинтересованных сторон, Кеннеди, обратившись в своем выступлении к международной тематике, заявил: “Уже долгое время я считаю, что как для демократий, так и для диктатур непродуктивно и неразумно подчеркивать существующую между ними разницу... они могут с выгодой направить свои силы на дело решения их общих проблем, изменив в лучшую сторону собственные отношения... Конечно, между демократическими и диктаторскими режимами есть важные различия, однако здравый смысл подсказывает, что не существует факторов, способных обратить их в непреодолимый антагонизм”¹²⁸.

¹²⁵ Цит. по: Мальков В.Л. Франклин Рузвельт: проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988. Стр. 103.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Джозеф Кеннеди (1888-1969) – видный американский бизнесмен и политический деятель, посол США в Великобритании в 1938-1940 гг.

¹²⁸ New York Times. 20.10.1938.

Никто из вышестоящих американских руководителей не уполномочивал Кеннеди высказываться в подобном духе, поэтому его слова стали для Вашингтона неприятным откровением. Бурную реакцию проявила пресса США; журналисты охарактеризовали выступление посла как “превосходное обобщение идей, неоднократно высказывавшихся в Лондоне премьер-министром Чемберленом и его коллегами по кабинету”¹²⁹.

Рузвельт и Хэлл, явно не ожидавшие от дипломата подобного выступления, получили множество возмущенных писем, некоторые из которых содержали требования о немедленном отзыве Кеннеди. Глава европейского отдела госдепартамента Дж. Моффат, касаясь данной ситуации, отметил в своем дневнике: “Хэлл очень расстроен недавней речью Кеннеди и тем эффектом, который она произвела. Он утратил свою учтивость и требует, чтобы все послы согласовывали с ним содержание своих выступлений... Он полагает, что следует отозвать Кеннеди для дачи объяснений, несмотря на слова последнего о том, что это его “сугубо личная теория”¹³⁰. Отвечая на вопрос А. Крока¹³¹ о сущности заявлений Кеннеди, Моффат заверил, что “речь посла не означает никаких изменений во внешней политике нашей страны и что если бы таковые имели место, то об этом было бы заявлено президентом или государственным секретарем... “теорию” Кеннеди не следует воспринимать буквально и всерьез, поскольку она просто несостоятельна”¹³². Данный комментарий вполне можно считать выражением позиции, занятой американским руководством в отношении Дж. Кеннеди – государственный департамент дал понять, что не потерпит безответственных заявлений, напрямую касающихся отношений с агрессивными режимами.

В эти же дни, выступая перед общественностью Сан-Франциско, министр внутренних дел США и один из наиболее последовательных антинацистов в администрации Рузвельта Г. Икес констатировал, что среди американцев ширится

¹²⁹ Whalen R. The Founding Father: the Story of J.P. Kennedy. N.Y., 1964. P. 242.

¹³⁰ Moffat J.P. Op. cit. P. 220.

¹³¹ Артур Крок (1886 - 1974) - известный американский журналист и аналитик, политический обозреватель газеты New York Times, неоднократно бравший интервью у высших государственных руководителей США.

¹³² Moffat J.P. Op. cit. P. 221.

недовольство Мюнхенским соглашением, “подорвавшим веру в авторитет демократических государств”¹³³.

Таким образом, можно говорить о том, что среди дипломатов и высших государственных чиновников США существовал разброс мнений относительно того, каким именно образом следует характеризовать Мюнхенскую конференцию, ее значение и последствия. Средства массовой информации также не сходились в суждениях – “значительное количество газет приветствовало Мюнхен, но оно уравнивалось противоположными оценками во многих других изданиях”¹³⁴. Общественное мнение Соединенных Штатов фактически оказалось расколотым: в октябре 1938 г. 60% американцев полагали, что угроза войны в результате Мюнхена увеличилась, а 77% осудили аннексию Судетской области Германией; сопоставимый процент населения (59%), тем не менее, одобрял действия Франции и Великобритании, которые предпочли пойти на уступки Германии вместо войны¹³⁵.

Несмотря на в целом одобрительное восприятие американским руководством итогов Мюнхенской конференции, уже с начала октября Вашингтон стал получать от своих дипломатических представителей в европейских государствах информацию, свидетельствовавшую о том, что подписанное соглашение не послужило делу разрядки напряженности в Старом свете.

У. Буллит из Парижа, У. Карр из Праги, Э. Биддл из Варшавы сообщали, что результаты Мюнхенской конференции воспринимаются как безусловная победа Гитлера, которая вовсе не ограничит его притязания. Так, Буллит в донесении от 3 октября упомянул о своей беседе с Э. Даладье, в ходе которой премьер-министр заявил, что “в ближайшие полгода Франция и Великобритания лицом к лицу столкнутся с новыми требованиями Германии”¹³⁶.

Видимо, подобные комментарии и оценки смогли поколебать прежний настрой американской администрации. Сложность и потенциальная опасность

¹³³ Известия. 23.10.1938.

¹³⁴ Tansill Ch. Op. cit. P. 428-430.

¹³⁵ См. Наджафов Д.Г. Народ США – против войны и фашизма. М., 1969. Стр. 343.

¹³⁶ FRUS. 1938. Volume 1. P. 711.

происходивших в Европе процессов и событий становилась более ощутимой; вследствие этого возникла необходимость провести прямые консультации с дипломатом, находившимся в центре событий и обладавшим достоверными сведениями о характере развития ситуации. В связи с этим в Вашингтон был приглашен Уильям Буллит¹³⁷.

Посол во Франции взял отпуск и отбыл в Соединенные Штаты. 13 октября он был принят Рузвельтом и представил ему отчет о положении дел в Европе. Буллит подробно описал ситуацию как в Европе в целом, так и во Франции, охарактеризовал настроение Даладье. При этом он подчеркнул, что война в Европе может начаться в самом недалеком будущем и неизбежно затронет интересы США, даже если им удастся остаться вне конфликта. По мнению дипломата, Великобританию и Францию следовало считать первой линией обороны Соединенных Штатов и Западного полушария и всемерно поддерживать эти страны¹³⁸.

Очевидно, суждения Буллита относительно реальности немецкой угрозы европейским демократиям, а также интересам самих США, произвели на Рузвельта ощутимое впечатление, обусловив тот факт, что уже через неделю подобные взгляды были выражены самим президентом.

21 октября он передал премьер-министру Великобритании Н. Чемберлену сообщение, суть которого сводилась к тому, что США, в случае возникновения войны в Старом свете, окажут необходимую поддержку европейским демократиям. Рузвельт заявлял, что при подобном развитии ситуации Франция и Британия будут обеспечены американскими материалами, необходимыми для авиационного строительства в рамках программы, направленной на установление военно-воздушного преимущества над Германией. Чемберлен, по словам Рузвельта, “мог чувствовать за собой промышленный потенциал Америки”¹³⁹. Показательно пояснение Рузвельта о том, что хотя действующий в Соединенных Штатах закон о нейтралитете запрещает продажу американского вооружения всем

¹³⁷ Уильям Буллит (1891-1967) – американский дипломат, посол США во Франции в 1936-1940 гг.

¹³⁸ Цит. по: Langer W., Gleason S. The Challenge to Isolation, 1937–1940. Volume 1. N.Y., 1952. P. 37-38.

¹³⁹ См. MacDonald C. United States, Britain and Appeasement. N.Y., 1981. P. 112.

государствам, участвующим в войне, его можно обойти путем экспорта в Великобританию и Канаду основных материалов и компонентов, необходимых для производства оружия, боеприпасов и самолетов на заводах этих стран¹⁴⁰. Кроме того, президент постепенно начал склоняться к мнению, что общественные настроения в стране становятся все менее изоляционистскими и начинает проявляться осознание того, что державы “оси” могут нести значительную потенциальную опасность для Соединенных Штатов.

В конце месяца президент вновь, теперь уже публично, обратился к вопросам поддержания безопасности в Европе, выступив 26 октября по радио в программе “Форум Геральд Трибьюн”. Произнося речь, посвященную сложившейся в Старом свете обстановке, Рузвельт, в частности, отметил: “Не может быть мира, если господство закона заменяется постоянным прославлением прямой силы и если политика государства намеренно избирает в качестве инструмента угрозу войны”¹⁴¹. Следующий его пассаж, несомненно, указывал на гитлеризм, хотя президент не стал прибегать к конкретизации: “Не может быть мира, если политика государства намеренно избирает своим инструментом изгнание миллионов беспомощных и преследуемых скитальцев... если угнетенные лишены свободы мысли, свободы выражения собственных чувств, возможности совершать богослужение”¹⁴² — имелись в виду антисемитские меры и антикатолические настроения, уже на протяжении нескольких лет характерные для Третьего рейха.

Рузвельт завершил выступление, призвав американцев к поддержке международного сотрудничества: “Давайте с большей сплоченностью стремиться к достижению мира между государствами, сдержанности [в международных отношениях], переговорному пути, объединению усилий! Давайте работать на достижение этих идеалов и вне пределов наших границ, крепить связи с другими государствами, чтобы мы могли, в случае возникновения необходимости,

¹⁴⁰ Ibid. P. 113.

¹⁴¹ Цит. по: Rauch B. Op. cit. P. 86.

¹⁴² Ibid. P. 86-87.

проявить единство воли, с помощью которого демократии могут успешно противостоять своим врагам”¹⁴³.

Данная речь довольно показательна сразу в нескольких аспектах.

Во-первых, Рузвельт, пусть и не в прямой форме, но все же довольно отчетливо выразил свою увеличивающуюся обеспокоенность относительно международной ситуации и, пусть косвенно, но все же обозначил негативное отношение к произошедшим в Европе событиям.

Во-вторых, президент озвучил идеи, основная суть которых сводилась к необходимости отхода от традиционного изоляционизма и обращению к деятельному участию в международных делах.

В-третьих, было заявлено о поддержке, которую Соединенные Штаты готовы и будут оказывать демократическим государствам в случае начала европейской войны.

Таким образом, оценивая президентское выступление, представляется допустимым говорить о том, что оно достаточно четко обозначило принципы, которыми администрация предлагала руководствоваться в осуществлении внешней политики и при защите интересов страны.

Что касается посла Соединенных Штатов в Великобритании Джозефа Кеннеди, то его тезисы, приведенные во время недавней речи в Военно-морской лиге, фактически были опровергнуты утверждениями Рузвельта. Посол был уязвлен настолько, что даже отметил в письме сенатору Дж. Бирнсу, что “ничего не понимает”¹⁴⁴.

Естественно, заявления Рузвельта не могли остаться незамеченными германской стороной, и 1 ноября состоялась встреча заместителя госсекретаря США С. Уэллеса и немецкого посла в Вашингтоне Г. Дикгофа, на которой был затронут вопрос об американо-германских отношениях в свете недавних событий.

Дикгоф отметил: “Коль скоро у Соединенных Штатов есть определенное беспокойство на этот счет, я могу сказать, что Германия не имеет стремлений к

¹⁴³ Ibid. P. 87.

¹⁴⁴ Горюхи Д., Кольер П. Клан Кеннеди: американская драма. М., 1988. Стр. 116.

тому, чтобы противостоять влиянию США как в Западном полушарии, так и в любой другой части света. Однако, насколько это видно из основных тенденций в общественных настроениях Соединенных Штатов, а в особенности из публикаций американской прессы, наши страны, так или иначе, неизбежно движутся к серьезному столкновению... Для такого восприятия ситуации нет абсолютно никаких причин; этот подход меня несколько не ободряет; он вредит делу улучшения отношений между двумя государствами... Кроме того, я отдаю себе отчет в том, что в США усилились осуждающие тенденции по поводу некоторых особенностей внутренней политики Германии, но это не означает, что Соединенные Штаты, равно как и любая другая страна, имеют право ее критиковать»¹⁴⁵.

Отвечая, Уэллес парировал утверждения Дикгофа, подчеркнув: «Для американского общественного мнения абсолютно невозможно полагать, что та политика, которую Германия в течение последних лет проводила по отношению к евреям и католической церкви, может считаться сугубо внутренним вопросом... Народ США глубоко религиозен и идеалистичен, и надругательства над самой человеческой сущностью, которые происходят в Германии, вызывают у него глубокое отвращение»¹⁴⁶.

Подводя данной теме итог, заместитель государственного секретаря заявил: «Я не одобрял появившиеся в отдельных американских изданиях нападки на германское правительство и его политику, но до тех пор, пока минувшим летом я не побывал в Швейцарии, где мне представилась возможность ознакомиться с немецкими газетами. И то, что печаталось в американских изданиях, не идет ни в какое сравнение с теми оскорбительными и неприемлемыми выпадами в адрес американской администрации, которые имели место на страницах немецких газет. При этом коренное различие заключается в том, что власти Соединенных Штатов не имеют никакого контроля над прессой, а немецкое правительство, наоборот, в зависимости от своих намерений диктует издателям то, что необходимо

¹⁴⁵ FRUS. 1938. Volume 2. P. 448.

¹⁴⁶ Ibid. P. 448-449.

публиковать. Время от времени переводы подобных материалов немецких газет перепечатывались в нашей стране, что, естественно, не могло служить улучшению отношений между государствами, а имело ровно противоположный эффект”¹⁴⁷.

Очевидно, что государственный департамент недвусмысленно дал понять Дикгофу и, вместе с ним, всей Германии, что имеет вполне сформировавшуюся позицию относительно происходивших в Третьем рейхе процессов и явлений. Фактически, Уэллес еще раз обозначил подходы, задекларированные Рузвельт в речи по радио 26 октября, снабдив их большей степенью конкретизации и, по сути, не оставив возможности для их неоднозначного толкования.

В этот же день, 1 ноября, государственный секретарь К. Хэлл в официальном выступлении подчеркнул, что мир находится на распутье: “Утвердившаяся опора на вооруженную силу как на инструмент осуществления государственной политики является путём назад... Если государства ступят на него, он приведет к окончательной катастрофе – возникновению новой мировой войны. Ее ужас и разрушительность поразят человеческое воображение...”¹⁴⁸.

2 ноября Дж. Мессерсмит заявил, что США намерены предпринимать шаги по защите своих позиций в Латинской Америке. Фактически, он подтвердил слова известного финансиста Б. Баруха¹⁴⁹, произнесенные им двумя неделями ранее. Общаясь тогда с представителями прессы, Барух отметил: “Соединенным Штатам, особенно после Мюнхена, угрожает опасность со стороны Германии. Эта угроза реальна и непосредственна. Гитлер претендует на сырье и рынки сбыта для немецкой продукции. Где он может их заполучить? В Европе? Едва ли. В Африке? Она целиком находится под контролем Англии, Франции и Италии. На Дальнем Востоке? Там господствует Япония. Единственным районом, где может развернуться Гитлер, является Южная Америка”¹⁵⁰.

¹⁴⁷ Ibid. P. 449.

¹⁴⁸ U.S. State Department. Peace & War. United States Foreign Policy, 1931–1941. Washington, 1943. P. 436.

¹⁴⁹ Бернард Барух (1870-1965) – американский финансист, советник президента США Ф. Рузвельта по экономическим вопросам.

¹⁵⁰ Цит. по: Hass G. Von München bis Pearl Harbor. Berlin, 1965. S. 110.

6 ноября последовал призыв Самнера Уэллеса к единству государств американского континента перед лицом потенциальной угрозы внешней атаки¹⁵¹.

Таким образом, становится очевидным, что к началу ноября 1938 г. среди административного и дипломатического руководства Соединенных Штатов начинают доминировать подходы, основывавшиеся на рассмотрении действий гитлеровской Германии в качестве источника потенциальной угрозы безопасности и национальным интересам страны. Несмотря на то, что от американских официальных лиц не прозвучало практически ни одного критического замечания относительно сущности и итогов Мюнхенской конференции, в истеблишменте начало утверждаться и крепнуть мнение о том, что нацистская опасность, грозит ли она дружественным европейским демократиям или самим США на территории Западного полушария, является фактором, способным существенно усложнить и дестабилизировать международную обстановку.

7 ноября в Европе произошло событие, в значительной степени определившее логику последующего развития американо-германских отношений. В этот день в Париже в здании немецкого посольства был застрелен его третий секретарь Эрнст фон Рат. Убийцей оказался семнадцатилетний Гершель Гриншпан, чьи родители за неделю до этого среди нескольких десятков тысяч других евреев были высланы из Германии в Польшу в рамках мероприятий антисемитской направленности, проводимых немецким правительством.

После того как дипломат скончался от полученных ран, гитлеровский министр народного просвещения и пропаганды Й. Геббельс дал прессе инструкцию развернуть ожесточенную кампанию против немецких евреев. Ее непосредственным результатом стало то, что в ночь с 9 на 10 ноября в десятках городов Германии прошла волна еврейских погромов. В ее ходе активисты молодежных нацистских организаций, гитлерюгендовцы, убили около 100 евреев; 30 тысяч евреев были арестованы без предъявления обвинения и отправлены в

¹⁵¹ MacDonald C. Op. cit. P. 112.

концентрационные лагеря¹⁵². Кроме того, были осквернены около 270 синагог, разорены сотни жилых домов евреев, разгромлены 7500 принадлежавших им торговых и коммерческих предприятий¹⁵³. Улицы городов оказались засыпаны осколками стекол и витрин, отчего ночь получила название “хрустальной”.

Нацистское руководство обвинило в произошедшем самих евреев и в качестве “денежного возмещения ущерба”, нанесенного убийством Э. фон Рата, наложило на них “штраф” в размере миллиарда марок. Все страховые выплаты пострадавшим также были конфискованы в пользу государства¹⁵⁴.

10 ноября посол США в Германии Хью Вильсон сообщил Хэллу о произошедшем погроме: “Когда стало известно о смерти раненого дипломата и члена НСДАП фон Рата, в стране состоялись многочисленные антиеврейские демонстрации... Глубокое негодование немцев выразилось в яростных выступлениях...”¹⁵⁵. Спустя двое суток он же в отправленной госсекретарю телеграмме упомянул об интервью Геббельса иностранным журналистам, в котором последний, среди прочего, подчеркнул, что недавние антиеврейские “демонстрации” имели спонтанный характер. “Я вынужден отметить, что у меня есть все основания для того, чтобы прийти к абсолютно противоположным выводам”¹⁵⁶ – заключил посол. Касаясь этой ситуации, Вильсон отметил в своем дневнике: “Становятся очевидными истинные подоплека и содержание атак на евреев; они просто тошнотворны. Бесстыдство немецкой прессы и пропаганды отвратительно”¹⁵⁷.

В свою очередь, Й. Геббельс, касаясь реакции на “хрустальную ночь” в других странах, отметил 12 ноября в своем дневнике: “Тональность зарубежной прессы крайне скверная. Прежде всего это относится к американской прессе”¹⁵⁸.

14 ноября Дж. Мессерсмит представил К. Хэллу меморандум с оценками произошедших в Германии событий. В частности, в нем отмечалось:

¹⁵² Lookstein H. Were We our Brothers' Keepers? The Public Response of American Jews to the Holocaust, 1938-1944. N.Y., 1985. P. 28.

¹⁵³ Williamson G. The SS: Hitler's Instrument of Terror. Saint Paul, 2004. P. 45.

¹⁵⁴ Morse A.D. While Six Million Died: a Chronicle of American Apathy. N.Y., 1968. P. 228.

¹⁵⁵ FRUS. 1938. Volume 2. P. 396.

¹⁵⁶ Ibid.

¹⁵⁷ Wilson H. Op. cit. P. 73.

¹⁵⁸ Goebbels J. Die Tagebücher. Teil 1. Band 3. S. 532.

“Циничные заявления Геббельса настолько же безумны, насколько и сами действия немецкого правительства по отношению к части своих граждан... Когда государство, мнящее свою цивилизацию превосходящей остальные, хладнокровно и целенаправленно поступает таким образом, нам необходимо безотлагательно принимать соответствующие меры. Дальнейшие действия Германии в этом духе будут угрожать уже непосредственно другим государствам... Я предлагаю Вам рекомендовать президенту немедленно отозвать Вильсона для проведения консультаций... Полагаю, что Вы можете быть уверены в том, что обретете поддержку средств массовой информации и ощутите общее одобрение этих мер почти всеми американцами. Более того, я убежден, что страна находится в ожидании чего-то подобного, и не предпринять никаких действий означало бы спровоцировать разочарование”¹⁵⁹. Коснувшись возможной германской реакции, Мессерсмит предположил, что “ее правительство получит пищу для размышлений... оргия будет прекращена”¹⁶⁰.

После того как государственный секретарь ознакомился с меморандумом, он незамедлительно собрал на совещание своих помощников. Как отмечал сам Хэлл, против отзыва посла был тот факт, что если это произойдет, Соединенные Штаты лишатся непосредственного источника получения важной информации о целях и намерениях немецкого правительства; в пользу же было то, что, как становилось очевидным, простые увещевания не действуют на Гитлера: “Мы не могли допустить, чтобы подлые действия правительства Германии остались без реакции на них с нашей стороны”¹⁶¹. Таким образом, было достигнуто согласие относительно необходимости отзыва Вильсона. Хэлл рекомендовал Рузвельту совершить этот шаг, и президент одобрил позицию государственного департамента.

Кроме того, для Рузвельта был подготовлен текст соответствующего выступления, который, с некоторыми собственными корректировками, был воспроизведен президентом на следующий день во время пресс-конференции,

¹⁵⁹ FRUS. 1938. Volume 2. P. 397.

¹⁶⁰ Ibid.

¹⁶¹ Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 599.

посвященной событиям в Германии. Глава Белого дома заявил: “Пришедшие из Германии новости глубоко шокировали общественное мнение Соединенных Штатов... Я сам едва ли могу поверить в то, что такие явления могли произойти в цивилизации двадцатого века... Чтобы из первых уст получить сведения о ситуации в Германии, мы отзываем нашего посла из Берлина для доклада и консультаций”¹⁶².

Закономерно говорить о том, что выступление Рузвельта действительно соответствовало позиции большинства американского народа. Заместитель государственного секретаря С. Уэллес отмечал, что “негодование, вызванное отвратительными преступлениями, достигло высшей точки”¹⁶³. Согласно оценке советского поверенного в делах в Вашингтоне К.А. Уманского, “по США прокатилась волна такого возмущения нацистским варварством, которое, по мнению знатоков, может сравниться только с антинемецкими настроениями периода вступления США в войну в 1917 г. Своими заявлениями и отозванием посла Рузвельт и отразил, и подогрел народное возмущение”¹⁶⁴. Белый дом получил ряд писем от американских евреев с одобрением мер, осуществленных администрацией после “хрустальной ночи”¹⁶⁵.

Посол Германии в США Г. Дикгоф подтвердил слова о пристальном внимании американцев к произошедшему. В донесении в Берлин он писал: “Здесь разрастается ураган, который делает работу в привычном русле невозможной... Множество изданий и до 10 ноября подвергали Германию нападкам, однако после этого дня ситуация еще более усугубилась... Более того, до недавних событий некоторые группы населения США все еще оставались индифферентными к этой кампании, в частности, и к европейским делам, в целом. Однако, теперь ситуация является иной – их интерес стремительно возрос”¹⁶⁶. Дикгоф был прав – тональность американской прессы в отношении “хрустальной ночи” действительно была резкой и критичной. В частности, журнал “Нейшн”

¹⁶² The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1938 Volume. P. 597.

¹⁶³ Welles S. Op. cit. P. 71.

¹⁶⁴ Поверенный в делах СССР в США К.А. Уманский – наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову, 1 декабря 1938 г. АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 21. Папка 134 а. Д. 3. Л. 32.

¹⁶⁵ Germany Miscellaneous 1938. Box 198a. OF. FDRL.

¹⁶⁶ DGFP. Series D. Volume 4. P. 639.

подчеркивал, что “воспаленный рассудок фюрера дал волю зверскому акту мести” и что “Гитлер объявил евреям войну”¹⁶⁷, а издание “Тайм” отмечало, что во Франкфурте были арестованы все евреи в возрасте от 18 до 60 лет¹⁶⁸.

Хью Вильсон покинул Берлин 16 ноября, делегировав исполнение своих обязанностей помощнику Прентиссу Джильберту, который спустя двое суток сообщил государственному секретарю, что, по его данным, “посол Германии в Вашингтоне Дикгоф вскоре будет отозван в Берлин для консультаций. Он детально проинформирует министра иностранных дел о настроениях в Соединенных Штатах и “особом” отношении к внутренним немецким событиям со стороны президента Рузвельта и властей США”¹⁶⁹. В этом контексте следует упомянуть также про справедливое, на наш взгляд, наблюдение немецкого исследователя Ф. Гассерта, считавшего, что с осени 1938 г. немецкие пресса, радио, публицистика и пропаганда в целом стали представлять Соединенные Штаты и их политику преимущественно с антисемитских позиций¹⁷⁰. Утверждение подобного подхода было обусловлено как официальной реакцией Вашингтона, выразившейся в отзыве посла, так и общим негативным восприятием “хрустальной ночи” американской общественностью.

Вскоре информация Джильберта подтвердилась – 22 ноября Дикгоф посетил Хэлла и сообщил ему о соответствующем решении немецкого руководства. Как таковой беседы не получилось, состоялся краткий обмен стандартными дипломатическими фразами; на этом встреча закончилась. На следующий день Дикгоф покинул Вашингтон, оставив исполнять свои обязанности поверенного в делах Ганса Томсена.

Взаимный отзыв послов ознаменовал собой окончание весьма противоречивого “постмюнхенского” этапа в американо-германских отношениях. Характеризуя его, следует отметить ряд важных моментов.

Очевидно, что в первые дни после подписания Мюнхенского соглашения тональность оценок и заявлений высших американских руководителей была в

¹⁶⁷ Nation. 19.11.1938. P. 524.

¹⁶⁸ Time. 21.11.1938. P. 19.

¹⁶⁹ FRUS. 1938. Volume 2. P. 401-402.

¹⁷⁰ Gassert Ph. Op. cit. S. 260.

известной степени одобрительной. Руководство страны отзывалось о нем как о важном документе, способном снизить уровень напряженности международной обстановки в Старом свете и открыть путь для урегулирования противоречий. Причина такого подхода коренилась в распространенной тогда идее о возможности повлиять на воинственного немецкого диктатора, удовлетворив его притязания и, тем самым, показав, что “разрешение конфликтов” возможно и без применения силы. Вместе с тем, администрация США действовала весьма осмотрительно, стремясь избежать прямого участия в европейском “договорном процессе”. Ей удалось достичь этого, не связав себя какими-либо межгосударственными обязательствами и соглашениями, касающимися условий преодоления кризиса.

Однако, с середины октября позиция Соединенных Штатов начала претерпевать определенные изменения. Среди факторов, обусловивших сдвиг, следует выделить активность ряда дипломатов и членов администрации, выражавших обеспокоенность итогами Мюнхена и выступавших с антинацистских позиций (Дж. Мессерсмит, Г. Икес, Ф. Франкфуртер), а также постепенное осознание высшим американским руководством необходимости отхода от строгого изоляционизма и более интенсивного участия Соединенных Штатов в международных делах, сопряженного с защитой своих интересов.

Так, 12 октября Б. Барух представил администрации доклад, в котором настоятельно рекомендовал приступить к созданию в самом скором времени мощных вооруженных сил, которые будут в состоянии оперативно решать задачи, связанные с обеспечением безопасности страны¹⁷¹.

14 октября Ф. Рузвельт заявил, что он, возможно, будет просить Конгресс о выделении дополнительных 500 миллионов долларов на оборонительные цели¹⁷².

28 октября президент в беседе с министром экономики Г. Моргантау привлек его внимание к необходимости увеличения производства самолетов. Рузвельт предложил построить несколько новых авиазаводов, а также постараться

¹⁷¹ Margaret L. Mr. Baruch. Boston, 1957. P. 467-468.

¹⁷² См. Dallek R. Op. cit. P. 172.

договориться с Канадой, чтобы на ее территории также был возведен новый авиазавод.

Впрочем, существовали и иные мнения: начальник штаба американской армии генерал М. Крейг возражал против программы развития авиации. Он доказывал, что защищенным двумя океанами США не угрожают бомбардировки, а потому нет нужды в увеличении ассигнований на военно-воздушные силы. Эту точку зрения разделял недавно назначенный на пост его заместителя Дж. Маршалл¹⁷³.

12 ноября на заседании Объединенного совета военного и военно-морского министерств была поставлена задача “изучить различные практические методы возможной борьбы с одной или несколькими фашистскими державами в случае нарушения ими принципов действия доктрины Монро”¹⁷⁴.

Через два дня после этого в Белом доме состоялось совещание с участием представителей военного министерства, а также министерств финансов и юстиции. Президент обратил внимание собравшихся на диспропорцию в развитии авиационной промышленности демократических и фашистских государств. После заключения Мюнхенского соглашения, заявил он, возникла опасность воздушной атаки тоталитарными странами атлантического побережья Америки; вследствие этого необходимо срочно создать мощные собственные военно-воздушные силы¹⁷⁵.

18 декабря в государственном департаменте состоялось совещание по вопросу о возможности изменения существующего закона о нейтралитете; высказывались мнения о необходимости его пересмотра. В частности, за ревизию закона выступил руководитель европейского отдела Джей Моффат. Никаких практических результатов участники не достигли, сойдясь, однако, во мнении о необходимости продолжения подобных консультаций¹⁷⁶.

¹⁷³ Watson M.S. Chief of Staff: Prewar Plans and Preparations. Washington, 1950. P. 134; Haight J.M. American Aid to France, 1938-1940. N.Y., 1970. P. 50-51.

¹⁷⁴ Цит. по: Hass G. Von München bis Pearl Harbor. Berlin, 1965. S. 118.

¹⁷⁵ Roosevelt and Morgenthau, a Revision and Condensation from the Morgenthau Diaries (Ed. by J.M. Blum). Boston, 1970. P. 272-273.

¹⁷⁶ Moffat J.P. Op. cit. P. 228.

Тем не менее, весьма симптоматично, что на следующий день состоялась секретная встреча президента Рузвельта с французским финансистом Жаном Моннэ, прибывшим в США с целью договориться насчет закупок американских самолетов. Моннэ выразил готовность сделать заказ на 1000 самолетов с условием их поставки до июля 1939 г. Однако из-за разразившегося во Франции финансового кризиса сделка была отсрочена и состоялась только через несколько месяцев, к тому же чуть не сорвавшись из-за того, что американская сторона попыталась продать устаревшие самолеты вместо оговоренных новейших моделей¹⁷⁷.

Таким образом, очевидно, сколь разнообразную картину представляла собой деятельность администрации США в октябре-декабре 1938 г. Возможность потенциального военного столкновения США с Германией стала рассматриваться на самом высоком уровне. Агрессивный характер предпринимаемых рейхом действий начинал оказывать на руководство США все более существенное влияние; постепенно стало крепнуть мнение о том, что гитлеризм несет угрозу американским интересам. Осознание того, что образование в центре Европы мощнейшего в военно-промышленном отношении государства, стремящегося к установлению нового международного порядка, может нанести существенный вред экономическим и иным связям с европейскими странами, подталкивало руководство Соединенных Штатов к переосмыслению значимости нацистской опасности.

В середине декабря 1938 г. произошло еще одно событие, усугубившее и без того непростой характер взаимоотношений между двумя государствами. Выступая в Кливленде с речью, министр внутренних дел США Г. Икес отметил: “Между порядками нынешних европейских диктатур и обычаями, существовавшими в средневековых государствах, нет никакой разницы” и подверг резкой критике соотечественников – промышленника Г. Форда¹⁷⁸ и

¹⁷⁷ Севостьянов Г.Н. Указ. соч. Стр. 171.

¹⁷⁸ Генри Форд (1863-1947) - известный американский промышленник, владелец заводов по производству автомобилей.

летчика Ч. Линдберга¹⁷⁹, которые, соответственно, в августе и октябре 1938 г. получили высокую награду, присваиваемую Третьим рейхом иностранным гражданам – Орден германского орла. Формальными причинами награждения Г. Форда являлись его 75-летие и “заслуги в производстве автомобилей, доступных для широких народных масс”¹⁸⁰, а Ч. Линдберга - “заслуги перед мировой авиацией”¹⁸¹. Негодуя, Икес произнес: “Я задаюсь вопросом – как американец вообще мог принять что-либо из рук жестокого диктатора, который подвергает грабежу и пыткам тысячи людей?”¹⁸².

Подобное заявление не могло остаться незамеченным со стороны Германии. Немецкая пресса сразу же обрушила на Икеса шквал обвинений. 21 декабря Г. Томсен заявил официальный протест, включавший в себя требование о дезавуировании заявления Икеса и принесении извинений¹⁸³. Однако С. Уэллес, исполнявший обязанности главы государственного департамента, ответил, что не может удовлетворить данный протест.

Свою позицию он обосновал следующим образом: “Во-первых, действия двух американских граждан и их критика американским же официальным лицом – сугубо внутренний вопрос, который я не согласен обсуждать с представителем иностранного государства. Во-вторых, господину Томсену и немецкому правительству следует отдавать себе отчет в том, что недавние действия властей Германии шокировали общественное мнение в Соединенных Штатах настолько глубоко, как этого не было уже на протяжении многих десятков лет; выражение общественного негодования, предпринятое Икесом, безусловно, отражает чувства 99,5% населения Соединенных Штатов”¹⁸⁴. Интересна ремарка самого Икеса, сделанная им в дневнике по этому поводу: “Несмотря на то, что я всегда недолюбливал Уэллеса, да и его отношение ко мне

¹⁷⁹ Чарльз Линдберг (1902-1974) – американский авиатор. После совершения в 1927 г. первого в истории одиночного перелета через Атлантический океан приобрел статус национального героя Соединенных Штатов.

¹⁸⁰ Lewis D. The Public Image of Henry Ford: an American Folk Hero and his Company. Detroit, 1976. P. 149.

¹⁸¹ Giblin J. Charles A. Lindbergh: a Human Hero. N.Y., 1997. P. 164.

¹⁸² New York Times. 19.12.1938.

¹⁸³ FRUS. 1938. Volume 2. P. 451.

¹⁸⁴ Ibid.

было весьма прохладным, необходимо признать, что здесь он сработал просто превосходно»¹⁸⁵.

Спустя 3 дня, 24 декабря 1938 г., глава американского дипломатического корпуса в Берлине П. Джильберт сообщил в Вашингтон о немецкой реакции на произошедшее. Дипломат подчеркивал, что в прессе не прекращается бурная критика действий Икеса и Уэллеса, сопровождаемая враждебными по отношению к США выпадами и комментариями. Касаясь официальной позиции германских властей, Джильберт привел ряд прогнозов относительно того, какую точку зрения займет немецкое руководство. Упомянув о потенциальной возможности полного разрыва отношений с Соединенными Штатами со стороны Германии и о том, что на самом высоком уровне может состояться предметное рассмотрение состояния германо-американских отношений «в свете всех недавних событий», дипломат, тем не менее, отметил: «...вероятно также, что никаких действий не будет осуществляться до того момента, пока правительство Германии не дожидается обращения президента Рузвельта к Конгрессу, которое, как здесь ожидается, в значительной степени будет посвящено внешнеполитической тематике»¹⁸⁶.

Заключительная встреча С. Уэллеса и Г. Томсена, посвященная данному сюжету, состоялась 28 декабря. Томсен постарался несколько сгладить ситуацию, заявив, что Германия «не требует, а ожидает осуждения слов Икеса». Уэллес, однако, остался непреклонным – дипломатично, но недвусмысленно он ответил, что может истолковать слова Томсена исключительно как официальный запрос об осуждении высказываний Икеса, добавив, что больше никаких комментариев с его стороны не последует. В завершение встречи Томсен обратил внимание Уэллеса на то, что он «делает все, чтобы улучшить двусторонние отношения», а также выразил надежду, что «обоюдным нападкам будет положен конец»¹⁸⁷.

Действительно, к концу 1938 г. американо-германские отношения заметно осложнились, произошло заметное углубление межгосударственных противоречий. Основываясь на поступавших из Европы сведениях, американские

¹⁸⁵ Ickes H. Op. cit. Volume 2. P. 533.

¹⁸⁶ FRUS. 1938. Volume 2. P. 453-454.

¹⁸⁷ Sumner Welles and Hans Thomsen. Memorandum of Conversation. 28 December 1938. Germany, 1933-1943. Box 162. Folder 04. Sumner Welles Papers. FDRL.

официальные лица все чаще выступали с заявлениями, касавшимися международной обстановки, в которых Германия и предпринимаемые ею шаги характеризовалась крайне отрицательно; при этом делался акцент на недопустимости методов, которыми руководствуются немецкие власти при проведении внутренней и внешней политики.

В связи с этим также следует упомянуть про донесение исполняющего обязанности военного атташе США в Германии П. Блэка, который 22 декабря позвонил из Берлина руководителю европейского отдела госдепартамента Дж. Моффату и сообщил, что с большой долей вероятности Германия ранней весной следующего года может осуществить некое военное выступление в отношении Польши. При этом, однако, Блэк полагал, что к полномасштабной войне оно не приведет; Германия может ограничиться лишь присоединением Данцига¹⁸⁸.

Средства массовой информации Соединенных Штатов, в свою очередь, столь же широко освещали европейские события и процессы, подвергая при этом критике идеологию гитлеризма со свойственными ей “произволом и беззаконием”.

Наряду с агрессивными действиями Германии в Старом свете, повышенную озабоченность руководства США стала вызывать нацистская деятельность в Латинской Америке; перспектива утверждения нацизма в американских государствах заставляла Вашингтон обращать на проблему континентальной безопасности все более пристальное внимание.

Проникновение Германии в Латинскую Америку представляло собой весьма тревожное для Соединенных Штатов явление. К концу 1930-ых годов в данном регионе проживало около 300 тысяч лиц, имевших немецкое подданство (рейхсдойче) и 1,75 миллиона человек немецкого происхождения, непосредственно являвшихся гражданами латиноамериканских государств

¹⁸⁸ Percy Black to Jay Pierrepont Moffat. Memorandum of Conversation. 22 December 1938. Roosevelt, Franklin D., December, 1938. Box 150. Folder 05. Sumner Welles Papers. FDRL.

(фольксдойче)¹⁸⁹. Берлин воспринимал фольксдойче в качестве компатриотов, отторгнутых от своей родины – физической или исторической – волей случая и обстоятельств, но не утративших при этом своей национальной идентичности. Подобные реалии во многом обусловили начало постепенного процесса формирования “пятой колонны” нацизма в Южной Америке. В ряде государств (Аргентина, Бразилия, Чили) заметно возросла активность немецкой пропаганды, усилилась агентурная деятельность, начался организованный выпуск изданий нацистской направленности.

Однако, основным фактором, вызывавшим тревогу Соединенных Штатов, было экономическое проникновение и утверждение Германии в Южной Америке. Важно отметить, что к 1938 г. нацистская Германия превзошла уровень своего товарооборота с государствами Латинской Америки накануне Первой мировой войны¹⁹⁰; доля Третьего рейха в латиноамериканском экспорте составила 10,5 %, а в импорте – 16,2 %¹⁹¹. При этом по последнему показателю Германия удалось превзойти Англию (11,7 %) и выйти на второе место после США (33,9 %)¹⁹². Показательно, что по экспорту в Бразилию и Парагвай Германия даже выдвинулась на первое место, оттеснив Соединенные Штаты¹⁹³.

Рост экономического и идеологического немецкого влияния на континенте рассматривался Вашингтоном в качестве фактора угрозы национальной безопасности. Наиболее дальновидные члены Конгресса также обращали внимание на данную проблему – в частности, сенатор-демократ А. Сэбет в письме к Ф. Рузвельту настаивал, чтобы президент предпринял безотлагательные меры по защите интересов США в Латинской Америке¹⁹⁴, а директор Йельского института международных исследований Н. Спайкмен выражал достаточно категоричную точку зрения о том, что “избежать войны с рейхом из-за его стремления к гегемонии в Южной Америке будет крайне затруднительно”¹⁹⁵.

¹⁸⁹ Compton J. Op. cit. P. 253.

¹⁹⁰ Langley L. America and the Americas: The United States in the Western Hemisphere. Athens (Georgia), 2010. P. 146.

¹⁹¹ Григорьян Ю.М. Указ. соч. Стр. 57.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Wünsche J. Der Wirtschaftskampf der USA um Süd- und Mittelamerika. Leipzig, 1942. S. 30-31.

¹⁹⁴ Adolph Sabath to FDR. 26 October 1938. Nazism. Box 5776. PPF. FDRL.

¹⁹⁵ См. Hass G. Von München bis Pearl Harbor. Berlin, 1965. S. 47.

Администрация Соединенных Штатов придерживалась более умеренных взглядов на ситуацию, но, тем не менее, отдавала себе отчет в том, что укрепление позиций Германии влечет за собой понижение степени собственного влияния в регионе. В то же время, она была весьма заинтересована в выстраивании консолидированной линии американских республик в свете тревожных европейских процессов. Вследствие этого серьезное значение для сохранения лидирующей роли США имела задача по успешному проведению в декабре 1938 г. VIII Панамериканской конференции.

Незадолго до начала конференции поверенный в делах СССР в Вашингтоне К.А. Уманский сообщил в Москву о цели, которой будут добиваться США на данном международном форуме. В частности, он констатировал: «Американцы, по-видимому, серьезно берутся за вытеснение германо-японо-итальянского влияния из стран Латинской Америки. Дело, конечно, не столько в тех демократических и пацифистских проповедях, которые Хэлл будет произносить в столице, пожалуй, самой фашистской из всех южноамериканских стран – Перу, а в том, что во все центры Латинской Америки рассылаются американские военные миссии, экспортерам неофициально обещают субсидии при вывозе американского промышленного оборудования и, особенно, аэропланов, в страны Южной и Центральной Америки, разрабатываются схемы новых линий гражданской авиации (для вытеснения завоевавших серьезные позиции немцев)...»¹⁹⁶.

Делегация Соединенных Штатов, отправившаяся в столицу Перу Лиму транзитом через Панаму, Колумбию и Эквадор, была возглавлена государственным секретарем К. Хэллом. Касаясь того, какие конкретные процессы и явления вызывали тревогу у Соединенных Штатов, Хэлл отмечал: «Национал-социалистские партии распространились в латиноамериканских республиках, они находятся в тесной связи с НСДАП... Берлин настаивает на том, чтобы немцы, проживающие в странах Латинской Америки, посещали немецкие школы, голосовали на гитлеровских плебисцитах, находясь на бортах немецких

¹⁹⁶ Поверенный в делах СССР в США К.А. Уманский – наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову. 1 декабря 1938 г. АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 21. Папка 134 а. Д. 3. Л. 34.

судов, собирали информацию... Опасность Западнему полушарию со стороны держав “оси” угрожающа; она не ограничивается возможностью военного вторжения. Она представляет собой пропаганду, организацию политических партий, подкупы, шантаж. Мы уже видели те методы, которые со значительным успехом были применены в случаях с Австрией и Судетской областью. Точно такие же приемы характерны и по отношению к Латинской Америке”¹⁹⁷.

В то же время, следует отметить, что непосредственной военной угрозы государствам Западного полушария со стороны Третьего рейха в конце 1938 г. не существовало и не могло существовать по целому ряду причин. Германия в то время была сосредоточена на подготовке к решению европейских континентальных задачи и никоим образом не рассматривала Латинскую Америку как регион потенциального применения военной силы. К тому же, на тот момент не существовало чисто технических предпосылок к проведению масштабных операций подобного рода.

Конференция начала свою работу 9 декабря 1938 г. Ее главной целью было сплочение республик региона перед лицом все более вероятной европейской войны, разработка принципов американской солидарности, которая должна была стать основой для выработки единого курса в случае конфликта в Старом свете¹⁹⁸.

Уже на первом ее заседании К. Хэлл заявил: “Человечество стоит лицом к лицу перед альтернативой: свобода или рабство, порядок или анархия, прогресс или регресс, цивилизация или варварство... Не должно существовать и тени сомнения в том, что американские нации не допустят вторжения на территорию Западного полушария вооруженных сил какой-либо одной державы или же объединенных сил нескольких держав”¹⁹⁹. Можно сказать, что этими словами всей конференции был задан определенный лейтмотив, расставлены акценты и приоритеты.

Следует отметить, что жесткая позиция Хэлла была встречена одобрительно не всеми участниками конференции: намерения по созданию панамериканского

¹⁹⁷ Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 601-602.

¹⁹⁸ Афонина Т. А. Нацистское проникновение в Латинскую Америку и позиция США (1933-1939 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. Стр. 232.

¹⁹⁹ Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 605.

блока столкнулись с сопротивлением Аргентины, Чили и Уругвая, опасавшихся, что тесное сотрудничество с США может отрицательно сказаться на их торгово-экономических отношениях с Германией²⁰⁰. Так, глава делегации Аргентины, министр иностранных дел Х. М. Кантило, демонстративно покинул конференцию, назначив исполнять свои обязанности заместителя.

Следующие десять дней, с 10 по 17 декабря, сам Хэлл описывал как “одни из наиболее сложных в карьере”²⁰¹. Действительно, ни американская, ни аргентинская делегация не представили за это время конкретных проектов декларации о континентальной солидарности: “вместо этого происходили неофициальные консультации друг с другом и с иными делегациями в попытке выработать общую позицию”²⁰². Тем не менее, никакого продвижения не происходило, и выработка приемлемого для всех варианта ощутимо затягивалась.

“Наконец, – отметил Хэлл, – 17 декабря я побудил глав бразильской и перуанской делегаций созвать внеочередное заседание. Когда делегаты стали прибывать, я и перуанец встали в дверном проеме и начали приветствовать их, буквально “взяв за пуговицу пиджака” и не отпуская от себя. Мы оба настолько явственно, насколько могли, подчеркивали, что конференция тянется уже более недели, что Аргентина до сих пор не предложила ничего конструктивного относительно континентальной декларации и что следует загнать ее в более жесткие рамки, дабы она все же приняла определенную позицию”²⁰³.

Как только заседание началось, аргентинский представитель Р. Морено заявил, что декларацию надлежит составить в таком виде, чтобы она содержала лишь общие положения и не могла быть расценена европейскими государствами как направленная против них. Хэлл категорично возразил против подобного мнения: “Эта конференция должна прийти к четким утверждениям, которые удовлетворят ожидания народов Америки и мира. Декларация должна иметь единогласную поддержку всех делегаций. На пути к достижению этой цели

²⁰⁰ См. Афолина Т.А. Нацистская угроза и латиноамериканская политика США (1938–1939 гг.)//Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2006. № 2. Стр. 35.

²⁰¹ Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 605.

²⁰² Ibid.

²⁰³ Ibid. P. 605-606.

каждая делегация должна быть готова к тому, чтобы идти на компромисс. Я прибыл на эту конференцию готовым к совершению уступок... отказ одной, двух, трех стран не должен привести к тому, чтобы расстроить американскую солидарность»²⁰⁴.

Представители Уругвая и Чили, в свою очередь, выразили Аргентине частичную поддержку, обосновав свою позицию тем, что, исходя из торговой конъюнктуры, им необходимо принимать в расчет реакцию Германии на любую возможную форму декларации.

В итоге, от провала конференцию спасло только личное вмешательство президента Аргентины Р. Ортиса, действия которого способствовали скорейшему принятию «Декларации о принципах американской солидарности»²⁰⁵ в редакции, которая была близка варианту, предложенному Соединенными Штатами. В ней заявлялось о готовности латиноамериканских республик оказать совместный отпор агрессору в случае любой (не только непосредственно военной) угрозы извне, затрагивавшей безопасность или целостность любой из подписавшихся сторон.

Кроме того, был создан механизм консультаций, которые должны были проводиться на уровне министров иностранных дел и могли быть организованы по инициативе любого американского государства при «возникновении острых проблем высокой степени важности в экономической, политической, военной и культурной сфере». На конференции также были приняты резолюции, касавшиеся иностранных политических партий и возможности применения местной юрисдикции в отношении иностранных резидентов. В соответствии с этими решениями во всех латиноамериканских республиках была запрещена деятельность пронацистских информационных центров, объединенных в «Аусланд» – структуру, связанную с внешней разведкой рейха, а в ряде стран региона состоялись официальные расследования нацистской деятельности²⁰⁶.

²⁰⁴ Ibid.

²⁰⁵ U.S. State Department. Peace & War. United States Foreign Policy 1931-1941. Washington, 1943. P. 440-441.

²⁰⁶ См. Афонина Т.А. Нацистская угроза и латиноамериканская политика США (1938–1939 гг.)//Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2006. № 2. Стр. 36.

Кроме того, как подчеркивал Хэлл, “окончательное отношение конференции к державам “оси” и их действиям было недвусмысленно выражено в единогласном принятии резолюций об осуждении расовых и религиозных предубеждений и проявлении соответствующих актов нетерпимости, где бы они ни происходили, а также об осуждении коллективной политической деятельности групп иностранцев в Западном полушарии”²⁰⁷.

Произнося 24 декабря речь, завершавшую работу конференции, американский государственный секретарь заявил: “Можно честно сказать, что те принципы, которые государства нашего полушария избрали для того, чтобы их твердо придерживаться, являются столь широкими и естественными, что остальные государства мира также вполне могут их разделить. Если они будут восприняты и утверждены во всем мире, то великий страх подойдет к концу... Однако, все же есть те, кто полагает, что мир держится на силе. Здесь, в пределах нашего полушария, этот подход не является жизнеспособным”²⁰⁸.

В связи с этим правомерно утверждать, что данный международный форум означал крупную дипломатическую победу Вашингтона. Во-первых, создание реального механизма консультаций в случае угрозы извне было важным шагом на пути создания панамериканского военно-политического блока. Во-вторых, решения конференции значительно ограничивали деятельность в регионе немецких политических организаций²⁰⁹. Администрации Рузвельта удалось существенно укрепить Панамериканский союз, начав процесс его трансформации из аморфной консультативной структуры в политический альянс, основанный на лидерстве Соединенных Штатов²¹⁰.

Проведение Лимской конференции вызвало в Берлине осязаемое беспокойство. Уже к моменту ее открытия конференции в перуанской столице находились несколько представителей министерства народного просвещения и пропаганды Германии, задачей которых было установление контактов с

²⁰⁷ Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 609.

²⁰⁸ Ibid. P. 611.

²⁰⁹ Афонина Т. А. Нацистское проникновение в Латинскую Америку и позиция США (1933-1939 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. Стр. 236.

²¹⁰ Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. Указ. соч. Стр. 461.

делегатами латиноамериканских республик и проведение с ними бесед о преимуществах тоталитарного строя, в том числе, и для самих государств Западного полушария. Однако, их усилия не оказались продуктивными для Третьего рейха. Немецкий посланник в Перу В. Небель отмечал, что “Соединенные Штаты преуспели в фиксации негативного отношения государств континента к авторитарным государствам, усилении демократической идеи и формировании единого фронта против идеологического влияния и прочих внешних угроз” и заключал, что большая часть постановлений конференции направлена именно против Германии²¹¹.

Исходя из данных реалий, немецкая пресса стала активно понижать степень значимости итогов конференции, педалируя тот факт, что окончательным итогом форума стало принятие декларации, а не договора. Хэлл же, касаясь этого момента в своих мемуарах, резонно упомянул, что декларация являлась более предпочтительной формой утверждения постановлений, нежели договор: “Она могла быть более категоричной по содержанию, не требовала ратификации парламентами стран-участниц и вступала в силу незамедлительно”²¹².

Таким образом, вполне допустимо говорить о том, что отношения США и Германии, заметно усложнившиеся вследствие взаимного отзыва послов, еще более обострились после проведения Лимской конференции. Соединенным Штатам при этом удалось добиться цели по сохранению собственного ведущего положения на континенте. Антинацистский характер конференции и принятых на ней решений свидетельствовал о готовности США активно защищать Западное полушарие от дальнейшего проникновения гитлеризма, несшего потенциальную угрозу безопасности и интересам страны.

Потенциальная опасность, исходившая от Германии, заставила администрацию США приступить к переосмыслению сути американо-германских отношений. Становилось ощутимым, что агрессивные немецкие действия в

²¹¹ DGFP. Series D. Volume 5. P. 885-886.

²¹² Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 609.

Европе могут отрицательно сказаться на экономических и политических связях Соединенных Штатов с государствами Старого света, а постепенное развитие экономических связей Третьего рейха с государствами Латинской Америки способно привести к нивелированию доминирующей роли Вашингтона в этом традиционном регионе влияния. В связи с этим в конце декабря 1938 г. – начале января 1939 г. администрация США развернула активную деятельность по подготовке президентского послания Конгрессу, которое должно было отразить позицию руководства страны относительно происходивших процессов. Проект был подготовлен, согласован и одобрен президентом.

4 января 1939 г. Франклин Рузвельт выступил с ежегодным обращением к Конгрессу. Его особенностью стал упор на характеристику международной обстановки и внешней политики Соединенных Штатов.

Рузвельт отметил: “Вокруг нас везде бушуют войны, в том числе и экономические... везде существует угроза новых агрессий – военных и экономических”²¹³. Далее глава Белого дома перешел к оценке роли Соединенных Штатов на мировой арене: “Очевидным является тот факт, что мы на законодательном уровне отказываемся от вооруженного вмешательства в конфликтную ситуацию, чтобы предотвратить возможное осуществление агрессии; однако же, это не означает, что мы должны вести себя так, будто понятия “агрессия” не существует вовсе... Имеется множество невоенных методов, с помощью которых можно донести до сознания агрессивных правительств единую волю нашего народа... По меньшей мере, мы должны избегать любых действий, равно как и отсутствия оных, которые могли бы поощрить агрессора, сыграть ему на руку. Мы поняли на опыте, что когда мы сознательно стремимся быть нейтральными, наши законы могут быть несправедливыми – в действительности они могут оказывать помощь агрессору и лишать этой помощи жертву агрессии”²¹⁴.

²¹³ Franklin Delano Roosevelt and Foreign Affairs (далее – FDR & FA). Volume 13. NY, 1969. P. 1.

²¹⁴ Ibid. P. 6-7.

В конце послания Рузвельт подчеркнул, что “происходящие за рубежом события со всей отчетливостью продемонстрировали американцам, что сейчас им следует куда менее опасаться угроз внутренних, нежели внешних”²¹⁵.

Исходя из высказываний президента, вполне допустимо утверждать, что Германия, не названная, однако, прямым текстом, начала однозначно восприниматься Белым домом в качестве государства, представлявшего угрозу интересам и безопасности Соединенных Штатов.

Оценивая выраженные Рузвельтом взгляды на внешнюю политику страны и сложившуюся международную конъюнктуру, закономерно отметить ряд заключенных в них особенностей.

Во-первых, следует отметить, что, по сути, это было послание президента-интернационалиста, в котором содержался достаточно отчетливый призыв к необходимости отхода от глухого изоляционизма.

Во-вторых, сам факт включения в президентское послание заявлений насчет состояния международных отношений и об участии в них Соединенных Штатов недвусмысленно говорил о пристальном внимании Рузвельта к разворачивавшимся в мире событиям, а также о том, что США, ввиду сложившейся ситуации, должны становиться деятельным субъектом на мировой арене и стремиться к активной защите своих позиций и интересов.

В-третьих, пусть в осторожных, но все-таки не оставляющих возможности для их двусмысленного толкования выражениях президент высказался за пересмотр закона о нейтралитете.

Обращаясь в мемуарах к выступлению Рузвельта, К. Хэлл вспоминал, что еще за несколько недель до своего отбытия в Лиму он провел ряд консультаций с ключевыми чиновниками государственного департамента по вопросу о возможной ревизии закона о нейтралитете. “Мы, как и президент, полагали, что его существующая редакция, делая невозможным для европейских демократий в

²¹⁵ Ibid. P. 24.

случае начала войны приобретать у нас оружие, фактически подстрекала Гитлера к тому, чтобы развязать боевые действия” – записал он²¹⁶.

Так или иначе, слова Рузвельта о “невоенных методах” и о возможном пересмотре закона о нейтралитете могут быть рассмотрены также как и определенного рода компромиссный подход к противоборству изоляционистов и интернационалистов: не заявляя ничего конкретно и определенно, глава Белого дома весьма озадачил первых и обнадежил вторых²¹⁷. К тому же, подобная позиция, избранная президентом и администрацией, являлась весьма эффективным способом отражать фронтальные атаки изоляционистов и воздействовать на общественное мнение²¹⁸.

Однако, вскоре Белый дом стал получать письма, в том числе и анонимные, в которых осуждались действия госдепартамента в отношении Германии и утверждалось, что США должны быть безразличны к особенностям внутривнутриполитической обстановки этого государства²¹⁹.

Что касается реакции Третьего рейха на выступление американского президента, то упоминания о ней содержатся в обзоре материалов немецкой прессы за первую половину января 1939 г., составленном сотрудниками советского полпредства в Берлине. В нем отмечалось: “Как берлинские, так и провинциальные газеты поместили серию статей, в которых резко и оскорбительно выступали по адресу Соединенных Штатов и лично Рузвельта. “Берлинер Тагеблат” (орган МИДа) в передовой статье, посвященной посланию Рузвельта, называл его “президентом Дон Кихотом”... Эссенская “Националь Цайтунг” (считающаяся органом Геринга) писала: “Речь Рузвельта есть показатель того, что Соединенные Штаты Америки и ответственные руководители в противовес поведению Германии не интересуются созданием

²¹⁶ Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 613. Действовавшая на тот момент редакция закона о нейтралитете США была введена в силу в мае 1937 г. и включала в себя положения о запрете продажи американского оружия воюющим государствам, а также о запрете захода американских судов в “зоны военных действий”, определявшиеся специальной прокламацией президента. Кроме того, сроком на два года вводилось действие принципа “кэш-энд-кэрри” (“плати и вези”), означавшего, что если то или иное государство окажется участником войны, то оно, обладая наличными деньгами, сможет беспрепятственно приобретать у США и вывозить на собственных судах материалы военного назначения, сырье для военных нужд и смежные виды продукции.

²¹⁷ Rauch B. Op. cit. P. 109.

²¹⁸ Cole W. Roosevelt and the Isolationists. Lincoln, 1983. P. 299.

²¹⁹ Germany Miscellaneous. January-June 1939. Box 198a. OF. FDRL.

дружеского сотрудничества обоих народов”²²⁰. Таким образом, видно, что в представлении немцев пропаганда формировала довольно отчетливый образ Рузвельта, заключающийся в представлении его как человека, не в полной мере реалистично воспринимавшего международную обстановку в целом, и состояние американо-германских отношений, в частности.

В то же время, военный и военно-морской атташе Германии в Вашингтоне Ф. фон Беттихер и Р. Виттгефт-Эмден в специальном донесении, направленном Верховному главнокомандованию вермахта (далее - ОКВ), подчеркнули, что “Соединенные Штаты при состоянии их вооружения не думают об участии в европейской войне”²²¹.

Тем не менее, идеи, заложенные в прозвучавшем послании, вскоре начали обретать логичное продолжение. Речь идет, в первую очередь, об активизации действий по наращиванию обороноспособности страны.

6 января министр военно-морских сил США К. Свэнсон внес на утверждение Конгресса законопроект о строительстве новых военных баз для подводного флота на островах Тихого и Атлантического океанов, а также оборудовании дополнительных авиабаз на тихоокеанских островах Форд-Айленд, Мидуэй, Уэйк и расширении уже существующих в Сан-Диего, Сиэтле и Аламеде²²². Очевидно, что данные меры были направлены на повышение уровня защищенности Западного полушария от возможной агрессии со стороны держав “оси”.

Рузвельт спустя несколько дней также обратился к Конгрессу с запросом на выделение 1,3 миллиарда долларов на формирование военного бюджета, а также дополнительных 500 миллионов на армейские нужды и строительство самолетов²²³. Таким образом, становились предельно очевидными намерения президента по изменению оборонительной системы США в сторону ее значительного укрепления.

²²⁰ Полпредство СССР в Германии. Отдел печати. 17 января 1939 г. Обзор германской прессы за первую половину января 1939 г. АВП РФ. Ф. 82. Оп. 23. Папка 73. Д. 8. Лл. 296, 297.

²²¹ DGFP. Series D. Volume 4. P. 672.

²²² CR. 1939. Volume 84. Part 1. P. 74-77.

²²³ Offner A. The Origins of the Second World War. American Foreign Policy and World Politics. N.Y., 1975. P. 127.

Государственный секретарь К. Хэлл, вернувшись из Лимы 7 января, сразу приступил к действиям, отвечавшим президентским инициативам. В тот же день состоялась его встреча с демократом К. Питтмэном, председателем сенатского комитета по международным делам. Основной темой беседы стала возможность трансформации существующего закона о нейтралитете. По ее окончании сенатор согласился с мнением Хэлла о необходимости внесения в закон поправок, направленных на перевод всей торговли с государствами, находящимися в состоянии войны, на принцип “кэш-энд-кэрри”²²⁴. В случае трансформации закона о нейтралитете, принцип “кэш-энд-кэрри”, согласно инициативам администрации, должен был включить в себя и поставку вооружения, находившуюся ранее под действием эмбарго. Соответственно, автоматически происходила отмена эмбарго; проводившееся ранее строгое разделение вооружения (собственно оружие и боеприпасы) и материалов военного назначения также упразднялось. Стремление к осуществлению подобных преобразований отчетливо говорило о намерении оказывать широкую помощь европейским демократиям в случае их вступления в войну с Германией.

Кроме того, на самом высоком уровне стало проявляться существенное внимание немецким дипломатам, работавшим в США. 24 января С. Уэллес писал Ф. Рузвельту насчет возможного назначения Ф. Видемана²²⁵ на пост немецкого генерального консула в Сан-Франциско. Он указывал, что Ф. Видеманн и покинувший четыре дня ранее пост президента Рейхсбанка Я. Шахт являлись представителями умеренных политических кругов Германии, и добавлял, что Берлин, отдаляя их от центра, стремился, избежав возможного сопротивления с их стороны, полностью подчинить экономику страны военным нуждам. Резюмируя, Уэллес отмечал, что госдепартамент не будет возражать против назначения Видеманна, но установит тщательный надзор за его деятельностью²²⁶.

²²⁴ Pratt J. Cordell Hull. Volume 1. N.Y., 1964. P. 305.

²²⁵ Фриц Видеманн (1891-1970) – личный адъютант А. Гитлера в 1934-1938 гг. Во время Первой мировой войны командовал батальоном, в котором сражался Гитлер.

²²⁶ Sumner Welles to FDR. 27 January 1939. Roosevelt, Franklin D., January-February, 1939. Box 150. Folder 06. Sumner Welles Papers. FDRL.

В тот же день Дж. Мессерсмит в письме к Хэллу выразил схожую точку зрения на немецкие реалии: “Отставка Шахта означает, что полный контроль над финансовой и экономической структурой Германии переходит к радикальным элементам... нет никакой надежды на то, что Германия будет проявлять умеренность как во внутривнутриполитическом, так и во внешнеполитическом курсе”²²⁷.

27 января С. Уэллес в нью-йоркском отеле “Уолдорф Астория” произнес речь, в которой указал, что основной внешнеполитической целью администрации является сохранения мира для Соединенных Штатов. При этом он отметил, что народ и власти США имеют полное право осуждать применение силы и протестовать против него, где бы оно ни происходило, а также выразил надежду, что любое изменение закона о нейтралитете будет служить национальным интересам²²⁸.

Таким образом, в январе 1939 г. были предприняты попытки формирования обновленного подхода США к отношениям с Третьим рейхом. Руководство страны дало понять, что Соединенные Штаты намерены произвести перемены в своей политике, которые будут отвечать духу времени и соответствовать необходимости защиты государственных интересов как на американском континенте, так и в Старом свете.

Перспектива коренного изменения традиционных принципов американской внешней политики и трансформации подходов к участию в международных отношениях в свете потенциальной угрозы со стороны нацистской Германии стала одной из наиболее дискуссионных проблем в среде американского истеблишмента. Видную роль в соответствующих обсуждениях играли члены Конгресса США.

Прослушав президентское послание и ознакомившись с заключенными в нем идеями, конгрессмены начали выражать свое отношение к инициативам Рузвельта, касавшимся возможного изменения подходов страны к агрессивным

²²⁷ Цит. по: Hearden P. Op. cit. P. 121.

²²⁸ Address of the Honorable Sumner Welles... 27 January 1939. Speeches, 1939. Speeches & Writings, 1928-1950. Box 194. Folder 12. Sumner Welles Papers. FDRL.

держavam и предпринимаемым ими действиям. Популярными формами заявления собственной позиции стали публичные речи, а также выступления в радиоэфире.

Наибольшую активность на этом направлении проявили оппоненты Рузвельта – изоляционисты, стремившиеся к отстаиванию традиционных постулатов и сохранению сложившихся принципов внешней политики США.

Стоит отметить, что важной особенностью американского изоляционизма в исследуемый исторический период был его неоднородный характер. С нашей точки зрения, правомерно выделить три магистральных направления, присущих ему в конце 1930-ых – начале 1940-ых гг.

Левое крыло изоляционистского блока Конгресса, заметными представителями которого были республиканец Х. Джонсон²²⁹ и прогрессист²³⁰ Р. Ла Фоллетт²³¹, выступало против нацизма как такового. Внешнеполитические воззрения “левых” изоляционистов в значительной степени были связаны с идеями антимилитаризма. Негативно относясь к гитлеровской Германии и ее ревизионистскому курсу, но настаивая при этом на невовлечении страны в зарубежные противоречия, они выражали интересы фермеров и горожан “среднего класса”, преимущественно проживавших в западных штатах.

Наиболее мощным сегментом изоляционизма была достаточно многочисленная “центристская” группа конгрессменов, представлявшая Средний Запад²³². Ведущее положение в ней занимали республиканцы А. Ванденберг²³³, Р. Тафт²³⁴, Р. Вудруф²³⁵, Ф. Брэдли²³⁶, К. Хоффман²³⁷, Л. Тилл²³⁸, а также демократы Б. Кларк²³⁹ и У. Бюлов²⁴⁰. Не считая возросшую

²²⁹ Хайрем Джонсон (1866-1945) – сенатор от штата Калифорния.

²³⁰ Американский прогрессивизм – политическое течение, направленное на пропаганду и осуществление социальных и политических реформ “сверху”, то есть по инициативе государственного руководства.

²³¹ Роберт Ла Фоллетт-младший (1895-1953) – сенатор от штата Висконсин, единственный представитель Прогрессистской партии в Сенате.

²³² Средний Запад – географический регион США, включающий в себя 12 штатов: Айову, Висконсин, Иллинойс, Индиану, Канзас, Миннесоту, Миссури, Мичиган, Небраску, Огайо, Северную Дакоту, Южную Дакоту.

²³³ Артур Ванденберг (1884-1951) – сенатор от штата Мичиган.

²³⁴ Роберт Тафт (1889-1953) – сенатор от штата Огайо.

²³⁵ Рой Вудруф (1876-1953) – член Палаты представителей от штата Мичиган.

²³⁶ Фредерик Брэдли (1898-1947) – член Палаты представителей от штата Мичиган.

²³⁷ Клэр Хоффман (1875-1967) – член Палаты представителей от штата Мичиган.

²³⁸ Льюис Тилл (1903-1975) – член Палаты представителей от штата Висконсин.

²³⁹ Беннетт Кларк (1890-1954) – сенатор от штата Миссури.

²⁴⁰ Уильям Бюлов (1869-1960) – сенатор от штата Южная Дакота.

активность Третьего рейха фактором, способным нести угрозу интересам Соединенных Штатов, они, как правило, акцентировали внимание на первоочередности решения внутривнутриполитических задач и социальных проблем. Среди причин, обусловивших распространённость изоляционистских идей на Среднем Западе, следует выделить географическую замкнутость данного региона, считавшегося “хартлендом” США, его экономическую самодостаточность, сопряжённую с низким уровнем развития внешней торговли, а также наличие большого числа жителей германского происхождения²⁴¹.

Правый фланг изоляционизма состоял из деятелей, настроенных если не пронацистски, то, по крайней мере, благожелательно-нейтрально в отношении Третьего рейха. Ведущее положение среди них занимал Ч. Линдберг. Кроме него, следует выделить популиста Ч. Кофлина²⁴² и конгрессмена Я. Торкельсона²⁴³. В той или иной мере все перечисленные активисты разделяли антисемитские взгляды, а также симпатизировали нацизму. Обвиняя администрацию Рузвельта и евреев в целенаправленном втягивании страны в войну, они энергично настаивали на необходимости предотвращения реализации подобного сценария. При этом они замыкали государственный интерес Соединенных Штатов исключительно на внутренних проблемах. С некоторыми оговорками (меньшая степень антисемитских акцентов) к сторонникам “правого” изоляционизма также могут быть отнесены влиятельные конгрессмены Р. Рейнольдс²⁴⁴ и Г. Фиш²⁴⁵.

Как правило, основной упор в выступлениях изоляционистов делался на обоснование пагубности вовлечения страны в международные противоречия, даже при условии наличия возможной опасности со стороны Германии, которую они считали явно преувеличенной.

²⁴¹ См. подробнее: Fensterwald B. The Anatomy of American Isolationism and Expansionism. Part 1//The Journal of Conflict Resolution. 1958. Volume 2. № 2. P. 128, Billington R. The Origins of Middle Western Isolationism//Political Science Quarterly. 1945. Volume 60. № 1. P. 63-64.

²⁴² Чарльз Кофлин (1891-1979) – католический священник ирландского происхождения. В 1930-ые гг. приобрел известность за счет своих радиовыступлений, во время которых подвергал критике политику Ф. Рузвельта и выступал с поддержкой режимов А. Гитлера и Б. Муссолини, считая их противовесом большевизму.

²⁴³ Якоб Торкельсон (1876-1945) – член Палаты представителей от штата Монтана, этнический норвежец.

²⁴⁴ Роберт Рейнольдс (1884-1963) – сенатор-демократ от штата Северная Каролина.

²⁴⁵ Гамильтон Фиш (1888-1991) – республиканец, член Палаты представителей от штата Нью-Йорк

Весьма показательной в этом плане являлась речь, которую произнес 19 января Г. Фиш. Отметив приоритет решения внутривнутриполитических задач, он подчеркнул, что администрация действует в принципиально ином направлении: “Американский народ подталкивают к тому, чтобы он поверил, что ему грозит опасность быть атакованным другим государством, к тому, чтобы он поверил, что другое государство намеревается вторгнуться в Южную Америку, к тому, что ему нужно чуть ли не объединиться с коммунистами, дабы противостоять Германии...”²⁴⁶.

Далее Фиш заявил, что президенту США “прекрасно известно, что ни одно государство в мире не захочет совершить экономическое, финансовое, военное самоубийство, напав на нас” и охарактеризовал в связи с этим Рузвельта как “самого яркого интернационалиста и интервенциониста, который когда-либо занимал Белый дом”²⁴⁷. Завершил же Фиш свое выступление, воззвав соотечественников к проявлению гражданской сознательности: “Сейчас – самое время, чтобы вновь подтвердить нашу приверженность традиционной политике нейтралитета, невмешательства, мира”²⁴⁸.

Речь конгрессмена ярко продемонстрировала, что член профильного комитета Палаты представителей не осознавал подлинной значимости роли, которую стала играть в международных отношениях Германия под властью Адольфа Гитлера. Сущность ее политики и действий на международной арене расценивалась как не имевшая никакого отношения к Соединенным Штатам, не создававшая угрозы безопасности Западного полушария и не затрагивавшая американских интересов. Активность же нацистской пропаганды и ее распространение в латиноамериканских республиках вовсе не воспринимались в качестве проблем, заслуживавших рассмотрения и анализа.

Схожие воззрения были выражены 22 января однопартийцем Фиша, влиятельным сенатором Р. Тафтом²⁴⁹ в выступлении, которое также прозвучало в радиоэфире. “Действия Рузвельта неизбежно ведут к войне. Они противоречат

²⁴⁶ CR. 1939. Volume 84. Part 11. Appendix. P. 238-239.

²⁴⁷ Ibid. P. 239.

²⁴⁸ Ibid.

²⁴⁹ Роберт Тафт (1889-1953) – сенатор-республиканец, убежденный сторонник изоляционизма.

традиционной политике Соединенных Штатов, начиная со времен Джорджа Вашингтона”²⁵⁰ – предварив речь таким вступлением, Тафт подверг острой критике точку зрения, занятую администрацией и обозначил собственные взгляды на международную обстановку и соотношение сил на мировой арене. В частности, сенатор безапелляционно заявил: “Восприятие Германии в качестве силы, угрожающей сокрушить Великобританию и Францию, а затем напасть на Соединенные Штаты, - простая иллюзия. Однако, она внушает сейчас самый настоящий страх... Нет причин полагать, что Германия сможет победить Британию и Францию в войне. Даже если гипотетически предположить подобный сценарий, то какую выгоду она приобретет от последующего нападения на Соединенные Штаты? Мощь нашей страны заставит любую державу, сколь сильной бы она ни была, серьезно задуматься над этим вопросом”²⁵¹.

Слова Тафта свидетельствовали о тех заблуждениях, которые были свойственны сторонникам изоляционизма – недооценка потенциала Германии и направленности ее действий сочеталась со стремительно устаревавшими представлениями относительно обособленности, отстраненности США от общемировых процессов, грозивших возникновением масштабной войны.

И, безусловно, в данном контексте следует упомянуть о речи под названием “Дяде Сэму не следует совать нос во внутренние дела других государств”, произнесенной сенатором Р. Рейнольдсом 24 января 1939 г. на ежегодном собрании Коалиции патриотических обществ США.

Рейнольдс отметил: “Не наше дело, какого рода правительство народ Германии избрал для себя. Какое право мы имеем советовать немцам... при какой форме власти им следует жить? Какое право мы имеем критиковать их за то правительство, которое они себе избрали?”²⁵².

Затем сенатор выразил собственное отношение к произошедшим в Германии в конце 1938 г. еврейским погромам и реакции, которую надлежало проявить Соединенным Штатам: “Конечно, мое глубокое сопереживание

²⁵⁰ CR. 1939. Volume 84. Part. 11. Appendix. P. 262.

²⁵¹ Ibid. P. 263.

²⁵² Ibid.

относится к преследуемым группам населения, но я не желаю, чтобы США ввязались в войну из-за меньшинств какой-либо страны этого мира. Вступать из-за них в войну – неприемлемый вариант для нас, поскольку эти люди не являются американскими гражданами. Итак, если они не являются американцами, то почему мы должны ставить под угрозу безопасность 130 миллионов своих соотечественников, навлекая на себя вражду 80 миллионов немцев, концентрируя на себе их ненависть?”²⁵³.

Завершил же выступление Рейнольдс энергичным призывом: “ Давайте сначала приведем в порядок свой собственный дом, прежде чем будем говорить другим государствам, что и как именно им необходимо делать!”²⁵⁴.

Отталкиваясь от данных выступлений, вполне допустимо говорить о том, что они достаточно верно отражали настроения той части американского народа, которая придерживалась необходимости следования традиционным векторам внешней политики, соблюдения Соединенными Штатами нейтралитета относительно событий, происходивших на мировой арене. Акцент на собственных проблемах США был призван сформировать в восприятии граждан представление о первоочередности решения внутренних задач, что в полной мере отвечало интересам сторонников невовлечения в международные процессы.

Действительно, аргументации изоляционистов трудно отказать в логичности. Последовательно обосновывая необходимость придерживаться традиционных принципов во внешней политике, они выделяли ряд факторов, которые, по их мнению, однозначно говорили в пользу этого подхода.

Во-первых, весьма характерны были отсылки к урокам прошлого. Согласно позиции изоляционистов, следование оправдавшим себя традиционным доктринам являлось залогом американской безопасности.

Во-вторых, изоляционисты апеллировали к необходимости водворения “порядка” в самих Соединенных Штатах и неприемлемости осуждения иных государств, вне зависимости от характера правившей там власти. Призывая к

²⁵³ Ibid. P. 264.

²⁵⁴ Ibid.

сосредоточению общественного мнения на внутренних проблемах США, тот же Р. Рейнольдс подчеркивал, что “в нашей стране по улицам бродят 12 миллионов обездоленных мужчин и женщин, не имеющих крова, пропитания и одежды: это 70% от всех безработных в мире”²⁵⁵.

В-третьих, как минимум нейтральное отношение к Германии было в известной степени обусловлено личными взглядами и пристрастиями ряда изоляционистов. Так, например, высказывания Г. Фиша относительно того, какой следует быть американской политике, положительно воспринимались в рейхе и регулярно публиковались в нацистской прессе. Что касается Р. Рейнольдса, то общественности были широко известны его близкие контакты с пронацистской организацией “Серебряный легион Америки” и ее основателем У.Д. Пелли.

Резюмируя сущность приведенных воззрений, представляется правомерным отметить, что изоляционизм как таковой не учитывал тотального характера нацистской угрозы для всего человечества, заключенной в совокупности государственно-политических и идеологических установок Третьего рейха. В стремительно обострявшихся условиях предвоенного времени он явно “играл на руку” Гитлеру, сковывая возможности даже теоретического противостояния ревизионистским намерениям Германии. Следует подчеркнуть, что в критический период накануне Второй мировой войны изоляционизм не мог являться доктриной, способной гарантировать Соединенным Штатам незыблемость их внешнеполитических интересов.

В то же время, активность интернационалистов, поддерживавших Рузвельта и его взгляды, в начале 1939 г. была достаточно ограниченной. По сути, в этом отношении представляется возможным выделить лишь одно заметное выступление – речь, произнесенную 21 января А. Лэндоном²⁵⁶ – убежденным сторонником курса администрации, участником Панамериканской конференции в Лиме.

²⁵⁵ Ibid.

²⁵⁶ Альфред Лэндон (1887-1987) – американский политик; республиканец, сторонник интернационализма. На выборах президента США 1936 г. занял второе место, уступив Ф. Рузвельту.

“Мы, американцы, – прежде всего граждане своей страны, и лишь затем республиканцы или демократы. Наша позиция будет куда более прочной, если мы все вместе будем стоять плечом к плечу, вне зависимости от наших политических воззрений, когда над нами, как сейчас, висит угроза давления извне или даже внешнего вторжения... С каждым днем становится все более очевидным тот факт, что в Западном полушарии мы сталкиваемся с эквивалентом того, что имело место в Европе”²⁵⁷ – призвал он к сплочению нации перед лицом нового вызова в виде надвигающейся на Америку нацистской опасности. Отметив, что “главная угроза для нас сегодня – внешняя”, Лэндон резюмировал: “Президент подчеркивает, что внешней политике США необходима активность... Он готовится к столкновению с военной агрессией. Каждый истинный американец на 100% разделяет его программу, направленную на соответствующие действия”²⁵⁸.

Слова в поддержку устремлений Ф. Рузвельта по изменению подходов к нацистской опасности были не столь горячими, как выступления изоляционистов, но, тем не менее, в значительной степени совпадали со взглядами администрации, постепенно осознававшей необходимость принятия Соединенными Штатами новой роли на мировой арене и необходимость деятельного включения в международные процессы.

Противостояние изоляционистов и интернационалистов относительно пересмотра традиционных подходов страны к иностранным делам и по вопросу об изменении сущности отношений с нацистской Германией с начала 1939 г. стало характерной чертой политического процесса Соединенных Штатов.

23 января произошел неожиданный и весьма неприятный для администрации США инцидент: под Лос-Анджелесом разбился американский бомбардировщик, в котором находился представитель ВВС Франции. Американский летчик погиб, французский капитан получил серьезные травмы. Через несколько дней сообщения о катастрофе появились в прессе. Таким

²⁵⁷ CR. 1939. Volume 84. Part. 11. Appendix. P. 248-249.

²⁵⁸ Ibid. P. 249.

образом, сотрудничество между США и Францией в военной сфере перестало быть секретом; в сенатском комитете по военным делам начались слушания по вопросу о продаже Франции американских самолетов. Изоляционисты получили весомый предлог для обвинений президента в выдаче военных секретов и втягивании США в европейские противоречия.

Поскольку напряженность вокруг этой ситуации стремительно возрастала, администрация сочла необходимым разъяснить свои действия. 31 января в Белом доме состоялась встреча Рузвельта с представителями означенного комитета, в который, среди прочих, входили приглашенные президентом изоляционисты – республиканцы Дж. Най и Э. Ландин, а также демократ Б. Кларк.

На совещании Рузвельт подробно изложил свои взгляды на международную обстановку. Он отметил, что если в Европе начнется война, то Великобритании и Франции, не получая помощи от США, будут разбиты. Державы “оси”, утвердившись в Европе, вскоре подчинят себе преимущественно колониальную Африку. Затем Рузвельт перечислил последствия, которые затронут Западное полушарие в случае реализации подобного сценария. “Следующая совершенно несомненная цель – Центральная и Южная Америка... Не говорите, что это химера... Мог ли кто-нибудь из вас шесть лет назад помыслить, что Германия будет безраздельно доминировать в Европе? Именно поэтому мы не можем позволить себе роскошь бездействовать... Идет постепенное окружение Соединенных Штатов, уничтожается наша первая линия обороны. А она проходит в Европе и по Средиземному морю...”²⁵⁹.

Таким образом, Рузвельт предельно откровенно обрисовал перед сенаторами собственное представление о внешнеполитических приоритетах государства. Действительно, монолог президента не оставлял возможности для его двусмысленного толкования: ФДР заявил, что нацистская Германия является врагом, от которого исходит непосредственная угроза безопасности страны. Латинская Америка при этом воспринималась в роли “плацдарма”, с которого

²⁵⁹ Цит. по: Greer Th. What Roosevelt Thought. The Social and Political Ideas of Franklin Roosevelt. Michigan, 1958. P. 181-182.

нацизм мог нанести удар по США. Верно оценивая стремительно возросшую экономическую и военную мощь рейха, президент справедливо указывал, что Германия уже утвердилась на международной арене в качестве одного из наиболее значимых субъектов и континентального гегемона. В связи с этим убежденность Рузвельта в том, что именно в Старом свете должна находиться “первая линия обороны”, следует считать вполне отвечавшей национальным интересам Соединенных Штатов. По сути, допустимо считать эту фразу сигналом, который был подан изоляционистам, считавшим отказ от вовлечения в европейские дела одной из внешнеполитических доминант.

Комментируя представителям прессы прошедшее совещание, сенаторы нарушили обещание соблюдать конфиденциальность состоявшейся беседы, низведя высказывания президента до искаженной формулировки, которая уже 1 февраля прошла в газетах – “Американская граница проходит по Рейну”. В ответ на это Белый дом дал незамедлительное опровержение. Что касается Рузвельта, то подобная безответственность вызвала его бурное негодование, и, выступая перед журналистами, он разгневанно произнес: “Так мог сказать только болван!”²⁶⁰.

Данная ситуация не осталась незамеченной в Германии. Нацистская пресса обрушилась на Рузвельта с обвинениями в том, что он является “военным агитатором номер 1” и даже “лучшим другом большевиков”²⁶¹.

Тем не менее, февраль 1939 г. был месяцем, отмеченным определенным снижением активности президента США и его администрации в плане формирования обновленных внешнеполитических концепций и подходов. Как справедливо отмечает отечественный исследователь Н.И. Егорова, на это в значительной степени повлияла беседа Рузвельта с сенаторами-изоляционистами в последний день января и последовавшее за ней усиление осторожности в контактах с внешнеполитической оппозицией²⁶². Государственный департамент, под стать главе государства, занял выжидательную позицию. Чиновники и

²⁶⁰ Цит. по: Burns J. Roosevelt: the Lion and the Fox. NY, 1956. P. 389.

²⁶¹ Prentiss Gilbert. Memorandum. 10 February 1939. Dispatches, Germany: 4 November 1938 – 13 May 1939. Box 20. Confidential File. PSF. FDRL.

²⁶² Егорова Н.И. Указ. соч. Стр. 116.

дипломаты воздерживались от высказываний и заявлений относительно состояния международной обстановки.

Конгрессмены же, как изоляционисты, так и интернационалисты, продолжали активно обсуждать темы, связанные с внешней политикой США; не прекращались их выступления перед различными собраниями и в радиоэфире.

Широкий общественный резонанс вызвала речь Г. Фиша, которую он произнес 2 февраля. В ней политик с еще большей яростью обрушился на Ф. Рузвельта и его внешнеполитический курс.

“Я обвиняю Рузвельта в попытке демонтировать традиционную американскую внешнюю политику, в вовлечении нас в международные конфликты, военные союзы... в том, что именно он несет ответственность за волну военной истерии и страха, захлестнувшую Соединенные Штаты”²⁶³ – заявил оратор и перешел к обращениям, адресованным непосредственно главе государства: “Я призываю президента отчетливо обозначить, какое именно государство держит в уме идею о нападении на США или же на Латинскую Америку... развеять страх американских граждан относительно того, что их кров может быть подвергнут атаке, объяснить им, что не изобретен еще такой самолет, который смог бы пересечь океан и сбросить бомбу на какой-либо из наших городов”²⁶⁴.

Заканчивалась же речь довольно характерной для изоляционистов фразой: “Цель нашего народа – в том, чтобы ограждать Америку от ввязывания в зарубежные войны. Если же президент или кто-либо иной попытается устроить так, чтобы мы вмешались в такую войну, то наш долг будет заключаться в том, чтобы он не преуспел”²⁶⁵.

Высказывались, однако, и иные точки зрения относительно внешней политики США. В частности, глава сенатского комитета по международным делам К. Питтмэн, выступая 11 февраля в Балтиморе, выразил поддержку президентской позиции, сделав упор на необходимости обретения более

²⁶³ CR. 1939. Volume 84. Part 11. Appendix. P. 446.

²⁶⁴ Ibid.

²⁶⁵ Ibid.

деятельной роли в мировой политике с целью защиты безопасности страны от нацистской угрозы: “Днем и ночью мы слышим по радио и читаем в газетах: “Зачем наращивать оборону, если нет угрозы войны?” Так вот, некоторые вопрошающие ставят проблему подобным образом из-за банального неведения. Некоторых же просто подстегивает страх. Но неужели им не очевидно, что на диктатора не действуют ни право, ни мораль, ни общественное мнение?.. Правительство Германии проводит как раз подобную линию. Оно против Великобритании и Франции, оно против любой страны, которая будет препятствовать удовлетворению притязаний. И его действия в Латинской Америке – не что иное, как доказательство стремления подчинить эти огромные страны, столь богатые практически неразведанными ресурсами”²⁶⁶.

Вскоре за этим выступлением в общественно-политической жизни США произошло весьма важное событие, послужившее поводом для обострения дискуссий насчет сущности американо-германских отношений и необходимости противостояния гитлеризму. 20 февраля 1939 г. Германо-американский союз²⁶⁷, наиболее активная пронацистская организация США, провел в центре Нью-Йорка митинг в поддержку рейха, участие в котором приняли 22000 человек. Суть собрания свелась к тому, что лидер союза, Ф. Кун, произнес экспрессивную речь с восхвалением фюрера и его режима, а также выступил с критикой активных американских интернационалистов – Г. Моргентау и Г. Икеса.

Кроме того, Кун высказал скандальные обвинения в адрес Рузвельта и мер, предпринимаемых им во внутренней и внешней политике. Президент при этом был назван “евреем Розенфельдом”, а проводимый им “новый курс” – “еврейским курсом” (“Jew deal”)²⁶⁸. Закончилось собрание всеобщим исполнением “Песни Хорста Весселя” – официального гимна НСДАП.

На следующий день десятки газет опубликовали материалы о митинге и прозвучавших на нем заявлениях, предоставив сторонникам проведения жесткого

²⁶⁶ CR. 1939. Volume 84. Part 2. P. 1576.

²⁶⁷ Германо-американский союз был создан в 1936 г. и выступал за мирные отношения с нацистской Германией, а также в поддержку изоляционизма Соединенных Штатов. Насчитывал в своем составе около 25000 членов. Союз регулярно проводил митинги, на которых осуществлял пропаганду своих принципов. Лидером данной организации был родившийся в Мюнхене Фриц Кун (1896-1951), получивший в 1934 г. гражданство США.

²⁶⁸ Цит. по: Hass G. Von München bis Pearl Harbor. Berlin, 1965. S. 67.

курса в отношении Германии весомый аргумент в борьбе с идейными оппонентами.

Таким образом, можно утверждать, что ситуация по вопросу об изменении внешнеполитических подходов США в феврале продолжала активно развиваться. Изоляционисты доказывали пагубность отхода от нейтралитета, а также настаивали на неоправданности наращивания собственного военного потенциала. Все более осязаемая роль Германии на международной арене и экспансионистский характер ее внешней политики по-прежнему практически игнорировались, оказываясь в их восприятии факторами, которые не представляют для США никакой угрозы и не могут повлиять на безопасность и интересы страны.

Интернационалисты же, с точностью до наоборот, обосновывали необходимость поддержки курса на активное участие в мировых процессах. По их мнению, повышение уровня обороноспособности Соединенных Штатов, связанное с необходимостью оказания адекватного отпора потенциальной нацистской агрессии, являлось одной из наиболее насущных задач, стоявших перед государством. Осознавая, прежде всего, невыгодность для самих США тех изменений, которые могли произойти в случае реализации Третьим рейхом своей внешнеполитической программы, интернационалисты, пусть и непоследовательно, но пытались утвердить идею о соответствии антигитлеровской позиции американским национальным интересам.

§2. Акты немецкой агрессии в Европе и обострение американо-германских отношений (март 1939 г.)

Весной 1939 г. европейская обстановка продолжила стремительно усложняться. В первую очередь это было связано с тем, что нацистская Германия провела быстротечную операцию по ликвидации Чехословакии.

Стремясь покончить с угрозой словацкого сепаратизма, президент Чехословакии Э. Гаха 10 марта распустил автономное правительство Словакии. Гитлер воспользовался данным внутривластным конфликтом как поводом для вмешательства Германии. Бывший словацкий премьер Й. Тисо получил из Берлина указания в форме ультиматума: либо объявление Словакии “самостоятельным государством”, либо ее оккупация немецкими войсками. Тисо выбрал первый вариант и 14 марта провозгласил независимость Словакии.

В ночь на 15 марта в столицу Германии были доставлены президент Э. Гаха и министр иностранных дел Ф. Хвалковский. Гитлер заявил им, что в связи с распадом Чехословакии Германия устанавливает протекторат над чешскими областями Богемией и Моравией (т.е. фактически над всей территорией Чехии). После этого Гахе вручили заранее подготовленный документ, в котором говорилось, что чехословацкое правительство “добровольно вверяет судьбы этих областей в руки фюрера”²⁶⁹. Глава чехословацкого государства, недвусмысленно поставленный перед фактом и не имевший ни единой возможности для маневра, подписал его.

Ранним утром 15 марта немецкие войска вошли в Чехию. На следующий день был принят закон о включении Богемии и Моравии в состав рейха на правах протекторатов. Одновременно Германия взяла под свою “защиту” Словакию. Упомянем, что Соединенные Штаты обладали информацией о возможности ликвидации единого чехословацкого государства вследствие немецкой агрессии. Так, ещё в конце октября 1938 г. в ходе встречи с Х. Вильсоном посланник Чехословакии в Берлине В. Мастный не исключил подобного сценария²⁷⁰.

²⁶⁹ DGFP. Series D. Volume 4. P. 270.

²⁷⁰ Hugh Wilson and Vojtech Mastny. Memorandum of Conversation. 31.10.1938. Dispatches: Germany, 4 November 1938 – 13 May 1939. Box 20. Confidential File. PSF. FDRL.

15 марта начальник европейского отдела госдепартамента Дж. Моффат отметил, что “все более наблюдается схожесть между происходящим сейчас и происходившим в наполеоновскую эпоху; разница лишь в том, что Гитлер, возможно, даже успешнее, чем Бонапарт”²⁷¹.

Узнав о вторжении немецких дивизий, военный атташе американской миссии в Праге Л. Рейли немедленно отправился в генштаб армии, где ему подтвердили, что германские войска действительно продвигаются в направлении столицы, а чехословацким соединениям отдан приказ не оказывать сопротивления и сложить оружие.

Американский посланник У. Карр телеграфировал, что “вступление германских войск в Прагу жители встретили молча и во многих случаях со слезами на глазах”²⁷².

Естественно, что осуществленная Германией агрессия не могла остаться незамеченной в Вашингтоне. По горячим следам событий в Чехословакии в государственном департаменте под председательством С. Уэллеса (К. Хэлл находился в отпуске) состоялось совещание, на котором обсуждались возможные действия Соединенных Штатов. Точки зрения участников дискуссии разделились. Джордж Мессерсмит высказался за немедленный разрыв всех отношений с Германией, подчеркнув, что негативные прогнозы насчет развития ситуации в Старом свете начинают сбываться. В то же время, глава европейского отдела Дж. Моффат и советник госдепартамента по политическим вопросам Дж. Данн выступили против этой меры, ссылаясь на необходимость защиты американских граждан, находившихся в Чехословакии; присутствовавший на совещании помощник государственного секретаря А. Берли также счел предложение Мессерсмита слишком радикальным. После продолжительных прений было решено не разрывать отношений с Берлином, но и не признавать правомочность произошедших событий²⁷³.

²⁷¹ Цит. по: Hearden J. Op. cit. P. 126.

²⁷² Цит. по: Севостьянов Г.Н. Указ. соч. Стр. 202.

²⁷³ Berle A. Op. cit. P. 200.

В течение 16 марта С. Уэллес вместе с сотрудниками государственного департамента был занят подготовкой официального заявления в связи с европейской ситуацией. При работе над текстом были учтены пожелания Рузвельта и находившегося на лечении Хэлла²⁷⁴.

В результате этого, на следующий день Уэллес выступил с официальным заявлением, в котором отмечалось: “Администрация США возражает против акта уничтожения свободного и независимого Чехословацкого государства... очевидно, что подобные действия незаконного и произвольного применения силы угрожают мировой безопасности”²⁷⁵.

Ликвидация Чехословакии представляла собой важный шаг нацистской Германии на пути к реализации своей внешнеполитической программы. Симптоматично, что придерживавшиеся политики “умиротворения” европейские демократические державы оказались неспособны противопоставить что-либо действиям Третьего рейха – Мюнхенское соглашение, представлявшееся им еще несколько месяцев назад гарантией мира, никоим образом не ограничило территориальные притязания Берлина. В этом плане весьма точным представляется суждение крупного теоретика политического реализма Ганса Моргентау, видевшего коренную ошибку приверженцев политики “умиротворения” в отсутствии понимания того, “что выдвигаемые одно за другим требования являются звеньями цепочки, в конечном итоге ведущей к уничтожению status quo”²⁷⁶.

Для американо-германских отношений в свете разворачивавшихся событий весьма важной стала встреча С. Уэллеса с Г. Томсеном, состоявшаяся 17 марта. Томсен официально проинформировал Уэллеса о “новом порядке” в Чехословакии.

В свою очередь, Уэллес, уже обозначивший позицию своей страны в данном вопросе, заявил, что “на основе изучения бартерной торговли между США и Германией министерство финансов намерено ввести компенсационную

²⁷⁴ Sumner Welles. Memorandum. 16 March 1939. Czechoslovakia. 1933-1943. Box 161. Folder 07. Sumner Welles Papers. FDRL.

²⁷⁵ New York Times. 18.03.1939.

²⁷⁶ Morgenthau H. Op. cit. P. 43.

пошлину²⁷⁷ на поставляемые из Германии товары”. При этом заместитель государственного секретаря обосновал правомерность данных намерений, сославшись на положения американского закона о тарифах 1930 г.²⁷⁸ Отвечая на слова заместителя госсекретаря, Томсен дал понять, что Берлин “будет этим весьма обеспокоен”²⁷⁹.

Уже на следующий день министр экономики США Г. Моргантау официально объявил, что в течение ближайшего времени Соединенные Штаты установят 25-процентную компенсационную пошлину на ввозимые из Германии товары. Официальная причина данного шага заключалась в необходимости получения компенсации от ввоза в страну товаров, на которые распространялось действие германских экспортных субсидий²⁸⁰. При этом, однако, в общественном мнении сразу же распространилось небезосновательное суждение о том, что это – своеобразный “ответ” президента Ф. Рузвельта на немецкую агрессию в Центральной Европе²⁸¹.

20 марта состоялась очередная встреча Уэллеса с Томсеном, на которой заместитель госсекретаря еще раз озвучил позицию американского руководства относительно изменений на политической карте Европы, произошедших вследствие исчезновения независимой Чехословакии. Уэллес подчеркнул: “Администрация США констатирует, что данные провинции [Богемия и Моравия] сейчас де-факто находятся под контролем немецких властей. Однако, Соединенные Штаты не признают, что для подобного положения имеются какие бы то ни было законные основания”²⁸². При этом Вашингтон продолжил считаться с полномочиями посланника Чехословакии в США В. Урбана.

²⁷⁷ Компенсационные пошлины – таможенные пошлины, взимаемые сверх обычных ввозных пошлин в целях снижения конкурентоспособности импортных товаров на внутреннем рынке и играющие, таким образом, протекционистскую роль. Как правило, применяются в случаях ввоза товаров, при производстве которых прямо или косвенно использовались субсидии.

²⁷⁸ Закон Смута-Хоули о тарифах (Smoot-Hawley Tariff Act) был введен в действие 17 июня 1930 г. и устанавливал протекционистский тарифный режим. Закон имел своей целью сокращение импорта и стимулирование роста внутренней экономики.

²⁷⁹ FRUS. 1939. Volume 2. P. 568.

²⁸⁰ Экспортные субсидии – льготы финансового характера, предоставляемые государством отечественным экспортерам для расширения вывоза товаров за границу. В результате таких субсидий экспортеры получают возможность продавать товар на внешнем рынке по более низкой цене, чем на внутреннем.

²⁸¹ Bidwell P. Our Invisible Tariff//Foreign Affairs. 1939. № 4. P. 774.

²⁸² FRUS. 1939. Volume 1. P. 56.

В связи с этим упомянем, что еще до встречи с Уэллесом Томсен составил и отправил в Берлин отчет о том, как в целом в Соединенных Штатах воспринимается “новый порядок в Чехословакии”. В нем он отмечал, что “пресса обрушилась на Германию со злобными нападка; главные статьи газет посвящены тому, что “капитуляция” Чехословакии не была добровольной, а систематически подготавливалась немецкой пропагандой и подрывной деятельностью... Занятие чешской территории и установление протектората над Богемией и Моравией рассматриваются как грубые нарушения Мюнхенского соглашения; пресса горькими слезами оплакивает бывшее чехословацкое государство”. Завершая донесение, дипломат подчеркнул, что “в американском обществе сложилось практически полное единство мнений относительно того, что Соединенные Штаты сейчас, как никогда ранее, нуждаются в том, чтобы обезопасить Западное полушарие от возможной агрессии тоталитарных государств”²⁸³.

Тем временем, в Европе продолжалась гитлеровская активность. 22 марта под угрозой прямого военного вторжения Литва подписала с Германией соглашение о передаче рейху Мемеля (Клайпеды) – стратегически важного портового города с прилегающей территорией.

Помимо этого, на следующий день был заключен германо-румынский договор “Об укреплении экономических связей”, согласно которому Румыния обязывалась развивать свою экономику в соответствии с потребностями Германии. Договор определял сумму немецких торговых кредитов и военных поставок Бухаресту (250 миллионов немецких марок), а также предусматривал создание в румынских портах и других стратегически важных пунктах “свободных зон” для строительства германских складов и нефтехранилищ. Кроме этого, Германии предоставлялось право строить в Румынии железные и шоссейные дороги по своему усмотрению и обеспечивал широкое участие германского капитала в эксплуатации румынских нефтяных месторождений²⁸⁴.

²⁸³ DGFP. Series D. Volume 6. P. 34-36.

²⁸⁴ Ibid. P. 91-95.

Таким образом, рейх еще более упрочил свое стратегическое и экономическое положение в Европе.

Советник Хэлла А. Берли в своем дневнике оценил произошедшее следующим образом: “Ситуация и так была скверной; сейчас она еще более ухудшилась. Насколько я могу судить, война в Европе разразится самое большее через 4 месяца”²⁸⁵.

23 марта посол США во Франции У. Буллит направил Ф. Рузвельту меморандум, в котором привел подробный анализ политической обстановки в Старом свете. Признав ее критической, он заключил, что тактика Гитлера состоит в том, чтобы наносить удар по слабому противнику: “На очереди, вероятно, стоят Венгрия, Румыния, Югославия, которых постигнет участь Чехословакии, Мемеля; за ними пойдет Польша; если она сдастся без боя, то следующими целями, безусловно, будут Франция и Англия... Европейские демократии могут не выдержать натиска, и их флоты окажутся в руках немцев. В результате на Тихом океане против США выступит Япония, а на Атлантическом – Германия с ее мощным флотом, захваченным у Англии и Франции”²⁸⁶.

Схожее видение обстановки выразил на следующий день исполняющий обязанности американского военного атташе в Берлине П. Блэк. В своем донесении военному министерству он информировал о коренном изменении политической и стратегической ситуации в Восточной Европе: “Германия создала реальную и непосредственную угрозу Польше, Венгрии и Румынии. Любой повод будет использован ею для вторжения в эти страны...”²⁸⁷.

Немецкая дипломатия в США в эти дни также вела активную деятельность по сбору и анализу информации, связанной с состоянием общественных настроений в Америке и возможным изменением внешнеполитических установок страны. 27 марта Г. Томсен отправил в Берлин пространный меморандум, в котором выразил свое видение ситуации, складывавшейся в Соединенных Штатах.

²⁸⁵ Berle A. Op. cit. P. 202.

²⁸⁶ For the President Personal and Secret. Correspondence Between Franklin Delano Roosevelt and William Bullitt (Ed. by O.H. Bullitt). Boston, 1972. P. 332-333.

²⁸⁷ Цит. по: Севостьянов Г.Н. Указ. соч. Стр. 202-203.

Его послание открывалось весьма обеспокоенным пассажем: “Заявления и меры, предпринятые администрацией в последнее время, более отчетливо, чем когда-либо, говорят о том, что претензии президента Рузвельта на лидерство в мировом масштабе имеют своей целью уничтожение национал-социалистской Германии всеми доступными средствами, и, следовательно, упразднение “нового порядка” в Европе”²⁸⁸.

Перейдя к непосредственным действиям и намерениям американского руководства, Томсен отметил: “Европейским “демократиям” обещана поддержка против Германии. Закон о нейтралитете будет либо отменен, либо пересмотрен в угоду Британии и Франции. Латинская Америка уже “обхаживается” со всей тщательностью, не в последнюю очередь, благодаря поставкам материалов военного назначения по сниженным ценам. США выделяют Южной Америке свое золото и кредиты с единственной целью – побороть Германию в экономическом отношении”²⁸⁹.

Переключив затем свое внимание на оценку позиций политических элит США, Томсен привел следующее суждение: “Тем не менее, все это не должно создавать однобокого видения ситуации. Действительно, стремления Рузвельта популярны среди тех масс, на которые он опирается; однако же, ему самому прекрасно известно, что они не поддерживаются значительной частью ведущих политиков. Его заклятые враги находятся в рядах его же партии. Они полагают, что действия президента рано или поздно втянут США в войну и считают своей обязанностью всячески препятствовать этому. Они не приемлют президентских авантур, настаивают на том, что Америка и так прекрасно подготовлена в оборонительном отношении, что ей ни при каком раскладе не следует вовлекаться в европейские конфликты, и они выражают эти взгляды при каждом удобном случае как в Конгрессе, так и в средствах массовой информации”²⁹⁰.

²⁸⁸ DGFP. Series D. Volume 6. P. 129.

²⁸⁹ Ibid. P. 130.

²⁹⁰ Ibid. P. 132-133.

Тем временем, в США началась реализация ряда мер, прямо указывавших на то, что американское руководство стремится применять против агрессора те самые “невоенные методы”, упомянутые в президентском послании Конгрессу.

В частности, было приостановлено торговое соглашение США и Чехословакии, чтобы Берлин не мог с выгодой для себя пользоваться сниженными тарифами на чехословацкий экспорт, прибыль от которого теперь поступала в немецкий бюджет.

Кроме того, в результате консультаций министерства финансов и Таможенного бюро было окончательно объявлено, что с 22 апреля Соединенные Штаты начнут взysкивать со всех товаров, прямо или косвенно получаемых из Третьего рейха, (в том числе из “протектората Богемии и Моравии”) упомянутую ранее С. Уэллесом и Г. Моргантау компенсационную пошлину в размере 25 процентов. Стоит отметить, что более трех четвертей населения США поддержали эту меру²⁹¹. Также было заявлено о том, что размещенные в американских банках чехословацкие активы не будут переведены на немецкие счета²⁹².

В свою очередь, 28 марта президент Американской федерации труда У. Грин призвал граждан Соединенных Штатов к бойкоту всех немецких товаров, связав свою инициативу с необходимостью отреагировать подобным образом на расчленение Чехословакии²⁹³. По данным опросов общественного мнения, 65 % американцев были готовы присоединиться к инициативе Грина²⁹⁴.

Данные действия недвусмысленно говорили о том, что США фактически начали применять в экономических отношениях с Германией дискриминационные механизмы. Введение указанных мер представляло собой вполне обоснованное явление, отвечавшее как характеру развития двусторонних контактов, так и контексту изменений, произошедших в общемировой обстановке; Германия не могла более восприниматься в качестве государства, с которым надлежит поддерживать взаимоприемлемые отношения.

²⁹¹ The Gallup Poll. Public Opinion 1935-1971. Volume 1. N.Y., 1972. P. 149.

²⁹² Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 615; New York Times. 23.04.1939.

²⁹³ Washington Post. 29.03.1939.

²⁹⁴ The Gallup Poll. Public Opinion 1935-1971. Volume 1. N.Y., 1972. P. 149.

Эффект от введения компенсационной пошлины отразился в том, что в следующем, 1939 г., объем экспорта немецких товаров в США снизился по сравнению с 1938 г. более чем на 18 %, и стал равняться 52 миллионам долларов²⁹⁵. Весьма показательно, что объем экспорта из “протектората Богемия и Моравия” снизился еще более кардинально, упав на 85 % и составив немногим более 4 миллионов долларов²⁹⁶. При этом объем экспорта Великобритании и Франции в США ощутимо возрос (на 21 % и 13 %, соответственно)²⁹⁷.

Таким образом, значение компенсационной пошлины на товары, получаемые из Третьего рейха, проявилось не только в декларации Вашингтоном отсутствия стремления развивать экономические отношения с Берлином, но и в увеличении товарооборота с Лондоном и Парижем, ставшим косвенным следствием введения данной пошлины.

В то же время, на внутривнутриполитической арене США продолжались дискуссии относительно возможного пересмотра законодательства о нейтралитете.

8 марта К. Питтмэн объявил, что его комитет в течение ближайших десяти дней приступит к рассмотрению предложений относительно изменения данного закона²⁹⁸. Против этого выступил влиятельный сенатор-республиканец Дж. Най: “Любая попытка отменить или пересмотреть закон приведет к тому, что Сенат будет работать над одним только этим вопросом все лето”²⁹⁹. Угроза Ная “попала в яблочко”: Питтмэну, вопреки его словам, так и не удалось поставить на обсуждение данную проблему. Никто из коллег даже не стал высказываться относительно вопроса о нейтралитете, отметил он в интервью газете “Нью-Йорк Таймс”³⁰⁰.

²⁹⁵ Рассчитано по: Statistical Abstract of the United States, 1941. Washington, 1942. P. 547.

²⁹⁶ Ibid.

²⁹⁷ Ibid.

²⁹⁸ New York Times. 09.03.1939.

²⁹⁹ New York Times. 10.03.1939.

³⁰⁰ New York Times. 16.03.1939.

Вместе с тем, произошедший 15 марта ввод немецких войск в Прагу свидетельствовал о том, что администрации следует активизировать свои усилия в борьбе за изменение внешнеполитических концепций.

18 мая К. Питтмэн при активном содействии сотрудников государственного департамента подготовил законопроект, возвышенно названный “Актом мира 1939 года”. Он содержал в себе главные требования администрации – отмену пункта об эмбарго и распространение принципа “кэш-энд-кэрри” на всю торговлю с воюющими странами³⁰¹.

Однако Питтмэн вновь оказался не в состоянии справиться с принятой на себя задачей провести данный законопроект через возглавляемый им комитет. Изоляционисты выступили в его адрес с ожесточенной критикой. В частности, Г. Фиш предрек, что в случае принятия билля “США столкнутся с форменной бойней; и все это – в угоду дела сохранения слабеющей Британской империи”³⁰².

К тому же, 27 марта американское посольство в Китае информировало Вашингтон, что правительство Чан Кайши резко возражает против законопроекта Питтмэна. По мнению китайской стороны, положение о “кэш-энд-кэрри” не оставляло Китаю никакой надежды на получение американской помощи. Японский флот мог легко заблокировать любые действия китайских судов. В связи с этим посол Китая в США направил К. Хэллу личное послание Чан Кайши, адресованное президенту и выражавшее озабоченность китайского лидера относительно поддерживаемого администрацией билля³⁰³.

Рузвельт, осознавший, что предлагаемая Питтмэном редакция “Акта о мире” являлась далеко не оптимальной, 28 марта направил государственному секретарю письмо, в котором указал, что “принцип “кэш-энд-кэрри” совершенно неправильно работает на Тихом океане. Чем больше я размышляю над этой проблемой, тем сильнее я убеждаюсь, что существующий закон о нейтралитете следует модифицировать самым серьезным образом”³⁰⁴.

³⁰¹ CR. 1939. Volume 84. Part 13. Appendix. P. 2923.

³⁰² Цит. по: Adler S. The Uncertain Giant. American Foreign Policy Between the Wars. N.Y.-L., 1985. P. 213.

³⁰³ См. Григораш И.В. Указ. соч. Стр. 25.

³⁰⁴ Цит. по: Dallek R. Op.cit. P. 184.

Кроме того, обеспокоенность администрации подкреплялась состоявшимся 31 марта в Чикаго выступлением бывшего президента Чехословакии Э. Бенеша, в ходе которого он заявил, что “нацисты нацелены на установление собственного доминирования в Европе и всем остальном мире”³⁰⁵.

Но радикально менять свою стратегию в кампании по пересмотру законодательства о нейтралитете было уже поздно – в начале апреля предметные слушания по данной проблеме открылись в профильных комитетах Палаты представителей и Сената.

В Европе тем временем продолжались агрессивные акты фашистских держав. 7 апреля войска Италии, ближайшего союзника гитлеровской Германии, вторглись на территорию Албании и в течение нескольких дней без каких-либо усилий полностью оккупировали это небольшое балканское государство.

Руководство США осудило данное событие, но ограничилось самыми общими фразами. Государственный секретарь К. Хэлл заявил, что захват Албании – “еще одна угроза миру и безопасности, вызывающая серьезную обеспокоенность всех народов”³⁰⁶. Что касается президента Рузвельта, то 11 апреля он выступил на пресс-конференции, где также не высказал никаких новых идей, повторившись, впрочем, что для Соединенных Штатов существует угроза вторжения извне и что “бумажные гарантии иммунитета” вовсе не означают безопасность страны³⁰⁷.

Однако, вскоре за этим невзрачным заявлением от Рузвельта последовал “субботний сюрприз” - его знаменитое обращение 15 апреля 1939 г., адресованное рейхсканцлеру Германии Адольфу Гитлеру.

Стремление повлиять на ход событий и приостановить агрессивный курс, реализуемый нацистской Германией, заодно проявив свой интернационалистский потенциал, подталкивало президента США к совершению действия, способного, согласно его логике, разрядить напряженность в международных отношениях и ограничить притязания Третьего рейха. Выражением этого стремления стало

³⁰⁵ Chicago Tribune. 01.04.1939.

³⁰⁶ Documents on American Foreign Relations. 1939. Volume 1. Boston, 1939. P. 305; Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 619.

³⁰⁷ Цит. по: Dallek R. Op. cit. P. 185.

решение о необходимости и своевременности выступления с посланием, предназначавшимся рейхсканцлеру.

Работа над его текстом и формулировками велась в течение нескольких суток, причем активное участие в ней принимали как глава Белого дома, так и высокопоставленные сотрудники государственного департамента США. Поздно вечером 14 апреля послание в окончательной редакции Рузвельта было готово³⁰⁸. На следующий день оно достигло своего адресата.

Телеграмма американского президента открывалась вводным пассажем, в котором отмечалось, что “сотни миллионов людей по всему миру живут сегодня в постоянном страхе возникновения новой войны или даже серии войн. Этот страх, равно как и возможность подобного конфликта, являются предметами серьезного беспокойства как народа Соединенных Штатов, от имени которого я к Вам обращаюсь, так и народов других государств Западного полушария”³⁰⁹. Далее, после нескольких общих фраз о необходимости устранения угроз и всеобщей заинтересованности в мире и безопасности, президент США перешел к фактам: “Необходимо, однако, принять в расчет недавние события. Три европейских государства и одно африканское прекратили свое независимое существование³¹⁰. Значительная часть территории одного государства на Дальнем Востоке занята войсками соседней страны³¹¹. Продолжают приходить неутешительные сообщения, говорящие о возможности осуществления агрессивных актов в отношении других, пока еще независимых государств. Очевидно, что мир движется к тому моменту, когда вся эта ситуация выльется в катастрофу, если не будет найден разумный путь разрешения противоречий. Многократно заявлялось, что Вы и немецкий народ не желаете войны. Если это так, то и не должно быть никакой войны... Мне ясно, что все международные проблемы могут быть решены за столом переговоров”³¹².

³⁰⁸ Moffat J.P. Op. cit. P. 239.

³⁰⁹ DGFP. Series D. Volume 6. P. 243.

³¹⁰ Австрия, Чехословакия, Албания; Эфиопия.

³¹¹ Имеется в виду оккупация Китая Японией.

³¹² DGFP. Series D. Volume 6. P. 243-244.

После этого Рузвельт начал деликатно подводить обращение к основной части, теперь уже практической и утилитарной. Подчеркнув, что Соединенные Штаты – государство, расположенное в другом полушарии и не вовлеченное в возникшие в Европе конфликты, президент США выразил готовность выступить в роли “ответственного и доброжелательного посредника”, если Гитлер “хочет обратиться к народам мира с заявлением о курсе, проводимом его правительством”³¹³.

Но самая главная смысловая нагрузка этого предложения Рузвельта заключалась буквально в следующих строках: по сути, американский президент “предлагал” Гитлеру вектор, которым ему следует руководствоваться в осуществлении своей внешней политики.

“Готовы ли Вы дать гарантию, что Ваши вооруженные силы не подвергнут атаке или вторжению следующие государства: Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Швецию, Норвегию, Данию, Нидерланды, Бельгию, Великобританию, Ирландию, Францию, Португалию, Испанию, Швейцарию, Лихтенштейн, Люксембург, Польшу, Венгрию, Румынию, Югославию, Россию, Болгарию, Грецию, Турцию, Ирак, Аравию, Сирию, Палестину, Египет и Иран? Такая гарантия, естественно, должна быть обращена не только к сегодняшнему дню, но к будущему, чтобы могла быть использована любая возможность для достижения мира невоенными средствами. Исходя из этого, я предлагаю Вам толковать слово “будущее” как минимальный период неприменения силы – по меньшей мере, он должен составлять 10 лет или же 25 лет, раз уж мы отваживаемся заглядывать настолько далеко вперед. Если Вы предоставите подобную гарантию, я лично незамедлительно перенаправлю ее правительствам перечисленных государств, а также одновременно запрошу их о том, чтобы они в ответ дали такие же гарантии в Вашем отношении. Взаимные гарантии принесут миру немедленное чувство облегчения”³¹⁴ – писал президент Соединенных Штатов.

³¹³ Ibid.

³¹⁴ Ibid. P. 244.

Далее Рузвельт развил выдвинутую мысль: “Я полагаю, после этого следует безотлагательно перейти к обсуждению за столом переговоров двух существенных проблем; администрация США с радостью примет в этом участие. Первая из них относится к поиску прямых и наиболее эффективных способов, с помощью которых народы мира смогли бы добиться поступательного избавления от неподъемного бремени вооружений, которое каждый день все ближе и ближе подталкивает их к грани экономического бедствия. В то же время, должны состояться переговоры, нацеленные на выработку практических способов открытия путей для мировой торговли с прицелом на то, чтобы каждое государство могло на равных условиях осуществлять покупку и продажу на мировых рынках, равно как и обладать гарантиями на приобретение материалов и продукции невоенного назначения для мирной экономической жизни”³¹⁵.

Завершалась же телеграмма Рузвельта выражением надежды на положительный отклик фюрера: “Я надеюсь, что Вы не воспримете превратно дух искренности, с которым я отправляю свое послание. В этот час главы великих государств в прямом смысле несут ответственность за судьбу человечества в грядущие годы. Они не могут не услышать мольбы народов о защите от предвидимого ими хаоса войны... Я надеюсь, что Ваш ответ позволит человечеству утратить страх и вновь обрести безопасность на многие годы”³¹⁶.

Таким образом, вполне допустимо говорить о том, что послание Рузвельта Гитлеру являлось довольно противоречивым документом, сочетавшим в себе ярко выраженные идеалистические посылы с сугубо практическими предложениями.

С одной стороны, существенная часть всего обращения представляла собой набор дипломатичных, отточенных фраз о необходимости мира, о пагубности и ужасах войны, об окутавшей человечество атмосфере страха.

С другой стороны, выдвигался последовательный план действий и мер, который был нацелен на то, чтобы разрядить международную напряженность и попытаться решить соответствующие проблемы без применения насилия,

³¹⁵ Ibid.

³¹⁶ Ibid. P. 245.

мирными средствами и методами. Тем не менее, не может не вызывать недоумения постановка Рузвельтом вопроса о гарантиях со стороны Германии по отношению к 31 государству. Справедливо будет утверждать, что совокупность перечисленных им стран отличалась сочетанием несчитаемого и приравниванием неприравняемого. Государства, упомянутые президентом США, являлись рассеянными в географическом отношении, расположенными в Европе, Азии, даже Африке. Кроме того, многие из них были практически несопоставимы по уровню своего положения на международной арене. Гитлер не хотел и не мог всерьез отнестись к подобному призыву Рузвельта: помещение в один ряд Польши и Аравии, Румынии и Палестины – государств, занимавших диаметрально противоположные места в расчетах нацистов, не располагало к тому, чтобы принять предложение главы Белого дома.

Следует отметить, что как таковой поступок Рузвельта являл собой недвусмысленную попытку, пусть одну из последних со стороны западных демократий, “умиротворить” агрессора. Гитлеру вновь предлагались определенные условия, которые, согласно логике президента, в случае их принятия и исполнения фюрером, поспособствовали бы делу мира.

Таким образом, закономерно утверждать, что если Рузвельт руководствовался убеждениями в достижимости стабилизации обостренной международной обстановки невоенными методами, о чем он написал прямым текстом, то данный подход не мог соответствовать реальному положению вещей и сложившейся к весне 1939 г. общемировой конъюнктуре. Риторика о необходимости озаботиться судьбами цивилизации и внять мольбам народов отличалась значительной степенью оторванности от действительности и являлась проявлением политической наивности. Кроме того, следует подчеркнуть, что она являлась продолжением окончательно обанкротившегося к тому времени курса на проведение политики умиротворения, подтверждением чему служили немецкая оккупация большей части Чехословакии и ее расчленение, произошедшие месяцем ранее.

На протяжении нескольких следующих дней Белый дом получил от рядовых американцев множество писем с восторженными откликами на инициативу президента; в одном из них даже утверждалось, что “если бы во главе всех стран стояли лидеры такого калибра, как Рузвельт, то мир был бы намного лучше”³¹⁷. В то же время, согласно общим статистическим данным, обращение главы Белого дома к Гитлеру положительно расценивали 60 % граждан США³¹⁸. Отметим, что американский журнал “Нейшн” назвал обращение “смелым и благородным”, охарактеризовав при этом Рузвельта как “миротворца № 1”³¹⁹.

Реакция правительств на обращение Рузвельта оказалась довольно предсказуемой. Франция, Великобритания и малые европейские страны выразили одобрение прозвучавшим инициативам. Латиноамериканские государства, в том числе Аргентина, Уругвай и Перу, поступили аналогично³²⁰. Интересно, что в Белый дом поступила информация о том, что в Исландии наблюдается некоторая взволнованность в связи с тем, что она не была упомянута Рузвельтом наряду с другими странами³²¹.

Что касается агрессивных государств, то их восприятие также было вполне логичным. Послание Рузвельта “было встречено германской прессой с небывалым озлоблением”³²². Так, газета “Völkischer Beobachter” отмечала, что “бесстыжие предложения американского президента насчет разоружения и контроля можно выразить иначе, лозунгом: “Назад, Германия, к Версалию!”³²³ Вдобавок к этому, на своих страницах данное издание поместило не нуждавшуюся в комментариях карикатуру, которую можно расценить как квинтэссенцию понимания лидерами Германии сущности обращения американского президента. На ней был изображен Рузвельт со звездой Давида на лбу и в маске Вудро Вильсона, который жестом

³¹⁷ Germany. President's Peace Proposal to Adolf Hitler. Box 198d. OF. FDRL.

³¹⁸ The Gallup Poll. Public Opinion 1935-1971. Volume 1. N.Y., 1972. P. 152.

³¹⁹ Nation. 22.04.1939. P. 456-457.

³²⁰ Germany. President's Peace Proposal to Adolf Hitler. Box 198d. OF. FDRL.

³²¹ Germany. President's Peace Proposal to Adolf Hitler. Box 198d. OF. FDRL.

³²² Полпредство СССР в Германии – НКВД СССР. Обзор германской прессы за апрель 1939 г. АВП РФ. Ф. 82. Оп. 23. Папка 73. Д. 8. Л. 181.

³²³ Völkischer Beobachter. 18.04.1939.

руки любезно приглашал немцев в распахнутую дверь тюремной камеры под названием “Версаль”, держа при этом ключи от нее у себя в руках³²⁴.

Восприятие полученного обращения высшими руководителями агрессивных держав также было весьма показательным. Так, один из ближайших соратников Гитлера, министр авиации Г. Геринг, ознакомившись с текстом послания, заявил, что у президента США “началось расстройство мозговой деятельности”³²⁵, а министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп резюмировал, что “это был в психологическом плане наихудший шаг, который только можно было предпринять в отношении нашей страны; любой прохожий на улице ответит без всяких колебаний, что Рузвельт захотел повторить старый трюк Вильсона насчет 14 пунктов”³²⁶. С точки зрения статс-секретаря немецкого МИДа Э. фон Вайцеккера, президентское послание ни при каком раскладе не могло снискать положительный ответ³²⁷. Лидер фашистской Италии Б. Муссолини упомянул, что “забавные призывы и мессианские послания Рузвельта” не производят никакого впечатления, призыв же к воздержанию от агрессивных действий на 10 лет дуче назвал “абсурдом”³²⁸.

Что касается основного адресата обращения, Адольфа Гитлера, то он, сразу по прочтении телеграммы, назвал американского лидера “сумасшедшим слабоумцем” и решил не отвечать “этому презренному человеку”. Однако, проведя ряд консультаций, фюрер уже через два дня изменил свои намерения³²⁹.

“Гитлер около часа совещался с Риббентропом насчет поступившего от Рузвельта обращения, и в итоге было решено, что 28 апреля он произнесет по этому поводу речь перед Рейхстагом. Подобный образ действий выбран, видимо, в связи с тем, чтобы обеспечить Гитлеру как можно большую аудиторию в масштабах всего мира”³³⁰ – сообщил из Берлина в государственный департамент американский дипломат Р. Гейст.

³²⁴ Völkischer Beobachter. 22.04.1939.

³²⁵ Burns J. Op. cit. P. 391.

³²⁶ DGFP. Series D. Volume 6. P. 251.

³²⁷ Weizsäcker E. von. Erinnerungen. München, 1950. S. 223.

³²⁸ Цит. по: Langer W., Gleason E. The Challenge to Isolation, 1937 – 1940. Volume 1. N.Y., 1952. P. 87.

³²⁹ Ibid.

³³⁰ FRUS. 1939. Volume 1. P. 138-139.

17 апреля Германия направила правительствам всех (кроме Великобритании, Франции, СССР, Польши и Сирии)³³¹ перечисленных президентом государств запросы о том, чувствуют ли они какую-либо угрозу с немецкой стороны. Правительства большинства запрошенных стран вскоре предоставили отклики, свидетельствовавшие об отсутствии беспокойства на этот счет.

Следует также выделить аналитическую оценку советского полномочного представительства в Берлине, согласно которой “одним из первых ответов на обращение Рузвельта нужно считать не речь Гитлера в Рейхстаге 28 апреля, а огромный военный парад 20 апреля по случаю дня рождения Гитлера. Подготовка к этому параду, сам парад, как и последующий тон германской прессы шли в одном направлении, что на мирное обращение Рузвельта Германия отвечает военной демонстрацией”³³².

20 апреля, в день пятидесятилетия А. Гитлера и упомянутого военного парада, состоялась весьма интересная встреча первого секретаря посольства США в Берлине Дж. Паттерсона с членом Рейхстага В. Дайтцем – социологом и теоретиком национал-социализма, являвшимся ближайшим соратником начальника внешнеполитического управления НСДАП А. Розенберга. На ней обсуждался достаточно широкий круг вопросов, в том числе и состояние американо-германских отношений.

Коснувшись этой темы, Дайтц заявил, что он “возмущен посланием Рузвельта” и подчеркнул, что считает его “вмешательством в дела Европы”. Помимо этого, он критически отозвался о недавно введенной Соединенными Штатами компенсационной пошлине на немецкие товары.

Упомянув про связи Германии с Новым светом, Дайтц уверил, что с государствами Западного полушария Берлин “хочет лишь торговать и ничего более”. При этом, однако, он признал, что национал-социалистическая Германия

³³¹ Davis K. FDR: Into the Storm, 1937-1940. N.Y., 1993. P. 437.

³³² Полпредство СССР в Германии – НКВД СССР. Обзор германской прессы за апрель 1939 г. АВП РФ. Ф. 82. Оп. 23. Папка 73. Д. 8. Л. 182.

является “магнитом” для немцев Западного полушария, но это не несет никакой опасности тем странам, в которых они непосредственно проживают.

Перейдя затем к оценке общей обстановки в Европе, Дайтц отметил, что возможное расширение Германии на Восток есть не что иное как “средство распространения европейской культуры и цивилизации, борьба с азиатчиной”. В то же время, согласно Паттерсону, его собеседник “посмеялся” над слухами о том, что Германия может двинуться на Запад.

В конце беседы Дайтц, однако, обронил фразу о том, что в самом ближайшем будущем в германо-британских отношениях могут произойти некие “важные события”³³³.

Озвученные В. Дайтцем идеи и мысли были весьма показательны и в некоторой степени предвосхитили последовавшее выступление А. Гитлера.

В свою очередь, фюрер, упомянув на следующий день про обращение Рузвельта, произнес: “Это первый раз, когда оппонент публично бросает мне вызов, призывая вступить с ним в дискуссию, но он серьезно пожалеет об этом”³³⁴.

Спустя неделю, 28 апреля, Адольф Гитлер выступил перед Рейхстагом с речью, в которой был заключён его “ответ” на полученное от Рузвельта послание. Несмотря на то, что в принципе речь была заготовлена для немецкой аудитории, ее в прямом эфире транслировали сотни радиостанций по всему миру, в том числе и в Соединенных Штатах. Как отмечал журнал “Ньюсвик”, “миллионы американцев проснулись в 5.45 утра, чтобы послушать выступление фюрера”³³⁵.

Фюрер начал с привычных слов о несправедливости Версальского договора, о лишениях, которые вследствие его условий вынуждены испытывать немцы. После этого он отметил, что территориальные приобретения Германии, произошедшие в последнее время, являлись естественными составляющими процесса, заключавшегося в восстановлении границ и возвращении соотечественников в пределы родного государства.

³³³ Jefferson Patterson and Werner Daitz. Memorandum of Conversation. 20 April 1939. Box 20. Dispatches, Germany: 4 November 1938 – 13 May 1939. Confidential File. PSF. FDRL.

³³⁴ DGFP. Series D. Volume 6. P. 257.

³³⁵ Newsweek. 08.05.1935. P. 11.

Переключившись затем на Великобританию, Гитлер заявил, что он на протяжении всей своей политической деятельности придерживался идеи о тесной дружбе и сотрудничестве между Берлином и Лондоном. Однако, подчеркнул фюрер, подобные отношения могут существовать только лишь на основе уважения, которого Великобритания никоим образом не проявляет: “Сегодня Англия, как на неофициальном, так и на официальном уровне придерживается взглядов, заключающихся в том, что Германии следует препятствовать всеми средствами, и реализует эти воззрения, проводя уже знакомую нам “политику окружения”. Таким образом, оснований для существования англо-германского морского договора более не существует”³³⁶ – в таких выражениях было заявлено о денонсации соглашения 1935 года³³⁷.

Затем наступила очередь Польши. Гитлер поведал о сделанных этой стране предложениях насчёт разрешения “данцигского вопроса” и предоставления Германии права на постройку экстерриториальных железнодорожных и шоссейных магистралей на территории “польского коридора”³³⁸, которые доселе держались в секрете, причем расценил собственные действия как “величайшую уступку во имя мира в Европе, какую только можно вообразить”, после чего довел до сведения членов Рейхстага, что Польша отклонила этот “замечательный вариант”: “Я сожалею о таком непонятном поведении правительства Польши. Самое худшее, что теперь она, как и год назад Чехословакия, под давлением массовой международной кампании полагает, что необходимо провести мобилизацию войск, хотя Германия не призвала ни одного солдата и не вынашивает каких бы то ни было планов против Польши... Потомки в один прекрасный день рассудят, правильно ли было отвергать мое предложение – этот

³³⁶ Hitler. Reden und Proklamationen (Hrsg. von M. Domarus). Würzburg, 1963. Band II. Halbband 1. S. 1159.

³³⁷ Англо-германское морское соглашение, заключенное 18 июня 1935 г., изменило соотношение военно-морских сил Великобритании и фашистской Германии и способствовало возрождению немецкого военно-морского флота. Предоставляло Германии право иметь флот, по тоннажу равный 35% общего водоизмещения военно-морских сил Британской империи. Тоннаж германского подводного флота устанавливался в размере 45% общего тоннажа подводных лодок Британской империи, при этом в принципе Германии было предоставлено право на его увеличение до размеров подводного флота Британской империи.

³³⁸ Часть польской территории, которая отделяла немецкий эксклав Восточная Пруссия от основной немецкой территории, в том числе ближайшей к ней провинции Померания. Была передана Польше по итогам Версальского мирного договора, обеспечив ей доступ к Балтийскому морю.

поистине уникальный компромисс, который можно было использовать со взаимной выгодой для обеих стран”³³⁹.

В связи с этим Гитлер заявил: “Все сообщения о том, что Германия собирается напасть на Польшу, являются гнусной выдумкой зарубежной прессы”. Происки газетчиков, продолжал фюрер, привели к тому, что Польша заключила соглашение с Англией, которое “при определенных обстоятельствах вынудит ее предпринять военные действия против Германии”. Подобное поведение противоречит пакту о ненападении, нарушая его условия: “В свете данных событий Германия более не является связанной с Польшей никакими обязательствами. Какой толк может быть от заключенного пакта, если одна из сторон уклоняется от его исполнения?”³⁴⁰ – резюмировал он. Неприкрытая ложь насчёт отсутствия агрессивных планов в отношении Польши сочеталась в словах Гитлера с обвинениями самой Варшавы в стремлении к проведению антигерманской линии.

Таким образом, Германия в одностороннем порядке денонсировала два официальных международных договора, тем самым фактически обеспечив себе еще большую “свободу рук” в Старом свете.

Уделив внимание положению своей страны, состоянию дел на европейском континенте и сделав важнейшие политические заявления международной направленности, рейхсканцлер непосредственно перешел к полученной от Рузвельта телеграмме. Разделив послание американского президента на несколько пунктов, он стал методично отвергать содержащиеся в них предложения.

Зачитав мнение Рузвельта о том, что миллионы людей живут, испытывая постоянный страх в ожидании новых вооруженных столкновений, Гитлер упомянул, что после подписания Версальского договора произошло 14 войн, ни в одной из которых Германия не принимала участия, а государства Западного полушария, напротив, принимали. Сами же США за это время осуществили 26

³³⁹ Hitler. Reden und Proklamationen (Hrsg. von M. Domarus). Würzburg, 1963. Band II. Halbband 1. S. 1163.

³⁴⁰ Ibid.

“кровавых и насильственных интервенций”, к которым Германия также не имела ни малейшего отношения.

Коснувшись “исчезновения трех государств в Европе и одного в Африке”, Гитлер безапелляционно повторил, что в Европе состоялось восстановление исторической справедливости, воссоединение без применения насилия искусственно и преступно разделенных народа и территории. По сути, из слов Гитлера следовало, что произошедшие нарушения постановлений Версаля были логичными и вполне обоснованными явлениями, которые не должны подвергаться критике со стороны других держав. Представление о том, что только “одна страна” в Африке утратила независимость, также ошибочно, поскольку почти все государства Африки лишены свободы, являясь объектами применения силы со стороны других государств: “Марокканцы, берберы, арабы, негры, да и остальные народы пали жертвами меча зарубежной силы, на рукояти которого не было выбито “Сделан в Германии”, а значилось “Выкован в демократических государствах”³⁴¹.

Отметив важность стремлений Рузвельта к тому, чтобы международные противоречия решались исключительно мирными средствами и за столом переговоров, Гитлер посетовал: “Я был бы счастлив, если эти проблемы на самом деле могли быть устранены подобным образом. Однако мой скептицизм основан на том, что сама Америка ярко продемонстрировала свое неверие в действенность конференций. Величайшая конференция всех времен – Лига Наций... представляющая все народы мира, была создана по инициативе американского президента, однако первым государством, которое вышло из этой организации, были Соединенные Штаты... Я последовал примеру Америки только после долгих лет бесполезного членства... Свобода самой Северной Америки была завоевана не за столом переговоров, не там решался конфликт между Севером и Югом. Я уже не говорю о многочисленных сражениях, предшествовавших полному покорению Североамериканского континента. Я упомянул обо всем этом лишь для того, господин Рузвельт, чтобы показать, что Ваши взгляды, несомненно

³⁴¹ Ibid. S. 1169.

заслуживающие уважения, не подтверждаются примерами ни из истории Вашей страны, ни из истории остального мира”³⁴².

Кроме того, Гитлер подчеркнул, что Германия приняла участие в конференции в Версале, но не для обсуждений, а для того, чтобы выслушать, что ей делать, и именно там представители Германии “подверглись большому унижению, чем когда-то вожди индейцев сиу”. Запрос Рузвельта относительно дальнейших намерений Германии в Европе фюрер расценил как “бестактное незаконное вмешательство во внутренние дела”, добавив при этом, что сами Соединенные Штаты никогда не оповещают никого насчет собственных планов в отношении Центральной и Южной Америки, что вполне соответствовало действительности.

После этого Гитлер дошел до просьбы президента дать гарантии ненападения на 31 страну. “Как господин Рузвельт узнал, какие нации видят для себя угрозу в политике Германии, а какие нет? Или, может быть, мистер Рузвельт, несмотря на огромный объем работы, который ему приходится выполнять в своей стране, имеет время вникать во внутренние проблемы других народов и их правительств?”³⁴³ – вопрошал оратор.

Далее фюрер слово в слово повторил список стран, упомянутых президентом США, и перешел к самой экспрессивной части своего выступления. “Я потрудился выяснить у перечисленных государств, считают ли они, что для них существует угроза, и был ли запрос американского президента сделан по их просьбе или, по крайней мере, с их согласия. Во всех случаях ответ был отрицательным... Правда, от некоторых государств я не мог получить ответ на свои вопросы, потому что в настоящее время они, как, например, Сирия, оккупированы и, следовательно, лишены независимости армиями демократических государств. Кроме того, все государства, граничащие с Германией, получили с ее стороны обязательства более четкие, чем те, о которых упоминает мистер Рузвельт в своей курьезной телеграмме. Также я вынужден

³⁴² Ibid. S. 1170-1171.

³⁴³ Ibid. S. 1173.

обратить внимание господина Рузвельта на пару исторических ошибок. Он упомянул Ирландию и просит от меня заверения, что Германия не нападет на нее. Так вот, я только что прочитал речь де Валера, ирландского премьер-министра, в которой он выражает мнение, противоречащее высказыванию мистера Рузвельта. Он не обвиняет Германию в притеснении Ирландии, а обвиняет Англию в постоянно совершаемой против его страны агрессии... Точно так же, вероятно, от внимания господина президента ускользнул тот факт, что Палестина в настоящее время оккупирована отнюдь не немецкими, а английскими войсками, и что свобода этой страны попирается жесточайшим образом при помощи оружия”³⁴⁴ — произнес фюрер.

Тем не менее, Гитлер заявил, что готов предоставить гарантии каждой из перечисленных стран, добавив: “Более того, я не хотел бы упускать возможность дать помимо всего прочего президенту Соединенных Штатов заверения по поводу территорий, которые, в конечном счете, должны волновать его больше всего, — я имею в виду сами США и другие государства американского континента. Я клятвенно заявляю, что любые бытующие утверждения, связанные с нападением Германии на Америку или вторжением на ее территорию, являются чудовищной ложью. Я даже не говорю о том, что такие утверждения могут быть лишь плодом больного воображения, если взглянуть на них с военной точки зрения”³⁴⁵. Чтобы отвергнуть доводы Рузвельта об идущем полным ходом наращивании военных потенциалов, фюрер скрупулезно перечислил данные, выражавшие количество разного рода вооружений, которых Германия лишилась в результате постановлений Версаля.

Коснувшись предложения Рузвельта по совершенствованию и развитию мировой торговли, Гитлер подчеркнул, что Соединенным Штатам в этом плане следовало начинать с себя — с изменения экономической политики, проводимой по отношению к другим государствам, с отмены соответствующих барьеров и препятствий.

³⁴⁴ Ibid. S. 1173-1174.

³⁴⁵ Ibid. S. 1174-1175.

Заявив, таким образом, о полном отсутствии каких бы то ни было интересов Третьего рейха в Западной полушарии и подвергнув попутной критике меры, предпринимаемые США в финансово-экономической области, Гитлер перешел к заключительной части своей речи. В ней фюрер заострил внимание на том, что за время своего правления он преодолел хаос в Германии, восстановил порядок, увеличил производство во всех отраслях промышленности, ликвидировал безработицу, объединил немецкий народ политически и морально, “уничтожил, страницу за страницей, договор, все 448 статей которого содержали величайшие притеснения, с которыми когда-либо приходилось сталкиваться человеку”, вернул в состав государства провинции, потерянные в 1919 году, возвратил на родину миллионы соотечественников, которые были от нее оторваны и жили в нищете, восстановил единство немецких территорий³⁴⁶. При этом было упомянуто, что перечисленные действия были осуществлены без кровопролития и не принесли ни германскому, ни другим народам ужасов войны. Речь Гитлера завершалась словами о том, что он готов “служить тому, в чем все заинтересованы” – справедливости, процветанию, прогрессу и миру всего человечества³⁴⁷.

Из слов фюрера следовало, что все внутренние преобразования в Германии направлены исключительно на восстановление разгромленной экономически и униженной политически страны, а изменения на карте Европы, произошедшие вследствие немецких действий, служат исключительно делу стабильности и безопасности, причем осуществляются они мирными методами и не несут никому “хаоса и страха войны”, которые с тревогой упомянул Рузвельт в своем обращении.

Речь Гитлера стала важнейшим событием международной политической жизни. Следует отметить ряд моментов, характерных для данного выступления.

Во-первых, Рузвельт и мировое сообщество так и не получили ответа на главный вопрос о том, возможны ли агрессии и впредь. Гитлер, сочетая твердую аргументацию своих утверждений с неприкрытой ложью, представил цели и

³⁴⁶ Ibid. S. 1177-1179.

³⁴⁷ Ibid. S. 1179.

задачи Германии как исключительно мирные, ориентированные на восстановление попорченной Версальским договором “исторической справедливости”.

Во-вторых, по сути, фюрер высмеял, пусть и сохраняя подчеркнуто серьезный тон повествования, обращение американского президента как таковое, представив его своеобразным “курьезом”. Миротворческие инициативы лидера США, нацеленные на разрядку международной напряженности, оказались отвергнутыми; при этом был сделан акцент на изъянах логики Рузвельта и сущности выдвинутых им предложений.

В-третьих, допустимо говорить о том, что Гитлер добился серьезного пропагандистского успеха. Произнесенную им речь слушали миллионы людей в десятках стран, ее переводы распространялись тысячами копий, в том числе и в США (глава немецкой дипломатической миссии Г. Томсен сообщал, что интерес к ней превосходит самые смелые ожидания)³⁴⁸. Выступление в Рейхстаге позволило фюреру выставить осуществленные Третьим рейхом агрессивные акты в качестве мотивированных шагов на пути восстановления нарушенной постановлениями Версальского договора целостности германской территории.

В Германии восприятие своеобразного “ответа” Гитлера Рузвельту было восторженным. Члены НСДАП приветствовали выступление фюрера и сделанные им заявления. “Völkischer Beobachter” вышла с заголовком: “Целый мир слышал, как Рузвельт был словесно уничтожен!” и повествовала о том, что фюрер произвел “политическую казнь” лидера США³⁴⁹; пропагандист Ф. Шенеман характеризовал выступление Гитлера как “безукоризненную отповедь”³⁵⁰.

Официальная реакция Соединенных Штатов на выступление рейхсканцлера, что вполне объяснимо, была довольно скупой. Рузвельт, очевидно уязвленный высказываниями Гитлера, воздержался от каких-либо оценок. Пресс-секретарь Белого дома М. МакДермотт направил Г. Томсену конфиденциальную телеграмму, в которой максимально сдержанно выражалось разочарование в том,

³⁴⁸ DGFP. Series D. Volume 6. P. 394.

³⁴⁹ Цит. по: Hass G. Von München bis Pearl Harbor. Berlin, 1965. S. 127.

³⁵⁰ Schönmeyer F. Op. cit. S. 9.

что “канцлер не принял предложений президента, и, по-видимому, не проникся их духом”³⁵¹.

На совещании в государственном департаменте было принято решение, что никаких комментариев прессе, за исключением констатации факта, что Гитлер не дал определенного ответа на инициативу Рузвельта, предоставлять не следует³⁵².

Газеты в основном сошлись на точке зрения, что речь Гитлера никоим образом не разрядила кризисную атмосферу, сложившуюся в течение последнего времени и что война в Европе по-прежнему вполне вероятна. Изоляционистские же издания, в свою очередь, подчеркнули справедливость и правомерность требований Германии относительно Данцига и получения права пользования “коридором”³⁵³.

Мнения представителей американского истеблишмента также разделились, причем сторонники интернационализма оказались в меньшинстве. Так, явно осудил позицию Гитлера лишь спикер Палаты представителей Конгресса У. Бэнкхед, заявивший, что Германия никоим образом не уважает международные договоры и обязательства, и в ближайшем будущем следует ожидать ухудшения и без того сложной обстановки³⁵⁴.

Что касается ведущих изоляционистов, то они весьма живо отреагировали на произошедшее. Сенатор-республиканец Дж. Най заявил, что “Рузвельт сам напросился на это”, его коллега У. Бора выразил мнение, что наконец-то “у человека из Белого дома произошла встреча с достойным противником”; их однопартиец Х. Джонсон выразился наиболее радикально, обвинив президента в том, что именно он ищет повод к войне, а вовсе не диктаторы: “Рузвельт хочет опрокинуть Гитлера и Муссолини, двух европейских правителей, с той лишь целью, чтобы затем самому более прочно обосноваться здесь, в Америке!”³⁵⁵

Общий итог данного обмена посланиями можно свести к тому, что он нес весьма выгодный для Третьего рейха идеологический эффект. Речь Гитлера,

³⁵¹ DGFP. Series D. Volume 6. P. 358.

³⁵² Moffat J.P. Op. cit. P. 241.

³⁵³ См. DGFP. Series D. Volume 6. P. 363.

³⁵⁴ Ibid. P. 358.

³⁵⁵ Цит. по: Tansill Ch. Op. cit. P. 521.

несмотря на содержащийся в ней ряд откровенно лживых и популистских утверждений, способствовала тому, что агрессивная внешнеполитическая программа нацизма оказалась представленной в конструктивном ключе, а действия Германии на международной арене, охарактеризованные как сугубо мирные и закономерные, были обоснованы перед многочисленной аудиторией в мировом масштабе.

В свою очередь, президент США Ф. Рузвельт, действуя в русле терпевшей крах политики умиротворения, осуществил одну из очередных попыток направить действия нацистской Германии в мирное русло. Он рассчитывал разрядить напряженную обстановку в Европе и мире, попутно заработав себе весомые внутривнутриполитические очки. Однако его намерение осталось нереализованным – ответное выступление Гитлера привело к тому, что президент фактически оказался выставленным по обе стороны Атлантики в качестве несведущего человека, претендовавшего на решение задач глобального порядка, а выдвинутые им инициативы были, по сути, отнесены к разряду недоразумений.

Обращенная к фюреру просьба предоставить гарантии безопасности трем десяткам государств, выражение готовности Соединенных Штатов выступить в роли посредника и примирителя, упоминания о миллионах людей, которые, затаив сердца, молятся и ожидают ответа немецкого вождя, не повлияли, да и не могли повлиять на Гитлера, заставив его отказаться от реализации своей внешнеполитической программы. Рузвельт, стремившийся проявить себя в качестве интернационалиста, потерпел ощутимое поражение. Тем не менее, “определенных результатов американский президент все же добился: американская аудитория, пожалуй, впервые стала понимать, что вести конструктивный диалог с гитлеровской Германией невозможно”³⁵⁶.

Отрицательный ответ фюрера и та форма, в которой он был преподнесен, способствовали тому, что общественное мнение Соединенных Штатов получило недвусмысленный сигнал об актуальности поиска обновленного *modus vivendi* в отношениях с нацистской державой.

³⁵⁶ Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М., 2012. Стр. 235.

§3. Характер американо-германских взаимоотношений в преддверии

Второй мировой войны (май-август 1939 г.)

В апреле 1939 г. в Соединенных Штатах шло активное обсуждение возможности трансформации внешнеполитических концепций и изменения подхода к агрессивным государствам. Слушания, посвященные данным темам, открылись в Сенате и Палате представителей. На них выступали не только конгрессмены, но и представители пацифистских, ветеранских, патриотических обществ, профсоюзов; присутствовали также военные и экономические аналитики.

Спектр мнений, заявленных ораторами, оказался весьма обширным. Тем не менее, в нём преобладали полярные суждения – о необходимости пересмотра или отмены законодательства о нейтралитете и выстраивании строгой антинацистской линии во внешней политике, с одной стороны, и о поддержании, упрочении существующего положения, с другой.

При рассмотрении доводов интернационалистов представляется правомерным выделить ряд нижеследующих суждений. Так, Ч. Фенвик, профессор колледжа Брин-Мор, выступая за необходимость коррекции закона о нейтралитете, указывал, что эта мера прямым образом отвечает государственным интересам США: “Нам нужно пытаться защитить наше право жить в мире на Земле, но делать это следует так, чтобы быть уверенными, что демократии смогут дать адекватный отпор агрессору в случае необходимости”³⁵⁷.

Приглашенный в качестве эксперта военный журналист У. Кариг, служивший ранее офицером военно-морского флота США, зачитал 24 апреля свою аналитическую статью, озаглавленную “Будет ли Америка следующей целью Гитлера? Да, это очевидно” и акцентировавшую внимание на необходимости выработки действенных мер, парирующих немецкую угрозу. Приведя факты, свидетельствовавшие о проникновении гитлеризма в Южную Америку, он заявил, что США жизненно необходимо активизировать отстаивание своих интересов в этом регионе, тем самым противостоя экономической и

³⁵⁷Цит. по: Григораш И.В. Указ. соч. Стр. 27.

идеологической экспансии Германии: “Дядя Сэм устал быть Дядей Самаритянином”. США будут уверены в невозможности нападения извне, только если им удастся совладать с тревожными тенденциями в Латинской Америке: “В противном случае Гитлер подчинит ее себе, и нам придет конец”. Подводя итог, Кариг подчеркнул, что американцам следует всемерно поддерживать инициативы Рузвельта по укреплению военной мощи страны и отходить от несовершенных внешнеполитических доктрин³⁵⁸.

28 апреля в комитете по международным делам Палаты представителей выступил председатель Американской лиги за мир и демократию Г. Уард. Он заявил, что нацизм, без всякого сомнения, несет в себе угрозу США и их национальной безопасности. От имени своей организации он выразил поддержку изменению закона о нейтралитете, сделав упор на то, что этот шаг необходимо предпринять, чтобы защитить страну от грядущей немецкой агрессии³⁵⁹.

Таким образом, интернационалисты настаивали на коренном пересмотре характера американо-германских отношений, настаивая на том, что внешнеполитические устремления рейха таят в себе опасность как для экономических интересов США, так и для их политико-идеологического влияния в столь важном для обороны страны регионе, как Южная Америка. Трансформация существовавшего закона о нейтралитете в пользу европейских демократий при этом рассматривалась как составная часть общего изменения курса Соединенных Штатов в отношении Германии. В связи с этим имеет смысл добавить, что, согласно данным статистических опросов за апрель 1939 г., в пользу данного решения высказывались 57 % американцев³⁶⁰.

Естественно, что у сторонников сохранения традиционных внешнеполитических подходов было иное восприятие сложившейся ситуации. Так, один из наиболее активных изоляционистов Г. Фиш 5 апреля произнес пламенную речь “Нет вовлечению Америки в войну!”, транслировавшуюся сетью NBC. Ее основной смысл сводился к тому, что американское вмешательство в

³⁵⁸ CR. 1939. Volume 84. Part 5. P. 4676-4677.

³⁵⁹ См. Наджафов Д.Г. Народ США – против войны и фашизма. М., 1969. Стр. 386.

³⁶⁰ Junker D. Kampf um die Weltmacht: die USA und das Dritte Reich, 1933-1945. Düsseldorf, 1988. S. 73.

европейские противоречия является недопустимым: “Если Гитлер и его правительство желают вновь получить Данциг, отторгнутый от Германии Версальским договором и в котором 90 процентов населения - немцы, то к чему угрозы и обвинения, и, тем более, вовлечение из-за этого в войну? Жизнь одного американского солдата несопоставима даже с шестью такими Данцигами... Если мы не будем говорить об этом сейчас, то потом будет поздно”³⁶¹.

В следующей речи Г. Фиш развил высказанные идеи и обрушился с нещадной критикой в адрес администрации: “Я обвиняю ее в нагнетании военной пропаганды и истерии, чтобы этим покрыть провал “нового курса” с 12 миллионами безработных... в отходе от нашей традиционной внешней политики в пользу интернационализма и военных обязательств без всякого на то одобрение со стороны Конгресса и общества... в проведении кампании, строящейся на ненависти и оскорблениях, воспламеняющей стремление к войне как за рубежом, так и у нас в стране... Что нам сейчас нужно? Остановить “крестовый поход”, прежде чем мы окажемся вторгнутыми в войну по милости сидящих в Вашингтоне интервенционистов, которые, судя по всему, более заинтересованы в решении чужих проблем, нежели собственных”³⁶².

Сенатор-республиканец Р. Тафт солидаризовался со своим политическим соратником, назвав президентскую позицию “легкомысленной и недальновидной”, а также выразил собственное суждение относительно внешней политики США: “Многие говорят, что мы должны заявить о поддержке западных демократий в их противостоянии Германии, мотивируя это тем, что таким образом опасность начала войны будет существенно снижена. Я не принимаю этот довод. Мы ничего не добьемся, кроме вовлечения в кровавую бойню. Вряд ли те, кто ратует за переход к интернационализму, захотят сами очутиться в ее центре...”³⁶³.

Генерал К. Джонсон, поддерживавший изоляционистов, высказал точку зрения, заключающуюся в том, что успешное ведение современной войны

³⁶¹ CR. 1939. Volume 84. Part 12. Appendix. P. 1342.

³⁶² Ibid. P. 1642-1643.

³⁶³ Ibid. P. 1698.

потребуется отказа от демократии и Соединенным Штатам придется “перегитлеровать Гитлера в диктаторском режиме во внутренней политике”³⁶⁴.

Исходя из высказываний изоляционистов, представляется правомерным говорить о том, что они по-прежнему не осознавали сущности нацистской угрозы, призывая придерживаться традиционных постулатов во внешней политике, упорно ссылаясь на то, что их изменение принесет самим США только проблемы – солдаты отправятся погибать на поля Европы, а внутри страны произойдут антидемократические преобразования милитаристской направленности.

Таким образом, апрель 1939 г. был месяцем, в течение которого в высших политических кругах Соединенных Штатов велись предметные дискуссии относительно возможности изменения подходов к нацистской Германии, выражались мнения как в поддержку подобных мер, так и направленные против какой-либо трансформации традиционных внешнеполитических концепций.

Начало следующего месяца было ознаменовано истечением срока действия принципа “кэш-энд-кэрри”, равнявшегося двум годам и истекавшего 1 мая 1939 г. Таким образом, данное положение утратило свою силу³⁶⁵. Это означало, что государства, вовлеченные в войну, лишались возможности за наличные деньги приобретать у США и вывозить на собственных судах материалы военного назначения и сырье. Подобный расклад был явно невыгоден для европейских демократий в случае начала их военного противостояния с нацистской Германией.

Вскоре в личном кабинете Ф. Рузвельта состоялось совещание по проблеме нейтралитета страны, на котором присутствовали государственный секретарь К. Хэлл, председатель комитета по международным делам Палаты представителей С. Блум, спикер нижней палаты Конгресса У. Бэнкхед, а также лидер демократического большинства в Палате представителей С. Рейберн.

Президент заявил, что “следует использовать любую возможность для отмены эмбарго на поставку вооружений”, призвал к исключению

³⁶⁴ Цит. по: Лан В.И. США: от Первой до Второй мировой войны. М., 1976. Стр. 477.

³⁶⁵ Наджафов Д.Г. Нейтралитет США, 1935–1941. М., 1990. Стр. 80.

соответствующей статьи из текста закона о нейтралитете, добавив: “Подобный шаг действительно сможет помешать началу войны; или же, если она все-таки разразится, то... сделает менее вероятной победу держав, недружественно относящихся к Соединенным Штатам”³⁶⁶. Он подчеркнул, что в случае неизменности существующего закона шансы победы Германии в европейской войне будут равны 50 на 50. “Если она одержит верх, то Япония, любящая играть в одной команде с “большими парнями”, вступит с Гитлером в еще более тесный союз. В результате этого США в скором времени окажутся в окружении враждебных государств. Объединенные флоты Германии и Италии равны нашему, а японский составляет 80% нашего. Поэтому у них всегда будет соблазн попытаться провести молниеносную войну против нас”³⁶⁷.

Рузвельт отметил, что не требует отмены всего законодательства, но настаивает на возобновлении действия принципа “кэш-энд-кэрри” в расширенном формате. Президент не скрывал, что хотел добиться одобрения предложенных изменений Палатой представителей до 12 июня 1939 г. – дня, на который было запланировано прибытие в США английской королевской четы, чье приглашение должно было свидетельствовать о теплом характере англо-американских отношений. Ликвидация эмбарго, безусловно, усилила бы эффект и значимость такой демонстрации.

У. Бэнкхед и С. Рейберн с сомнением отнеслись к реальности намеченной Рузвельтом программы. ФДР в ответ выразил надежду на сознательность конгрессменов³⁶⁸. На этом встреча завершилась, став весьма показательной сразу в нескольких отношениях. Рузвельт прямо высказался за трансформацию закона о нейтралитете в пользу европейских демократий, что в полной мере отвечало интересам безопасности самих США перед лицом потенциальной нацистской угрозы. Однако, при этом президент четко заявил, что необходимости полного демонтажа закона не существует. Очевидно, глава Белого дома осознавал, что при изоляционистски настроенном Конгрессе подобная категоричная мера будет

³⁶⁶ Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 642-643.

³⁶⁷ Цит. по: Яковлев Н.Н. Франклин Делано Рузвельт: человек и политик. М., 2003. Стр. 340.

³⁶⁸ Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 642-643.

заранее обречена на неудачу, поэтому он избрал путь, связанный с необходимостью существенной коррекции законодательства, но не его отмены.

10 мая У. Буллит в письме К. Хэллу отметил, что Франция и Великобритания “очень рассчитывают” на модификацию закона о нейтралитете в ближайшем будущем³⁶⁹.

Как и ожидалось, далее на политической арене Соединенных Штатов развернулась принципиальная борьба между изоляционистами и сторонниками администрации. К. Хэлл в течение месяца провел ряд конфиденциальных встреч с небольшими группами конгрессменов; проходили они в кабинете главы госдепартамента и были посвящены тому, чтобы склонить их к пересмотру законодательства о нейтралитете. Помимо этого, чиновники государственного департамента присутствовали на заседании исполнительного комитета демократической партии 19 июня и также высказывались за изменения. Ф. Рузвельт на пресс-конференции, состоявшейся 20 июня, выражал убежденность в необходимости осуществления законодательных перемен и выстраивания внешнеполитической линии, адекватной складывавшейся международной обстановке³⁷⁰.

В течение июня 1939 г. в Палате представителей Конгресса США шло рассмотрение билля об изменении существующего закона о нейтралитете, авторство которого принадлежало главе комитета по международным делам С. Блуму, заложившему в него предложения, рекомендованные администрацией и отвечавшие стремлениям Ф. Рузвельта – восстановление в расширенном формате действия принципа “кэш-энд-кэрри”, а также лицензирование экспорта всех видов оружия³⁷¹. Пункт об эмбарго на поставку вооружения вообще был изъят из текста билля.

Будучи одобренным большинством членов профильного комитета, данный законопроект поступил на общее рассмотрение Палаты представителей.

³⁶⁹ Цит. по: Hearden P. Op. cit. P. 130.

³⁷⁰ Divine R. The Reluctant Belligerent. American Entry into Second World War. Toronto, 1979. P. 64.

³⁷¹ См. Григораш И.В. Указ. соч. Стр. 30.

С 27 по 29 июня происходила собственно фаза дебатов относительно билля Блума. На ее конечном этапе изоляционистам удалось, воспользовавшись отсутствием единого интернационалистского блока, провести “поправку Вориса” (159 голосов “за” и 157 “против”), заключавшуюся во введении в содержание законопроекта пункта о модифицированном эмбарго. Представитель штата Огайо, республиканец Дж. Ворис, заострил внимание конгрессменов на отсутствии в предлагавшемся билле какого бы то ни было упоминания об эмбарго, что, в случае принятия инициативы Блума, означало демонтаж данного положения, бывшего ключевым в действующем законе о нейтралитете³⁷².

Суть поправки заключалась в том, что эмбарго на поставку вооружения воюющим странам должно продолжить существовать; при этом, однако, следует допустить экспорт материалов военного назначения и военсредств, к числу коих конгрессмен, среди прочего, относил и самолеты (без конкретизации типов), очевидно памятуя о событиях января 1939 года и сообщениях о слабости авиации Англии и Франции. Подобное развитие событий автоматически повлекло за собой блокировку лоббируемого администрацией восстановления действия обновленного принципа “кэш-энд-кэрри”.

Билль Блума прошел 201 голосом “за” при 187 “против”³⁷³. Таким образом, в силу принятой поправки эмбарго на поставку вооружения государствам, находящимся в состоянии войны, было сохранено.

Подобный исход являлся чувствительным ударом по Рузвельту и администрации; их инициативы, фактически, потерпели поражение в Палате представителей. Президент расценил позицию изоляционистов Конгресса как вдохновлявшую Германию и ее союзников на дальнейшую агрессию. Так, в сердцах он сказал министру финансов Г. Моргентау, что теперь следует принять билль о сооружении в Белом доме памятников со свастикой всем ведущим изоляционистам³⁷⁴; в письме члену палаты представителей К. О’Дей Рузвельт отметил, что “голосование является стимулом для Гитлера к войне, и, если бы его

³⁷² Там же. Стр. 31.

³⁷³ См. Егорова Н.И. Указ. соч. Стр. 124.

³⁷⁴ FDR & FA. Volume 16. N.Y., 1969. P. 254.

результаты были иными, они служили бы делу мира”³⁷⁵. К. Хэлл на пресс-конференции выразил “разочарование произошедшим с точки зрения общей безопасности и интересов страны”³⁷⁶.

Далее законопроект перешел на рассмотрение в Сенат. Президент и государственный секретарь вновь вернулись к переговорам с К. Питтмэном и остальными членами комитета по международным делам. Рузвельт, делая акцент на необходимости отмены эмбарго и введения положения о “кэш-энд-кэрри” в предлагавшемся широком формате, призвал их к изменению решения, вынесенного Палатой представителей.

5 июля глава Белого дома публично заявил, что “решение Палаты представителей повысило опасность возникновения новой войны, создав в диктаторских государствах впечатление, что американский народ не поддерживает усилия руководства страны, направленные в пользу европейских демократий”³⁷⁷.

Ощувив, что преимущество во внутривойсковой борьбе перешло к сторонникам его подхода, ведущий сенатор-изоляционист У. Бора резюмировал: “США не должны решать вечные склоки и противоречия в Европе, нам надлежит придерживаться принципов, проверенных столетиями и полностью оправдавших себя”³⁷⁸. В свою очередь, Г. Фиш охарактеризовал Рузвельта как интервенциониста, намеревающегося отправить американскую молодежь на кровавую бойню в Европу, и подчеркнул, что основной задачей Соединенных Штатов должно являться невовлечение в войну. При этом он отметил, что США вообще не должно быть дела до того, какая форма правления существует в иных государствах, будь это германский нацизм или что-либо иное. Наряду с этим, Фиш категорично заявил, что лично он и остальные сенаторы сделают все от них зависящее, чтобы не допустить трансформации законодательства по сценарию Рузвельта³⁷⁹.

³⁷⁵ Цит. по: Rauch B. Op. cit. Стр. 120.

³⁷⁶ Ibid.

³⁷⁷ CR. 1939. Volume 84. Part 6. P. 8675.

³⁷⁸ Ibid. Part 13. P. 3128.

³⁷⁹ См. Григораш И.В. Указ.соч. Стр. 31.

В итоге возобладал изоляционистский подход – 11 июля сенатский комитет по международным делам проголосовал за то, чтобы отложить все слушания по закону о нейтралитете до следующей сессии Конгресса, намеченной на январь 1940 года. При этом перевес в пользу подобного решения составил лишь 1 голос³⁸⁰.

Взбешенный Рузвельт стал готовить Сенату послание, в котором содержалась жесткая критика изоляционистов и занятой ими позиции, однако К. Хэллу удалось убедить президента не делать этого, поскольку подобный скоропалительный шаг мог привести к дальнейшим поражениям администрации. 14 июля глава Белого дома, по рекомендации Хэлла, направил в верхнюю палату сдержанное послание, основной призыв которого сводился к тому, что на Капитолии необходимо продолжать работу над пересмотром законодательства о нейтралитете. Тем не менее, никакой реакции от адресатов не последовало.

Последней попыткой Белого дома повлиять на сенаторов была созванная по инициативе Рузвельта встреча вечером 18 июля, состоявшаяся непосредственно в Овальном кабинете. Среди приглашенных были К. Хэлл, вице-президент У. Гарнер, лидер демократического большинства А. Баркли, лидер республиканского меньшинства Ч. МакНери, его заместитель У. Остин, глава комитета по международным делам К. Питтмэн, а также У. Бора.

Встреча проходила в неформальной обстановке и заняла по времени более трех часов. Рузвельт и Хэлл еще раз призвали собравшихся к отмене эмбарго, которая, согласно их мнению, была необходима для снижения риска начала войны в Европе. При этом государственный секретарь заострил внимание собравшихся на тревожных отчетах, приходящих из государств Старого света от американских дипломатов.

Когда он завершил, слово взял У. Бора, заявивший о несогласии с аргументацией относительно надвигающейся угрозы войны в Европе и необходимости поддержать Великобританию и Францию и предостеречь Германию. Сенатор выразил недоверие дипломатическим сообщениям, которые

³⁸⁰ CR. 1939. Volume 84. Part 9. P. 9127-9128.

поступали в госдепартамент, и, ссылаясь на собственные каналы информации, довел до сведения присутствующих, что в ближайшем будущем никакой войны не случится.

Стремясь разрядить заметно накалившуюся обстановку, вице-президент У. Гарнер обратился к А. Баркли с вопросом о том, существует ли реальная возможность собрать достаточное количество голосов для пересмотра законодательства о нейтралитете по сценарию администрации. Баркли ответил, что подобный расклад вряд ли возможен, поскольку республиканцы в полном составе против этого, а также их поддерживает треть демократов. Остальные сенаторы разделили его суждение.

Слово перешло к Рузвельту, который заявил, что если пересмотра не произойдет, то его непосредственной обязанностью будет проинформировать общественность о том, что именно Сенат отказался совершить столь нужный шаг, и, соответственно, несет ответственность за это.

Беседа подошла к концу, и У. Гарнер заключил, обращаясь к президенту: “Ну, Капитан, посмотрим фактам в лицо. Голосов не хватает. Тут и делу конец”. Рузвельт сохранил выдержку и не стал давать никаких комментариев. На этом встреча завершилась³⁸¹.

На следующий день, 19 июля, в прессе появились два заявления, посвященные итогам состоявшегося накануне собрания. В первом А. Баркли от лица демократов и Ч. МакНери от лица республиканцев провозглашали, что верхняя палата до окончания текущей сессии Конгресса не будет предпринимать каких бы то ни было действий относительно закона о нейтралитете; во втором же приводилась позиция президента и государственного секретаря, в которой выражалась глубокая убежденность, что “отказ Сената пересмотреть в настоящее время закон о нейтралитете ослабит влияние США в деле сохранения мира среди других государств в случае нового кризиса в Европе”³⁸².

³⁸¹ См. Rauch B. Op. cit. P. 125-126; McKenna M. Borah. Ann Arbor, 1961. P. 361-363; Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 649-650.

³⁸² Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 651.

5 августа текущая сессия закрылась, и конгрессмены были распущены на каникулы. Таким образом, рассмотрение вопроса о нейтралитете страны было перенесено на январь 1940 г. В связи с этим допустимо говорить о том, что на данном этапе Ф. Рузвельт потерпел ощутимое внутривластическое поражение, так и не сумев добиться достижения своей цели – пересмотра законодательства о нейтралитете. Соответственно, не произошло и отхода США от традиционных внешнеполитических концепций. Интернационалистские инициативы администрации, отвечавшие насущным интересам Соединенных Штатов, не привели к ожидавшимся результатам, столкнувшись с активным противодействием со стороны республиканского меньшинства Капитолия и примкнувших к нему демократов-изоляционистов. Стремление президента к деятельному участию страны в международных делах и выстраиванию антинацистской линии во внешней политике осталось нереализованным.

В то же время, американские дипломаты продолжали в Европе активную деятельность, оперативно снабжая государственный департамент сведениями о событиях, настроениях и ожиданиях Старого света.

Так, посол США во Франции У. Буллит пунктуально предоставлял Вашингтону информацию о позициях высших французских государственных руководителей, а также чиновников министерства иностранных дел этой страны. Лейтмотивом их высказываний являлась практически всеобщая убежденность в том, что вероятность начала войны в Европе в течение 1939 г. оставалась крайне высокой и что Гитлер, несмотря на “миролюбивые” заявления, вовсе не намеревался отказываться от реализации своих агрессивных планов.

Несколько другая ситуация сложилась в отношениях госдепартамента и посла в Великобритании Дж. Кеннеди. Уже в 1938 г., практически сразу после его назначения на этот важный пост, стало очевидно, что посол был склонен вести собственную дипломатическую игру и порой выражать взгляды, которые не соотносились с официальной точкой зрения руководства США. Его речь в октябре 1938 г. на приеме в Военно-морской лиге, во время которой он говорил,

что “с Гитлером вполне можно иметь дело”, подтвердила эти опасения. Тем не менее, Кеннеди продолжал исполнять свои обязанности; вполне вероятно, это было связано с доверительно-дружеским характером его личных отношений с Н. Чемберленом, что давало Вашингтону возможность получать полную и достоверную информацию о намерениях британских властей. Общий характер сообщений Кеннеди совпадал с тем, который содержался в оценках посла США во Франции У. Буллита, с той лишь разницей, что в отчетах первого по-прежнему продолжала прослеживаться тенденция к недооценке сущности проводимой Гитлером политики.

Характеризуя международные европейские условия летних месяцев 1939 г., необходимо также упомянуть про длившиеся с апреля по август англо-франко-советские переговоры, имевшие своей целью заключение трехстороннего договора о взаимопомощи и военной конвенции на основе принципов равенства и взаимности.

Вашингтон занял в их отношении достаточно пассивную позицию. В частности, уже 18 апреля посол США в Брюсселе Дж. Дэвис³⁸³ предложил направить его в Москву с неофициальной миссией для содействия скорейшему заключению соглашения СССР с Англией и Францией³⁸⁴. Госдепартамент отклонил его инициативу, сославшись на необходимость избегать “ненужного риска”³⁸⁵.

Как отмечает В.Я. Сиполс, американская дипломатия при желании могла оказать на британское и французское правительства благотворное воздействие, однако послы США в Лондоне и Париже фактически поддерживали англо-французскую политику саботирования московских переговоров. 6 июня 1939 г. советское полпредство в Вашингтоне сообщало в Москву о том, что Ф. Рузвельт не стремится использовать имеющиеся у него моральные и материальные рычаги воздействия на англичан и французов, дабы повлиять на их

³⁸³ Джозеф Дэвис (1876-1958) – американский дипломат. До своего назначения в Брюссель на протяжении 1936-1938 гг. занимал пост посла США в Советском Союзе; зарекомендовал себя как убежденного сторонника необходимости улучшения американо-советских отношений.

³⁸⁴ FRUS. 1939. Volume 1. P. 234-235.

³⁸⁵ Ibid. P. 236.

внешнеполитическую линию³⁸⁶. Следует также упомянуть про меморандум, составленный 22 июля 1939 г. помощником начальника европейского отдела государственного департамента Л. Гендерсоном³⁸⁷. В нем утверждалось, что Москва, якобы, не заинтересована в проведении политики коллективной безопасности и пойдет на соглашение с Лондоном только на условиях, которые будут обеспечивать ее господство в Восточной Европе³⁸⁸.

Скорее всего, избранная Вашингтоном в эти месяцы отстраненная тактика объяснялась как сосредоточенностью администрации и госдепартамента на внутренних процессах, связанных с возможностью пересмотра закона о нейтралитете, так и отсутствием собственного посла в Москве³⁸⁹. В то же время, она носила явно негативный характер, поскольку США фактически содействовали затягиванию переговорного процесса и дальнейшему усложнению международной обстановки.

Тем не менее, летом 1939 г. Белый дом предпринимал некоторые попытки выяснения точек зрения европейских держав относительно перспектив развития ситуации в Старом свете. Шагом, который в подобных условиях мог в определенной мере кристаллизовать позицию Великобритании, являлось президентское приглашение английской королевской четы совершить визит в США. Однако пребывание Георга VI в Соединенных Штатах (9-15 июня 1939 г.) не оправдало надежд Рузвельта. Несмотря на то, что их встреча прошла в теплой атмосфере, стороны так и не пришли к каким бы то ни было определенным решениям относительно методов и средств возможного оказания совместного противодействия агрессивным устремлениям Германии, ограничившись признанием опасности, которую несет нацистская угроза обеим странам.

1 июля, спустя двое суток после голосования по биллю Блума в Палате представителей, У. Буллит телеграфировал из Парижа в госдепартамент, что

³⁸⁶ Цит. по: Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза, 1936-1939. М., 1987. Стр. 279.

³⁸⁷ Лой Гендерсон (1892-1986) – американский дипломат, специалист по СССР и странам Ближнего Востока.

³⁸⁸ FRUS. The Soviet Union. 1933-1939. P. 774.

³⁸⁹ После того как из Москвы в июне 1938 г. был отозван Дж. Дэвис, и до того, как в августе 1939 г. к исполнению соответствующих обязанностей приступил Л. Штейнгардт, США не имели своего посла в СССР.

Франция восприняла его итоги как сигнал к повышению вероятности нападения Гитлера на Польшу и начала континентальной войны³⁹⁰.

Сразу после этого К. Хэлл разослал миссиям в Берлине, Риме и других столицах запросы относительно реакции европейских государственных деятелей на результаты данного голосования и их возможного влияния на общую обстановку в Старом свете. Ответы вскоре были получены. Среди них выделялось сообщение от А. Кирка, американского поверенного в делах в Берлине (он сменил скончавшегося П. Джильберта). Дипломат сообщал, что как официальные лица, так и пресса в Германии выражают глубокое удовлетворение решением Палаты представителей; при этом президент Рузвельт, настаивавший на интернационализации действий США и не удовлетворенный позицией конгрессменов, удостоился в газетах эпитета “поджигателя войны, помешанного на политике интервенции и окружения”³⁹¹.

Что касается непосредственной реакции А. Гитлера на события в Конгрессе США, то он предметно высказался на их счет во время одного из совещаний руководителей вермахта: “Америка, при сложившемся в ней ныне раскладе, не представляет для нас никакой опасности”³⁹².

В целом, в июле 1939 г. в отношениях США и Германии наступило относительное затишье. Лидеры стран не выступали с речами, затрагивавшими аспекты двусторонних связей, средства массовой информации основное внимание также сосредоточили на иных проблемах.

Однако, с наступлением августа в политической жизни Европы начали происходить события, нарушившие зыбкое равновесие и временное спокойствие. Государственный департамент США с пристальным вниманием следил за деятельностью Г. Фиша в столицах европейских государств, куда он отправился в качестве главы американской делегации на ежегодный съезд Межпарламентского

³⁹⁰ Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 647.

³⁹¹ Ibid. P. 647-648.

³⁹² Совершенно секретно! Только для командования! Документы и материалы. Составитель Дашичев В.И. М., 1967. Стр. 78.

союза, который должен был состояться 15-19 августа 1939 г. в Осло³⁹³. Прибыв в Европу за две недели до начала форума, он посвятил немало времени переговорам с министрами иностранных дел Великобритании и Франции Э. Галифаксом и Ж. Бонне, а также другими политиками. Основной темой обсуждения являлись перспективы мира в Европе. В ряду этих встреч особое место занимала длившаяся полтора часа беседа Фиша с германским министром иностранных дел И. фон Риббентропом, которая состоялась 14 августа в официальной резиденции нацистов близ Зальцбурга. Главным предметом разговора стала возможная мирная передача Германии Данцига. Очевидно, что между ними проявилось определенное совпадение позиций, и участники переговоров остались удовлетворены состоявшимся диалогом; в Осло конгрессмен был доставлен на личном самолете Риббентропа.

Во время работы съезда Фиш выдвинул собственный вариант разрешения данцигского вопроса, сведя суть инициативы к тому, что сохранение мира является вполне достижимым при условии “урегулирования” проблемы путем переговоров и принятия “компромиссного решения”. Тем не менее, поддержки среди участников съезда он не обрел. При этом сам Фиш очень высоко расценивал это предложение: “Возможно, оно отложило бы войну и открыло путь к мирному урегулированию споров между Англией, Францией, Германией и Италией и спасло бы Польшу от разрушения в случае вторжения и войны”³⁹⁴. По сути, Г. Фиш выступал с идеей об организации подобия Мюнхенской конференции, причем состав участников и цель (“урегулирование территориальных вопросов”) полностью совпадали.

Логично предположить, что действия Г.Фиша, являвшегося одним из наиболее непримиримых изоляционистов Капитолия, полностью отражали его внешнеполитическую “картину мира”. Стремясь к тому, чтобы исключить даже малейшую возможность вовлечения Соединенных Штатов в назревавший европейский конфликт, Фиш счел закономерным посвятить свою деятельность в

³⁹³ Межпарламентский союз – организация, созданная в 1889 г. в целях поддержания мира и демократии и проводившая ежегодные конференции. Делегация США формировалась из представителей обеих палат Конгресса на двухпартийной основе.

³⁹⁴ CR. 1939. Volume 85. Part 2. Appendix. P. 20.

Европе поиску путей, которые могли позволить избежать его. Нависшая над Польшей нацистская угроза не воспринималась им должным образом, поскольку ход его мыслей был нацелен лишь на выработку условий, которые будут удовлетворять амбиции Германии, позволив тем самым “разрешить существовавшие противоречия”.

Выглядит вполне естественным, что активность Г. Фиша была крайне негативно воспринята в Вашингтоне. Государственный секретарь К. Хэлл получал от поверенного в делах США в Германии А. Кирка подробную информацию о всех действиях Фиша³⁹⁵ (после Осло он посетил Хельсинки, Данциг и Берлин, пробыв в Европе несколько недель). Помощник госсекретаря А. Берли, разочарованный в тактике мирных конференций и уступок агрессору, полагал, что конгрессмен мог заверить Риббентропа в существовании в США мощнейшей оппозиции политике администрации, что, безусловно, также играло в пользу гитлеровцев³⁹⁶. Интересно, что Ф. Рузвельт, ознакомленный с характером деятельности Фиша в Старом свете, впоследствии в несвойственной для себя едкой манере выразил мнение о том, что “лучше бы этот великий деятель играл в футбол”³⁹⁷.

В госдепартамент также поступала непосредственная информация об углублении политического кризиса между Германией и Польшей. 8 августа заместитель государственного секретаря С. Уэллес провел беседу с польским послом в США Е. Потоцким, только что возвратившимся из Варшавы. Посол сообщил, что Германия предметно занята подготовкой войны против Польши; немецкие дивизии концентрируются в приграничных районах³⁹⁸. 15 августа поверенный в делах США в Берлине А. Кирк отметил, что “худшее может случиться в любой момент”³⁹⁹.

³⁹⁵ Alexander Kirk to Cordell Hull. 26 September 1939. State: Hull, Cordell. January - September 1939. Box 74. Departmental File. PSF. FDRL.

³⁹⁶ Adolf Berle. Memorandum. 17 August 1939. Adolf A. Berle Diary. July-August 1939. Box 210. Adolf Berle Papers. FDRL.

³⁹⁷ FDR to Bernard Baruch. 1 November 1939. State: Hull, Cordell. October 1939-1940. Box 74. Departmental File. PSF. FDRL.

³⁹⁸ FRUS. 1939. Volume 1. P. 206-208.

³⁹⁹ Ibid. P. 217.

На следующий день в госдепартаменте под руководством С. Уэллеса состоялось совещание, на котором присутствовали Дж. Мессерсмит, Дж. Моффат и А. Берли. Его основными темами стали ситуация в Европе и возможные варианты развития событий. Признав вероятность начала войны вполне реальной, участники встречи составили и отправили находившемуся на отдыхе Рузвельту пространную телеграмму, в которой выражалась обеспокоенность положением дел в Старом свете. Кроме того, было решено провести конференцию с представителями министерств финансов и юстиции с целью разработки конкретных мероприятий на случай “чрезвычайных обстоятельств”⁴⁰⁰.

Она прошла 17 августа под председательством Уэллеса. Помимо представителей означенных ведомств, на ней присутствовали и чиновники военного министерства. Среди прочих обсуждался вопрос о возможном изменении закона о нейтралитете в случае начала войны в Европе, однако никакой определенной программы действий на этот счет выработано не было.

Тем временем, обстановка в Европе продолжала обостряться. Американские дипломаты передавали мрачные прогнозы европейских политиков относительно перспектив мира на континенте.

22 августа У. Буллит сообщил К. Хэллу о том, что Э. Даладье выразил надежду на то, что “президент Рузвельт заявит о неотвратимо надвигающейся войне и пригласит представителей всех стран мира немедленно направить своих делегатов в Вашингтон, чтобы постараться выработать решение, направленное на достижение мира”⁴⁰¹.

Под воздействием поступавшей информации С. Уэллес 23 августа выступил с обращением, в котором предостерегал граждан Соединенных Штатов от совершения поездок в Европу в случае, если у них не имеется на то вынужденных причин⁴⁰².

В этот же день в Лондоне состоялись беседы посла США Дж. Кеннеди с Э. Галифаксом и Н. Чемберленом, на которых обсуждались германо-польские

⁴⁰⁰ Moffat J.P. Op. cit. P. 247.

⁴⁰¹ Цит. по: Hearden P. Op. cit. P. 130.

⁴⁰² Moffat J.P. P. 252.

противоречия. Вечером Кеннеди отправил в госдепартамент телеграмму, в которой заявил, что “не видит другой возможности избежать войны в Европе, кроме как усадить поляков за стол переговоров с Гитлером для разрешения противоречий”⁴⁰³. При этом посол намекнул, что администрации США следует вмешаться в ситуацию и оказать давление на руководство Польши через министра иностранных дел этой страны Ю. Бека, дабы переговоры все-таки начались и споры были решены мирным путем. Фактически, Кеннеди призывал к принуждению Польши пойти на “добровольные” уступки Германии.

Предложение Кеннеди, выражавшее позицию британских умиротворителей и отвечавшее их интересам, было расценено К. Хэллом как подготовка “второго Мюнхена”. Дж. Моффат при этом резюмировал: “Нет никакого сомнения, что Великобритания пытается “надавить” на Польшу, но делать это сама не осмеливается. Она хочет, чтобы инициатива исходила от нас, чтобы на этот раз вся грязная работа была проделана нашими руками”⁴⁰⁴. Идеи посла не обрели в государственном департаменте никакой поддержки.

Как отмечает В.Т. Юнгблюд, подобная линия поведения американского посла в Лондоне, ранее бывшего успешным бостонским финансистом, была обусловлена тем, что в основе его системы политических воззрений лежало отношение к двум фундаментальным понятиям – миру и капитализму. Главным условием сохранения капитализма он считал способность цивилизованных держав поддерживать мир. Война воспринималась послом как явление иррациональное и деструктивное: “Она разрушает капитализм. Что может быть хуже этого?” – любил повторять Кеннеди⁴⁰⁵. Исходя из этого, правомерно утверждать, что позиция Кеннеди в значительной мере, если не полностью, определялась соображениями эгоистического характера, не допускавшими действий, направленных на возможность организации противодействия гитлеровским притязаниям.

⁴⁰³ FRUS. 1939. Volume 1. P. 356.

⁴⁰⁴ См. Hearden P. Op. cit. P. 134; цит. по: Юнгблюд В.Т. Эра Рузвельта: дипломаты и дипломатия. СПб., 1996. Стр. 112.

⁴⁰⁵ Юнгблюд В.Т. Указ. соч. Стр. 106.

Следует также отметить, что 23 августа 1939 г. произошло подписание советско-германского пакта о ненападении, ставшее последним крупным международным событием предвоенного десятилетия. Германия, заключив данное соглашение, добилась серьезного внешнеполитического успеха, так как она, согласно условиям договора, фактически “нейтрализовала Советский Союз на период агрессии против Польши и европейских демократий”⁴⁰⁶.

Весть о заключении советско-германского договора была встречена администрацией США без особой реакции, так как она перед этим уже имела информацию от своего посольства в Москве о всех деталях переговоров⁴⁰⁷. В то же время, руководство Соединенных Штатов осознавало, что советский фактор, который мог помешать германскому нацизму одолеть Польшу, был устранен.

Комментируя данную ситуацию, начальник европейского отдела государственного департамента Дж. Моффат заключил: “Несомненно, что это крупнейшее дипломатическое достижение Германии... каковы будут его последствия для Польши, покажут уже ближайшие дни”⁴⁰⁸.

Что касается реакции американских средств массовой информации на заключение пакта, то она была весьма показательной. Издание “Нейшн” писало, что “обманщик Чемберлен сам был обманут Сталиным”⁴⁰⁹, “Ньюсвик” отмечал “ошеломленность Европы” и указывал на “подрыв основ мирового баланса сил”⁴¹⁰, “Тайм” полагал, что “наступил кошмар для демократий”⁴¹¹. Как видно из приведенных комментариев, произошедшее событие воспринималось как деструктивный фактор, несущий потенциальную угрозу не только безопасности Европы, но и всего мира.

В таких обстоятельствах Ф. Рузвельт лично решил предпринять последнюю отчаянную попытку по предотвращению войны, вновь выступив с инициативой по умиротворению.

⁴⁰⁶ Горохов В.Н. Указ. соч. Стр. 282.

⁴⁰⁷ Цветков Г.Н. Политика США в отношении СССР накануне Второй мировой войны. Киев, 1973. Стр. 170.

⁴⁰⁸ Moffat J.P. Op. cit. P. 250.

⁴⁰⁹ Nation. 26.08.1939. P. 211-212.

⁴¹⁰ Newsweek. 28.08.1939. P. 16-17.

⁴¹¹ Time. 28.09.1939. P. 20-21.

Еще в ночь на 24 августа им была направлена телеграмма королю Италии Виктору Эммануилу. Президент, выразив убежденность американского народа в способности монарха и его правительства повлиять на ситуацию так, что войны все же удастся избежать, обратился к ним с просьбой. Она заключалась в том, чтобы итальянское правительство сформулировало предложения по мирному урегулированию кризиса путем проведения переговоров между вовлеченными в него сторонами. Завершался же призыв напоминанием о “миллионах людей, которые умоляют о том, чтобы они не были вновь принесены в жертву войне”⁴¹².

Через несколько часов, утром 24 августа, Рузвельт направил послания канцлеру Германии А. Гитлеру и президенту Польши И. Мосьцицкому. Они различались по тексту, но выдержаны были абсолютно в одном и том же духе. Лидерам государств предлагалось разрешить “противоречие” мирными средствами, путем непосредственных переговоров или же при посредничестве третьей, незаинтересованной стороны, в качестве которой могли выступить США, при условии, что стороны согласятся уважать независимость и территориальную целостность друг друга⁴¹³. В телеграмме, адресованной фюреру, Рузвельт также упомянул о том, что “политика завоевания и агрессии” неприемлема, а “достижение целей, при котором миллионы человек могут столкнуться с ужасом войны, вызывает всеобщее осуждение американского народа”⁴¹⁴.

Ответ от И. Мосьцицкого последовал незамедлительно. Польский президент согласился с предложениями Рузвельта и отметил, что его страна всегда считала прямые переговоры наиболее подходящим принципом “разрешения затруднений, которые возникают между государствами”. При этом, однако, он указал на то, что в данном конфликте “не Польша является стороной, заявляющей претензии и требования”⁴¹⁵. От Гитлера никакой реакции на обращение Рузвельта не последовало.

Президент США сразу же направил рейхсканцлеру второе послание. В нем Рузвельт довел до сведения фюрера, что польское правительство согласилось с

⁴¹² FRUS. 1939. Volume 1. P. 352.

⁴¹³ Ibid. P. 360-362.

⁴¹⁴ Ibid. P. 361.

⁴¹⁵ Ibid. P. 368.

предложением по урегулированию противоречий между государствами путем прямых переговоров. Далее следовал очередной призыв к тому, чтобы Германия согласилась с “мирным вариантом разрешения вопросов, который уже принят правительством Польши”. “Сегодня весь мир молится о том, чтобы Германия его тоже приняла” – заключил Рузвельт⁴¹⁶.

На наш взгляд, мотивы, побудившие президента США обратиться к европейским лидерам с подобными посланиями, находились в моральной области, если вообще допустимо выделять моральный аспект в развитии событий накануне начала мировой войны. Очевидно, Рузвельт отдавал себе отчет в том, что обращения к фюреру вряд ли повлияют на характер его внешней политики и, тем более, заставят сесть за стол переговоров. Об этом свидетельствовал весь ход развития ситуации в Европе, да и отсутствие непосредственных ответов Гитлера на предыдущие схожие предложения говорило само за себя.

Ответственность за отказ от мирного урегулирования конфликта, таким образом, целиком ложилась на гитлеровскую Германию; это удовлетворяло Рузвельта в том плане, что оказывался проясненным и снятым тот самый пресловутый моральный вопрос. Данная точка зрения подтверждается свидетельством А. Берли, принимавшего участие в подготовке обращений к Гитлеру. Считая эти меры “бесполезными” и “наивными”, он все же считал, что послания обязательно должны быть отправлены, чтобы никто не смог обвинить США в отказе от последней, “пусть и отчаянной попытки сохранить мир”⁴¹⁷. Дж. Моффат, оценивая обращения президента к Гитлеру, высказался примерно так же: “Шанс, что эти призывы повлияют на развитие событий – один из тысячи; однако, поступить так все же следует”⁴¹⁸.

Естественно, чиновники госдепартамента оказались правы в том отношении, что воззвания Рузвельта не оказали, да и не могли оказать воздействие на Муссолини и Гитлера. Однако, формальные ответы от адресатов на сей раз все же были получены, пусть и с существенной задержкой. Так, 30

⁴¹⁶ Ibid. P. 368-369.

⁴¹⁷ Adolf Berle. Memorandum. 24 August 1939. Adolf A. Berle Diary. July-August 1939. Box 210. Adolf Berle Papers. FDRL.

⁴¹⁸ Цит. по: Hearden P. Op. cit. P. 135.

августа в Белый дом была доставлена телеграмма от короля Италии Виктора Эммануила, которая состояла всего из трех предложений. В них в крайне сдержанном тоне выражалась благодарность президенту США за проявленный им интерес к европейским событиям, а также сообщалось о том, что делается и делается все возможное для “поддержания мира и законности”⁴¹⁹.

31 августа 1939 г. Г. Томсен нанес краткий визит главе государственного департамента К. Хэллу и представил ему меморандум, сообщавший о реакции фюрера на обращения Рузвельта от 24 и 25 августа. В нем, в частности, говорилось о “высокой оценке”, которую дал им Гитлер. Далее сообщалось, что рейхсканцлер “вплоть до последнего момента выступал за разрешение спора между Германией и Польшей “дружеским образом”, однако позиция польского правительства оставляла без результата все усилия в данном направлении”⁴²⁰. На этом меморандум заканчивался.

1 сентября 1939 г. германский нацизм совершил нападение на Польшу. 3 сентября Великобритания и Франция объявили войну Германии. Началась Вторая мировая война.

Оценивая характер американско-германских отношений в октябре 1938 г. – августе 1939 г., следует заключить, что он не отличался устойчивостью и стабильностью. Состоявшаяся в конце сентября 1938 г. Мюнхенская конференция, к числу непосредственных участников которой США не относились, лишь усложнила ситуацию в Европе. Отторжение Судетской области явилось началом процесса расчленения Чехословакии, завершенного нацистской Германией весной 1939 г.

И, несмотря на первые положительные отклики на это событие, прозвучавшие в Вашингтоне, эйфория по этому поводу прошла довольно быстро. На наш взгляд, сколь точно, столь и образно данное явление отобразил поверенный в делах СССР в США К.А. Уманский в донесении, направленном 11

⁴¹⁹ FRUS. 1939. Volume 1. P. 382.

⁴²⁰ Ibid. P. 396.

ноября 1938 г. наркому иностранных дел М.М. Литвинову: “Послемюнхенское похмелье наступило скорее, чем в Европе и имеет более всеобщий характер”⁴²¹.

Исходя из постепенного осознания того, что Мюнхен не только не обеспечивает продолжительный мир в Европе, но и идет вразрез с интересами США, президент Ф. Рузвельт инициировал рассмотрение вопроса о преобразовании традиционных американских внешнеполитических доктрин. Основное внимание администрации было сосредоточено на пересмотре законодательства о нейтралитете. Однако Конгресс, несмотря на активность Рузвельта и Хэлла, указывавших на несовершенство законодательства, не разделял их точку зрения. Для оценки американской позиции в приближавшемся мировом конфликте решающее значение имело то, что США отказались от радикального изменения или отмены Закона о нейтралитете⁴²².

В то же время, характеризуя действия Рузвельта, следует отметить его весьма успешный курс по отношению к латиноамериканским странам, осуществлявшийся в рамках политики “добрососедства”. Эти государства не являлись прямыми целями Гитлера, но в них имели процессы, связанные с распространением экономического и идеологического влияния Третьего рейха, с активизацией немецких агентов. Постановления проведенной в декабре 1938 г. Лимской панамериканской конференции способствовали выстраиванию достаточно консолидированной антигитлеровской линии государств Западного полушария и представляли собой заметное достижение Вашингтона в борьбе с утверждением нацизма в регионе.

Тем не менее, правомерно говорить о том, что деятельность главы Белого дома вполне укладывалась в рамки политики умиротворения агрессора, осуществлявшейся западными демократиями. Осуждение нацизма как такового, крайне негативное восприятие причин и последствий “хрустальной ночи”, отзыв посла из немецкой столицы, введение компенсационных пошлин на поставляемые из Германии товары сочетались в действиях Соединенных Штатов с пассивной

⁴²¹ Поверенный в делах СССР в США К.А. Уманский – наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову. 11 ноября 1938 г. АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 21. Папка 134а. Д. 3. Л. 44.

⁴²² История США. Т. 3: 1918-1945. М., 1985. Стр. 316.

внешнеполитической позицией и отсутствием решительных актов противостояния планам Берлина. Определенные попытки Рузвельта изменить общую ситуацию имели место, но в целом США продолжали следовать традиционалистскому постулату о необходимости воздержания от вовлечения в зарубежные споры и конфликты.

В то же время, необходимо указать, что в целом степень ответственности Вашингтона за проведение ущербной политики “умиротворения” является более низкой, чем у Лондона и Парижа. Это связано с тем, что в силу изоляционистского настроя Конгресса, провалившего инициативы администрации, а также неготовности общества к трансформации внешнеполитического курса страны, Ф. Рузвельт вряд ли мог предпринять более эффективные меры по сравнению с теми, которые он пытался осуществить. Свою роль в этой ситуации играло и то обстоятельство, что реальная степень гитлеровской угрозы в отношении США была минимальной.

Характеризуя немецкое восприятие Соединенных Штатов, следует отметить, что в 1938 – 1939 гг. они, безусловно, не входили в орбиту непосредственных притязаний Третьего рейха и занимали второстепенное место в нацистской “картине мира”. Германия занималась методичным осуществлением своей экспансионистской европейской внешнеполитической программы, утверждаясь в качестве континентального гегемона. Тем не менее, неутрачивающая критика как внешней, так и внутренней политики США не сходила с полос немецкой прессы; американская исполнительная власть рассматривалась в качестве слабой и зависимой силы. Соответствующие оценки звучали как в официальных, так и неофициальных выступлениях нацистских руководителей. Подобный расклад был обусловлен тем, что рейхсканцлер Адольф Гитлер не воспринимал Соединенные Штаты в качестве государства, способного кардинальным образом влиять на состояние международных отношений.

Глава 2. США и нацистская Германия в начальный период Второй мировой войны (сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г.)

§1. Соединенные Штаты и развязывание нацистской Германией европейской войны

Президент США Ф. Рузвельт узнал о начале войны в Европе от американского посла в Париже У. Буллита, позвонившего непосредственно в Белый дом. Он сообщил, что получил информацию, согласно которой немецкие дивизии вторглись в Польшу и продвигаются по её территории. В ответ Рузвельт произнес: “Наконец это произошло. Боже, помоги нам всем”⁴²³.

Спустя несколько часов после нападения Германии на Польшу поверенный в делах США в Берлине А. Кирк сообщил в государственный департамент о том, что обнародованной прокламации А. Гитлера для армии. В ней утверждалось, что “Польское государство отказалось от мирного решения пограничных проблем; после неоднократных случаев нарушения Польшей границы Германия заявляет, что сила должна быть отражена силой; борьба будет вестись в защиту немецкой территории и чести”⁴²⁴. Вскоре в Белый дом стали поступать сведения о том, что люфтваффе осуществляют бомбардировку мирных жителей в польских городах.

Не сдержав возмущения и поддавшись эмоциям, в тот же день Ф. Рузвельт незамедлительно выступил со специальным обращением, адресованным правительствам Германии, Италии, Польши, Франции и Великобритании. В нём, в частности, отмечалось: “Беспощадные бомбардировки... глубоко потрясли совесть человечества... Я обращаюсь к каждому правительству, которое может принять участие в боевых действиях, публично подтвердить, что его вооруженные силы никогда и ни при каких обстоятельствах не подвергнут бомбардировке с воздуха мирное население”⁴²⁵. Несмотря на то, что формально обращение было направлено пяти государствам (причем три из них на момент

⁴²³ For the President, Personal and Secret: Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt (Ed. by O.H. Bullitt). Boston, 1972. P. 366.

⁴²⁴ FRUS. 1939. Volume 1. P. 402.

⁴²⁵ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1939 Volume. P. 454.

обращения не принимали участие в боевых действиях), не вызывает сомнений тот факт, что его основным адресатом была нацистская Германия.

На этот раз ответ Гитлера на обращение американского президента не заставил себя долго ждать – он был озвучен в тот же день. В нем фюрер подчеркнул, что “всегда придерживался правила недопустимости бомбардировки гражданских целей”, упомянутого Рузвельтом. Кроме того, рейхсканцлер добавил: “...Уже во время сегодняшней речи в Рейхстаге я публично заявил, что военно-воздушным силам Германии отдан приказ ограничить свои операции исключительно военными целями... Условием выполнения данного приказа будет являться соблюдение противником аналогичного правила”⁴²⁶.

2 сентября поверенный в делах Германии в Вашингтоне Г. Томсен сообщил в Берлин о том, что американское общественное мнение целиком и полностью возлагает вину за начало войны на руководство рейха⁴²⁷.

На следующий день, 3 сентября, Ф. Рузвельт произнес речь, посвященную началу европейской войны. Выразив сожаление по этому поводу, глава Белого дома, тем не менее, указал на усилия его администрации по предотвращению кризисов, предшествовавших данному событию. Также президент подчеркнул, что разгоревшееся в Европе противостояние затрагивает будущее самой Америки. Рузвельт подтвердил государственный нейтралитет США, но добавил: “Я не могу просить американцев оставаться нейтральными и в своих мыслях. Даже нейтральный человек имеет право оценивать факты, и даже от нейтрального человека нельзя требовать, чтобы он заставил молчать свой разум и совесть”⁴²⁸. Несмотря на то, что во время предварительного обсуждения текста президентской речи государственный секретарь К. Хэлл советовал воздержаться от произнесения данного пассажа, Рузвельт настоял на его сохранении⁴²⁹. Правомерно отметить, что Рузвельт, вставив упомянутое высказывание в текст выступления, не скрывал, что его собственные симпатии, равно как и большинства американцев, находятся на стороне противостоящих Германии государств.

⁴²⁶ DGFP. Series D. Volume 7. P. 507-508.

⁴²⁷ Ibid. P. 521.

⁴²⁸ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1939 Volume. P. 460-464.

⁴²⁹ Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 676.

5 сентября 1939 г. Белый дом выпустил специальную прокламацию, согласно которой активировался закон о нейтралитете 1937 года, одним из основных положений которого являлось эмбарго на поставки американского оружия в воюющие страны⁴³⁰, а через три дня Ф. Рузвельт своим указом ввел в Соединенных Штатах “ограниченное чрезвычайное положение”, которое сопровождалось распоряжением о некотором увеличении численности сухопутных войск и военно-морских сил⁴³¹.

Касаясь американской реакции на начало войны в Европе, 7 сентября 1939 г. бывший посол Германии в США Г. Дикгоф составил меморандум, в котором выразил уверенность, что Рузвельт в ближайшее время будет стремиться отменить эмбарго на продажу вооружения, совершив этот шаг в интересах Великобритании и Франции. При этом дипломат добавил, что большая часть американцев действительно испытывает антигерманские настроения, чему способствует пропаганда, осуществляемая посредством радио, прессы и публичных лекций⁴³². Предположение Г. Дикгофа вскоре подтвердилось: через несколько дней Рузвельт сообщил премьер-министру Великобритании Н. Чемберлену о своей “надежде и вере в то, что эмбарго будет отменено в следующем месяце”⁴³³.

8 сентября поверенный в делах Германии в США Г. Томсен в очередном донесении в Берлин подчеркнул, что, несмотря на задекларированный нейтралитет, американская администрация предприняла ряд мер, непосредственно направленных против Германии. К их числу он отнес тот факт, что Комиссия по ценным бумагам и биржам приступила к составлению реестра всех немецких активов, размещенных в американских банках, с целью их конфискации в случае непосредственного начала войны между Германией и США. Кроме того, Томсен указал, что министерство юстиции начало формировать перечень всех аккредитованных в США немецких фирм и организаций, их американских представителей и адвокатов, дабы

⁴³⁰ FRUS. 1939. Volume 1. P. 685-691.

⁴³¹ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1939 Volume. P. 488-489.

⁴³² DGFP. Series D. Volume 8. P. 21-22.

⁴³³ FRUS. 1939. Volume 1. P. 671.

незамедлительно поставить под надзор их корреспонденцию и телефонные переговоры⁴³⁴.

Вскоре Томсен сообщил в Берлин о том, что для рассмотрения вопроса об отмене эмбарго на поставку вооружений ожидается досрочный созыв Конгресса. При этом он подчеркнул: “Несмотря на обещание группы ведущих изоляционистов во главе с У. Борой противодействовать этому, весьма вероятно, что эмбарго будет отменено”⁴³⁵. Сведения Г. Томсена также оказались корректными – 13 сентября Ф. Рузвельт в специальной прокламации объявил, что в силу “чрезвычайных обстоятельств” 21 сентября Конгресс США соберется на внеочередную сессию⁴³⁶.

Таким образом, следствием начала европейской войны стало стремление администрации США продолжить модификацию внешнеполитического курса страны с целью оказания содействия европейским демократическим державам, противостоявшим нацизму.

В то же время, в самом Берлине существовала разница в подходах к рассмотрению сущности американо-германских отношений в свете начавшейся в Европе войны. Так, 12 сентября статс-секретарь немецкого министерства иностранных дел Э. фон Вайцеккер составил меморандум, в котором отмечал, что “мы должны сделать все для того, чтобы сохранить Соединенные Штаты в когорте нейтральных держав, в которой... они являются одним из наиболее мощных и важных элементов”. Исходя из этого, он выдвинул смелую идею о необходимости скорейшего возвращения Г. Дикгофа в США в качестве германского посла. Согласно мнению Вайцеккера, этот ход мог бы продемонстрировать, что рейх не собирается устраниваться от процессов, происходивших в Новом свете и, в то же время, усилить позиции американских политиков, противившихся конфронтации с Германией⁴³⁷. Однако, инициатива статс-секретаря не нашла у министра иностранных дел И. фон Риббентропа никакой поддержки – через некоторое время меморандум был возвращен автору с

⁴³⁴ DGFP. Series D. Volume 8. P. 25.

⁴³⁵ Ibid. P. 51-52.

⁴³⁶ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1939 Volume. P. 510.

⁴³⁷ DGFP. Series D. Volume 8. P. 53.

ремаркой, в которой констатировалась неактуальность возвращения Г. Дикгофа в Вашингтон, а также указывалось на необходимость учитывать дальнейший ход развития ситуации в Соединенных Штатах⁴³⁸.

Как представляется, инициатива Вайцеккера была достаточно сильно оторвана от реальности, к тому же она была выдвинута в явно неподходящее время. Вероятность того, что Вашингтон в свете начавшейся в Европе войны пошел бы на сближение с нацистским государством, повысив к тому же уровень дипломатических отношений, была крайне незначительной.

В свою очередь, ведущие американские изоляционисты живо откликнулись на происходившие события. Так, 14 сентября сенатор-республиканец У. Бора подчеркнул, что “если решение о продаже оружия будет принято, то мы будем вынуждены принять определенную сторону в разразившейся войне; это станет первым шагом на пути к активному вовлечению в нее”. При этом он намекнул на антигерманский настрой администрации, указав, что “мудрость и справедливость государственной политики должна опираться на любовь к своей стране, а не на ненависть к чужой”⁴³⁹. На следующий день Ч. Линдберг призвал соотечественников не допустить, чтобы американцы “начали отдавать свои жизни для разрешения внутриевропейского противоборства” и заявил, что “если мы начнем сражаться за демократию за рубежом, то можем утратить ее у себя дома”. Подчеркнув, что Соединенным Штатам ничего не грозит, поскольку океаны, омывающие страну с обеих сторон, являются непреодолимыми препятствиями даже для современных самолетов, Линдберг резюмировал: “Оставаясь вне войны, мы быстрее сможем содействовать установлению мира в Европе”⁴⁴⁰.

Риторика, подобная заявлениям Линдберга, могла отражать настроения приверженцев “правого крыла” изоляционистов, не рассматривавших всерьез процессы, происходившие в Старом свете. Характерно, что известный теоретик международных отношений Р. Джервис, анализируя проблематику заблуждений в

⁴³⁸ Ibid. P. 54.

⁴³⁹ New York Times. 15.09.1939.

⁴⁴⁰ CR. 1939. Volume 85. Part 2. Appendix. P. 15-16.

восприятию внешних угроз, выделял Линдберга, “не считавшего, что амбиции Германии несут угрозу американской безопасности”⁴⁴¹.

В целом, агрессия Третьего рейха, сопровождавшаяся массовой гибелью мирного польского населения, не рассматривалась изоляционистами в качестве явления, которому необходимо оказать отпор, пусть даже за счет предоставления помощи европейским государствам, противостоявшим гитлеровскому натиску. В условиях начавшейся войны изоляционизм приобретал все более отчетливый регрессивный характер – призывая к пассивному выжиданию, его сторонники фактически предлагали смириться с реализацией нацистами своей ревизионистской программы.

Следует отметить, что на Вильгельмштрассе⁴⁴² внимательно следили за происходившими в Вашингтоне процессами. Так, в меморандуме начальника политического отдела министерства иностранных дел Германии Э. Верманна, составленном 17 сентября и направленном заместителю статс-секретаря немецкого внешнеполитического ведомства Ф. Гаусу, был описан вариант возможного дипломатического демарша в отношении США со стороны Третьего рейха.

В нем, в частности, предлагалось официально оповестить американского поверенного в делах в Берлине А. Кирка, что Германия “не имеет военных целей, которые могут нести угрозу Соединенным Штатам, Американскому континенту и каким бы то ни было американским интересам”, подчеркнув при этом, что немецкая сторона не видит причин не только к ухудшению германо-американских отношений, но и к их пребыванию в текущем неудовлетворительном состоянии.

Согласно точке зрения Верманна, сложившаяся ситуация могла быть исправлена путем “открытого и дружелюбного обсуждения всех различий во мнениях, возникновение которых возможно в ходе начавшейся в Европе войны”. Предполагалось, что немецкое правительство будет готово принять участие в такой дискуссии при условии, что американская администрация также будет

⁴⁴¹ Jervis R. Op. cit. P. 377.

⁴⁴² Вильгельмштрассе – берлинская улица, на которой располагалось здание министерства иностранных дел Германии.

ориентирована на проведение курса, “не имеющего своей целью обострение политических отношений между Соединенными Штатами и Германией”⁴⁴³.

От Гауса, однако, не последовало никакого ответа на достаточно радикальную инициативу Верманна. Вероятно, это было связано как с тем, что в середине сентября он вместе с И. фон Риббентропом находился на польском фронте и был погружен в решение насущных европейских задач, так и с тем, что реальных предпосылок к воплощению намеченной Верманном программы, по сути, не существовало.

Что касается немецкого поверенного в делах в США Г. Томсена, то он 18 сентября призвал Берлин отказаться от осуществления любых провокаций и актов саботажа на территории Соединенных Штатов, мотивировав это тем, что Германии следует всеми силами избегать ослабления позиций изоляционистов, заявлявших об отсутствии американских интересов в Европе и противившихся вовлечению своей страны в войну в любой форме. Если же составление планов по дестабилизации внутренней обстановки в США не будет прекращено, подчеркивал Томсен, это незамедлительно будет использовано Рузвельтом и “интервенционистскими кругами” в своих целях. Такая перспектива будет крайне невыгодна для Германии в свете грядущего обсуждения вопроса об отмене эмбарго на продажу оружия⁴⁴⁴.

Обращаясь к руководству немецкого министерства иностранных дел с подобной просьбой, Томсен стремился повлиять на ситуацию, сведя к минимуму возможность появления новых поводов обвинить Третий рейх в вынашивании антиамериканских планов и деструктивном потенциале некоторых категорий немецких граждан, пребывавших в Соединенных Штатах. Подкрепляя свою точку зрения, дипломат упомянул про вердикт Федерального окружного суда Нью-Йорка, согласно которому в декабре 1938 г. четверо граждан Германии были признаны виновными в военном шпионаже и приговорены к различным срокам заключения⁴⁴⁵. Инициатива Томсена, впрочем, вряд ли могла кардинальным

⁴⁴³ DGFP. Series D. Volume 8. P. 85-86.

⁴⁴⁴ Ibid. P. 90-91.

⁴⁴⁵ Ibid.

образом повлиять на ситуацию. Процесс пересмотра закона о нейтралитете был запущен уже через несколько дней.

21 сентября 1939 г. Ф. Рузвельт выступил перед собравшимся на внеочередную сессию Конгрессом. Глава Белого дома отметил, что в существующей форме закон о нейтралитете противоречит национальным интересам, а также вредит отношениям с другими странами. Эмбарго на поставку вооружения в страны, ставшие жертвами агрессии, подчеркнул он, самым серьезным образом угрожает национальной безопасности. Далее Рузвельт выступил с предложением распространить применение принципа “кэш-энд-кэрри” на вооружение и военные материалы ⁴⁴⁶. По оценке начальника европейского отдела государственного департамента Дж. Моффата, некоторые из упомянутых президентом аргументов звучали не совсем убедительно, однако, в то же время, эти изъяны были целиком компенсированы яркой манерой выступления Рузвельта ⁴⁴⁷.

Следует отметить, что статистические данные в целом подтверждали логичность действий администрации, нацеленные на досрочный созыв Конгресса и форсирование законотворческой деятельности. Так, сразу после нападения Германии на Польшу процент сторонников изменения законодательства о нейтралитете в пользу отмены эмбарго на продажу оружия и его замену на принцип “кэш-энд-кэрри” стал ощутимо возрастать. По данным опросов за 13 – 18 сентября, 57 % американцев одобрительно относились к осуществлению данной меры, а к 26 сентября их число составило уже 62 % ⁴⁴⁸.

Немецкий поверенный в делах в США Г. Томсен в эти же дни признавал, что в целом американский народ не являлся нейтральным к начавшейся войне, желая победы Великобритании и Франции и поражения Германии: “В сложившихся обстоятельствах вероятность того, что изоляционисты преуспеют в сохранении эмбарго, является весьма незначительной” ⁴⁴⁹.

⁴⁴⁶ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1939 Volume. P. 512-525.

⁴⁴⁷ Moffat J.P. Op. cit. P. 268.

⁴⁴⁸ The Gallup Poll. Public Opinion, 1935-1971. Volume 1: 1935-1948. N.Y., 1972. P. 181, 183.

⁴⁴⁹ DGFP. Series D. Volume 8. P. 127-128.

Таким образом, утверждение о распространении в американском обществе антигерманского настроения следует признать справедливым и обоснованным. При этом, однако, необходимо подчеркнуть, что речь принципиально не шла о возможности непосредственного участия США в войне – 95 % американцев противились данной перспективе⁴⁵⁰.

Пока в Соединенных Штатах велась подготовка к пересмотру закона о нейтралитете, по инициативе Вашингтона была предпринята общая акция государств Западного полушария, ориентированная против Третьего рейха. В период с 23 сентября по 3 октября 1939 г. в Панаме состоялась конференция министров иностранных дел государств Американского континента. На ней присутствовали представители 21 страны (делегацию США возглавлял заместитель государственного секретаря С. Уэллес), а основные задачи мероприятия заключались в формировании консолидированной позиции относительно начавшейся в Европе войны, а также в обеспечении безопасности Западного полушария.

Перед отбытием из Нью-Йорка С. Уэллес выступил с речью, в которой подчеркнул, что Панамская конференция необходима для обсуждения реалий европейской войны, “которая несла потенциальную угрозу Новому свету”⁴⁵¹.

Данный международный форум вызвал существенный интерес нацистской Германии. Так, начальник отдела США и американских государств министерства иностранных дел Г.В. Фрейтаг за несколько дней до его начала составил меморандум, в котором сообщал о мерах, предпринятых немецкой дипломатией в связи с его проведением. В частности, он отмечал, что на время работы конференции МИД направляет в Панаму немецкого посланника в центральноамериканских государствах О. Райнбека и его помощника Г. Лайзевица; кроме того, Фрейтаг упомянул, что все немецкие миссии в Южной Америке проинструктированы о необходимости оповещения местных властей

⁴⁵⁰ The Gallup Poll. Public Opinion, 1935-1971. Volume 1: 1935-1948. N.Y., 1972. P. 184.

⁴⁵¹ Statement by the Honorable S. Welles... 15 September 1939. Speeches, 1939. Speeches & Writings, 1928-1950. Box 194. Folder 12. Sumner Welles Papers. FDRL.

насчет желания Германии продолжать с ними торговлю в “максимально возможном масштабе”⁴⁵². В связи с этим справедливой представляется точка зрения немецкого исследователя Г.-Ю. Шредера, считавшего, что после начала войны в Европе правительство рейха было вынуждено при помощи дипломатических и пропагандистских средств сохранять интерес латиноамериканских государств к немецкому рынку сбыта и поддержанию товарооборота⁴⁵³.

Указанные факты говорили как о пристальном внимании Берлина к предстоящему событию, так и о его стремлении обладать стабильными экономическими связи с южноамериканским континентом, невзирая на негативное отношение Соединенных Штатов к этому явлению. Не лишним будет указать, что к началу Второй мировой войны в Южной Америке было сосредоточено 16 % немецких зарубежных инвестиций⁴⁵⁴. При этом общий объем немецкого экспорта в Южную Америку в 1939 г. составлял 500 миллионов рейхсмарок, а объем импорта равнялся 645 миллионам рейхсмарок⁴⁵⁵.

Работа конференции в основном проходила при закрытых дверях. Ее ход был не совсем гладким. В этом отношении следует отметить позицию Аргентины, Чили и Уругвая, стремившихся к тому, чтобы соблюсти свои интересы, заключающиеся в продолжении торговли с вовлеченными в войну европейскими государствами, в том числе и с нацистской Германией. Так, объем немецкого импорта из упомянутых государств в 1939 г. составлял 138, 75 и 33 миллиона рейхсмарок, соответственно⁴⁵⁶. Цели же США, напротив, заключались в перекрытии доступа Третьего рейха к сырьевым и продовольственным ресурсам латиноамериканских государств. В итоге обсуждения данного вопроса было принято компромиссное решение о том, что в воюющие государства могут экспортироваться лишь продукты питания, поставляемые для гражданских лиц.

⁴⁵² DGFP. Series D. Volume 8. P. 87.

⁴⁵³ Schröder H.-J. Das Dritte Reich und Amerika: die ökonomische Konfrontation 1933-1941//Studia Historiae Oeconomicae. Poznan, 1976. Volume 11. S. 182.

⁴⁵⁴ См. Григорьян Ю.М. Указ. соч. Стр. 25.

⁴⁵⁵ Рассчитано по: Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Band 1941/42. Berlin, 1942. S. 323.

⁴⁵⁶ Ibid.

Однако, более важной и актуальной задачей конференции было обеспечение безопасности Американского континента. 25 сентября С. Уэллес, выступая на пленарном заседании, вновь указал на угрозу, которую представляет для Западного полушария начавшаяся в Европе война и призвал страны-участницы к формированию целостной позиции в ее отношении⁴⁵⁷.

Основным итогом Панамской конференции стало принятие Декларации о нейтралитете государств Западного полушария, а также о создании “зоны безопасности” вокруг Американского континента. В данном документе подчеркивалось, что “американские государства обладают неоспоримым правом оградить воды, представляющие для государств континента жизненный интерес как основные пути сообщения, от военных действий, - как планируемых, так и уже осуществляемых с суши, моря и воздуха, - со стороны любой неамериканской страны” и сообщалось об установлении нейтральной зоны протяженностью 300 миль по обеим сторонам Северной и Южной Америки (за исключением Канады и владений европейских государств внутри этих границ)⁴⁵⁸.

Наряду с данной мерой, Панамская декларация запрещала военные действия в нейтральной зоне и предусматривала возможность ее “индивидуального или коллективного” патрулирования⁴⁵⁹. Как отмечает И.И. Янчук, создание “зоны безопасности” было средством предотвращения возникновения немецких баз в Западном полушарии⁴⁶⁰.

Кроме того, в Панаме была принята резолюция о борьбе с подрывной деятельностью держав “оси” в латиноамериканских государствах, рекомендовавшая “предпринять необходимые меры для искоренения в Америке доктрин, которые подвергают опасности панамериканский демократический идеал”⁴⁶¹.

⁴⁵⁷ Address of the Honorable Sumner Welles... 25 September 1939. Speeches, 1939. Speeches & Writings, 1928-1950. Box 194. Folder 12. Sumner Welles Papers. FDRL.

⁴⁵⁸ FRUS. 1939. Volume 5. P. 36-37.

⁴⁵⁹ Ibid. P. 37.

⁴⁶⁰ Янчук И.И. Указ. соч. Стр. 22.

⁴⁶¹ Report of the Delegate of the United States of America to the Meeting of the Foreign Ministers of the American Republics held at Panamá, September 23-October 3, 1939. Washington, 1940. P. 66.

Допустимо вести речь о том, что постановления Панамской конференции соответствовали стремлению Соединенных Штатов усилить собственные военно-стратегические позиции в Западном полушарии. Кроме того, они отразили антинацистскую линию, принятую американской администрацией. В этом смысле правильным будет признать, что политика нейтралитета, утвержденная на Панамской конференции, не являлась строго нейтральной по отношению ко всем воюющим государствам. Ее основные решения были направлены против Третьего рейха. В целом, конференция способствовала формированию континентального блока американских стран, ориентированного на противодействие державам “оси”.

В свою очередь, германские пропагандистские агентства наводняли Латинскую Америку сообщениями о том, что под маской конференции по нейтралитету США намерены установить протекторат над Южной Америкой⁴⁶². Немецкие дипломаты и журналисты, присутствовавшие в Панаме, убеждали делегатов латиноамериканских государств сохранять строгий нейтралитет в войне и продолжать торговлю со всеми странами⁴⁶³. Нацистские пропагандисты призывали их к выступлению против “тайных махинаций США” и заявляли, что латиноамериканцы “всегда могут полагаться на Германию в защите своей цивилизации”⁴⁶⁴. В самой Германии действия США, направленные на минимизацию немецкого влияния в Латинской Америке, расценивались в качестве составного элемента политики, направленной на подрыв “обретенных рейхом моральных, культурных и экономических позиций”⁴⁶⁵.

Однако, перечисленные виды активности не привели ни к каким результатам. Берлин оказался не способен оказать какое-либо воздействие на ход конференции в своих интересах. Как представляется, немецкое восприятие итогов Панамской конференции было емко выражено бывшим послом Германии в Вашингтоне Г. Дикгофом – касаясь этого события, он впоследствии отмечал, что

⁴⁶² См. New York Times. 24.09.1939.

⁴⁶³ См. New York Times. 24.09.1939.

⁴⁶⁴ New York Times. 01.10.1939.

⁴⁶⁵ Schönemann F. Op. cit. S. 10.

“под лозунгами поддержания нейтралитета американских государств США значительно усилили свое положение в Западном полушарии”⁴⁶⁶.

Вопрос об отмене эмбарго на экспорт вооружений стал предметом затяжной политической борьбы в Конгрессе США. Его рассмотрение сопровождалось напряженными дискуссиями и прениями. Интернационалисты подвергали критике агрессивные действия Германии и указывали на то, что нацизм включает в себе угрозу для Соединенных Штатов и всего Западного полушария, которая существенно возрастет, если Гитлер подчинит себе Европу. В свою очередь, изоляционисты, стремясь добиться сохранения эмбарго, доказывали необходимость оставаться в стороне от начавшейся в Европе войны и отдавать приоритет решению внутривнутриполитических задач.

Следует отметить, что в своей риторике изоляционисты порой намеренно “передергивали” факты и представляли суть событий не такой, какой она являлась в действительности. В частности, 23 сентября конгрессмен-республиканец Г. Фиш заявил, что “стартовавшая в США кампания по нагнетанию истерии... имеет своей целью отправку американской молодежи на войну в Европу”⁴⁶⁷. Его однопартийцы выразились в схожем духе – К. Кертис подчеркнул, что не хочет, “чтобы жизнь хотя бы одного американца оборвалась на европейских полях сражений”⁴⁶⁸, а Я. Торкельсон предложил исключать из Конгресса “любого члена, допускающего мысль о возможности участия США в войне”⁴⁶⁹.

29 сентября сенатор-демократ К. Херринг, обосновывая необходимость воздержаться от вовлечения в войну в любой форме, в том числе из-за предоставления помощи Великобритании и Франции, отмечал: “Два наших лучших союзника – Атлантический и Тихий океаны”⁴⁷⁰. Сенатор-республиканец Р. Тафт заявил, что “вовлечение в войну будет в большей степени похоже на стремление уничтожить американскую демократию, нежели германскую

⁴⁶⁶ Dieckhoff H. Zur Vorgeschichte des Roosevelt-Krieges. Berlin, 1943. S. 21.

⁴⁶⁷ CR. 1939. Volume 85. Part 2. Appendix. P. 19-20.

⁴⁶⁸ Ibid. P. 9.

⁴⁶⁹ Ibid. P. 38.

⁴⁷⁰ Ibid. P. 75.

диктатуру”⁴⁷¹. Как следует из приведенных высказываний, изоляционисты делали упор на вполне вероятное, с их точки зрения, присоединение США к военным действиям. В качестве предпосылки к воплощению подобного сценария они выдвигали идею об “интервенционистской” сущности рузвельтовской администрации.

Что касается выступлений интернационалистов, то основное внимание них было сосредоточено на деструктивном потенциале нацистской Германии, ее возможной угрозе в отношении Америки и необходимости противостояния Третьему рейху путем оказания помощи европейским демократиям. Так, в конце сентября конгрессмен-демократ С. Дикштейн указал: “Сегодняшняя Германия не является цивилизованной страной. Это тирания, жестко управляемая безумцем”, подчеркнув при этом, что “Соединенные Штаты уже на протяжении 6 лет испытывают постоянное давление нацистской пропаганды”⁴⁷². В начале октября сенатор-республиканец Ч. Тоби отметил лживость слов фюрера про запрет бомбардировок гражданских целей: “Немцы сами делают фотографии разоренных, обезлюдивших деревень... Поражение Англии и Франции, несомненно, подорвет нашу собственную безопасность и приблизит гитлеризм... к нашим дверям. Оказание помощи европейским демократиям является сейчас важнейшей мерой защиты от вовлечения в войну”⁴⁷³. По сути, интернационалистский подход заключался в том, что наилучшим путем соблюдения национальных интересов Соединенных Штатов должно было стать содействие Лондону и Парижу.

В конце сентября билль о ревизии закона о нейтралитете был предварительно рассмотрен в сенатском комитете по иностранным делам. По итогам обсуждения большинством в 16 голосов против 7 комитет вынес решение пересмотреть его и отменить эмбарго на вывоз вооружений⁴⁷⁴.

⁴⁷¹ Ibid. P. 76-77.

⁴⁷² Ibid. P. 52.

⁴⁷³ Ibid. P. 148.

⁴⁷⁴ Бурова Т.Т. Обсуждение политики нейтралитета и утверждение законопроекта о продаже оружия воюющим странам в Конгрессе США (сентябрь-ноябрь 1939 г.)//Исторические и историографические проблемы американской и английской буржуазной дипломатии. Томск, 1991. Стр. 68.

2 октября 1939 г. обсуждение вопроса об отмене запрета на продажу оружия воюющим государствам началось на общесенатском уровне⁴⁷⁵. Ход событий говорил о том, что вероятность ревизии закона о нейтралитете являлась достаточно высокой. Несмотря на непримиримость некоторых изоляционистов в данном вопросе, администрация могла рассчитывать на благоприятный для себя исход.

Тем не менее, на Капитолии продолжались бурные дискуссии. В частности, 11 октября сенатор-демократ Э. Бурк прямо заявил: “Эмбарго на поставку оружия благоприятствует гитлеризму”⁴⁷⁶. Противоположное суждение выразил изоляционистски настроенный сенатор-демократ У. Бюлов: “Я не боюсь, что Гитлер атакует нас, если только мы сами не нападём на него... Война в Европе скоро закончится, если мы откажемся поставлять оружие какой-либо стороне и подтвердим наш абсолютный нейтралитет. Если Англия и Франция признают такую позицию, то скоро установится мир и удастся избежать расширения географии вовлечения государств в войну”⁴⁷⁷. 14 октября сенатор-республиканец Л. Фрэнгер выразил надежду на возможность выработки соглашения, которое завершит войну, заметив при этом: “Гитлер, в сущности, ищет мира. Польская кампания завершена, и, похоже, на Западном фронте война переходит в сугубо инертную фазу”⁴⁷⁸. 16 октября сенатор-демократ Д. Кларк отметил: “Поражение Германии приведет к тому, что 80 миллионов образованных, технически развитых, организованных людей абсолютно определенно попадут в руки к Сталину и коммунистам... Сокрушение Германии будет способствовать образованию коммунистической империи, которая станет угрозой всеобщему миру и безопасности”⁴⁷⁹.

Таким образом, изоляционисты продолжали придерживаться своих традиционных постулатов, усиливая риторику упоминанием о необходимости отказа от всякой помощи европейским государствам, а также нагнетая тревогу

⁴⁷⁵ Там же.

⁴⁷⁶ CR. 1939. Volume 85. Part 1. P. 289.

⁴⁷⁷ Ibid. P. 311-313.

⁴⁷⁸ Ibid. P. 401.

⁴⁷⁹ Ibid. P. 446.

ссылками на предвидимый ими агрессивный потенциал нейтрального Советского Союза.

В свою очередь, интернационалисты, стремившиеся к отмене эмбарго и введению принципа “кэш-энд-кэрри”, указывали на необходимость оказания помощи странам, противостоявшим Германии. 21 октября конгрессмен-демократ Дж. Ки отмечал: “Наше эмбарго никогда не заглушит залпы немецкого оружия... Провал летней попытки пересмотреть закон о нейтралитете стал для Гитлера недвусмысленным знаком, указавшим на то, что государства, против которых он планировал предпринять агрессию, не могли надеяться на укрепление какими бы то ни было средствами защиты из США”⁴⁸⁰. Солидарную позицию занимали сенаторы-демократы Ч. Эндрюс, заявивший, что “сохранение эмбарго станет неприкрытым предательством всех миролюбивых наций, в том числе и нашей, не говоря об интересах человечества в целом”⁴⁸¹ и Дж. Бирнс, считавший, что “эмбарго несправедливо по отношению к слабым и миролюбивым государствам”⁴⁸².

Немецкая дипломатия со вниманием наблюдала за ходом развития ситуации. 24 октября 1939 г. статс-секретарь министерства иностранных дел Э. фон Вайцеккер запросил Г. Томсена относительно того, какие аргументы могут быть использованы Германией для формирования официальной позиции относительно билля об изменении закона о нейтралитете⁴⁸³. На следующий день Томсен ответил, что Германии следует непременно выступить с критическим заявлением по этому поводу, поскольку принятие билля Сенатом и Палатой представителей и последующее подписание Рузвельтом вполне реально. При этом он рекомендовал сделать упор на то, что Соединенные Штаты сами поставят себя в абсурдную позицию с точки зрения международного права – “с одной стороны, будут участвовать в войне, активно поддерживая наших противников материалами военного назначения, с другой же – будут требовать, чтобы мы

⁴⁸⁰ CR. 1939. Volume 85. Part 2. Appendix. P. 451-452.

⁴⁸¹ Ibid. P. 681.

⁴⁸² Ibid. P. 551-552.

⁴⁸³ DGFP. Series D. Volume 8. P. 336-337.

уважали их права нейтрального государства”⁴⁸⁴. Впрочем, реальных действий со стороны Берлина за данным обменом посланиями не последовало. Скорее всего, это было связано с тем, чтобы не предоставить интернационалистам в преддверии голосования лишний повод для осуждения рейха.

27 октября 1939 г. Сенат значительным большинством голосов принял решение об отмене эмбарго на вывоз оружия из США: 63 сенатора высказались за отмену эмбарго, 30 – против⁴⁸⁵.

Исходя из решения Сената и предвидя схожий итог голосования в Палате представителей, министр народного просвещения и пропаганды Германии Й. Геббельс 29 октября записал в своем дневнике: “Америка отменила эмбарго... Англия от этого очень выиграла, чему и радуется”⁴⁸⁶.

После согласования разночтений, возникших вследствие внесения в законопроект ряда дополнений, 3 ноября 1939 г. на Капитолии состоялось окончательное голосование. В Сенате за трансформацию закона о нейтралитете на этот раз проголосовали 55 человек, 22 были против; в Палате представителей эту меру поддержали 243 конгрессмена, 172 выступили против⁴⁸⁷.

Изоляционисты, противившиеся подобному исходу, были весьма расстроены результатами голосования. Наиболее категоричный комментарий по этому поводу был озвучен конгрессменом-республиканцем Я. Торкельсоном: “Отмена эмбарго стала первым шагом на пути к уничтожению цивилизации”⁴⁸⁸.

На следующий день Ф. Рузвельт подписал билль об отмене эмбарго на продажу оружия и введении принципа “кэш-энд-кэрри”, а также опубликовал декларацию, определявшую зоны военных действий. Согласно данной декларации, американским судам запрещалось входить в Балтийское и Северное моря, в пролив Ла-Манш, во все воды, окружающие Британские острова, Ирландию, а также в Бискайский залив. При этом американские суда имели право заходить в нейтральные порты Средиземного и Черного морей, а также в порты

⁴⁸⁴ Ibid. P. 341-342.

⁴⁸⁵ CR. 1939. Volume 85. Part 1. P. 1022-1024.

⁴⁸⁶ Goebbels J. Die Tagebücher. Teil 1. Band 3. S. 624.

⁴⁸⁷ CR. 1939. Volume 85. Part 2. Appendix. P. 1356.

⁴⁸⁸ Ibid. P. 752.

воюющих стран в Индийском, Тихом и Южной части Атлантического океанов, но без оружия на борту⁴⁸⁹.

Однако большее значение имела ориентация на предоставление помощи Франции и Великобритании. Если ранее закон о нейтралитете “играл на руку” Германии как более подготовленному к военному противостоянию государству, то после 4 ноября 1939 г. он стал непосредственно отвечать интересам Парижа и Лондона, получившим возможность приобретения американского оружия.

Комментируя неблагоприятный для Третьего рейха исход голосования, германский поверенный в делах в США Г. Томсен заключил, что он связан как с давлением администрации на Конгресс, так и с развитием событий в Европе⁴⁹⁰.

Учитывая желание американского народа не участвовать непосредственно в войне, немцы использовали отмену эмбарго как доказательство того, что администрация Рузвельта предаёт интересы соотечественников. Германская печать резко выступила против США, когда отмена эмбарго стала фактом, обвиняя руководство страны в оказании “незаконной” помощи Англии и Франции и предвещая, что “это может втянуть США в войну”⁴⁹¹. Касаясь данного вопроса, немецкий журналист П. Шеффер отмечал, что “Соединенные Штаты косвенно присоединились к войне, не определившись, во имя доллара или во имя демократии они это сделали”⁴⁹². Аналогичную позицию занимал известный нацистский публицист Т. Зайберт, полагавший, что новая редакция закона о нейтралитете дала американским спекулянтам повод к тому, чтобы “отпраздновать возвращение старых добрых времён”, намекая тем самым на стремительное обогащение ряда американских военных поставщиков во время Первой мировой войны⁴⁹³.

В то же время, германская сторона предметно анализировала значение и возможные последствия произошедшего. 15 ноября 1939 г. контр-адмирал К. Фрике, занимавший пост начальника Оперативного отдела Штаба руководства

⁴⁸⁹ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1939 Volume. P. 559-565.

⁴⁹⁰ DGFP. Series D. Volume 8. P. 370.

⁴⁹¹ Цит. по: Кузнец Ю.Л. Указ. соч. Стр. 90-91.

⁴⁹² Clauss M., Scheffer P., Krauss J. Op. cit. S. 28.

⁴⁹³ Seibert Th. Op. cit. S. 47.

морской войной⁴⁹⁴, представил в министерство иностранных дел меморандум, в котором отмечал, что Германия “может использовать запретную зону, установленную Америкой, так как будет гарантирована от встреч с американскими судами в ее пределах”⁴⁹⁵.

Помимо этого, во исполнение предписаний А. Гитлера об интенсификации подводной войны был разработан ряд соответствующих инициатив. Предлагалось, в частности, без предупреждения торпедировать в районе американской запретной зоны все танкеры, кроме танкеров ряда нейтральных стран. Эта мера обосновывалась ссылкой на то, что американские танкеры в связи с новым законом о нейтралитете не вступят в запретную зону⁴⁹⁶.

Следует также указать, что конец 1939 г. в американо-германских отношениях был ознаменован тюремным заключением лидера крупнейшей пронацистской организации Соединенных Штатов “Германо-американского союза” Ф. Куна, осужденного по обвинению в экономических преступлениях. Комментируя 8 декабря в своем донесении в Берлин эту ситуацию, генеральный консул Германии в Нью-Йорке Г. Борхерс расценил это событие в качестве “политического конца” Ф. Куна. Несмотря на то, что далее Борхерс в целом весьма одобчительно отзывался о деятельности “Германо-американского союза”, он подчеркнул, что ввиду произошедшего предпочтительной выглядит минимизация отношений с этой организацией со стороны немецких официальных лиц⁴⁹⁷. Отметим, что после заключения Куна, обладавшего незаурядными координаторскими способностями и лидерской харизмой, функционирование “Германо-американского союза” утратило былую активность, в течение двух последующих лет сойдя на нет. Внимание руководителей Третьего рейха к нему также заметно ослабло⁴⁹⁸.

⁴⁹⁴ Штаб руководства морской войной представлял собой структурное подразделение Верховного командования ВМС. Являлся аналогом генштаба в сухопутных войсках и люфтваффе.

⁴⁹⁵ DGFP. Series D. Volume 8. P. 413.

⁴⁹⁶ Ibid. P. 417-418.

⁴⁹⁷ Ibid. P. 504-507.

⁴⁹⁸ MacDonnell F. *Insidious Foes. The Axis Fifth Column and the American Home Front*. N.Y., 1995. P. 45; Никитин В.А. Указ. соч. Стр. 69; Diamond S.A. *The Bund Movement in the United States: an Overview*//Germany and America. Lanham, 1981. P. 192; Bell L.V. *The Failure of Nazism in America: The German American Bund, 1936-1941*//Political Science Quarterly. 1970. Volume 85. № 4. P. 585-599.

Рассматривая американско-германские отношения осени 1939 г., необходимо также упомянуть про относительно малоизвестный сюжет – подготовку и проведение берлинской миссии крупного американского промышленника-нефтяника У.Р. Дэвиса⁴⁹⁹.

Ее краткая предыстория такова: осуществляя посредническую деятельность, У.Р. Дэвис в 1938 г. договорился с президентом Мексики Л. Карденасом и с представителем министерства экономики Германии в этой стране Й. Герцлетом о продаже значительного количества мексиканской нефти Третьему рейху⁵⁰⁰. Было подписано соглашение, по условиям которого мексиканцы должны были поставлять нефть в Германию, а немцы рассчитываться за нее промышленными товарами.

С сентября 1938 г. по август 1939 г. в Германию было отправлено около 430 тысяч тонн мексиканской нефти. Ее поставки резко сократились в связи с германским вторжением в Польшу и началом европейской войны.

Й. Герцлет, прошедший июль и август 1939 г. в Мексике и США, срочно вернулся в Европу, поручив Дэвису выправить ситуацию с реализацией мексикано-германского соглашения. Дэвис пытался продолжать поставки, отправляя танкеры в итальянские и шведские порты для дальнейшей транспортировки нефти в Германию. Однако британцы перехватили три танкера, направлявшиеся в Скандинавию с 33 тысячами тонн нефти, формально ссылаясь на то, что объемы шедшей из Мексики нефти вкупе с наличествующими запасами значительно превосходили обычные потребности скандинавских стран. Таким образом, план Дэвиса терпел неудачу.

⁴⁹⁹ Уильям Родс Дэвис (1889-1941) – американский промышленник. Регулярно осуществлял значительные взносы в фонд Демократической партии США. В результате официального расследования деятельности Родса, осуществлявшейся в течение нескольких лет после его смерти, было объявлено, что он являлся “агентом влияния” нацистской Германии.

⁵⁰⁰ Farago L. Game of the Foxes: The Untold Story of German Espionage in the United States and Great Britain during World War II. N.Y., 1972. P. 354-355.

Стремясь обеспечить выполнение соглашения, Дэвис решил выдвинуть амбициозный план восстановления мира в Европе с привлечением президента США Ф. Рузвельта в качестве посредника в разрешении конфликта⁵⁰¹.

15 сентября в Белом доме стараниями главы Конгресса производственных профсоюзов США Дж. Льюиса⁵⁰² состоялась встреча, на которой присутствовали Ф. Рузвельт, У. Р. Дэвис, а также государственный секретарь К. Хэлл и его помощник А. Берли. По ее итогам было решено, что Дэвис может отправиться в Берлин, чтобы выяснить, существует ли возможность для определения условий возможного американского посредничества в прекращении войны⁵⁰³.

Следует отметить, что сразу после того, как Дэвис покинул Белый дом, Рузвельт велел А. Берли передать главе ФБР Дж. Э. Гуверу⁵⁰⁴, чтобы за каждым шагом направлявшегося в Европу нефтяника, уже на протяжении нескольких лет подозревавшегося в пронацистских симпатиях, была установлена тщательная слежка⁵⁰⁵. Таким образом, несмотря на отсутствие возражений относительно миссии Дэвиса, администрация стремилась к тому, чтобы обеспечить себя всей полнотой информации о характере его действий в Старом свете.

1 октября 1939 г. прибывший в Берлин У.Р. Дэвис был принят рейхсмаршалом Г. Герингом. С германской стороны на встрече также присутствовали Й. Герцлет и советник Геринга по экономическим вопросам Г. Вольтат⁵⁰⁶.

В ходе аудиенции Дэвис заявил: “Я считаю, что немедленное решение вопроса может вернуть Германии Данциг, “данцигский коридор”, присоединенные к Польше в результате Версальского договора немецкие земли... может быть найден компромисс относительно колоний, которыми Германия владела до 1914 года... Если господин Гитлер пожелает установить разумный

⁵⁰¹ Ibid. P. 355.

⁵⁰² Джон Льюис (1880-1969) – лидер Конгресса производственных профсоюзов США, личный друг президента США Ф. Рузвельта и У.Р. Дэвиса.

⁵⁰³ Tansill Ch. Op. cit. P. 558-561.

⁵⁰⁴ Джон Эдгар Гувер (1895-1972) – директор Федерального бюро расследований.

⁵⁰⁵ Хайэм Ч. Торговля с врагом. М., 1985. Стр. 102.

⁵⁰⁶ Там же. Стр. 103.

базис для урегулирования, для чего понадобится посредничество Рузвельта, то президент США внимательно рассмотрит подобную ситуацию”⁵⁰⁷.

Геринг ответил: “Эти слова довольно удивительны, поскольку у Германии складывается впечатление, что чувства господина Рузвельта настроены против нас и что он симпатизирует Великобритании и Франции... Выраженные Вами взгляды в значительной степени совпадают со взглядами Гитлера и его правительства... Германия будет приветствовать помощь господина Рузвельта в организации соответствующей конференции. Ее фундаментальной целью должно стать установление нового мирового порядка, ориентированного на установление долговечного мира”⁵⁰⁸.

3 октября, на следующей встрече с Дэвисом, Геринг отметил: “Вы можете заверить господина Рузвельта в том, что если он возложит на себя роль посредника, Германия согласится... Что касается меня и немецкого правительства, то я был бы рад, в случае проведения конференции, присутствовать на ней и представлять Германию. Я согласен, что конференцию следует провести в Вашингтоне”. В конце встречи Геринг проинформировал обрадованного Дэвиса, что 6 октября Гитлер выступит перед Рейхстагом с “важной речью”⁵⁰⁹.

Слова Геринга вскоре подтвердились – 6 октября 1939 г., после подавления последних очагов польского сопротивления, немецкий лидер А. Гитлер выступил в Рейхстаге с полутарочасовой речью, в ходе которой крайне неожиданно предложил созвать конференцию для выработки условий прекращения войны и установления мира; помимо этого, он подчеркнул, что Германия сама стремится к миру с другими государствами, не имеет никаких претензий к Франции, а от Великобритании ожидает лишь возвращения ранее отторгнутых германских колоний⁵¹⁰.

Правомерно утверждать, что данные заявления рейхсканцлера, как и ряд его предыдущих выступлений международной направленности, были откровенно

⁵⁰⁷ Цит. по: Tansill Ch. Op. cit. P. 558-559.

⁵⁰⁸ Цит. по: Ibid. P. 559.

⁵⁰⁹ Tansill Ch. Op. cit. P. 558-561; Fischer K. Op.cit. P. 109-110.

⁵¹⁰ Hitler. Reden und Proklamationen (Hrsg. von M. Domarus) Würzburg, 1963. Band II. Halbband 1. S. 1377-1393.

лживыми и не имели ничего общего с реальным положением дел. Как отмечают отечественные исследователи Д. Е. Мельников и Л.Б. Черная, “речь Гитлера была чистой демагогией. Фюрер ни словом не упомянул в ней о причине возникновения войны, об оккупации Австрии и Чехословакии, о расправе над Польшей. Зато он очень красочно изображал ужасы предстоящих сражений, если не будет заключен мир, “умолял” руководителей западных стран “одуматься” и не жертвовать жизнью сотен тысяч молодых людей – “цвета нации” во имя “бессмысленной войны”⁵¹¹. На самом деле возвышенная риторика Гитлера была ориентирована на то, чтобы скрыть – по крайней мере, на декларативном уровне – подготовку к будущему наступлению сил вермахта на Западе.

В этом смысле весьма показателен факт, что данное заявление Гитлер сделал всего лишь за три дня до издания директивы, включавшей в себя план проведения наступательных действий на Западе⁵¹². Кроме того, принципиально важно, что США никоим образом не были упомянуты в речи Гитлера; выдвинутая фюрером идея о проведении “конференции” не предполагала того, что нейтральная заокеанская держава примет в ней участие.

9 октября У.Р. Дэвис прибыл в Нью-Йорк и направился в Вашингтон, чтобы встретиться с президентом. Однако личный секретарь Рузвельта М. Ле Хэнд сообщила Дэвису, что президент не может принять его в силу “чрезвычайной занятости”. Возможно, это была лишь отговорка – но факт остается фактом – Дэвису было отказано во встрече. Тем не менее, через несколько дней он был принят в государственном департаменте помощником Хэлла А. Берли и главой европейского отдела Дж. Моффатом. Промышленник поведал им о многообещающих, на его взгляд, итогах пребывания в Берлине. Чиновники госдепартамента выслушали его и поблагодарили за “предоставленную информацию”. На этом встреча завершилась⁵¹³.

С нашей точки зрения, правомерно утверждать, что “миссия Дэвиса” ярко продемонстрировала поверхностное отношение Третьего рейха к инициативам,

⁵¹¹ Мельников Д.Е., Чёрная Л.Б. Преступник №.1 Нацистский режим и его фюрер. М., 1991. Стр. 351.

⁵¹² Fuehrer Directives and Other Top Level Directives of the German Armed Forces, 1939-1941. Washington, 1948. P. 66.

⁵¹³ Orr P.D. Peace at Daggers Drawn. Baltimore, 2005. P. 37.

выдвигавшимся Дэвисом. Геринг явно блефовал, говоря о “конференции в Вашингтоне” и желании в ней участвовать. Германия была занята решением текущих и планированием будущих континентальных задач; у Берлина не было ни причин, ни поводов серьезно относиться к риторике о восстановлении мира.

Кроме того, сама фигура У.Р. Дэвиса, пусть и знакомого нацистам на протяжении нескольких лет, не располагала к восприятию его в качестве надежного и абсолютно компетентного выразителя воли американской стороны. Руководители рейха, скорее всего, осознавали, что Дэвис находился под надзором спецслужб и вряд ли мог быть избран антинацистом Рузвельтом для помощи в реализации важнейших внешнеполитических задач.

Рассматривая вопрос об отношении Германии к возможности “восстановления мира в Европе”, следует упомянуть про еще один весьма показательный в этом отношении сюжет.

В начале октября 1939 г. статс-секретарь немецкого министерства народного просвещения и пропаганды О. Дитрих встретился с руководителем берлинского бюро американского информационного агентства “Ассошиэйтед Пресс” Л. Лохнером и сообщил ему о желательности американского посредничества для прекращения конфликта между Германией, с одной стороны, и Великобританией и Францией, с другой стороны, пока он не перерос в активную военную фазу. Дитрих заявил, что Германия заинтересована в неофициальном характере данного посредничества и в том, чтобы медиатором был бизнесмен со знанием международной обстановки⁵¹⁴.

Взяв время на размышление, Лохнер связался с юристом Г. Рихтером, представлявшим в Германии интересы как “Ассошиэйтед Пресс”, так и ряда американских концернов, в том числе “Дженерал Моторс”. Рихтер счел, что наиболее подходящей кандидатурой являлся находившийся в Германии крупный американский бизнесмен Дж. Муни, который являлся главой европейского отделения корпорации “Дженерал Моторс”.

⁵¹⁴ Lochner L. Always the Unexpected. A Book of Reminiscences. N.Y., 1956. P. 262.

14 октября 1939 г. Рихтер связался с Муни и пригласил его незамедлительно прибыть в Берлин⁵¹⁵. На следующий день Муни уже был в немецкой столице. Рихтер и Лохнер объяснили ему суть поступившего предложения. Обсудив с ними эту инициативу, Муни связался с хорошо знакомым ему советником Г. Геринга по экономическим вопросам Г. Вольтатом и предложил свое посредничество в проведении переговоров о мире. Вольтат выразил одобрение намерениям Муни и занялся организацией его встречи с рейхсмаршалом.

18 октября, в преддверие назначенной на следующий день встречи с Герингом, Муни провел беседу с Вольтатом. Во время разговора Вольтат, как показалось американскому бизнесмену, выразил ряд завуалированных намеков: “У меня создалось отчетливое впечатление, что в случае необходимости немцы готовы изменить состав своего высшего руководящего аппарата и сделать так, чтобы Гитлер был перемещен на некую почетную, но не определяющую должность”⁵¹⁶.

19 октября 1939 г. состоялась встреча Дж. Муни и Г. Геринга, в роли переводчика на которой выступил Вольтат. Геринг предложил Муни стать неформальным посредником, которому следует отправиться в Лондон и определить, существует ли почва для возможных англо-германских переговоров об окончании войны⁵¹⁷. При этом рейхсмаршал подчеркнул, что “если мы сможем договориться с британцами, то прекратим иметь дело с японцами и русскими уже на следующий день”. Муни согласился выяснить условия, на которых британцы готовы прекратить войну и предложить им секретную встречу представителей правительств двух стран на нейтральной территории для проведения “конфиденциальных переговоров, предваряющих мирное соглашение”. При этом Геринг выразил готовность лично представлять Германию, если британцы согласятся на такие переговоры. Муни счел, что данная фраза рейхсмаршала

⁵¹⁵ Ibid. P. 262-263.

⁵¹⁶ Turner H.A. General Motors and the Nazis. New Haven, 2005. P. 109-110.

⁵¹⁷ Billstein R. Working for the Enemy: Ford, General Motors and Forced Labor in Germany during the Second World War. N.Y., 2000. P. 40-42.

подтверждает выраженную Вольтатом накануне мысль, что Гитлер может лишиться главенствующего положения в рейхе в случае прекращения войны.

Поверенный в делах США в Германии А. Кирк, в общих чертах знакомый с содержанием миссии Муни, отнесся к ней положительно и оповестил посла Соединенных Штатов в Париже У. Буллита о грядущем прибытии Муни в столицу Франции, откуда он должен был переместиться в Лондон⁵¹⁸.

На следующий день Муни отправился в Париж, чтобы оповестить Буллита о своей миссии и через него проинформировать американскую администрацию. Их встреча состоялась 23 октября.

Сообщая в госдепартамент о ее содержании, Буллит отметил, что принял Муни обходительно, но выразил обеспокоенность тем, что его авантюрное вмешательство может повредить отношениям США с Британией и Францией.

Наряду с этим, Буллит привел ряд мыслей, которые были, по словам Муни, выражены Герингом во время их беседы. Так, рейхсмаршал, якобы, не верил, что вермахт сможет сломить сопротивление французской армии, а также не рассчитывал на долговременные отношения с СССР, считая, что лучше быть заодно с Англией и Францией.

Исходя из слов Муни, Буллит также упомянул, что Геринг не исключал участия Франции в переговорах о прекращении войны. Муни, в свою очередь, попросил Буллита побудить французское правительство принять предложение Геринга, а также проинформировать посла США в Лондоне Дж. Кеннеди, чтобы он совершил аналогичное действие в отношении британского правительства. Буллит резюмировал, что он не имеет на это права и может лишь уведомить французское правительство о словах Геринга, а Кеннеди – о том, что Муни направляется в Лондон⁵¹⁹.

Полученная от Буллита информация весьма встревожила государственный департамент. Ф. Керр, британский посол в США, сообщил в Форин Оффис, что “государственный департамент призывает нас остерегаться находящегося сейчас

⁵¹⁸ Lochner L. Op. cit. P. 265.

⁵¹⁹ FRUS. 1939. Volume 1. P. 519-520.

в Европе вице-президента “Дженерал Моторс” мистера Джеймса Муни, полностью контролируемого немцами и распространяющего сказку о разрыве Гитлера и Геринга”⁵²⁰.

Муни направился в Лондон, намереваясь передать британскому правительству предложение Геринга. В британской столице его встретил предупрежденный Буллитом Кеннеди. Посол США, пессимистично смотревший на шансы Британии выстоять в случае немецкой атаки, заинтересовался информацией о том, что Геринг выразил надежду на возможность прекращения войны.

26 октября состоялась встреча Муни с советником министра иностранных дел Великобритании лорда Галифакса Робертом Ванситтартом. В отчете о встрече, направленном Галифаксу, Р. Ванситтарт отметил: “Я не думаю, что Муни является безумцем; более похоже, что его сознание просто подчинено немцам”. Через некоторое время Муни был принят самим Галифаксом; министр иностранных дел заявил, что Британия в настоящее время не может быть вовлечена в какие бы то ни было мирные переговоры с Германией и добавил, что ни у него самого, ни у премьер-министра Н. Чемберлена “после предыдущих разочарований” нет никакого доверия к Гитлеру и Риббентропу и что любые шаги в данном направлении могут быть расценены как “второй Мюнхен”⁵²¹.

Тем не менее, Галифакс не видел препятствий к возвращению вице-президента “Дженерал Моторс” в Берлин и сказал, что вскоре Р. Ванситтарт предоставит Муни сформулированный ответ британской стороны.

Перед отбытием в столицу Германии Муни посетил Форин Оффис, где Р. Ванситтарт обозначил ему позицию Великобритании. Она заключалась в том, что Лондон отказывается вести какие бы то ни было переговоры с Берлином, пока там к власти не придет “правительство, внушающее доверие”. Из этого Муни заключил, что британцы готовы идти на контакт с нацистским режимом, если, -

⁵²⁰ Цит. по: Turner H.A. Op. cit. P. 111.

⁵²¹ Ibid.

как ему казалось после бесед с Вольтатом и Герингом - Гитлер может быть смещен⁵²².

12 ноября Муни возвратился в Берлин, где намеревался встретиться с Г. Вольтатом. Как выяснилось, Вольтат отсутствовал в столице Германии, а от встречи непосредственно с Герингом без предварительной беседы с Вольтатом Муни воздержался. В итоге Муни лишь спустя месяц удалось встретиться с ним в Мадриде, однако Вольтат негативно расценил британский ответ и заявил, что изменения в руководстве нацистского правительства невозможны. Муни не стал встречаться с Герингом и в середине декабря отправился в США⁵²³.

Таким образом, деятельность Муни, несмотря на первоначальные неожиданные заявления высокопоставленных нацистских чиновников, также как и в случае с У.Р. Дэвисом, не привела, да и не могла привести к конкретному результату. Преследуя цели по введению в заблуждение британских и французских политиков и используя для этого услужливость представителей американского крупного бизнеса, Берлин вел свою игру, составными частями которой являлись блеф и обман.

Характеризуя американско-германские отношения в сентябре-декабре 1939 г., следует отметить, что они носили достаточно логичный характер. Соединенные Штаты, ориентировавшиеся на поддержку европейских демократий, изменили в их пользу закон о нейтралитете, позволив тем самым на основании принципа “кэш-энд-кэрри” приобретать и вывозить оружие. Эта мера представляла собой акт, недвусмысленно направленный против Третьего рейха. Она стала подтверждением принципов противостояния агрессивным державам, задекларированных Ф. Рузвельтом в послании Конгрессу 4 января 1939 г.

При этом в вопросе об отношении к действиям нацистской Германии в стране продолжали господствовать изоляционистские убеждения: согласно

⁵²² Ibid. P. 112.

⁵²³ Ibid. P. 114; Lochner L. Op. cit. P. 267.

статистическим данным, 96 % граждан США отвергали даже теоретическую возможность войны с Третьим рейхом и отправки американских войск в Европу⁵²⁴.

Германия, в свою очередь, была сконцентрирована на решении континентальных задач и “фактор США” на данном этапе играл второстепенную роль в ее внешней политике. Риторика нацистских руководителей о возможности установления мира в Европе, тем более при посредничестве неофициальных американских представителей, не имела под собой серьезных фактических оснований.

Берлин тщательно следил за процессами, происходившими в Вашингтоне. Внимание уделялось как противостоянию изоляционистов с интернационалистами, так и стремлению Белого дома консолидировать позицию государств Западного полушария в связи с началом европейской войны. Нацистское руководство обладало достаточно полной информацией о целях и намерениях американской администрации.

В то же время, администрация США проявляла заинтересованность относительно того, какими будут дальнейшие действия Германии в Старом свете, сколь продолжительной будет “странная война” и что будут представлять собой возможные пути развития ситуации. Этот интерес порождал многочисленные вопросы, поиск ответов на которые имел серьезное значение для определения внешнеполитического курса страны. Его следствием стала официальная европейская миссия заместителя государственного секретаря С. Уэллеса, состоявшаяся в начале 1940 г.

⁵²⁴ The Gallup Poll. Public Opinion, 1935-1971. Volume 1: 1935-1948. N.Y., 1972. P. 193.

§2. “Миссия С. Уэллеса” и американо-германские отношения

(февраль – март 1940 г.)

3 января 1940 г. президент США Ф. Рузвельт выступил с ежегодным посланием к Конгрессу. Произнося речь, глава Белого дома отметил: “Во время предыдущих подобных выступлений я неоднократно предостерегал, что, нравится нам это или нет, американцы в своей повседневной жизни ощутят воздействие событий, происходящих на других континентах. Теперь это не просто теория, это факты вчерашнего и сегодняшнего дня”. Наряду с этим, Рузвельт указал, что “есть люди, которые в силу наивности или неведения, а порой и того, и другого, полагают, что... США смогут процветать, скрывшись за стеной изоляционизма”⁵²⁵.

В словах президента Соединенных Штатов явно ощущался намек на действия нацистской Германии, хотя эта страна и не была прямо упомянута в ходе выступления. Весьма показательным также выглядит тот факт, что Рузвельт сделал упор на то, что изоляционизм в свете разворачивающихся событий не может считаться доктриной, способной обеспечить спокойствие и защищенность американских граждан.

В этом отношении интересна дневниковая ремарка, сделанная 5 января по поводу выступления Рузвельта министром народного просвещения и пропаганды Германии Й. Геббельсом: “Были косвенные, но очень злобные выпады в адрес нашего режима и рейха”. Однако, при этом Геббельс добавлял, что Америка, тем не менее, вряд ли будет вовлечена в войну⁵²⁶.

Европейская обстановка – поражение Польши и вялотекущий, но непредсказуемый характер “странной войны” побуждали американскую администрацию к действиям, направленным на возможное восстановление мира в Старом свете.

В связи с этим заместитель государственного секретаря С. Уэллес отмечал, что “в первых числах января президент пригласил меня побеседовать с ним... Он

⁵²⁵ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1940 Volume. P. 1-10.

⁵²⁶ Goebbels J. Die Tagebücher. Teil 1. Band 4. S. 4.

сказал, что с некоторого времени, - по существу, с начала войны, - спрашивал себя, не остается ли еще какого-нибудь шага, который он, как глава США, мог бы предпринять с целью предотвращения тех опасностей, которые столь очевидно встанут как перед американцами, так и перед людьми всего цивилизованного мира в случае продолжения европейской войны. Ему казалось, что если состоится давно ожидаемое решительное наступление Германии против западных держав, то спрогнозировать результат войны будет невозможно»⁵²⁷.

Продолжение войны, по мнению Рузвельта, было сопряжено с двумя опасностями, первая из которых заключалась в том, что победа Гитлера немедленно создаст угрозу жизненным интересам США, а вторая – в том, что конечная победа западных держав может быть достигнута только после продолжительной борьбы, которая приведет Европу к полному экономическому и социальному крушению, что, несомненно, будет представлять для Соединенных Штатов весьма негативные последствия.

В завершение встречи Рузвельт сказал, что он решил отправить своего личного представителя посетить Германию, Англию, Францию, а также Италию с целью выяснения “взглядов четырех правительств относительно возможности заключения справедливого и долговременного мира” и намекнул, что этим человеком в ближайшем будущем, скорее всего, станет именно Уэллес⁵²⁸.

Готовность администрации США к поиску путей прекращения войны была подтверждена 8 января 1940 г., когда К. Хэлл объявил о создании в государственном департаменте совещательного комитета по проблемам внешней политики. Фактически же этот комитет был основан еще раньше, в самом конце 1939 г. Его деятельность предполагалось осуществлять на трех направлениях – разрешение политических задач, экономических проблем и вопросов, связанных с ограничением вооружений⁵²⁹. Главной задачей этого комитета являлось “рассмотрение принципов, которым надлежит стать основой желательного миропорядка после прекращения текущих военных действий в соответствии с

⁵²⁷ Welles S. Op. cit. P. 73.

⁵²⁸ Ibid.

⁵²⁹ O'Sullivan C.D. Sumner Welles, Postwar Planning and The Quest for a New World Order, 1937-1943. N.Y., 2008. P. 34.

интересами Соединенных Штатов”⁵³⁰. Возглавил образованный комитет как раз С. Уэллес.

Данное событие недвусмысленно говорило о том, что США, являвшиеся невоюющим нейтральным государством, уже в начальный период Второй мировой войны стремились выработать подходы, которые потенциально могли стать фундаментом благоприятного для себя послевоенного мироустройства.

В конце января Ф. Рузвельт принял окончательное решение отправить С. Уэллеса в европейское турне. Президент вызвал заместителя государственного секретаря и обозначил, что “после дальнейшего и тщательного обдумывания вопроса” он полагает, что поездка в Европу “должна состояться без всякого промедления”⁵³¹. Начались оперативные приготовления к отбытию Уэллеса в Старый свет.

Суждения, свидетельствовавшие о стремлении Рузвельта к урегулированию военного противостояния в Европе, также были заявлены в докладе, направленном 7 февраля в Берлин поверенным в делах Германии в США Г. Томсеном. Он был посвящен перспективам переизбрания Рузвельта на следующий срок на предстоявших осенью президентских выборах. В нем, в частности, отмечалось, что “с момента начала войны все больше признаков свидетельствует о том, что Рузвельт пойдет на третий срок” и что “основной интерес президента сосредоточен на внешнеполитическом направлении... Его желание осуществить мирное посредничество никуда не исчезло, также как и желание того, чтобы Америка сыграла при этом свою роль”⁵³².

На следующий день Г. Томсен сообщил И. фон Риббентропу: “Сегодня со мной связался заместитель государственного секретаря США С. Уэллес и сообщил, что в ближайшем будущем президент Рузвельт собирается отправить его в Европу в качестве личного представителя... Поступила просьба заранее

⁵³⁰ Notter H. Postwar Foreign Policy Preparation, 1939-1945. Washington, 1949. P. 454-455.

⁵³¹ Welles S. Op.cit. P. 74.

⁵³² DGFP. Series D. Volume 8. P. 747-748.

подтвердить, примут ли Уэллеса в Берлине фюрер и министр иностранных дел”⁵³³.

Следует отметить, что в тот же день, 8 февраля, государственный секретарь К. Хэлл направил главам 46 нейтральных государств предложение Ф. Рузвельта рассмотреть возможность обмена мнениями по поводу “мира, в котором им предстоит жить по окончании текущего конфликта”. В этом послании утверждалось, что “нейтралы имеют свой интерес в исходе нынешней войны” и что их организация могла бы обеспечить условия посредничества и установления мира, где они обладали бы “равными со всеми прочими мировыми силами правами”⁵³⁴. Как представляется, этот ход был сделан для того, чтобы на его основе объединить – по крайней мере, в экономическом отношении – стремления государств, не вовлеченных в военные действия, и, возможно, склонить в свою сторону нейтральную к тому моменту Италию, которую предстояло посетить С.Уэллесу.

9 февраля было обнародовано официальное заявление Ф. Рузвельта о предстоящем европейском турне С. Уэллеса. В нем говорилось, что “визит совершается с единственной целью осведомления президента и государственного секретаря о существующих условиях в Европе” и что Уэллес “не уполномочен выдвигать предложения или принимать обязательства от имени администрации США”⁵³⁵.

Интересна ремарка статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. фон Вайцеккера, сделанная им в мемуарах относительно данной инициативы американской стороны. Он расценил официально озвученную Рузвельтом информацию о поездке Уэллеса как “пришедшее из США важное предупреждение повременить с атакой на Запад”. При этом Вайцеккер отметил, что в Германии данная новость была встречена с осмотрительностью, добавив, что лично он воспринимает ее скорее как следствие американской внутривойсковой ситуации, поскольку “в 1940 году Рузвельт не мог предстать

⁵³³ Ibid. P. 750.

⁵³⁴ Ibid. P. 117-122; Уткин А.И. Рузвельт. М., 2012. Стр. 243.

⁵³⁵ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1940 Volume. P. 77.

перед избирателями, не совершив какого-либо видимого шага для восстановления мира”⁵³⁶.

10 февраля министерство народного просвещения и пропаганды Германии оповестило представителей прессы о предстоящей миссии Уэллеса и подчеркнуло, что к “этому ходу Рузвельта следует отнестись с предельной осторожностью”⁵³⁷. Тогда же Г. Томсен сообщил в Берлин: “Одновременно с объявлением Рузвельта о поездке Уэллеса, государственный секретарь Хэлл заявил о совместном с нейтральными государствами рассмотрении вопросов восстановления мира, оживления торговли и подготовки всеобщего разоружения... Эти два действия, несомненно, предприняты в связи с грядущей предвыборной президентской кампании, в которой Рузвельт будет давить на то, что его переизбрание на третий срок неизбежно и обусловлено сложившимися обстоятельствами. Также они обусловлены его желанием войти в историю в качестве “великого американского миротворца””⁵³⁸. Как видно из сообщения Томсена, он был склонен рассматривать инициативы Рузвельта в контексте предвыборных шагов, которые должны были продемонстрировать американцам его непосредственную заинтересованность в разрешении международных противоречий.

Министр народного просвещения и пропаганды Германии Й. Геббельс, комментируя 11 февраля информацию о европейском турне С. Уэллеса, также отметил, что “эта мера зиждется на внутривнутриполитической основе”⁵³⁹. На следующий день начальник штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер выразил схожее суждение: “Рузвельт думает о выборах и хочет преподнести себя как “ангела мира””⁵⁴⁰.

Таким образом, исходя из общего совпадения оценок, заявленных высокопоставленными немецкими чиновниками и дипломатами, можно сделать вывод о том, что восприятие ими грядущего прибытия в Европу С. Уэллеса

⁵³⁶ Weizsäcker E. von. Op. cit. S. 276.

⁵³⁷ Цит. по: Friedländer S. Op. cit. P. 66.

⁵³⁸ DGFP. Series D. Volume 8. P. 757-758.

⁵³⁹ Goebbels J. Die Tagebücher. Teil 1. Band 4. S. 40.

⁵⁴⁰ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1. Стр. 269.

основывалось на убеждении, что данный ход американской стороны является мерой, в первую очередь выгодной для Ф. Рузвельта в свете предстоящей президентской кампании.

В свою очередь, американские изоляционисты отнеслись к миссии Уэллеса неоднозначно. Так, например, Г. Фиш и Р. Рейнольдс восприняли ее со сдержанным оптимизмом⁵⁴¹. Тем не менее, звучали и противоположные точки зрения – в частности, сенатор Х. Джонсон подчеркнул, что “Соединенные Штаты, видимо, не заботятся о собственных проблемах, если отправляют в Европу скитальца-слушателя”⁵⁴².

14 февраля государственный секретарь К. Хэлл был вынужден ответить на прозвучавшие упреки. Он выступил со специальным заявлением, в котором отметил, “что ничего экстраординарного в действиях властей США нет и что Уэллес – наиболее подходящая кандидатура для осуществления задачи подобного рода”⁵⁴³.

В тот же день поверенный в делах США в Германии А. Кирк констатировал, что “новость о грядущем приезде [Уэллеса] вызывает громадный интерес высших правительственных кругов”⁵⁴⁴. Оценка Кирка вскоре была официально подтверждена германской стороной - министр иностранных дел И. фон Риббентроп дал Г. Томсену указание уведомить С. Уэллеса о готовности лидеров рейха принять его. При этом, однако, подтверждение согласия было облечено в следующую форму: “Правительство видит противоречие в отзыве посла Вильсона и желанием президента Рузвельта получить информацию о ситуации в Германии. Правительство не ознакомлено с намерениями и целями, которые преследует президент Рузвельт, направляя в Европу заместителя госсекретаря Уэллеса, но готово его принять. Позиция Германии по международной ситуации и войне была предельно ясно обозначена всему миру в выступлениях фюрера. Что касается германо-американских отношений, то следует отметить, что они пребывают в неудовлетворительном состоянии для обеих сторон. Если администрация США,

⁵⁴¹ CR. 1940. Volume 86. Part 13. Appendix. P. 1154, CR. 1940. Volume 86. Part 2. P. 1399.

⁵⁴² Chicago Tribune. 10.02.1940.

⁵⁴³ Hull C. Op. cit. Volume 1. P. 738, 740.

⁵⁴⁴ FRUS. 1940. Volume 1. P. 8.

посылая Уэллеса в Берлин, намеревается переломить эту ситуацию – к которой правительство рейха не причастно никоим образом – это, несомненно, послужит интересам обоих народов”⁵⁴⁵.

Руководство Германии действительно не знало, каковы были мотивы и задачи приезда С. Уэллеса в Европу; об этом говорилось как в приведенной выше цитате, так и в ходе беседы начальника политического отдела МИД Германии Э. Верманна с японским консулом в Берлине, в ходе которой Верманн отметил, что немецкому правительству известно об истинных целях миссии Уэллеса не более того, что было заявлено в официальном американском коммюнике⁵⁴⁶.

17 февраля С. Уэллес отбыл в Европу морским путем. Его ассистентом стал руководитель европейского отдела государственного департамента Дж. Моффат⁵⁴⁷. Вместе с ними в Старый свет отправился миллионер-католик М. Тейлор, ранее занимавший пост руководителя крупнейшей в США металлургической монополии “Юнайтед Стейтс Стил Корпорейшн”, а теперь назначенный личным представителем президента США в Ватикане, консульские отношения с которым не поддерживались с 1870 г.

25 февраля корабль, на борту которого находились Уэллес, Моффат и Тейлор, прибыл в Неаполь, откуда американские дипломаты незамедлительно отправились в Рим⁵⁴⁸.

На следующий день в итальянской столице состоялась встреча С. Уэллеса и министра иностранных дел Италии Г. Чиано, в ходе которой они сошлись во мнении, что если появится возможность для установления долговременного и стабильного мира, два нейтральных государства – США и Италия – могли бы эффективно содействовать выработке его основ. Как отмечал Уэллес, во время беседы Чиано не пытался скрыть презрение к Риббентропу и неблагоприятное отношение к Гитлеру; в то же время он, однако, не выказывал ни малейшей расположенности к Великобритании и Франции⁵⁴⁹.

⁵⁴⁵ DGFP. Series D. Volume 8. P. 774-775.

⁵⁴⁶ Ibid. P. 775.

⁵⁴⁷ Moffat J.P. Op. cit. P. 292.

⁵⁴⁸ Ibid.

⁵⁴⁹ FRUS. 1940. Volume 1. P. 22, 27.

Вскоре после завершения беседы с Г. Чиано, С. Уэллес встретился с Б. Муссолини. Представитель президента вручил дуче личное послание от Рузвельта, в котором глава Белого дома приветствовал итальянского лидера, выражал надежду на то, что “обмен мнениями будет ценен не только для США и Италии, но и для будущего всего мира”, а также на свою встречу с Муссолини в будущем. Помимо этого, Уэллес представил Муссолини меморандум, заключавший в себе взгляды США относительно необходимости оздоровления международной экономической ситуации, а также сокращения и ограничений вооружений (его содержание совпадало с текстом обращения США, уже направленным 46 нейтральным странам, в том числе Италии). Ознакомившись с ним, Муссолини выразил свое согласие с упомянутыми в нем положениями.

В свою очередь, коснувшись текущей ситуации с войной в Европе, дуче сказал что, Англия и Франция недооценивают военный потенциал Германии, отметив, тем не менее, что переговоры между Германией и союзниками о долгосрочном мире вполне возможны⁵⁵⁰. По его убеждению, они могли быть осуществлены при двух условиях: во-первых, Германия удовлетворит свои жизненные интересы в Центральной Европе и, во-вторых, Италия освободится от ограничений в Средиземноморье⁵⁵¹.

Комментируя итог встречи Уэллеса и Муссолини, присутствовавший не ней Чиано записал в дневнике: “После беседы Муссолини заметил: “Между нами и американцами невозможно какое-либо понимание, поскольку они подходят к решению проблем поверхностно, а мы глубоко”⁵⁵². Характерно, что Муссолини распорядился передать немецкому послу в Риме Г.Г. фон Макензену протокол встречи с Уэллесом, чему, как отмечал Чиано, дипломат весьма обрадовался⁵⁵³.

Следующим – и основным – пунктом европейского турне С. Уэллеса был Берлин. Следует еще раз отметить, что немецкая сторона подошла к визиту представителя американского президента очень внимательно. Так, 29 февраля рейхсканцлер Германии А. Гитлер поступил в не свойственной для себя манере,

⁵⁵⁰ Ibid. P. 30-31.

⁵⁵¹ Уткин А. И. Рузвельт. М., 2012. Стр. 244.

⁵⁵² Ciano G. The Ciano Diaries. 1939-1943. L., 1946. P. 212.

⁵⁵³ Ibid. P. 213.

издав специальную директиву, в которой были зафиксированы тезисы, на основе которых представителям политического и дипломатического руководства Третьего рейха следовало выстраивать свою линию общения с Уэллесом.

В ней, в частности, повторялись высказанные ранее суждения о том, что состояние германо-американских отношений является неудовлетворительным для обоих государств, а также о том, что точка зрения Германии на международную ситуацию и войну уже озвучивалась во время выступлений фюрера – не Германия объявила войну европейским державам, а они ей; у Англии и Франции нет причин, оправдывавших их войну против Германии; в начале октября 1939 г. Франция и Англия отклонили предложение о мирном урегулировании; их цель – уничтожение Германии⁵⁵⁴. Основной смысл директивы сводился к тому, что Германия в настоящее время ни в коей мере не заинтересована в установлении мира, а также к тому, что у Уэллеса не должно остаться ни малейших сомнений в том, что Германия нацелена победоносно завершить войну.

Рано утром 1 марта Уэллес прибыл в Берлин. Касаясь запрета немецких властей на широкое освещение в прессе его визита, он отметил, что даже над отелем, где он остановился, не было разрешено вывесить американский флаг⁵⁵⁵.

В тот же день состоялась его встреча с министром иностранных дел Германии И. фон Риббентропом. Риббентроп отметил, что отношения рейха и США находятся в неудовлетворительном состоянии, но немецкой вины в этом нет. При этом он подчеркнул, что внешняя политика Берлина не идет вразрез с интересами США и что Германия не имеет никаких намерений в отношении Западного полушария: “Ничто не может столкнуть интересы Германии и США, если обе стороны будут реалистично подходить к их трактовке”.

Риббентроп, однако, упомянул про существование “германской доктрины Монро”, согласно которой Третий рейх считает Центральную Европу зоной своего влияния. Что касается войны в Европе, то сделанное фюрером в октябре мирное предложение было отвергнуто Лондоном и Парижем. Кроме того,

⁵⁵⁴ DGFP. Series D. Volume 8. P. 817-819.

⁵⁵⁵ Welles S. Op. cit. P. 91.

Риббентроп сослался на недавнее заявление британского министра по делам доминионов Э.Идена, отметившего, что военной целью Англии будет уничтожение гитлеризма⁵⁵⁶.

По словам Риббентропа, при этом Иден приравнял гитлеризм к германскому народу; таким образом, согласно логике министра, Англия стремилась именно к уничтожению немецких граждан. Итоговый посыл Риббентропа заключался в том, Германия намерена сокрушить своих врагов.

Касаясь, в свою очередь, американской доктрины Монро, Уэллес отметил, что она претерпела изменения и в настоящее время речь идет о союзе равных государств. Резюмируя беседу, представитель президента подчеркнул, что если на Западе разразится война на уничтожение, то это затронет не только воюющие страны и может привести к катастрофическим последствиям; также он выразил надежду на то, еще сохраняется возможность разрешения ситуации⁵⁵⁷.

Следующим пунктом пребывания С. Уэллеса в Берлине стала неформальная встреча со статс-секретарем министерства иностранных дел Германии Э. фон Вайцзеккером. В ходе беседы Вайцзеккер проявил известную степень откровенности, сообщив, что он строго проинструктирован относительно того, чтобы не обсуждать прямую или косвенную возможность установления мира⁵⁵⁸.

Уэллес подчеркнул, что если война приобретет широкомасштабный характер, то это неизбежно ударит по США, поэтому Вашингтон не может проявлять пассивность перед лицом данной угрозы. Если же, исходя из слов Риббентропа, цели Германии могут быть достигнуты исключительно военным путем, это означает, что миссия тщетна. В то же время, Уэллес дал понять, что итоги его разговора с Муссолини таковы, что оставляют надежду на установление мира, пока не произошло необратимое: “если путь для переговоров все-таки будет найден, Рузвельт, возможно, совместно с Муссолини выступит с инициативой их проведения”⁵⁵⁹.

⁵⁵⁶ 29 февраля 1940 г. Э. Иден выступил с жесткой антигерманской речью. См. Eden A. Freedom and Order. Selected Speeches 1939-1946. Boston, 1948. P. 56-63.

⁵⁵⁷ DGFP. Series D. Volume 8. P. 821-829.

⁵⁵⁸ FRUS. 1940. Volume 1. P. 42.

⁵⁵⁹ DGFP. Series D. Volume 8. P. 829-830.

Весьма показательно, что в тот же день, 1 марта, рейхсканцлер Германии А. Гитлер подписал директиву о проведении операции “Везерюбунг” по вторжению в Данию и Норвегию, намеченной на начало апреля 1940 г.⁵⁶⁰ Присутствие Уэллеса в Берлине и возможность обсуждения перспектив восстановления европейского мира ничуть не интересовали фюрера.

2 марта С. Уэллес был принят А. Гитлером. Данная аудиенция по духу и содержанию была максимально сходна со встречей Уэллеса и Риббентропа, состоявшейся накануне. Основным исключением стало то, что гораздо меньшее внимание было уделено собственно германо-американским отношениям.

Уэллес заявил, что Рузвельт не заинтересован в установлении временного, непрочного мира. Кроме того, отметил Уэллес, если война на уничтожение в Европе все же начнется, то она неизбежно скажется на социальной, экономической, финансовой и коммерческой жизни США, являющихся крупнейшей нейтральной страной. При этом, он, однако, дал понять, что итоги состоявшегося в Риме разговора с Муссолини таковы, что позволяют вести речь об установлении мира⁵⁶¹.

Что касается Гитлера, то его тезисы находились в рамках привычной риторики о том, что не Германия объявила войну европейским демократиям, а наоборот, что 6 октября 1939 г., он, тем не менее, предлагал заключить мир, но ему было в этом отказано. При этом он подчеркнул, что именно мир является конечной целью Германии, в то время как цель противостоящих ей государств – война на уничтожение⁵⁶².

Таким образом, встреча с Гитлером не принесла представителю Рузвельта ни новых сведений, ни пищи для размышлений, ни надежд на возможность мирного урегулирования.

На следующий день состоялась встреча С. Уэллеса с заместителем фюрера по партии Р. Гессом. Гесс повторил те же мысли, что ранее были произнесены Риббентропом, попутно дав понять, что достижение мира посредством

⁵⁶⁰ Ibid. P. 831-832.

⁵⁶¹ FRUS. 1940. Volume 1. P. 44-50.

⁵⁶² DGFP. Series D. Volume 8. P. 838-845.

переговоров невозможно, и речь о мире следует вести лишь после того, как Германия одержит военную победу⁵⁶³.

Непосредственно после завершения беседы с Гессом Уэллес отправился на встречу с рейхсмаршалом Г. Герингом. Касаясь внешней политики Германии, Геринг вновь произнес уже хорошо знакомые Уэллесу тезисы Риббентропа и Гитлера, а также отметил, что ему непонятно, в связи с чем американцы считают, что их жизненные интересы могут быть затронуты войной в Европе.

Уэллес сказал Герингу, что Муссолини верит в возможность установления справедливого и продолжительного мира в Европе, повторив, однако, уже заявленную им Вайцзеккеру мысль о том, что если для Германии война является единственным путем достижения целей, то его миссия бесполезна.

Тем не менее, далее Уэллес ознакомил рейхсмаршала с меморандумом, содержащим взгляды администрации США на необходимость ограничения вооружений и установления оздоровленной системы международной торговли. Геринг уверенно ответил, что он согласен с этими принципами и даже сказал, что может впоследствии официально объявить о позиции Германии в данном вопросе. Однако, Геринг настаивал на том, что возможность для установления мира появится лишь тогда, когда “враги Германии откажутся от идеи ее уничтожения”⁵⁶⁴.

Следует также упомянуть о том, что в ходе их беседы были затронуты национальные и расовые вопросы, связанные с некоторыми внутривнутриполитическими особенностями обоих государств. Геринг косвенно признал, что в Германии осуществляются меры антиеврейской направленности, но тотчас же указал, что в США “неграм вообще нельзя ездить в одном вагоне с белыми”. Уэллес, в свою очередь, попытался смягчить ситуацию, отметив, что такое положение вещей характерно не для всех американских штатов и что в Конгрессе даже заседает афроамериканец⁵⁶⁵.

⁵⁶³ FRUS. 1940. Volume 1. P. 51.

⁵⁶⁴ DGFP. Series D. Volume 8. P. 850-862.

⁵⁶⁵ Видимо, речь шла о демократе Артуре Митчелле, делегированном в Палату представителей штатом Иллинойс.

Завершая беседу, Геринг сказал Уэллесу: “В Париже и Лондоне Вы осознаете, что надежды на мир нет. Правительства Франции и Британии не приемлют никакого мира, кроме такого, который будет установлен в случае победы над Германией”⁵⁶⁶.

Как представляется, встреча с рейхсмаршалом еще более убедила Уэллеса в непримиримом настрое и непоколебимой позиции руководителей рейха, отклонявших любые мысли о возможности урегулирования ситуации невоенными средствами.

В этом отношении весьма показательным является комментарий личного переводчика фюрера П. Шмидта о пребывании Уэллеса в Берлине: “Гитлер, Геринг и Риббентроп в продолжительных беседах... старались, с различной степенью умения, продемонстрировать силу Германии, мощь и решимость вступить в бой. Они тщательно избегали проявлений какой-либо готовности к компромиссам, так как Гитлер с его комплексом неполноценности всегда опасался, что их могут принять за признак слабости... Единственным содержанием этих разговоров, которые привлекли так много внимания, оказалось проигрывание одних и тех же “граммофонных пластинок”⁵⁶⁷.

Затрагивая миссию Уэллеса, 4 марта 1940 г. газета “Нью-Йорк Таймс” образно, но метко отмечала: “Она по-настоящему начнется только тогда, когда он вернется в Вашингтон, поскольку в Европе он занимается лишь сбором информации, которая только по возвращении может быть проанализирована, став основой для выработки плана дальнейших действий... За три дня в Берлине он узнал о Германии больше, чем мог бы узнать за год в Вашингтоне”⁵⁶⁸. Подобное суждение выглядит достаточно закономерным – заместитель госсекретаря действительно собрал обширный массив информации, в то же время получив возможность лично убедиться в непреклонной позиции нацистского руководства, скрывавшейся за риторикой о стремлении Германии к миру и желании защитить себя от Великобритании и Франции.

⁵⁶⁶ Ibid. P. 51-56.

⁵⁶⁷ Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск, 2001. Стр. 233.

⁵⁶⁸ New York Times. 04.03.1940.

7 марта С. Уэллес и Дж. Моффат прибыли в Париж. По свидетельству последнего, город жил в привычном русле – на улицах было оживленное движение, в ресторанах можно было выпить шампанское⁵⁶⁹. Вскоре Уэллес был принят в Елисейском дворце президентом Франции А. Лебреном. Полноценного диалога на встрече не получилось – Лебрен лишь сообщил американскому представителю банальную информацию о состоянии франко-германских отношений⁵⁷⁰.

В свою очередь, премьер-министр Э. Даладье в беседе с Уэллесом отметил, что “в отношении Германии единственным мирным решением может быть обоюдное разоружение. Но оно должно проходить под контролем достаточно сильной нейтральной страны, а таковой являются лишь США”. При этом он добавил: “Чтобы добиться мирного решения, имеется лишь одно средство: великая нейтральная страна – Соединенные Штаты – должна взять на себя ответственность за переговоры и организовать международные воздушные силы для полицейских целей”⁵⁷¹. По сути, Даладье выразил готовность к переговорам с нацистской Германией, пусть и облек ее в несколько неожиданную форму.

Уэллес, тем не менее, ответил, что США не возьмут на себя обязательства подобного характера, содержащие потенциальную возможность американского военного вовлечения⁵⁷².

На следующий день состоялись беседы Уэллеса с председателем Палаты депутатов Э. Эррио и главой Сената Ж. Жанненэ⁵⁷³. Эррио считал, что ни при каком раскладе не следует вступать в переговоры с противником. Что касается Жанненэ, то в отношении Третьего рейха он выразился категоричнее: “Есть только один способ обращения с бешеной собакой — убить ее или сковать стальной цепью, которую нельзя разбить”⁵⁷⁴.

9 марта состоялась встреча С. Уэллеса с министром финансов П. Рейно. Он был настроен пессимистически и пожаловался Уэллесу на то, что Франция

⁵⁶⁹ Moffat J.P. Op. cit. P. 296.

⁵⁷⁰ FRUS. 1940. Volume 1. P. 58-59.

⁵⁷¹ Ibid. P. 59.

⁵⁷² Ibid; Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990. Стр. 98.

⁵⁷³ FRUS. 1940. Volume 1. P. 69-70.

⁵⁷⁴ Ibid. P. 68-69; Уткин А.И. Вторая Мировая война. М., 2002. Стр. 83.

приближается к тому моменту, когда все ее ресурсы будут брошены на закупку вооружений в США⁵⁷⁵.

Тем временем, в стане европейских государств “оси” стали происходить весьма важные события, требующие упоминания. 8 марта посол Германии в Риме Г.Г. фон Макензен проинформировал министра иностранных дел Г. Чиано, что его коллега И. фон Риббентроп прибудет в Италию для встречи с Муссолини и предоставит давно ожидавшийся ответ Гитлера на обращение дуче от 3 января 1940 г.⁵⁷⁶

Тот факт, что фюрер ответил Муссолини лишь через длительный промежуток времени, был обусловлен двумя причинами. Первая из них состояла в том, что наступил выгодный для Германии тактический момент: 1 марта Великобритания объявила, что блокирует поставку немецкого угля морем через Роттердам в Италию. Это был тяжелый удар по итальянской экономике, вызвавший негодование Муссолини и, в то же время, послуживший предпосылкой для потепления отношений с Германией, имевшей возможности для доставки угля железнодорожным путем.

Вторая причина заключалась в осуществлявшемся С. Уэллесом европейском турне. Германия понимала, что крайне важно сохранить Италию в своей обойме, не допустив того, чтобы она отдалилась от рейха и, тем более, сблизилась с США. Свою роль при этом, видимо, сыграли и неоднократно произнесенные Уэллесом в Берлине слова о том, что Муссолини готов к компромиссу и началу мирного процесса.

10 марта состоялась встреча Б. Муссолини с прибывшим в Рим И. фон Риббентропом. Министр иностранных дел Германии вручил дуче ответное письмо фюрера. Не извиняясь за задержку, в нем Гитлер в весьма корректном

⁵⁷⁵ Ibid. P. 70-72; Уткин А.И. Вторая Мировая война. М., 2002. Стр. 83-84.

⁵⁷⁶ Ciano G. Op. cit. P. 217. 3 января 1940 г. Б. Муссолини направил А. Гитлеру пространное письмо, в котором призывал рейхсканцлера “начать восстановление польского государства” и не осуществлять наступление на Западном фронте. Помимо этого, дуче выражал недовольство дружбой Германии с Россией, которая, по его мнению, представляла существенную опасность для всей Европы.

тоне детально излагал свои соображения относительно текущего характера европейской обстановки.

Касаясь пребывания в Берлине личного представителя американского президента, Гитлер отмечал: “Визит Уэллеса не внес никаких элементов, которые могли бы повлиять на переоценку ситуации. В таких обстоятельствах следует прислушаться к тем, кто утверждает, что единственными целями его турне были выигрыш времени для союзников и охлаждение наступательного пыла Германии”⁵⁷⁷. Фюрер по-прежнему был непреклонен и решителен в своем стремлении осуществить полномасштабное наступление на Западе.

Письмо Гитлера завершалось предложением о вступлении Италии в войну. Муссолини незамедлительно заверил Риббентропа в своем глубоком убеждении, что его место – на стороне Гитлера.

Во время второй беседы на следующий день дуче полностью встал на позицию войны. Он был готов выступить заодно с Германией и сказал, что ему нужно лишь решить, когда наступит наиболее подходящее время. Риббентроп явно успокоился, так как приехал в Рим с большими сомнениями относительно “вероломного партнера по “оси” и счел момент подходящим, чтобы озвучить инициативу фюрера о его встрече с Муссолини в скором времени на Бреннерском перевале⁵⁷⁸. Дуче с энтузиазмом согласился⁵⁷⁹.

10 марта С. Уэллес и Дж. Моффат прибыли в британскую столицу. Как заметил Моффат, на улицах Лондона ощущалась расслабленность и мало что напоминало о войне⁵⁸⁰.

11 марта Уэллес встретился с премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом. Чемберлен подчеркнул, что в настоящей войне Великобритания лишь желает “покончить с правительством, проводящим жестокую

⁵⁷⁷ DGFP. Series D. Volume 8. P. 871.

⁵⁷⁸ Бреннер - пограничный перевал в восточных Альпах, в настоящее время расположенный между федеральной землей Австрии Тироль и итальянской автономной провинцией Южный Тироль.

⁵⁷⁹ Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск, 2000. Стр. 235.

⁵⁸⁰ Moffat J.P. Op. cit. P. 297-298.

завоевательную политику”, а планов по уничтожению немецкой нации и дезинтеграции Германии оно не имеет⁵⁸¹.

На следующий день состоялись беседы С. Уэллеса с министром по делам доминионов Э. Иденом и Первым лордом Адмиралтейства У. Черчиллем. Оба британских политика выразили отрицательное отношение к возможности проведения мирных переговоров, а также отметили, что единственным вариантом завершения войны должно стать полное сокрушение Германии и гитлеризма⁵⁸².

14 марта Уэллес вернулся в Париж, где у него состоялась короткая встреча с П. Рейно, в ходе которой французский политик сообщил о своей недавней беседе с У. Черчиллем, требовавшим ведения войны до конца, и сокрушенно заметил: “Этот человек выдающихся способностей потерял эластичность мышления”. В ходе беседы Рейно дважды упомянул про свою убежденность в том, что возможность проведения переговоров не должна быть упущена⁵⁸³. Высказывания Рейно с предельной отчетливостью свидетельствовали о его стремлении, если не сказать, заинтересованности в переговорах с Берлином. Очевидно, что ни война, пусть и вялотекущая, ни воинственность Гитлера не склонили его к осознанию необходимости целенаправленного противостояния нацизму.

Исходя из результатов пребывания Уэллеса в Лондоне и Париже, представляется логичным отметить, что в столицах европейских демократий господствовали апатичные настроения, вполне соответствовавшие ходу “странной войны”. Английские и французские политики, за редким исключением, не стремились к оказанию отпора деструктивной внешнеполитической программе гитлеризма.

16 марта С. Уэллес и Дж. Моффат вновь прибыли в Рим. Встретившись с личным представителем Рузвельта при папском престоле М. Тэйлором, Моффат узнал от него, что Ватикан не рассчитывает на возможность проведения мирной конференции, стремясь, в то же время, удержать Италию от войны⁵⁸⁴.

⁵⁸¹ FRUS. 1940. Volume 1. P. 75.

⁵⁸² Ibid. P. 83-84.

⁵⁸³ Ibid. P. 92.

⁵⁸⁴ Moffat J.P. Op. cit. P. 303-304.

Уэллес, в свою очередь, поочередно встретился с королем Италии Виктором Эммануилом III, Г. Чиано и Б. Муссолини и провел с ними беседы на общие темы⁵⁸⁵. Во время встречи с Муссолини Уэллес обнаружил в его состоянии серьезную перемену: “Казалось, он сбросил с себя какой-то огромный груз. Я часто размышлял, не решился ли он за две недели, прошедшие со времени моего первого визита в Рим, перейти Рубикон, а во время визита Риббентропа втянуть Италию в войну”⁵⁸⁶. Действительно, потепление отношений с Германией и понимание того, что фюрер рассчитывает на него, повлияли на настрой Муссолини, склонившегося к тому, чтобы в нужный момент присоединиться к разворачивавшемуся в Европе противостоянию.

Что касается Ф. Рузвельта, то 16 марта он заявил: “Сегодня мы ищем моральную основу для мира. Не может быть истинного мира, если отрицается братство [народов]. Не может быть крепкого мира, если малые государства вынуждены жить в страхе перед могущественными соседями. Не может быть справедливого мира, если людям отказывают в праве почитать Бога”⁵⁸⁷.

На следующий день Уэллес по телефону обратился к Рузвельту с просьбой санкционировать “общую инициативу, направленную на достижение мира”. Ответ, однако, был отрицательным. Рузвельт хотел сначала ознакомиться с докладом Уэллеса “из первых уст”, прежде чем занять определенную позицию в этом отношении⁵⁸⁸. Следует отметить, что в отечественной историографии вплоть до конца 1980-ых гг. была достаточно распространена версия о том, что подобный поворот ситуации был обусловлен состоявшимся 12 марта 1940 г. подписанием мирного договора, завершившего советско-финляндскую войну⁵⁸⁹ и

⁵⁸⁵ FRUS. 1940. Volume 1. P. 92-106.

⁵⁸⁶ Welles S. Op. cit. P. 137.

⁵⁸⁷ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1940 Volume. Washington, 1941. P. 103-104.

⁵⁸⁸ Ciano G. Op. cit. P. 222.

⁵⁸⁹ Советско-финляндская война длилась в период с 30 ноября 1939 г. по 12 марта 1940 г. Завершилась подписанием Московского мирного договора, по результатам которого в составе СССР оказалось 11 % территории Финляндии со вторым по величине городом Выборгом; кроме того, Советский Союз получил полный контроль над акваторией Ладожского озера.

расстроившего планы Вашингтона по отвращению дальнейшей гитлеровской агрессии на Западе и переносе ее вектора на Восток⁵⁹⁰.

С нашей точки зрения, более взвешенной представляется позиция В.Л. Малькова и Д.Г. Наджафова, указывавших на осознание американским руководством того, что “безрассудные решения могли дорого обойтись прежде всего самим Соединенным Штатам”⁵⁹¹ и что “возможности антисоветских маневров в условиях войны нацистской Германии против Англии и Франции были более чем ограничены”⁵⁹².

Тем не менее, мы вправе обратить внимание на то, что роль Москвы в советско-финляндском конфликте была воспринята в США весьма негативно. В частности, Ф. Рузвельт в одном из личных писем назвал произошедшее “отвратительным актом насилия со стороны Советского Союза”⁵⁹³, а в официальном заявлении подчеркнул, что “новости о бомбардировках финской территории глубоко шокировали администрацию и народ Соединенных Штатов”⁵⁹⁴. Бурная реакция была проявлена рядом конгрессменов и средств массовой информации, выступивших с жесткой критикой в адрес СССР⁵⁹⁵; в начавшемся противостоянии 88 % американцев поддерживали Финляндию⁵⁹⁶. Кроме того, Вашингтон предоставил Хельсинки денежный займ в размере 30 миллионов долларов, который, однако, мог быть использован только для гражданских закупок в силу действовавшего в США законодательства⁵⁹⁷.

В свою очередь, нацистская Германия заняла в отношении советско-финляндской войны позицию формального нейтралитета. Однако, Берлин неофициально оказывал Хельсинки содействие, заключавшееся в разрешении транзита через свою территорию финских военных закупок в Венгрии и

⁵⁹⁰ См., например, Беглов И. Миссия Уэллеса в Европу//Вопросы истории. 1949. № 6. Стр. 65-66, Кузнец Ю.Л. Указ. соч. Стр. 101-103, Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны, 1939-1941. М., 1964. Стр. 80-81.

⁵⁹¹ Мальков В.Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. Историко-документальные очерки. М., 1988. Стр. 198.

⁵⁹² Наджафов Д.Г. Нейтралитет США, 1935-1941 гг. М., 1990. Стр. 130.

⁵⁹³ Franklin Delano Roosevelt. His Personal Letters. Volume 2. N.Y., 1953. P. 961.

⁵⁹⁴ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1939 Volume. P. 587.

⁵⁹⁵ Jacobs T. America and the Winter War, 1939-1940. N.Y., 1981. P. 67-71.

⁵⁹⁶ The Gallup Poll. Public Opinion 1935-1971. Volume 1. N.Y., 1972. P. 197.

⁵⁹⁷ Finland and World War II (Ed. by J. Wuorinen). N.Y., 1948. P. 68.

Италии⁵⁹⁸. Как отмечал Г.Л. Розанов, именно такая позиция “в сложившейся конкретной обстановке в наибольшей степени отвечала агрессивным планам гитлеровского руководства”⁵⁹⁹.

Немаловажно и то, что ход войны продемонстрировал германскому генералитету наличие определенных слабостей и недостатков Красной Армии, следствием чего стало распространение в немецких руководящих кругах идеи о возможности достижения относительно легкой победы в будущем противостоянии с Советским Союзом⁶⁰⁰.

18 марта на Бреннерском перевале в личном вагоне Б. Муссолини состоялась его встреча с А. Гитлером. Как отмечал переводчик фюрера П. Шмидт, наиболее подходящим определением для их бесед были бы “монологи Гитлера”, так как фюрер занимал своими речами практически все время, а Муссолини имел возможность лишь вставить несколько слов. Гитлер, приводя подробные данные, представил подробное описание своей успешной польской кампании и заговорил о подготовке к большой битве на Западе. Характерно, что в то же время он ничего не сказал про ближайшие военные планы, связанные с нападением на Норвегию и Данию. Муссолини, в свою очередь, воспользовался несколькими оставленными ему минутами и убежденно подтвердил свое намерение вступить в войну⁶⁰¹.

Весьма показательно, что вскоре после встречи Гитлера и Муссолини на Бреннерском перевале министр народного просвещения и пропаганды Германии Й. Геббельс проинструктировал сотрудников своего ведомства о необходимости начать подготовку немецкого народа к долгожданному продвижению на Запад: “Слово “мир” должно полностью исчезнуть со страниц германской прессы. Для Германии не может быть какого бы то ни было компромисса”⁶⁰².

19 марта С. Уэллес встретился с министром иностранных дел Италии Г. Чиано. Чиано поведал Уэллесу про бреннерскую встречу Муссолини и Гитлера,

⁵⁹⁸ Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 59.

⁵⁹⁹ Розанов Г.Л. Сталин – Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939-1941 гг. М., 1991. Стр. 132.

⁶⁰⁰ Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940-1941 гг. СПб., 2005. С. 60, Ueberschär G. Hitler und Finnland 1939-1941. Wiesbaden, 1978. S. 163.

⁶⁰¹ Шмидт П. Указ. соч. Стр. 238-239.

⁶⁰² Schachtman T. The Phony War, 1939-1940. N.Y., 1982. P. 165.

сосредоточив внимание на обсуждавшихся в ее ходе экономических вопросах. Затем, явно лукавив, он заверил, что абсолютно никаких изменений в нейтралистской позиции Рима в результате встречи дуче и фюрера не произошло. В завершение беседы Чиано попросил передать Рузвельту, что до тех пор, пока он является министром иностранных дел Италии, его страна не вступит в войну на стороне Германии и он будет прилагать все возможные усилия, чтобы утвердить в Муссолини аналогичный настрой⁶⁰³.

Интересно, что в дневнике Чиано отмечена упомянутая тогда же Уэллесом возможность встречи Муссолини и Рузвельта на Азорских островах, хотя ни в официальном отчете заместителя государственного секретаря, ни в его воспоминаниях подобных сведений не приводится⁶⁰⁴.

20 марта С. Уэллес и Дж. Моффат покинули Европу на корабле, отплывшем из Генуи. Спустя 8 дней они прибыли в Нью-Йорк⁶⁰⁵.

Уэллес незамедлительно направился в Вашингтон, дабы представить президенту развернутый отчет о своем пребывании в Европе. Его встреча с Рузвельтом состоялась на следующий день в Белом доме. Заместитель государственного секретаря подробно поведал президенту о своем пребывании в европейских столицах и сущности проведенных им бесед. Подводя общий итог, Уэллес резюмировал: “Я не вижу, что кто-либо в посещенных мною странах способен переломить сложившуюся ситуацию... и не вижу даже малого шанса для проведения переговоров об установлении долговременного мира”⁶⁰⁶.

Оповещая общественность о завершении миссии С. Уэллеса, президент США Ф. Рузвельт выступил со специальным заявлением. В нем, в частности, отмечалось: “Информация, которую Уэллес получил от глав правительств посещенных им стран, будет представлять великую ценность для нашей администрации в плане выстраивания общей внешнеполитической линии... Я рад

⁶⁰³ FRUS. 1940. Volume 1. P. 110-113.

⁶⁰⁴ Ciano G. Op. cit. P. 224.

⁶⁰⁵ Moffat J.P. Op. cit. P. 304.

⁶⁰⁶ FRUS. 1940. Volume 1. P.116.

говорить о том, что результат миссии Уэллеса заключается в прояснении отношений США с посещенными им странами»⁶⁰⁷.

Таким образом, турне заместителя государственного секретаря, в ходе которого был собран богатый фактический материал, способствовало складыванию у американского руководства целостного представления о сущности европейской обстановки. В этом смысле правомерно утверждать, что задекларированная задача миссии Уэллеса была выполнена. На основе полученной информации Соединенным Штатам предстояло выработать обновленный подход к европейской войне.

Говоря об американо-германских отношениях в феврале-марте 1940 г. и миротворческих инициативах Вашингтона, необходимо также осветить берлинскую миссию Дж. Муни, в целом совпавшую по времени с турне С. Уэллеса.

24 января 1940 г. у Дж. Муни состоялась встреча с Ф. Рузвельтом, в ходе которой президент предложил бизнесмену отправиться в Европу с неофициальным визитом для сбора сведений о целях воюющих государств и условиях, на которых они готовы начать обсуждение урегулирования ситуации⁶⁰⁸.

Видимо, это предложение Рузвельта явилось следствием его предыдущей встречи с Муни, проведенной в Белом доме 22 декабря 1939 г. В тот день Муни поведал президенту о своем пребывании в Европе в течение предшествовавших месяцев и сущности бесед с немецкими и британскими политиками. Рузвельт, ознакомившись с сообщением Муни, тогда заявил ему, что хотел бы отказа Германии от своих амбиций относительно мирового доминирования, не исключив того, что мог бы выступить в роли посредника для восстановления мира⁶⁰⁹.

Сотрудники государственного департамента, в свою очередь, отрицательно отнеслись к очередной поездке Муни в Европу. Видимо, это было связано с опасениями осложнений, которое могли возникнуть в связи с одновременным

⁶⁰⁷ U.S. State Department. Peace & War. United States Foreign Policy 1931-1941. Washington, 1943. P. 515.

⁶⁰⁸ Turner H.A. Op. cit. P. 115.

⁶⁰⁹ Ibid. P. 114-115.

пребыванием в европейских столицах двух независимых друг от друга американских эмиссаров – официального и неофициального. Однако, после получения информации о том, что миссия Муни санкционирована президентом, госдепартамент смягчил настрой⁶¹⁰.

Прибыв в Берлин в середине февраля, Муни направил рейхсканцлеру Германии А. Гитлеру прошение о встрече. В нем, в частности, отмечалось: “Народ моей страны считает, что война неизбежно окончится большими бедствиями для Европы и будет иметь очень серьезные последствия для Америки. Также я знаю, что Вы... принадлежите к той группе европейцев, которая считает, что начавшаяся война – плохой путь исправления многих международных политических и экономических ошибок, совершенных с 1914 года, и на этом основании я бы хотел обсудить с Вами всю эту проблему в целом”⁶¹¹.

Поскольку Муни действовал как неофициальное лицо и не был уверен в том, что получит от фюрера согласие на встречу, он установил контакт с Г. Вольтатом и Г. Дикгофом и продемонстрировал им подписанное Рузвельтом письмо, в котором президент желал Муни удачи и выражал готовность встретиться с ним по его возвращении из Европы. Вольтат и Дикгоф со вниманием отнеслись к этому факту; через некоторое время при их посредничестве состоялась встреча Муни с министром иностранных дел И. фон Риббентропом. Риббентроп попытался выведать у Муни цель его прибытия, но американец ответил, что он рассчитывает на личную беседу с Гитлером. Риббентроп дал понять, что займется ее организацией⁶¹².

В итоге Муни был принят Гитлером 4 марта, спустя два дня после встречи фюрера и С. Уэллеса. Муни передал рейхсканцлеру, что Рузвельт с теплотой вспоминает детские годы, проведенные им в Германии⁶¹³ и на самом деле относится к Берлину гораздо лучше, чем принято считать в немецкой столице.

⁶¹⁰ Ibid. P. 116.

⁶¹¹ Turner H.A. Op. cit. P. 117.

⁶¹² Ibid.; Billstein R. Op. cit. P. 43.

⁶¹³ В детские годы Ф. Рузвельт часто бывал с родителями в европейских государствах, в том числе в Германии, где выучил немецкий язык.

После этого бизнесмен заявил, что президент США готов оказать помощь в проведении мирных переговоров, если имеются предпосылки к их организации⁶¹⁴.

Гитлер, в свою очередь, вновь выступил с привычной риторикой – он отрицал какую-либо ответственность за развязывание войны и настаивал, что единственным вариантом ее окончания должен стать отказ Британии и Франции от их цели уничтожения Германии, сопровождающийся прекращением дискриминации немецкой торговли в их колониальных империях, а также возвратом колоний, отторгнутых от Германии после Первой мировой войны. Наряду с этим, фюрер отметил, что у Германии и Соединенных Штатов нет никаких причин для конфронтации.

Муни покинул Рейхсканцелярию с чувством, что ему удалось достичь ощутимого прогресса на пути к прекращению войны. Он, однако, упустил из вида, что Гитлер не выразил готовности идти на какие бы то ни было уступки и ни словом не обмолвился относительно возможного посредничества Рузвельта в установлении мира⁶¹⁵.

В тот же день состоялась встреча Дж. Муни и Г. Дикгофа, после которой немецкий дипломат заключил: «Я не верю, что почин Муни несет существенную значимость, поскольку он исходит из ошибочной, пусть и несомненно искренней, трактовки отношения Рузвельта к Германии... Нам доподлинно известно, что на самом деле Рузвельт думает о Германии... Если какая-либо американская инициатива и может привести к результату, то это будет миссия Уэллеса, но не Муни»⁶¹⁶.

Спустя несколько дней состоялась встреча Дж. Муни и Г. Геринга, в ходе которой рейхсмаршал настаивал, что именно Лондон должен сделать первый шаг к установлению мира⁶¹⁷.

Выполнив свою берлинскую программу, неофициальный эмиссар президента США направился в Рим. С 11 по 15 марта он составил пять

⁶¹⁴ Хайэм Ч. Указ. соч. Стр. 195.

⁶¹⁵ Turner H.A. Op. cit. P. 118-119. Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Teil 1: Vertrauliche Aufzeichnungen über Unterredungen mit Vertretern des Auslandes 1939-1941 (Hrsg. von A. Hillgruber). Frankfurt-am-Main, 1967. S. 80-86.

⁶¹⁶ DGFP. Series D. Volume 8. P. 865-866.

⁶¹⁷ Turner H.A. Op. cit. P. 118-119.

пространных писем о своих действиях в Германии и направил их Рузвельту. В них Муни отмечал “теплый отклик немецких лидеров на личный интерес президента Соединенных Штатов к проблеме” и их готовность к сотрудничеству “в разрешении нынешних трудностей ради установления более справедливого политического и экономического мирового устройства”. Муни уверял, что Рузвельт является единственным в мире человеком, способным остановить войну⁶¹⁸.

Тем не менее, ответ президента на высланные письма задерживался. Вследствие этого Муни отправил своего помощника У. Вахтлера в США с их копиями, а сам остался в Риме ожидать развития событий.

С нашей точки зрения, причина медлительности реакции Ф. Рузвельта на сообщения Дж. Муни коренилась в том, что президент не спешил отвечать на них до ознакомления с официальным отчетом С. Уэллеса.

Достаточно пессимистический, но при этом обстоятельный и взвешенный доклад заместителя государственного секретаря о положении дел в Европе еще более убавил президентский интерес к поиску возможностей для мирных переговоров. Следствием этого стала лишь краткая благодарность, направленная Рузвельтом в начале апреля в ответ на позитивные сообщения Муни⁶¹⁹.

Характеризуя миссию Самнера Уэллеса и ее роль в американо-германских отношениях, следует отметить, что она вполне укладывалась в рамки общей нейтралистской линии внешней политики Соединенных Штатов, которая “проводила миролюбивые цели, но использовала для их достижения малоэффективные средства”⁶²⁰. Как представляется, миссия Уэллеса в первую очередь действительно была нужна руководству США для получения объективной информации о состоянии дел в Европе, что, несомненно, облегчило бы дальнейший процесс принятия внешнеполитических решений.

⁶¹⁸ James Mooney to FDR. 11-15 March 1940. Italy. Box 3. Folder 36. PSF. FDRL.

⁶¹⁹ Turner H.A. Op. cit. P. 120.

⁶²⁰ Наджафов Д.Г. Нейтралитет США, 1935-1941 гг. М., 1990. Стр. 129.

На наш взгляд, миссия Уэллеса оказала свое влияние на руководство нацистской Германии в том смысле, что она сподвигла Гитлера пойти на сближение с Муссолини, который, в силу ряда причин, весьма позитивно воспринял этот шаг фюрера. Таким образом, если в Вашингтоне и существовали мысли о том, что Уэллесу удастся повлиять на руководство Италии и склонить его к ослаблению зависимости от Германии и принятию миролюбивой позиции, следует заключить, что они не оправдались. Более того, Третий рейх во многом вследствие пребывания американского представителя в Европе и неясности его истинных целей счел необходимым укрепить союз с Италией, гарантировав себя от возможной утраты союзника и необходимости пересматривать долгосрочные стратегические планы установления континентального доминирования.

Миссию Уэллеса следует рассматривать как одну из заключительных попыток “умиротворения” нацистской Германии со стороны Соединенных Штатов. Ее осуществление отвечало интересам Вашингтона, стремившегося воспрепятствовать упрочению связей европейских ревизионистских держав, а также, по возможности, оттянуть решительное немецкое наступление на Западе.

Несмотря на то, что повлиять на позицию Берлина не удалось, Уэллес за время пребывания в Европе собрал множество важных сведений о ситуации в Старом свете и, по сути, прояснил все интересовавшие Вашингтон вопросы. Заявленный им Рузвельту вывод о невозможности прекращения войны в значительной степени повлиял на определение актуальных внешнеполитических приоритетов Соединенных Штатов. Руководству страны становилась все более очевидной перспектива затяжной европейской войны, которая неизбежно затронет американские интересы и окажет значительное влияние на международный баланс сил.

§3. Капитуляция Франции и становление англо-американской антигитлеровской коалиции

Миссия С. Уэллеса не смогла, да и не могла повлиять на руководство Третьего рейха и склонить его к отказу от своих захватнических амбиций. Нацистская Германия продолжила курс на осуществление своей агрессивной внешнеполитической линии. Рано утром 9 апреля 1940 г. немецкие войска начали высадку на побережье Норвегии и Дании. Таким образом, война приняла еще больший масштаб, распространившись на государства Северной Европы.

Соединенные Штаты восприняли этот факт весьма негативно. Уже на следующий день поверенный в делах Германии в США Г. Томсен доложил И. фон Риббентропу, что “американская общественность шокирована действиями Германии в Скандинавии и осуждает их” и что “лидерские позиции Рузвельта окрепли”⁶²¹.

Исходя из происходивших в Европе событий, Ф. Рузвельт 10 апреля специальной прокламацией более чем вдвое расширил границы зоны боевых действий вокруг Британских островов, а также подтвердил сохранность размещенных в США норвежских и датских активов, которые были оперативно “заморожены” министерством экономики⁶²².

Вскоре внимательно следивший за ситуацией в Соединенных Штатах Г. Томсен сообщил, что “отношение к Германии существенно ухудшилось даже среди изоляционистов. Это характерно для всей страны, но, в особенности, для Среднего Запада, где силен скандинавский элемент”⁶²³. Подобная оценка весьма наглядно подтверждалась данными статистических опросов, проведенных институтом Гэллапа: 93 % американцев считали нацистское нападение на Данию и Норвегию “ничем не оправданным”⁶²⁴.

В связи с немецкой агрессией в Скандинавии следует упомянуть про сравнительно малоизвестный, но достаточно примечательный в психологическом

⁶²¹ DGFP. Series D. Volume 9. P. 118-119.

⁶²² The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1940 Volume. P. 127-134; Wilkins M. The History of Foreign Investment in the United States, 1914-1945. Harvard, 2004. P. 452.

⁶²³ DGFP. Series D. Volume 9. P. 206.

⁶²⁴ The Gallup Poll. Public Opinion 1935-1971. Volume 1. N.Y., 1972. P. 220.

отношении эпизод – гитлеровские воздушные атаки на Норвегию повлекли первую в ходе Второй мировой войны смерть гражданина Соединенных Штатов, обладавшего статусом официального лица. 21 апреля в результате нацистской бомбардировки норвежской территории в районе населенного пункта Думбос был убит капитан Р. Лоуси, занимавший пост военно-воздушного атташе США в скандинавских государствах⁶²⁵. Соединенные Штаты, однако, отреагировали на это событие весьма сдержанно и не предъявили Третьему рейху никаких претензий.

Тем временем нацистская Германия перешла к дальнейшему вооруженному наступлению на европейские государства. 10 мая началось вторжение немецких войск в Голландию, Бельгию и Люксембург.

В тот же день Ф. Рузвельт выступил с речью, в которой в декларативной манере осудил очередной акт немецкой агрессии⁶²⁶. Министерство экономики США откликнулось на события в Европе, “заморозив” активы подвергшихся нападению государств, находившиеся в американских банках⁶²⁷. Данная мера была предпринята для исключения возможности их будущего использования нацистами. Видимо, это действие дало повод вернувшемуся в США Дж. Дэвису⁶²⁸ в беседе с К.А. Уманским выразить мнение, что позиция его страны может быть скорее определена как позиция страны “невоюющей”, нежели нейтральной⁶²⁹.

11 мая ввиду осложнения европейской обстановки у военного атташе Германии в США Ф. фон Беттихера состоялась беседа с высокопоставленными чиновниками американского оборонительного ведомства, по итогам которой он сообщил в Берлин, что вступление США в войну будет исключено до тех пор, пока Вашингтон не будет ощущать прямую угрозу Западному полушарию. Тем не менее, при этом он констатировал, что в американском генштабе произошло

⁶²⁵ New York Times, 23.04.1940.

⁶²⁶ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1940 Volume. P. 184-188.

⁶²⁷ Wilkins M. Op. cit. P. 454.

⁶²⁸ С конца 1939 г. Дж. Дэвис работал на посту помощника государственного секретаря США.

⁶²⁹ Дневник К.А. Уманского. Беседа с Джозефом Дэвисом. 10 мая 1940 г. АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 24. Папка 138а. Д. 5. Л. 2.

существенное ухудшение отношения к Германии вследствие расширения географии ее агрессии в Старом свете⁶³⁰.

Действительно, продвижение сил вермахта по Европе было весьма стремительным: 13-14 мая немецкие войска, пройдя южную часть Бельгии, вышли на франко-бельгийскую границу. Таким образом, над Францией, являвшейся основным континентальным союзником Соединенных Штатов, нависла серьезнейшая военная угроза.

13 мая премьер-министр Франции П. Рейно⁶³¹, постепенно начавший осознавать масштаб опасности, решил осуществить попытку склонить Соединенные Штаты к предметному сотрудничеству. Через американского посла У. Буллита П. Рейно обратился к Ф. Рузвельту с просьбой предоставить некоторому числу молодых французских авиаторов пройти летную подготовку в США⁶³². Как представляется, данная инициатива была крайне запоздалой и даже в случае ее теоретической реализации не могла обусловить оперативный эффект.

Однако, в любом случае, просьба Рейно не была удовлетворена – отвечая, Рузвельт указал на то, что “подобное соглашение в настоящее время скомпрометировало бы нейтральный статус США” и предложил Рейно направлять летчиков в Канаду⁶³³.

15 мая обеспокоенный развитием ситуации глава французского правительства отправил Рузвельту телеграмму, в которой умолял президента “послать хотя бы 70 самолетов, погрузив их на стоявший в нью-йоркском порту французский корабль”. Кроме того, он просил танки, “пусть даже самых устарелых типов”⁶³⁴.

Вскоре Рузвельт поручил Хэллу дать очередной отрицательный ответ на просьбу Парижа. Государственный секретарь известил Рейно, что отправить самолеты не представляется возможным, поскольку по международному праву “военный корабль не может увеличивать свою боевую мощь в нейтральных

⁶³⁰ DGFP. Series D. Volume 9. P. 329-330.

⁶³¹ Поль Рейно (1878-1966) – французский политический деятель, премьер-министр Франции в период с 21 марта по 16 июня 1940 г.

⁶³² FRUS. 1940. Volume 1. P. 217-218.

⁶³³ Ibid. P. 219-220.

⁶³⁴ Ibid. P. 223.

портах”. В телеграмме Буллиту Хэлл был более откровенным, назвав обращение Рейно “глупым”⁶³⁵.

В свою очередь, поверенный в делах Германии в США Г. Томсен в те же дни отмечал, что “расширение войны... произвело глубокое впечатление на администрацию и общественность США”⁶³⁶. Действительно, результаты проводившихся в мае 1940 г. институтом Гэллапа социологических опросов отобразили весьма интересную картину: 51 % респондентов полагал, что в результате расширения нацистской агрессии Соединенные Штаты рано или поздно присоединятся к войне; в то же время, 93 % американцев возражали против войны с Германией и отправки войск в Европу⁶³⁷. Подобный расклад свидетельствовал об осознании значительным числом граждан США потенциальной гитлеровской опасности для их страны; тем не менее, он же подтверждал, что в американском обществе по-прежнему очень сильны изоляционистские настроения.

16 мая Ф. Рузвельт, явно обеспокоенный ситуацией в Европе, выступил перед Конгрессом и потребовал ассигновать более миллиарда долларов на развитие и комплектование военно-воздушных сил страны. При этом Рузвельт обозначил, что нападение с воздуха на американскую территорию вполне вероятно и “припугнул” Конгресс печальной участью страны в случае, если американская промышленность не будет производить 50000 самолетов и 100000 моторов ежегодно. Конгресс, впечатленный доводами Рузвельта, выделил запрошенную сумму, тем самым воплотив стремление президента к необходимости наращивания обороноспособности США⁶³⁸.

Оценивая произошедшее, Г. Томсен отметил: “Сегодняшнее выступление Рузвельта перед Конгрессом, возможно, является первым шагом на пути к дальнейшему перевооружению... в результате пропаганды многие американцы начинают верить в угрозу германской атаки на Западное полушарие после поражения Англии и Франции. Эти необъективные и наивные взгляды изо дня в

⁶³⁵ Ibid. P. 226.

⁶³⁶ DGFP. Series D. Volume 9. P. 339.

⁶³⁷ The Gallup Poll, 1935-1971. Volume 1: 1935-1948. N.Y., 1972.. P. 224, 226.

⁶³⁸ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1940 Volume. P. 198-213.

день преподносятся на страницах прессы... Было бы весьма полезно выступить с официальным заявлением... что мы не заинтересованы в колониальных владениях Англии и Франции в Западном полушарии, а также неизменно будем уважать суверенитет латиноамериканских государств”⁶³⁹.

В тот же день Ф. фон Беттихер передал в Берлин свою оценку, согласно которой “политические махинаторы и евреи стремятся настроить американцев против Германии двумя способами. Первый заключается в том, что Германия захватит Гренландию, Бермудские острова, Азорские острова, Кабо-Верде, получит английские и французские владения в Карибском море, создаст угрозу Панамскому каналу и будет оказывать определяющее влияние на южноамериканские государства, настраивая их против Вашингтона. Второй же состоит в том, что “рейх продолжает внедрять в Соединенные Штаты своих секретных агентов и шпионов”⁶⁴⁰.

Таким образом, видно, сколь сосредоточенным было внимание немецких дипломатов к развитию обстановки в США. В то же время, сущность оценок (особенно, у Беттихера), сводившаяся к тому, что американцы подвергаются интенсивной пропагандистской обработке, соответствовала действительности в незначительной степени. Стремление Соединенных Штатов к выстраиванию мощной оборонительной системы диктовалось в первую очередь самой Германией, вернее, ширившимися агрессивными действиями с ее стороны.

Тем временем, 18 мая премьер-министр Франции П. Рейно встретился с У. Буллитом. Рейно выразил отчаянную просьбу о том, чтобы США объявили войну Германии или хотя бы поддержали Париж, заявив, что “поражение Англии и Франции затронет жизненно важные интересы США”⁶⁴¹.

Буллит, ответивший, что такой вариант представляется крайне маловероятным, не ошибся – во время состоявшегося вскоре телефонного разговора Рузвельт заявил послу, что позиция администрации остается

⁶³⁹ DGFP. Series D. Volume 9. P. 350-351.

⁶⁴⁰ Ibid. P. 352-354.

⁶⁴¹ FRUS. 1940. Volume 1. P. 229.

неизменной и что письменное обращение с указанными просьбами, с которым Рейно намеревался обратиться в Белый дом, “нежелательно”⁶⁴².

В связи с этим представляется правомерным отметить, что через несколько дней У. Буллит сообщил, что он каждый день сотнями получает письма от французских граждан, умоляющих убедить администрацию США помочь Франции “не просто выражением симпатии, но и вооруженными силами”⁶⁴³. Впрочем, несмотря как на обращения Рейно, так и на мольбы рядовых граждан, Соединенные Штаты, осознававшие бедственное положение Франции, принципиально не собирались расставаться со статусом нейтральной державы.

По словам немецкого военного атташе в Соединенных Штатах Ф. фон Беттихера, постепенно это начало приводить к тому, что “американцы начали мириться с идеей о поражении Франции и Англии и, пожалуй, даже с крушением Британской империи”⁶⁴⁴. Данная оценка представляется преувеличенной; тем не менее, перспектива падения Франции действительно выглядела с другой стороны Атлантики практически неизбежной.

Ссылаясь на “почти невероятные события двух последних недель войны в Европе”, 31 мая Ф. Рузвельт заявил о необходимости дальнейшего расширения национальной военной программы⁶⁴⁵. Конгресс поддержал доводы президента и ассигновал на оборонительные цели значительную сумму, составлявшую 1,7 миллиарда долларов. Таким образом, Рузвельт, исходя из общей европейской обстановки и распространявшейся в географическом отношении нацистской агрессии, проявил себя как политик, умело воспользовавшийся моментом в государственных интересах США.

В отношении Франции, явно уступавшей гитлеровскому натиску, Соединенные Штаты ограничились лишь декларативной акцией поддержки. 9 июня, когда силы вермахта уже заметно углубились на французскую территорию, посол США У. Буллит с группой французских политиков и архиепископом Парижа отправился из столицы в расположенную в Лотарингии

⁶⁴² Ibid. P. 232.

⁶⁴³ Ibid.

⁶⁴⁴ DGFP. Series D. Volume 9. P. 352-354.

⁶⁴⁵ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1940 Volume. P. 250-253.

деревню Домреми⁶⁴⁶. Там от имени Рузвельта он возложил к памятнику Жанне д'Арк букет белых роз и произнес речь о “немецких жестокости и зверствах”, в конце которой выразил надежду на французскую победу.

Стоит отметить, что это необычное в условиях войны действие было осуществлено за 5 дней до падения Парижа и за сутки до того, как в Домреми вошли немецкие войска⁶⁴⁷.

Совсем скоро положение Франции еще более осложнилось, приблизившись к критическому рубежу – 10 июня ей объявила войну фашистская Италия. Немецкий рейхсканцлер А. Гитлер был весьма доволен произошедшим и незамедлительно поздравил Б. Муссолини с этим событием⁶⁴⁸.

Реакция США на присоединение Италии к войне была заявлена президентом страны Ф. Рузвельтом на следующий день во время речи в Вирджинском университете (город Шарлотсвилл), куда он прибыл по случаю получения его сыном диплома об окончании данного учебного заведения. Президент отметил, что Соединенные Штаты будут продолжать помогать Франции и Англии, а также наращивать собственную мощь. Также он недвусмысленно дал понять, что в текущий момент внутривластные интересы США подчиняются внешней политике, подчеркнув при этом, что улучшение социальной и экономической жизни американцев “является составной частью национальной обороны”⁶⁴⁹. Комментируя итальянскую агрессию в отношении Франции, президент произнес ставшую впоследствии знаменитой фразу: “Рука, державшая кинжал, ударила им в спину соседа”⁶⁵⁰.

Тем временем, 14 июня немецкие войска вступили в Париж. Премьер-министр П. Рейно, находившийся в городе Тур, даже тогда продолжал сохранять свои иллюзии в отношении США. В тот день он писал Рузвельту: “Единственный шанс спасения французской нации... станет реальным лишь в том случае, если

⁶⁴⁶ Домреми – место рождения национальной героини Франции Жанны д'Арк.

⁶⁴⁷ Спивак Л.Ю. Уильям Буллит. Одиночество дипломата. Нижний Новгород, 2011. Стр. 139.

⁶⁴⁸ DGFP. Series D. Volume 9. P. 542-543.

⁶⁴⁹ Цит. по: Егорова Н.И. Указ. соч. Стр. 152.

⁶⁵⁰ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1940 Volume. P. 259-265.

Америка бросит на весы, и притом немедленно, всю свою мощь”⁶⁵¹. По сути, Рейно вновь, пусть и в форме намека, призывал Вашингтон к военному вмешательству в европейский конфликт.

На следующий день Рузвельт вежливо ответил, что “американский народ с восхищением следит за несравненным мужеством, проявляемым французскими армиями в борьбе с захватчиками”, добавив, что США не могут принять на себя какие-либо военные обязательства⁶⁵².

Комментируя этот обмен посланиями между Рейно и Рузвельтом, бывший посол Германии в Соединенных Штатах Г. Дикгоф впоследствии отмечал, что “он отразил беспомощность США”⁶⁵³. С нашей точки зрения, более корректно говорить о нежелании Вашингтона связывать себя обязательствами и непосредственно присоединяться к военному противостоянию, шедшему на другом континенте. Тем более, прямых предпосылок к этому, даже ввиду максимально приблизившегося краха Франции, не существовало.

Касаясь оценок, заявленных немецкой дипломатией в те дни, следует упомянуть, что статс-секретарь немецкого министерства иностранных дел Э. фон Вайцеккер указал поверенному в делах Германии в США Г. Томсену: “Вступление в войну Италии и коллапс Франции являются провалом внешней политики США и ударом по престижу страны” и рекомендовал распространять эту точку зрения среди представителей американского истеблишмента⁶⁵⁴.

Становившееся очевидным поражение Франции побуждало государственный департамент к тому, чтобы обозначить свою позицию в отношении европейских колониальных владений, расположенных в Западном полушарии, предупредив тем самым возможные действия Третьего рейха в их отношении.

17 июня государственный секретарь К. Хэлл подчеркнул, что Соединенные Штаты не признают переход каких бы то ни было территорий в Западном

⁶⁵¹ FRUS. 1940. Volume 1. P. 253

⁶⁵² Ibid. P. 255.

⁶⁵³ Dieckhoff H. Zur Vorgeschichte des Roosevelt-Krieges. Berlin, 1943. S. 22.

⁶⁵⁴ DGFP. Series D. Volume 9. P. 596-597.

полушарии из рук одного в руки другого неамериканского государства⁶⁵⁵. Соответствующие ноты были направлены Германии и Италии, а также французскому, британскому и голландскому правительствам. Кроме того, министерство экономики “заморозило” все французские активы, размещенные в американских банках⁶⁵⁶.

Отметим, что реакция Германии на декларацию Хэлла, хотя и не отличалась оперативностью, но была выдержана в формулировках, свидетельствовавших о заинтересованности Берлина в изоляционистской линии Вашингтона – 1 июля министр иностранных дел И. фон Риббентроп заявил, что правительство рейха “не понимает, зачем было нужно это заявление... у Германии нет владений на американских континентах, Германия не давала повода полагать, что у нее есть намерения заполучить эти владения... В то же время, такая трактовка доктрины Монро, согласно которой одни европейские страны могут владеть территориями в Западном полушарии, а другим это запрещено, несостоятельна. Правительство Германии еще раз хочет подчеркнуть, что невмешательство европейских государств в дела американского континента является оправданным только при условии того, что американские государства будут воздерживаться от вмешательства в дела Европы⁶⁵⁷”.

Отметим, что 17 июня администрация США также разослала американским республикам приглашение на встречу министров иностранных дел. Экстренность этого шага мотивировалась тем, что правительство Франции могло пойти на перемирие, условия которого будут включать продажу или приобретение Германией колоний Франции в Западном полушарии⁶⁵⁸.

В связи с этими действиями Вашингтона крайне интересной выглядит позиция, заявленная поверенным в делах США в Германии А. Кирком. Он направил в Вашингтон меморандум, в котором выразил мнение, что у нацистов отсутствуют планы по атаке Западного полушария. Помимо этого, он выдвинул предложение о том, что Соединенным Штатам следует выдвинуть лидерам

⁶⁵⁵ FRUS. 1940. Volume 2. P. 494.

⁶⁵⁶ Wilkins M. Op. cit. P. 454.

⁶⁵⁷ Ibid. P. 78.

⁶⁵⁸ FRUS. 1940. Volume 5. P. 180; Янчук И.И. Указ. соч. Стр. 54.

Германии, Италии, Великобритании и Франции конфиденциальное предложение об установлении мира. Согласно Кирку, оно должно было включать в себя положения о восстановлении границ Германии в пределах 1914 г., возвращение немецких колоний, эвакуацию сил вермахта из Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии и Франции, а также об ограничении вооружений и обновлении мировой экономической системы. Для решения этих вопросов должен быть сформирован совещательный орган. В случае, если это предложение будет отклонено, США должны заявить, что силовыми методами будут противостоять развитию европейской ситуации и разорвать дипломатические отношения с Германией и Италией⁶⁵⁹.

Впрочем, инициативы Кирка, не нашли не только поддержки, но и ответа вышестоящих дипломатов. Как представляется, переговорная форма разрешения противоречий уже не рассматривалась Вашингтоном в качестве оправданного средства борьбы с притязаниями гитлеризма.

Немецкая дипломатия в США в эти дни также проявляла заметную активность. 18 июня поверенный в делах Г. Томсен, сославшись на сообщения прессы, довел до сведения Берлина, что “американские секретные службы ведут расследования в отношении деятельности нашего генерального консула в Новом Орлеане К. фон Шпигеля, генерального консула в Сан-Франциско Ф. Видеманна, консула в Бостоне Г. Шольца, а также торгового советника посольства Г. Вестрика”⁶⁶⁰.

Тем не менее, на следующий день Томсен, невзирая на то что им же зафиксированное внимание американских органов безопасности к работе высокопоставленных немецких дипломатических работников, отчитался о деятельности посольства, направленной на разжигание в США изоляционистских настроений.

⁶⁵⁹ Alexander Kirk. Memorandum. 17 June 1940. Box 31. Diplomatic Correspondence, Germany: 1940-1941. PSF. FDRL.

⁶⁶⁰ DGFP. Series D. Volume 9. P. 604.

В первую очередь он сообщил, что изданием в США на английском языке “Германской Белой книги”⁶⁶¹ завершен первый этап пропагандистской кампании против “интервенционистской политики Рузвельта” и отметил, что значительное количество ее экземпляров разослано сенаторам, конгрессменам и журналистам, а десятки тысяч экземпляров находятся в свободной продаже. Кроме того, Томсен отметил, что поддерживаются постоянные контакты с “надежными” американцами и что на грядущий конвент Республиканской партии отправляются “около 50 конгрессменов, которые будут продвигать выгодные для Германии взгляды”⁶⁶².

Таким образом, в год важнейших президентских выборов нацистская Германия пыталась интенсифицировать свою пропагандистскую активность в Соединенных Штатах. Ее основная цель заключалась в стремлении понизить шансы Ф. Рузвельта на переизбрание⁶⁶³ и утвердить в американском истеблишменте представления о необходимости сохранения традиционных изоляционистских доктрин.

Заметной пропагандистской акцией Третьего рейха стала организация интервью А. Гитлера американскому журналисту К. фон Виганду⁶⁶⁴, состоявшегося 14 июня 1940 г. в штаб-квартире фюрера в бельгийском местечке Брюли-де-Пеш. В частности, Гитлер подчеркнул, что у Германии не было и нет никаких “территориальных и политических интересов на Американском континенте” и назвал “лжецами” тех, кто настаивал на обратном. Отвечая на вопрос о помощи, оказываемой Соединенными Штатами европейским демократиям, немецкий лидер заявил: “Она не повлияет на исход войны. Нет нужды перечислять причины этого”. Фюрер решительно отверг информацию о существовании в Америке “пятой колонны” нацизма, назвав ее “химерой,

⁶⁶¹ Сборник тенденциозно подобранных документов из захваченных Германией варшавских архивов, якобы доказывавших вину США за развязывание Второй мировой войны и разжигание в Польше антигерманских настроений. Первоначально был опубликован в Германии 29 марта 1940 г. и приобрел скандальную международную известность.

⁶⁶² DGFP. Series D. Volume 9. P. 624-626.

⁶⁶³ На тот момент Рузвельт еще официально не объявил о том, что будет баллотироваться на третий срок, но этот вариант был весьма вероятен.

⁶⁶⁴ Карл фон Виганд (1874-1961) – американский журналист и военный корреспондент немецкого происхождения. Работал в системе газетной корпорации У.Р. Херста. Был известен своими изоляционистскими убеждениями.

порожденной бессовестными пропагандистами”. Основной же посыл Гитлера заключался в том, что следование соответствующему доктрине Монро тезису “Америка – для американцев, Европа – для европейцев” будет являться наиболее подходящим *modus vivendi* Третьего рейха и Соединенных Штатов⁶⁶⁵.

Исходя из утверждений рейхсканцлера, правомерно заключить, что Германия стремилась повлиять на США, подстегнув за океаном изоляционистские настроения и, в то же время, ослабив активность интернационалистов. Кроме того, Гитлер отмечал, что Америке не стоит опасаться Германии, а также прозрачно намекал на то, что противостоявшие силам вермахта европейские государства обречены и что в интересах Соединенных Штатов прекратить оказание им помощи. Подобные заявления полностью отвечали стремлениям Берлина, рассчитывавшего создать в Вашингтоне иллюзию безопасности и навязать американской администрации инертную внешнеполитическую линию.

Рузвельт, однако, действовал в ином направлении. 19 июня он назначил на ответственные посты военного министра и военно-морского министра двух известных республиканцев-интернационалистов Г. Стимсона⁶⁶⁶ и Ф. Нокса⁶⁶⁷, тем самым избавившись от изоляционистски настроенных членов администрации Г. Вудринга и Ч. Эдисона⁶⁶⁸. Этот шаг был выгоден сразу в нескольких отношениях – ключевые ведомства получали опытных руководителей, а сам Рузвельт обретал единомышленников среди руководства армии и флота.

Тем временем, 22 июня в Компьенском лесу было заключено франко-германское перемирие, согласно которому Германия оккупировала 2/3 территории Франции⁶⁶⁹. В тот же день Г. Геринг в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану поручил министру экономики В. Функу провести предварительные работы по включению оккупированных и присоединенных к

⁶⁶⁵ *Völkischer Beobachter*. 16.06.1940, Никитин В.А. Указ. соч. Стр. 73, Fischer K. Op. cit. P. 121-122.

⁶⁶⁶ Генри Стимсон (1867-1950) – американский военный и государственный деятель; государственный секретарь США в 1929-1933 гг., военный министр в 1911-1913 и 1940-1945 гг.

⁶⁶⁷ Франклин Уильям Нокс (1874-1944) – американский государственный деятель, кандидат в вице-президенты США от Республиканской партии в 1936 г., военно-морской министр США в 1940-1944 гг.

⁶⁶⁸ Егорова Н.И. Указ. соч. Стр. 160.

⁶⁶⁹ DGFP. Series D. Volume 9. P. 671-676.

рейху территорий в экономику Германии, установлению новой структуры континентальной экономики, руководимой Германией, а также экономической борьбе с вражескими государствами⁶⁷⁰.

Данное событие имело негативное значение для Соединенных Штатов. Вашингтон утратил важнейшего континентального союзника и столкнулся с еще более мощной в военно-промышленном отношении нацистской Германией, не скрывавшей своих агрессивных амбиций. С. Уэллес отмечал, что “американцы были шокированы пониманием надвигающейся опасности”⁶⁷¹. В таких условиях ключевым направлением американской внешней политики неизбежно должна была стать Великобритания – европейская держава, правительство которой 10 мая 1940 г. возглавил убежденный противник гитлеризма У. Черчилль.

Капитуляция Франции побуждала Соединенные Штаты к поиску новых путей предоставления помощи Великобритании, которая, в свете произошедших событий, фактически осталась единственным европейским государством, активно противостоявшим немецкому натиску.

Следует отметить, что 11 июня, то есть еще за две недели до падения Франции, военно-морской атташе США в Лондоне Алан Кирк выступил с тревожной оценкой, согласно которой “немцы вторгнутся в Великобританию, которая готова к обороне не более, чем Лонг-Айленд”⁶⁷², до 1 августа”⁶⁷³. Помощник государственного секретаря Б. Лонг⁶⁷⁴ 13 июня также отмечал, что не исключает падения Британии в течение месяца⁶⁷⁵. Подобный пессимизм в оценках, выразившийся компетентными официальными лицами, не мог не служить поводом для беспокойства как администрации, так и интернационалистов Конгресса.

⁶⁷⁰ Анатомия агрессии. Новые документы о роли германского монополистического капитала во второй мировой войне. М., 1975. Стр. 91-92.

⁶⁷¹ Welles S. Op. cit. P. 149.

⁶⁷² Лонг-Айленд – остров, на котором расположены нью-йоркские округа Квинс и Бруклин.

⁶⁷³ Цит. по: Doenecke J. Storm on the Horizon: the Challenge to American Intervention, 1939-1941. Lanham, 2000. P. 105.

⁶⁷⁴ Брекинридж Лонг (1881-1958) – помощник государственного секретаря США в 1940-1944 гг.

⁶⁷⁵ Long B. The War Diary of Breckinridge Long. Lincoln, 1966. P. 105.

Исходя из складывавшейся ситуации, сенатор-демократ М. Шеппард 10 июня предложил узаконить возможность предоставления “списанных или избыточных видов оружия и техники государствам, испытывавшим в них нужду”⁶⁷⁶. Основная цель билля Шеппарда заключалась в том, чтобы обеспечить основание для передачи Великобритании нескольких десятков устаревших американских эсминцев времен Первой мировой войны.

У. Черчилль просил Ф. Рузвельта предоставить Великобритании эсминцы еще 15 мая 1940 г., но получил тогда от президента США отказ, связанный с отсутствием юридических предпосылок к осуществлению этой просьбы⁶⁷⁷. Дело в том, что в Соединенных Штатах с 1917 г. существовал закон, который запрещал передачу американских военных судов иным государствам, вовлеченным в боевые действия.

2 июля билль Шеппарда был принят значительным большинством голосов⁶⁷⁸. Его особенность заключалась в том, что военные суда могли быть предоставлены иностранному государству, если руководитель штаба ВМФ “признает факт их передачи не несущим угрозы безопасности страны”⁶⁷⁹.

В то же время, следует указать, что 6 июля Ф. Рузвельт в письме Г. Икесу отметил, что, соглашаясь на предоставление эсминцев Великобритании, он не может не задумываться о возможности ее поражения, вследствие которого корабли перейдут к Германии и будут затем использованы против самих Соединенных Штатов⁶⁸⁰. Впрочем, у бывшего посла США в Берлине Хью Вильсона существовало иное мнение относительно перспектив столкновения с нацистской угрозой – в письме к государственному секретарю К. Хэллу он утверждал, что атака на Соединенные Штаты или Западное полушарие не входит в планы Гитлера⁶⁸¹.

Также имеет смысл упомянуть, что 6 июля в немецком Штабе руководства морской войной был составлен меморандум, в котором выдвигалось

⁶⁷⁶ Цит. по: Tansill Ch. Op. cit. P. 595.

⁶⁷⁷ Churchill and Roosevelt: the Complete Correspondence (Ed. by W. Kimball). Princeton, 1984. Volume 1. P. 37, 39.

⁶⁷⁸ Tansill Ch. Op. cit. P. 595.

⁶⁷⁹ Bailey Th., Ryan P. Op. cit. P. 89.

⁶⁸⁰ Цит. по: Reynolds D. Lord Lothian and Anglo-American Relations, 1939-1940. Philadelphia, 1983. P. 25.

⁶⁸¹ Wilson H. Op. cit. P. 105.

предположение о том, что “Великобритания будет искать помощи Соединенных Штатов, которые заинтересованы в сохранении ее сильных позиций, вследствие чего США неизбежно станут противником Германии”⁶⁸². В этом документе отсутствовали какие-либо выкладки о перспективах возможного столкновения с американской стороной; скорее, в нем констатировалось, что сближение Лондона и Вашингтона не антигерманской основе с большой долей вероятности повлечет за собой обретение Берлином нового врага в лице могущественной заокеанской державы.

19 июля Рузвельт произнес в радиоэфире речь, во время которой официально заявил, что будет баллотироваться на президентский пост третий раз подряд. При этом, представляя свою внешнеполитическую программу, он подверг жесткой критике диктаторские режимы, “стремящиеся к уничтожению демократии, в том числе и нашей”⁶⁸³, обозначив тем самым свою непреклонность в деле противостояния гитлеризму.

Весьма показательно, что в этот же день глава Белого дома подписал одобренный Конгрессом законопроект о “флоте двух океанов”⁶⁸⁴, предусматривавший строительство 13 линейных кораблей и линейных крейсеров, 18 авианосцев, 27 крейсеров, 115 эсминцев, 43 подводных лодок и 15000 самолетов палубной авиации, а также патрульных, эскортных и малых кораблей других классов⁶⁸⁵. Принятое решение означало расширение американских ВМС почти на 70 %⁶⁸⁶. Подобный шаг говорил о стремлении Соединенных Штатов обладать военно-морскими силами, способными в случае необходимости противостоять как Японии на Тихом океане, так и Германии в Атлантике.

⁶⁸² Цит. по: Hillgruber A. Der Faktor Amerika in Hitlers Strategie 1938 – 1941//Nationalsozialistische Aussenpolitik. Darmstadt, 1978. S. 507.

⁶⁸³ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1940 Volume. P. 301-302.

⁶⁸⁴ Билль о “флоте двух океанов” разрабатывался при участии главы штаба ВМФ США Г. Старка и был внесён на рассмотрение Конгресса председателем комитета Палаты представителей по военно-морским делам К. Винсоном 17 июня 1940 г. Представлял собой рассчитанную на несколько лет программу существенного расширения военно-морских сил Соединенных Штатов, стоимость осуществления которой равнялась 4 миллиардам долларов.

⁶⁸⁵ История Второй мировой войны. Т. 3. М., 1974. Стр. 192; Konstam A. Naval Miscellany. Oxford, 2010. P. 204.

⁶⁸⁶ Рассчитано по: Шведе Е.Е. Военные флоты 1939-1940 гг. Справочник по военно-морским флотам иностранных государств. М.-Л., 1940. Стр. 4-5; World War II in the Pacific: an Encyclopedia (Ed. by St. Sandler). N.Y.-L., 2001. P. 732.

Выступление Рузвельта, естественно, не осталось незамеченным в Третьем рейхе – комментируя его, Г. Дикгоф употребил достаточно категоричные выражения: он расценил речь главы Белого дома как “проявление внешнеполитического эксгибиционизма” и указал на “фанатичную ненависть президента к тоталитарным странам – прежде всего, Германии и Италии”⁶⁸⁷.

Вскоре произошло очередное важное событие – 24 июля Ф. Рузвельт, Ф. Нокс и У. Черчилль в результате консультаций и интенсивного обмена посланиями договорились о заключении соглашения, предусматривавшего передачу Лондону необходимых ему эскадренных миноносцев в обмен на право организации в ряде расположенных в Западном полушарии английских владений морских и военно-воздушных баз Соединенных Штатов⁶⁸⁸. Обеим сторонам предстояло выработать окончательные условия данного соглашения.

Заинтересованность США в решении вопроса о статусе европейских колониальных владений в Западном полушарии обусловила проведение с 21 по 30 июля 1940 г. в столице Кубы Гаванской конференции министров иностранных дел американских республик. Соединенные Штаты на ней представлял государственный секретарь К. Хэлл.

Следует отметить, что внимание Германии к этому мероприятию, анонсированному 17 июня, было весьма острым. Спустя три дня после объявления о проведении форума начальник политического отдела министерства иностранных дел Третьего рейха Э. Верманн разослал всем немецким дипломатическим миссиям в Латинской Америке циркуляр, в котором предписывал их сотрудникам “проинформировать правительства стран пребывания о нашем ожидании того, что конференция не примет постановлений, прямо или косвенно направленных против Германии”⁶⁸⁹.

⁶⁸⁷ DGFP. Series D. Volume 10. P. 259.

⁶⁸⁸ Морисон С. Указ. соч. Стр. 76.

⁶⁸⁹ DGFP. Series D. Volume 9. P. 632.

В свою очередь, 6 июля Г. Томсен сообщал, что США, помимо решения колониальных вопросов, нацелены на то, чтобы в ходе конференции добиться принятия мер по недопущению интенсификации германской торговли с латиноамериканскими республиками⁶⁹⁰.

Чиновник экономического отдела министерства иностранных дел Германии Р. Памперьен предоставил 16 июля советнику И. фон Риббентропа Э. Кордту меморандум, в котором также освещал ряд особенностей грядущего форума. В частности, Памперьен сообщал, что для противодействия намерениям США по снижению уровня экономических связей республик континента с Германией сотрудники немецких дипломатических миссий в Южной Америке регулярно выступают в прессе с критическими комментариями относительно целей Вашингтона. В то же время, по его утверждению, немецкие дипломаты в ходе своих контактов с местными официальными лицами подчеркивали выгоду торговли с Третьим рейхом, готовым к потреблению произведенных в Латинской Америке товаров⁶⁹¹.

Конференция открылась в означенный срок, и на состоявшемся 22 июля пленарном заседании К. Хэлл изложил план по “совместной опеке” над колониями европейских стран в Америке, заверив, что США не намерены присоединять их, а главная цель Вашингтона заключается в том, чтобы “эти районы не стали объектом сделки или урегулирования европейских разногласий”⁶⁹².

Однако, согласно позиции Аргентины, смена владельца колоний не являлась угрозой миру и безопасности американских республик. Данную точку зрения поддерживали Перу, Чили и Парагвай – группа стран, не имевших непосредственных претензий к колониям европейских держав в Карибском море и не желавших связывать себя обязательствами конкретных действий в этом районе, чреватых, к тому же, осложнением отношений с нацистской Германией.

⁶⁹⁰ Ibid. Volume 10. P. 145.

⁶⁹¹ Ibid. P. 229-230.

⁶⁹² Second Meeting of Ministers of Foreign Affairs of the American Republics, Habana, July 21-30, 1940. Washington, 1941. P. 53.

Смысл предложений большинства латиноамериканских стран сводился к предоставлению независимости колониям или передаче их странам Америки в соответствии с желанием народов этих колоний, а вовсе не к “совместной опеке” над ними до окончания войны, как предлагали США.

23 июля принимавший участие в конференции аргентинский посол в США Ф. Эспил заявил К. Хэллу, что Аргентина не может не считаться с позицией Германии. Такой оборот дела не устраивал Вашингтон, поскольку он настаивал на континентальной солидарности в вопросе об “опеке”⁶⁹³.

Тем не менее, к исходу конференции аргентинская делегация, предлагавшая создать на территории колоний независимые государства⁶⁹⁴, фактически оказалась в изоляции, чему способствовала активная работа американских дипломатов с представителями остальных латиноамериканских республик.

Кроме того, важнейшую, если не ключевую роль в успешном для США завершении конференции сыграло упомянутое выше согласие британского правительства предоставить Вашингтону право использования своих колониальных территорий для организации баз, продиктованное как собственным тяжелым положением вследствие военных побед Германии, так и стремлением избежать утраты своих владений в Западном полушарии. Таким образом, вопрос об английских колониях был частично урегулирован, и Аргентина, действовавшая в Гаване до некоторой степени под влиянием Англии, также согласилась с предложениями США⁶⁹⁵.

В результате, на конференции был принят Гаванский акт о “временном управлении европейскими колониями и владениями, находящимися на американском континенте”, а также дополнительная конвенция, предусматривавшая, что режим временной администрации должен осуществляться “межамериканской комиссией территориального управления”⁶⁹⁶.

⁶⁹³ FRUS. 1940. Volume 5. P. 240.

⁶⁹⁴ Ibid. P. 249.

⁶⁹⁵ Янчук И.И. Указ. соч. Стр. 76.

⁶⁹⁶ Second Meeting of Ministers of Foreign Affairs of the American Republics, Habana, July 21-30, 1940. Washington, 1941. P. 76, 84-89.

Другим важнейшим итогом совещания было принятие “Декларации о взаимной помощи и сотрудничестве в обороне американских государств”, согласно которой “всякое покушение на территориальную целостность, неприкосновенность или независимость любого американского государства будет рассматриваться как акт агрессии против всех государств, подписавших данную декларацию”⁶⁹⁷.

Кроме того, Гаванская декларация также подтверждала разработанный ранее принцип межамериканских консультаций, а три принятые на совещании резолюции были направлены против подрывной деятельности держав “оси” на американском континенте. В связи с этим не лишним будет упомянуть, что меры по минимизации идеологического и пропагандистского влияния Германии на государства Западного полушария действительно являлись весьма актуальными; пронацистские настроения по-прежнему были присущи некоторым группам “фольксдойче”. Так, в мае 1940 г. корреспондент “Фихтеанского общества”⁶⁹⁸ из города Сукре (Боливия) с уверенностью отмечал, что “симпатия к Германии, особенно среди молодежи, существенно возросла”⁶⁹⁹; корреспондент из бразильского города Куритиба писал в июне 1940 г., что “местные немцы верят в триумф фюрера и рейха”⁷⁰⁰, а корреспондент из Чарльстона (штат Западная Виргиния, США) тогда же указывал, что “все “фольксдойче” Соединенных Штатов радуются великим победам вермахта”⁷⁰¹.

Оценивая состоявшийся форум, 8 августа статс-секретарь немецкого министерства иностранных дел Э. фон Вайцеккер составил циркуляр, посвященный завершению Гаванской конференции и разосланный всем дипломатическим миссиям Германии. В нем он признал, что администрация США “добилась на конференции определенных успехов, но не преуспела в том, чтобы склонить государства региона к антигерманской линии”⁷⁰².

⁶⁹⁷ Ibid. P. 78-79.

⁶⁹⁸ Информация об этой организации приведена на странице 13.

⁶⁹⁹ РГВА. Ф. 1275К. Оп. 5. Д. 501. Л. 132.

⁷⁰⁰ РГВА. Ф. 1275К. Оп. 5. Д. 501. Л. 151.

⁷⁰¹ РГВА. Ф. 1275К. Оп. 5. Д. 501. Л. 186.

⁷⁰² DGFP. Series D. Volume 10. P. 449.

Тем не менее, исходя из сущности принятых в Гаване постановлений, представляется возможным прийти к иным выводам – решения конференции позволяли Соединенным Штатам еще более усилить свое влияние в регионе, ослабив тем самым позиции Третьего рейха. Они обеспечивали исходную юридическую базу военно-политическому союзу американских стран под эгидой США⁷⁰³. Достигнутая сплоченность латиноамериканских государств перед лицом потенциальной военной угрозы также являлась весьма важным фактором, добавлявшим Вашингтону уверенности в отношении Западного полушария.

В августе 1940 г. США и Великобритания осуществляли подготовку соглашения по обмену эсминцев на базы.

4 августа в его поддержку высказался авторитетнейший американский военный – восьмидесятилетний генерал Дж. Першинг⁷⁰⁴. Произнося речь по этому поводу, он отметил: “Помогая Великобритании, мы можем рассчитывать на то, что война останется на противоположной стороне Атлантики; именно там должны быть разбиты агрессоры. Сейчас, возможно, имеется последняя возможность предотвратить войну, не вступая в нее”⁷⁰⁵. Как отмечает В. О. Печатнов, деятельное участие в подготовке данного выступления принимал известный журналист У. Липпман⁷⁰⁶; сама же речь “прозвучала как нельзя более убедительно и произвела в стране огромное впечатление”⁷⁰⁷.

В изоляционистской прессе, однако, выражалось негативное восприятие призывов Першинга. В частности, 6 августа изоляционистская газета “Чикаго Трибьюн” писала: “Передача эсминцев государству, находящемуся в состоянии войны, будет представлять акт войны с нашей стороны. Если мы хотим вовлечения в войну, это станет верным путем к данной цели”⁷⁰⁸.

⁷⁰³ Системная история международных отношений. Том 1. События 1918-1945. Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2006. Стр. 341.

⁷⁰⁴ Джон Першинг (1860-1948) - генерал американской армии, участник испано-американской и Первой мировой войн.

⁷⁰⁵ New York Times. 05.08.1940.

⁷⁰⁶ Уолтер Липпман (1889-1974) – американский журналист, известный в качестве политического обозревателя и исследователя феномена общественного мнения.

⁷⁰⁷ Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994. Стр. 168.

⁷⁰⁸ Chicago Tribune. 06.10.1940.

Германия также отслеживала развитие событий. 8 августа статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Э. фон Вайцзеккер поинтересовался у поверенного в делах Германии в США Г. Томсена, следует ли Берлину “предостеречь” Вашингтон от заключения соглашения с Лондоном. При этом он указывал на то, что сделка будет представлять собой нарушение принципов Гаагской конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны 1907 г.⁷⁰⁹

Дело в том, что согласно одному из ее положений, запрещалась прямая или косвенная передача военных судов, амуниции или материалов военного назначения от нейтральной державы государству, являвшемуся участником войны. В то же время, необходимо отметить, что реальных предпосылок к тому, чтобы “разыграть эту карту”, Германия не имела, поскольку Великобритания подписала, но не ратифицировала означенную конвенцию⁷¹⁰.

На следующий день Томсен, отвечая на вопрос Вайцзеккера, указал, что возможное предупреждение Вашингтона со стороны Берлина на этот счет может иметь контрпродуктивные последствия, поскольку это даст повод президенту и “влиятельной еврейской клике” исказить его, проведя активную кампанию в средствах массовой информации⁷¹¹.

13 августа президент США Ф. Рузвельт, военно-морской министр Ф. Нокс, военный министр Г. Стимсон, министр финансов Г. Моргантау и заместитель государственного секретаря С. Уэллес в общих чертах выработали проект соглашения⁷¹². В тот же день он был направлен премьер-министру Великобритании У. Черчиллю. США соглашались передать Великобритании 50 списанных из состава ВМФ эсминцев, но при выполнении ряда условий. В частности, Лондону предлагалось заверить Вашингтон в том, что если королевский флот не сможет удержаться в водах, омывающих Великобританию, он не будет сдан немцам или затоплен, а будет переведен в другие части империи

⁷⁰⁹ DGFP. Series D. Volume 10. P. 442. Конференция, посвященная вопросам войны и мира, проходила в Гааге в июне-октябре 1907 г. В ней участвовали представители 44 государств.

⁷¹⁰ Bailey Th., Ryan P. Op. cit. P. 88.

⁷¹¹ Ibid. P. 456-457.

⁷¹² Tansill Ch. Op. cit. P. 596-597.

для продолжения ее обороны. Второе условие предполагало передачу Соединенным Штатам в аренду сроком на 99 лет баз в английских владениях в Западном полушарии⁷¹³.

Имея в виду возможность заключения американо-британского соглашения, начальник политического отдела министерства иностранных дел Германии Э. Верманн вскоре указал главе отдела США Г. В. Фрейтагу на необходимость “внимательно следить за нарушениями нейтралитета со стороны США”⁷¹⁴.

18 августа поверенный в делах Германии в Вашингтоне Г. Томсен, прогнозируя возможный ход развития ситуации, отметил, что “передачу эсминцев Великобритании вряд ли следует рассматривать как показатель решимости США вступить в войну”, добавив, однако, что “этот акт окончательно исключит Соединенные Штаты из когорты нейтральных держав”⁷¹⁵.

Следует отметить, что по данным немецкого внешнеполитического ведомства, 19 августа посол США в Великобритании Дж. Кеннеди раздраженно заявил, что уйдет в отставку в связи с тем, что он не был оповещен о том, что в Лондон для обсуждения условий грядущей сделки прибудет американская делегация и узнал об этом лишь непосредственно от У. Черчилля. Телефонный разговор с Рузвельтом остудил порыв Кеннеди, но, тем не менее, посол в свойственной ему манере отметил, что “предоставлять помощь уже слишком поздно”⁷¹⁶.

Несмотря на скепсис Кеннеди, 22 августа Ф. Рузвельт заверил негативно относившегося к возможности заключения соглашения сенатора Д. Уэлша⁷¹⁷, что соглашение необходимо и будет представлять собой “лучшее дело для народа, совершенное за время нашей жизни”⁷¹⁸.

⁷¹³ Churchill and Roosevelt: the Complete Correspondence (Ed. by W. Kimball). Princeton, 1984. Volume 1. P. 57-59. Базы располагались на Ньюфаундленде, Бермудских и Багамских островах, Ямайке, Сент-Люсии, Тринидаде и в Британской Гвиане (современная Гайана).

⁷¹⁴ Цит. по: Friedländer S. Op. cit. P. 122-123.

⁷¹⁵ DGFP. Series D. Volume 10. P. 507.

⁷¹⁶ Ibid. P. 510.

⁷¹⁷ Дэвид Уэлш (1872-1947) – американский политик, сенатор-демократ; председатель сенатского комитета по военно-морским делам.

⁷¹⁸ Franklin Delano Roosevelt. His Personal Letters. Volume 2. N.Y., 1953. P. 1056-1058.

В итоге, 2 сентября государственный секретарь США К. Хэлл и посол Великобритании Ф. Керр заключили в Вашингтоне долгожданное соглашение. По его условиям Соединенные Штаты передавали Великобритании 50 эсминцев постройки 1917-1918 гг. Великобритания, в свою очередь, предоставляла США на 99 лет суверенные права на морские, военные и авиационные базы в ряде своих владений Западного полушария⁷¹⁹. Руководитель штаба ВМФ США адмирал Г. Старк, чья санкция формально требовалась для оформления соглашения, считал сделку весьма успешной, поскольку “корабли могут быть потоплены, а базы – нет”⁷²⁰.

Правомерно утверждать, что заключенное соглашение было выгодно обеим сторонам: Лондон получал возможность реального усиления охраны своих морских коммуникаций, а Вашингтон – сформировать стратегически важную цепочку военных баз, прикрывающих Америку со стороны Атлантики. Кроме того, весьма велико было политико-идеологическое значение соглашения. США посылали нацистской Германии отчетливый сигнал о том, что намерены неизменно оказывать Великобритании поддержку даже в усложнявшейся международной обстановке. Следует отметить, что американская администрация внимательно следила и за состоянием общественного мнения страны в связи с заключением соглашения. В результате опросов была выявлена достаточно позитивная картина: 62 % американцев поддерживали соглашение⁷²¹.

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль, в свою очередь, впоследствии отмечал, что “передача эсминцев явилась событием, которое, безусловно, приблизило Соединенные Штаты к нам [к Британии] и к войне... этот шаг свидетельствовал о переходе США из положения нейтральной к положению невоюющей стороны”⁷²².

Известие о передаче кораблей вызвало в Германии некоторый разброс оценок; однако, в общем, все они носили сугубо негативную окраску. Так, еще за несколько дней до заключения соглашения осведомленный о возможности его

⁷¹⁹ К упомянутому была добавлена база на острове Антигуа.

⁷²⁰ Цит. по: Bailey Th., Ryan P. Op. cit. P. 89.

⁷²¹ Lowell Mellet to FDR. 4 September 1940. American Institute of Public Opinion. Poll Attached. Box 4721. PPF. FDRL.

⁷²² Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 2. М., 1991. Стр. 479.

оформления начальник штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер записал в дневнике: “Очень заметно намерение Америки “поглотить” Англию”⁷²³.

По свидетельству министра иностранных дел Италии Г. Чиано, американско-английское соглашение привело к “обеспокоенности и негодованию” Берлина⁷²⁴. Действительно, 2 сентября генштаб кригсмарине констатировал выгоду для США и Великобритании их тесного сотрудничества, в то же время расценив приобретение баз как очередной шаг Соединенных Штатов по установлению гегемонии в Западном полушарии⁷²⁵.

В свою очередь, газета “Фелькишер Беобахтер” в привычных выражениях охарактеризовала произошедшее как “продажу хлама задешево”⁷²⁶.

3 сентября поверенный в делах Германии в США Г. Томсен отметил, что заключенное соглашение рассматривалось администрацией в качестве фактора, способного убедить американцев в том, что Великобритания может выстоять и вести затяжную войну с Германией вплоть до победы над ней⁷²⁷. В тот же день военный атташе Ф. фон Беттихер выразил достаточно резкое суждение о том, что оно являлось “составной частью пропаганды по оболваниванию американцев, нацеленной на убеждение их в том, что Англия может продержаться достаточно долгое время”⁷²⁸.

Схожую точку зрения озвучили и американские изоляционисты. В частности, конгрессмен-республиканец Я. Торкельсон посетовал, что соглашение не несет США никаких выгод⁷²⁹, а его коллеги Г. Кнутсон и Дж. Тинкхэм заявили, что “мир сошел с ума” и что “между действиями Рузвельта, Гитлера и Сталина нет никакой разницы”⁷³⁰.

⁷²³ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 2. Стр. 110.

⁷²⁴ Ciano G. Op. cit. P. 290.

⁷²⁵ Цит. по: Friedländer S. Op. cit. P. 124.

⁷²⁶ Völkischer Beobachter. 05.09.1940.

⁷²⁷ DGFP. Series D. Volume 11. P. 12-14.

⁷²⁸ Цит. по: Beck A. Hitler's Ambivalent Attache: Lt. Gen. Friedrich von Boetticher in America, 1933-1941. Washington, 2005. P. 166.

⁷²⁹ CR. 1940. Volume 86. Part 10. P. 11477-11479.

⁷³⁰ New York Times. 04.09.1940.

Постепенное формирование американо-британского альянса побуждало агрессивные державы к тому, чтобы также объединить свой потенциал. 27 сентября в Берлине был заключен Тройственный пакт, подписи под которым поставили министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп, министр иностранных дел Италии Г. Чиано и посол Японии С. Курусу. Его условия предусматривали раздел мира между тремя агрессивными державами – Германией и Италией предназначалась ведущая роль при создании так называемого “нового порядка в Европе”, а Японии — в Азии. Помимо этого, участники обязывались оказывать друг другу политическую, экономическую и военную помощь в случае, если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, не участвовавшей в европейской войне и в японо-китайском конфликте⁷³¹.

Оценивая влияние пакта на Соединенные Штаты, министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп полагал, что он усилит изоляционистские тенденции и позволит несколько “погасить” внешнеполитическую активность Рузвельта⁷³². Военный атташе в США Ф. фон Беттихер, в свою очередь, считал, что вследствие заключенного в Берлине договора “американцы первый раз очнулись от своей безграничной заносчивости”⁷³³. Очевидно, Беттихер в своеобразном стиле выразил идею о том, что объединившиеся державы “оси” представляли собой мощный блок, превосходивший по силам формировавшуюся благодаря действиям Ф. Рузвельта и У. Черчилля американо-английскую коалицию.

5 ноября состоялись выборы президента США. Ф. Рузвельт одержал победу, взяв верх над кандидатом от Республиканской партии У. Уилки.

Характеризуя данное событие, находившийся в Берлине У. Ширер⁷³⁴ на следующий день радостно отметил в дневнике: “Это громкая пощечина Гитлеру,

⁷³¹ DGFP. Series D. Volume 11. P. 204-205.

⁷³² Цит. по: Bailey Th., Ryan P. Op. cit. P. 94.

⁷³³ DGFP. Series D. Volume 11. P. 209.

⁷³⁴ Уильям Ширер (1904-1993) – известный американский журналист и историк.

Риббентропу и всему нацистскому режиму”⁷³⁵. Действительно, победа Рузвельта означала, что американский народ выразил свою поддержку его внешнеполитическому курсу и стремлению противостоять гитлеровской агрессии.

Вскоре после официального объявления результатов выборов статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Э. фон Вайцзеккер направил всем немецким дипломатическим миссиям циркуляр, в котором указывал на необходимость подчеркивать при их комментировании, что переизбрание Рузвельта не стало неожиданностью для рейха⁷³⁶.

В то же время, внутривластный триумф не освобождал Рузвельта от необходимости решения насущных международных задач, тем более что в среде военного руководства страны постепенно утверждались идеи о весьма вероятном непосредственном вовлечении США в войну. Так, 12 ноября руководитель штаба ВМФ США Г. Старк направил военно-морскому министру Ф. Ноксу меморандум, в котором утверждал, что европейские государства не смогут одолеть Германию и Соединенным Штатам необходимо будет присоединиться к вооруженному противостоянию с Третьим рейхом, отправив свои войска в Европу и Африку⁷³⁷.

Реакция Германии на данные тенденции была весьма негативной – Берлин не был заинтересован в том, чтобы Вашингтон вступил в войну; это бы нарушило всю стратегическую картину, разработанную нацистами. В связи с этим 19 ноября в отделе США и американских государств министерства иностранных дел Германии был составлен меморандум по поводу пропаганды в отношении заокеанской державы. Его центральная идея заключалась в том, что находившимся в Америке дипломатам рекомендовалось при любой возможности обращать внимание на “очевидную военную слабость формирующегося англо-американского блока”⁷³⁸.

В рамках этой же линии статс-секретарь министерства народного просвещения и пропаганды О. Дитрих отметил, что находившаяся в

⁷³⁵ Ширер У. Берлинский дневник. М., 2002. Стр. 469.

⁷³⁶ DGFP. Series D. Volume 11. P. 499.

⁷³⁷ Harold Stark to Frank Knox. 12 November 1940. Navy Department. “Plan Dog”. Box 4. Safe File. PSF. FDRL.

⁷³⁸ DGFP. Series D. Volume 11. P. 624-625.

затруднительном положении и стремившаяся к получению всесторонней помощи Британия избрала новую тактику, давившую на “сентиментальность США”⁷³⁹.

Однако, 7 декабря военный атташе Германии в Вашингтоне Ф. фон Беттихер выразил иное мнение. Согласно его точке зрения, перспектива возрастания военной мощи Лондона вследствие наращивания поставок из США не выглядела реалистичной, поскольку американская военная промышленность не могла с эффективностью осуществлять параллельное обеспечение как собственных нужд, так и потребностей Великобритании⁷⁴⁰.

Положение Великобритании на самом деле было крайне непростым. Осознание этого факта вкупе с необходимостью продолжения борьбы с Германией заставило премьер-министра Великобритании У. Черчилля 8 декабря обратиться к президенту США с достаточно длинным посланием. Предельно четко описав характер сложившейся ситуации, он просил Рузвельта помочь вооружением и судами. “Бывший военный моряк”⁷⁴¹ открыто предупреждал, что в скором времени Лондон столкнется с нехваткой наличных денег, требовавшихся для оплаты американских поставок и обозначал, что для Вашингтона будет крайне невыгодно, если Британия, уже получившая от США достаточно обширные и разнообразные поставки, будет вынуждена прекратить борьбу. Резюмируя обращение, Черчилль оставлял на усмотрение Вашингтона выбор средств продолжения помощи, “которые встретят одобрение и восхищение будущих поколений по обе стороны Атлантики”⁷⁴².

17 декабря, после продолжительных уединенных размышлений над полученным от У. Черчилля посланием, Ф. Рузвельт выступил на пресс-конференции и заявил, что “успехи Англии в ее самообороне укрепляют оборону самих Соединенных Штатов”. После этого лидер США озвучил идею о необходимости продолжения помощи Лондону, несмотря на его тяжелое положение. Она была сопровождена емким примером, который весьма доходчиво проиллюстрировал позицию президента: “Я не говорю попавшему в беду соседу

⁷³⁹ Цит. по: Friedländer S. Op. cit. P. 165.

⁷⁴⁰ DGFP. Series D. Volume 11. P. 814.

⁷⁴¹ Так У. Черчилль именовал себя в тайной переписке с Ф. Рузвельтом.

⁷⁴² Churchill and Roosevelt: the Complete Correspondence (Ed. by W. Kimball). Princeton, 1984. Volume 1. P. 102-109.

перед тем, как дать ему садовый шланг для борьбы против огня: “Он стоит 15 долларов, заплати мне их”. Мне не нужны эти 15 долларов, но я хочу, чтобы он возвратил мне шланг после того, как потушит пожар”⁷⁴³. Как отмечает отечественный исследователь В.Л. Мальков, находка с данным примером предопределила последующее благополучное прохождение законопроекта о ленд-лизе через Конгресс США, где он мог застрять надолго⁷⁴⁴.

Реакция на выступление Рузвельта вскоре проявилась со стороны немецкого штаба руководства морской войной – 20 декабря его сотрудниками был составлен меморандум, в котором указывалось на то, что наращиваемая поддержка Великобритании с американской стороны представляет собой “весьма опасное явление, способное существенно затянуть продолжительность войны и весьма негативно повлиять на общую военную стратегию Германии”⁷⁴⁵. Кроме того, немецкое военно-морское руководство полагало, что программа ленд-лиза, в случае ее принятия, будет представлять собой “подтверждение американского вступления в войну”, на которое Германии, “по меньшей мере, следует отреагировать контрмерами дипломатического характера”. Основной целью рейха при этом должно было стать воспрепятствование осуществлению американских поставок, что вынудило бы Англию сдаться уже в скором времени⁷⁴⁶. Курс Вашингтона на продолжение оказания помощи Лондону, таким образом, серьезно нарушал планы Берлина, рассчитывавшего сокрушить истощенную Великобританию, но вынужденного столкнуться с проблематичностью реализации этой цели вследствие занятой Соединенными Штатами позиции.

29 декабря Ф. Рузвельт выступил в радиоэфире с очередной “беседой у камина”. Он заявил, что американская цивилизация, вследствие подписанного державами “оси” Тройственного пакта, находится под серьезной угрозой, и если Соединенные Штаты будут препятствовать экспансионистскому курсу этих держав, они предпримут против США “самые решительные объединенные

⁷⁴³ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1940 Volume. P. 604-616.

⁷⁴⁴ Мальков В.Л. Великий Рузвельт. М., 2011. Стр. 353.

⁷⁴⁵ Цит. по: Rahn W. Strategische Optionen und Erfahrungen der deutschen Marineführung 1914 bis 1944: zu den Chancen und Grenzen einer mitteleuropäischen Kontinentalmacht gegen Seemächte//Werner Rahn - Dienst und Wissenschaft (Hrsg. von W. Radisch). Potsdam, 2010. S. 65.

⁷⁴⁶ Цит. по: Compton J. Op. cit. P. 158.

действия”⁷⁴⁷. Высказывания Рузвельта были расценены немецким публицистом П. Бангом как “поток клеветы и оскорблений”⁷⁴⁸.

В этой же речи глава Белого дома употребил ставшую впоследствии знаменитой фразу “Мы должны стать великим арсеналом для всей мировой демократии”⁷⁴⁹, означавшую, что Вашингтон, исходя из национальных интересов, намерен оказывать поддержку странам, противостоявшим действиям агрессивных держав.

Рузвельт, отчетливо понимавший крайне высокую степень опасности сложившегося международного положения, прямым текстом говорил о том, что Соединенные Штаты не останутся в стороне от событий и будут предоставлять таким государствам широкую материальную помощь.

На следующий день один из лидеров изоляционистского комитета “Америка прежде всего”⁷⁵⁰, генерал Р. Вуд, заявил, что вчерашняя речь Рузвельта представляла собой “практически объявление войны Германии”⁷⁵¹.

31 декабря Г. Томсен в своем донесении в Берлин также прокомментировал выступление президента США. По его оценке, Рузвельт стремился к тому, чтобы разжечь в американском общественном мнении “панический страх”, тем самым побудив соотечественников к осознанию необходимости реализации американской военной программы. Кроме того, по словам Томсена, Рузвельт рассчитывал поощрить Великобританию к продолжению борьбы и целиком возложить на Германию ответственность за войну⁷⁵².

4 января 1941 г. заметно взволнованный активностью американского президента и полученными от Томсена оценками министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп заявил, что “Франклин Рузвельт является психопатом, контролируемым сварливой женой и евреями”⁷⁵³.

⁷⁴⁷ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1940 Volume. P. 633-645.

⁷⁴⁸ Bang P. Op. cit. S. 119.

⁷⁴⁹ Ibid. P. 643.

⁷⁵⁰ Комитет “Америка прежде всего” – существовавшая с 4 сентября 1940 г. по 11 декабря 1941 г. крупнейшая изоляционистская организация США. В ее состав входили многие известные политики, военные и общественные деятели.

⁷⁵¹ Цит по: Cole W. America First: the Battle against Intervention, 1940-1941. Madison, 1953. P. 43.

⁷⁵² DGFP. Series D. Volume 11. P. 989-990.

⁷⁵³ Цит. по: Friedländer S. Op. cit. P. 170.

На следующий день еженедельник “Райх”, являвшийся печатным органом министерства народного просвещения и пропаганды Германии, опубликовал статью про внешнюю политику Рузвельта. В ней, в частности, отмечалось: “Мы никогда не давали американцам повода для враждебного отношения... Разумно ли с их стороны отказываться от нейтралитета, стремясь защитить себя от неких планов мирового завоевания, которых в принципе не существует? Разумно ли подвергать себя реальным опасностям, избегая воображаемых?”⁷⁵⁴.

Таким образом, реакция немецкой стороны свидетельствовала как о ее прежней заинтересованности в сохранении изоляционистских подходов в США, так и о постепенном нарастании тревоги в связи с непреклонностью Рузвельта, стремившегося продолжать помогать Великобритании.

Что касается самого Рузвельта, то 6 января он выступил с очередным ежегодным посланием Конгрессу. В нем глава Белого дома критически отозвался о представлении, согласно которому Соединенным Штатам следовало оградиться от разворачивавшихся на мировой арене событий. В связи с этим президент упомянул о намерении администрации направить на рассмотрение Конгресса билль о ленд-лизе⁷⁵⁵.

Однако, данное послание вошло в историю под названием “Четыре свободы” в силу того, что в концовке выступления Рузвельт задекларировал, что основной целью администрации в ближайшие годы станет борьба за “четыре гуманитарные свободы; свободу слова, свободу вероисповедания, свободу от нужды и свободу от страха”⁷⁵⁶.

При всей абстрактности формулировок, содержащихся в послании, было очевидно, что они носят отчетливо альтернативный характер по отношению к той ценностной парадигме, которую отстаивали державы “оси”⁷⁵⁷. И это в полной мере соответствовало действительности — завершая выступление, Рузвельт

⁷⁵⁴ Das Reich. 05.01.1941.

⁷⁵⁵ Ленд-лиз – программа, предоставлявшая президенту США полномочия помогать любой стране, чья оборона признавалась жизненно важной для его страны. Представляла собой систему передачи Соединенными Штатами таким странам займы или в аренду вооружения, боеприпасов, стратегического сырья, продовольствия, различных товаров и услуг.

⁷⁵⁶ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1940 Volume. P. 663-672.

⁷⁵⁷ Печатнов В.О., Маныкин А.С. Указ. соч. Стр. 245.

охарактеризовал задекларированные принципы в качестве “антитезиса так называемому новому порядку”⁷⁵⁸. По сути, президент противопоставил обозначенное им стремление и особенности, присущие гитлеровскому режиму. Прозвучавшие заявления не только подтверждали антинацистский настрой администрации США, но и служили свидетельством готовности к оказанию содействия государствам, боровшимся с Третьим рейхом.

Наряду с этим, следует отметить, что выраженная Рузвельтом идея о ленд-лизе сразу же обрела поддержку в среде крупного американского бизнеса. Так, уже 9 января Р. Леффингвелл, являвшийся одним из руководителей финансового дома Морганов, сообщил президенту Соединенных Штатов, что представляемая им организация обещает оказывать всемерную поддержку программе помощи Британии⁷⁵⁹.

Столь же высоко идея о ленд-лизе была оценена американскими промышленными монополиями, поскольку расширение производства вследствие правительственных заказов могло обеспечить стабильный рост их прибылей.

В свою очередь, бывший посол Германии в Вашингтоне Г. Дикгоф составил меморандум, в котором указал на ошибочность точки зрения о том, что если США в силу тех или иных обстоятельств непосредственно вступят в войну, для Германии ничего принципиально не изменится.

Он полагал, что президент и администрация при таком раскладе сосредоточат в своих руках широчайшие властные полномочия, что позволит им повлиять на интенсификацию промышленного производства. Кроме того, было подчеркнуто, что в случае вовлечения США в войну следует ожидать аналогичных действий и от латиноамериканских республик, что окажет на Германию “невыгодный материальный и психологический эффект”. При этом Дикгоф отмечал, что если Соединенные Штаты совершат этот шаг, то достичь мира с ними будет крайне затруднительно.

⁷⁵⁸ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1940 Volume. P. 672.

⁷⁵⁹ Цит. по: Hearden P. Op. cit. P. 153.

Исходя из перечисленных аргументов, он заключил, что важнейший интерес Берлина коренится в том, чтобы Вашингтон не был вовлечен в войну. Для того, чтобы достичь этой цели, дипломат предлагал осуществление следующих мер: разгром Великобритании в максимально короткий срок и подчеркнуто корректное отношение к самим США⁷⁶⁰.

Правомерно утверждать, что Дикгоф все-таки преувеличивал существовавшую на тот момент вероятность непосредственного вступления Соединенных Штатов в войну. Ни Рузвельт, ни его администрация не стремились к этому. Их основная задача состояла в том, чтобы противостоять Германии упомянутыми главой Белого дома еще два года назад “невоенными средствами”, оказывая помощь продолжавшей сражаться Великобритании.

Ключевым пунктом на этом пути должно было стать принятие закона о ленд-лизе; 10 января соответствующий билль поступил в Конгресс⁷⁶¹.

На следующий день один из лидеров изоляционистского комитета “Америка прежде всего” генерал Р. Вуд заявил, что сделает все возможное, дабы не допустить его одобрения на Капитолии⁷⁶².

12 января немецкая газета “Райх”, явно отталкиваясь от происходивших в США событий, опубликовала пространную статью, в которой сравнивала американских президентов Франклина Рузвельта и Вудро Вильсона, причем в итоге действовавший глава Белого дома оказался даже более “ограниченным и примитивным”, чем его идейный предшественник⁷⁶³.

Следует отметить, что одним из наиболее активных сторонников принятия закона о ленд-лизе был министр экономики США Г. Моргентау, в ведомстве которого были разработаны его принципы. Выступая 28 января перед сенатским комитетом по иностранным делам, он твердо заявил: “Великобритания ежедневно тратит на войну 12 миллионов долларов. Я пришел к заключению, что у нее больше нет долларовых запасов и убежден, что если Конгресс не сделает для нее

⁷⁶⁰ DGFP. Series D. Volume 11. P. 1061-1063.

⁷⁶¹ Ross Stewart. How Roosevelt Failed America in World War II. Jefferson, 2006. P. 33.

⁷⁶² Chicago Tribune. 12.01.1941.

⁷⁶³ Das Reich. 12.01.1941.

возможным и дальше приобретать товары в Америке, она будет вынуждена прекратить борьбу”⁷⁶⁴.

Вскоре комментарий поступил и от А. Гитлера. Произнося 30 января в Берлине большую речь, приуроченную к восьмой годовщине прихода национал-социалистов к власти, рейхсканцлер упомянул, среди прочих тем, и про Соединенные Штаты. Гитлер заявил, что немцы не имеют ничего против американцев, а Германия никогда не преследовала никаких интересов на Американском континенте. При этом он подчеркнул, что “если государства Западного полушария попытаются вмешаться в европейский конфликт, Европа защитит себя от этого... Любой, кто думает, что может оказать помощь Англии, должен осознать раз и навсегда, что любой корабль, идущий в одиночку или с эскортом и столкнувшийся с нашим торпедным катером, будет потоплен!”⁷⁶⁵. Следует отметить, что это был яркий пример “бряцания оружием”, поскольку утвержденные самим же Гитлером директивы для немецких ВМС предписывали избегать морских столкновений с американской стороной и никаких изменений в них внесено не было.

В то же время, согласно проведенному в конце января опросу, 54 % американцев высказались в пользу принятия закона о ленд-лизе⁷⁶⁶. Этот результат показывал, что в американском обществе на тот момент не существовало однозначного одобрения инициатив администрации; количество сторонников ленд-лиза лишь незначительно превосходило количество его противников.

Тем не менее, 8 февраля Палата представителей проголосовала за принятие билля о ленд-лизе (260 конгрессменов высказались “за”, 165 – “против”)⁷⁶⁷.

Комментируя исход голосования в Палате представителей, немецкая газета “Фелькишер Беобахтер” отмечала, что “США распрощались с традиционной политикой невмешательства и намереваются поработить Европу, покончив с ее экономической и политической независимостью”⁷⁶⁸.

⁷⁶⁴ New York Times. 29.01.1941.

⁷⁶⁵ Hitler. Reden und Proklamationen (Hrsg. von M. Domarus). Würzburg, 1963. Band II. Halbband 2. S. 1661.

⁷⁶⁶ The Gallup Poll. Public Opinion 1935-1971. Volume 1. N.Y., 1972. P. 263.

⁷⁶⁷ CR. 1941. Volume 87. Part 1. P. 815.

⁷⁶⁸ Völkischer Beobachter. 13.02.1941.

Еще одним проявлением германской реакции на произошедшее стало то, что 18 февраля министерство народного просвещения и пропаганды дало прессе разрешение выступать с жесткой критикой в адрес представителей американского истеблишмента, придерживавшихся антинацистской ориентации⁷⁶⁹.

Ленд-лиз по-прежнему продолжал занимать важное место на страницах нацистских изданий – 24 февраля “Фелькишер Беобахтер”, имея в виду окончательный выбор интернационалистского пути администрацией США, писала, что “американская загадка разрешилась”⁷⁷⁰, а на следующий день в аналогичной стилистике отмечала, что Рузвельт “сбросил последнюю маску”⁷⁷¹.

Военный атташе в США Ф. фон Беттихер, однако, по-прежнему выражал уверенность в том, что стремления администрации не приведут к кардинальным изменениям в международной обстановке. 26 февраля он отметил, что даже если закон о ленд-лизе будет окончательно принят, военные поставки в ближайшие месяцы стремительно не возрастут⁷⁷².

Однако, подобная позиция была свойственна не всем высокопоставленным германским чиновникам. Так, 7 марта состоялась встреча поверенного в делах США в Берлине Л. Морриса и советника Г. Геринга по экономическим вопросам Г. Вольтата, по результатам которой Моррис отметил отсутствие у собеседника уверенности в том, что Германии непременно удастся сломить британское сопротивление⁷⁷³.

8 марта Сенат почти двукратным преимуществом голосов (60 сенаторов высказались “за”, 31 – “против”) одобрил прохождение билля о ленд-лизе, включив в него некоторые поправки⁷⁷⁴.

На следующий день Г. Томсен, комментируя итоги голосования, указал на определенные сложности в американской промышленности и добавил, что не следует ожидать “внезапных чудес” в сфере военных поставок. Кроме того,

⁷⁶⁹ Цит. по: Friedländer S. Op. cit. P. 173.

⁷⁷⁰ Völkischer Beobachter. 24.02.1941.

⁷⁷¹ Völkischer Beobachter. 25.02.1941.

⁷⁷² DGFP. Series D. Volume 12. P. 162-164.

⁷⁷³ Leland Morris and Helmut Wohltat. Memorandum of Conversation. 7 March 1941. Dispatches, Germany: 8 October 1939 – 28 August 1941. Box 20. Confidential File. PSF. FDRL.

⁷⁷⁴ New York Times. 09.03.1941.

дипломат достаточно категорично расценил ленд-лиз как один из инструментов “американской империалистической политики, в которой Великобритании – сейчас и в будущем – уготовано играть вассальную роль”⁷⁷⁵.

10 марта бывший посол США в Германии Г. Дикгоф, опираясь на результаты голосования в Сенате, составил меморандум, в котором признал, что “Рузвельт мастерски исполнил свою партию”. При этом он указал на то, что изоляционистская оппозиция не смогла выдвинуть харизматичных лидеров, способных воспрепятствовать стремлениям администрации. Проанглийски настроенное американское общество, в свою очередь, также сыграло важную роль в реализации планов Белого дома. В заключение Дикгоф повторил высказанные ранее суждения Беттихера и Томсена, указав, что практический эффект ленд-лизских мер может проявиться не ранее, чем через несколько месяцев⁷⁷⁶.

11 марта Палата представителей подавляющим большинством голосов (317 - “за”, 71 – “против”) приняла билль о ленд-лизе. В тот же день президент США Ф. Рузвельт подписал его. Билль обрел статус закона.

Допустимо говорить о том, что результаты голосования свидетельствовали о пусть и небесспорной, но реальной победе Рузвельта в его противостоянии с Конгрессом. Кроме того, принятие закона о ленд-лизе стало весьма важным шагом на пути организации американо-английской коалиции, противостоявшей гитлеризму. США недвусмысленно подтверждали антигерманскую направленность своей внешней политики.

Отталкиваясь от произошедшего события, военный атташе Германии в США Ф. фон Беттихер в тот же день направил в Берлин донесение, в котором указал, что в пересмотре и дополнении его предыдущих отчетов об американском военно-промышленном потенциале нет необходимости. Он настаивал, что промышленность Соединенных Штатов не будет в состоянии удовлетворить растущие потребности дружественных государств в получении американской помощи⁷⁷⁷.

⁷⁷⁵ DGFP. Series D. Volume 12. P. 251-252.

⁷⁷⁶ Ibid. P. 258-259.

⁷⁷⁷ Ibid. P. 266-269.

12 марта президент США Ф. Рузвельт, не теряя времени, направил Конгрессу предложение о выделении 7 миллиардов долларов для реализации закона о ленд-лизе⁷⁷⁸.

В тот же день министерство народного просвещения и пропаганды Германии выступило со специальными инструкциями для прессы, в которых указывалось на необходимость исключительно краткого комментирования принятия закона о ленд-лизе, которое должно было сопровождаться словами о том, что данное решение являлось вполне ожидаемым. Кроме того, следовало заострять внимание на “еврейском лобби” ленд-лиза и давлении, оказывавшемся на оппонентов принятия данного закона⁷⁷⁹.

Касаясь темы ленд-лиза, газета “Фелькишер Беобахтер” отмечала, что США, явно встав на сторону врагов Германии, “расставили все точки над i”. “Теперь мы точно знаем, за что и против кого мы боремся; решающая схватка уже началась” – резюмировало издание⁷⁸⁰. Вскоре на страницах этой же газеты появился материал о том, что “организаторами ленд-лиза являются евреи”, сопровождавшийся фотографиями Ф. Франкфуртера, Г. Моргентхау и Б. Баруха⁷⁸¹. Нацистская пропаганда восприняла ленд-лиз в качестве очередного нарушения американского нейтралитета⁷⁸² и “интервенционистской меры”, реализация которой была во многом обусловлена активной лоббистской деятельностью президентского окружения⁷⁸³.

В свою очередь, 18 марта Верховное главнокомандование вермахта сошло на точку зрения, что вступление в силу закона о ленд-лизе может быть расценено как объявление войны Германии⁷⁸⁴. Таким образом, внимание к заокеанской державе еще более усилилось.

27 марта завершились длившиеся почти два месяца американо-английские штабные переговоры, нацеленные на выработку совместной военной стратегии

⁷⁷⁸ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1941 Volume. P. 51-52.

⁷⁷⁹ Documents on American Foreign Relations. Volume 3. Boston, 1941. P. 723-724.

⁷⁸⁰ Völkischer Beobachter. 12.03.1941.

⁷⁸¹ Völkischer Beobachter. 14.03.1941.

⁷⁸² Seibert Th. Op. cit. S. 60.

⁷⁸³ Schadewaldt H. Op. cit. S. 99.

⁷⁸⁴ Цит. по: Friedländer S. Op. cit. P. 175.

Вашингтона и Лондона в случае вступления США в войну⁷⁸⁵. Их основные итоги были зафиксированы в плане ABC-1, согласно которому врагом № 1 признавалась нацистская Германия, против которой надлежало обратить основные силы и средства; против Японии на Тихом океане предполагалось вести “сковывающую войну на истощение”⁷⁸⁶.

В тот же день Конгресс ассигновал запрошенные Рузвельтом 7 миллиардов долларов, необходимых для выполнения программы ленд-лиза⁷⁸⁷.

4 мая состоялась встреча министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа и специального корреспондента американского журнала “Лайф”, бывшего посла США в Польше и Бельгии Дж. Кадехи⁷⁸⁸. Кадехи отметил, что американское общественное мнение не имеет целостной позиции в отношении возможного вовлечения страны в войну. Риббентроп, в свою очередь, заявил, что Германии “в политическом плане ничего не нужно от Америки” и указал, что у Соединенных Штатов нет никаких причин, чтобы вступить в войну с Германией. Далее Риббентроп подчеркнул, что поражение Великобритании предreshено при любом раскладе и добавил, что США, оказывая ей помощь, подвергают себя серьезному риску “изоляции и войны против всего остального мира”⁷⁸⁹.

Сам Кадехи, сообщая о содержании беседы с И. фон Риббентропом государственному секретарю, отмечал, что министр иностранных дел Германии акцентировал внимание на том, что рано или поздно американцы возмутятся руководством, “ведущим их к войне”. По словам Риббентропа, если вступление США в войну все же произойдет, данный факт будет означать лишь ее затягивание, но победить Германию будет невозможно⁷⁹⁰. В конце мая схожие утверждения прозвучали в одной из речей министра народного просвещения и пропаганды Й. Геббельса, заявившего, что “при благожелательном

⁷⁸⁵ Ross Steven. U.S. War Plans, 1939-1945. Malabar, 2000. P. 18-19.

⁷⁸⁶ Ibid. P. 131-133.

⁷⁸⁷ Documents on American Foreign Relations. Volume 3. Boston, 1941. P. 727-729.

⁷⁸⁸ Джон Кадехи (1887-1943) – американский дипломат. С 1933 по 1940 гг. последовательно занимал должности посла США в Польше, Ирландии, Бельгии и Люксембурге.

⁷⁸⁹ DGFP. Series D. Volume 12. P. 704-710.

⁷⁹⁰ John Cudahy to Cordell Hull. 14 June 1941. Box 77. State - Welles, Sumner. June-December 1941. Departmental File. PSF. FDRL.

попустительстве Рузвельта Америка пребывает в состоянии истерии, нагнетаемой кликой поджигателей войны”⁷⁹¹.

23 мая состоялась встреча Дж. Кадехи и рейхсканцлера Германии А. Гитлера. По своему содержанию она была практически аналогична встрече Кадехи и Риббентропа. Гитлер вновь опроверг утверждения о том, что Германия вынашивает какие-либо планы в отношении Америки⁷⁹².

Представляется правомерным утверждать, что нацистские лидеры в своих беседах с иностранным корреспондентом (Кадехи, естественно, уже не обладал никаким дипломатическим статусом) придерживались той же линии, которая были избрана ими более года назад в ходе бесед с С. Уэллесом и Дж. Муни. По сути, единственное различие заключалось в том, что на этот раз повторение знакомых американской стороне банальных фраз сопровождалось высказываниями о бесполезности, напрасности потенциального присоединения Соединенных Штатов к войне.

Отметим, что в те же дни произошел инцидент, обусловивший дальнейшее ухудшение отношений двух государств. 21 мая в 700 милях к западу от африканского побережья немецкая подводная лодка U-69 под командованием капитан-лейтенанта Й. Метцлера затопила американский пароход “Робин Мур”, перевозивший смешанный груз из Нью-Йорка в Мозамбик транзитом через Кейптаун. Жертв, тем не менее, удалось избежать.

Данное происшествие определило характер очередной “беседы у камина”, с которой Ф. Рузвельт выступил 27 мая. Отметив, что война, начинавшаяся как европейский конфликт, переросла в схватку за мировое господство, Рузвельт указал, что если наступление гитлеризма не остановить сейчас, Западное полушарие скоро окажется в пределах досягаемости для “нацистских орудий разрушения”.

В то же время, глава Белого дома подчеркнул, что державам “оси” никогда не достичь мирового господства без контроля над морями, для чего им

⁷⁹¹ Goebbels J. Die Zeit ohne Beispiel: Reden und Aufsätze aus den Jahren 1939/40/41. München, 1941. S. 491.

⁷⁹² DGFP. Series D. Volume 12. P. 854-861.

необходимо сокрушить Великобританию, после чего добавил: “Никакие фальшивые аргументы, никакая игра на чувствах, никакие лживые заверения вроде тех, которые Гитлер давал в Мюнхене, не заставят американский народ поверить, что вождь нацистов и его партнеры по “оси” ограничатся победой над Британией; мы знаем, что после этого они обрушатся на наше полушарие”.

В связи с этим Рузвельт заявил, что США будут решительно, используя по мере необходимости все ресурсы, препятствовать любым попыткам или угрозам Гитлера распространить нацистское господство на Западное полушарие, а также противостоять любым его попыткам установить контроль над морями. Кроме того, президент подтвердил, что Соединенные Штаты будут оказывать всю возможную помощь Британии и всем государствам, которые ведут вооруженную борьбу с гитлеризмом.

Завершая речь, Рузвельт объявил о введении в стране неограниченного чрезвычайного положения⁷⁹³. Этот шаг президента означал, что все американские службы военной, военно-морской, воздушной и гражданской обороны переводились на режим готовности к отражению актов агрессии или угроз в отношении любой части Западного полушария⁷⁹⁴.

28 мая немецкий поверенный в делах в Вашингтоне Г. Томсен, комментируя значение выступления Рузвельта, отмечал, что Соединенные Штаты намерены решительно противостоять Германии на морях. Затронув введение неограниченного чрезвычайного положения, дипломат подчеркнул, что его значение заключалось в том, чтобы продемонстрировать гражданам США серьезность ситуации. При этом основной смысл действий Рузвельта сводился к тому, чтобы задекларировать готовность страны к “противостоянию всеми средствами, в том числе военными, германским планам мирового завоевания в интересах всех демократических государств”⁷⁹⁵.

Исходя из действий американского руководства, 9 июня посол по особым поручениям К. Риттер, обеспечивавший контакты министерства иностранных дел

⁷⁹³ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1941 Volume. P. 181-194.

⁷⁹⁴ Ibid. P. 195.

⁷⁹⁵ DGFP. Series D. Volume 12. P. 901-902.

Германии с Верховным главнокомандованием вермахта, составил меморандум о текущей ситуации. Ссылаясь на начальника штаба оперативного руководства ОКВ А. Йодля, Риттер сообщал, что рейхсканцлер А. Гитлер заинтересован в том, чтобы избегать каких бы то ни было морских инцидентов с Соединенными Штатами⁷⁹⁶. С большой долей вероятности можно говорить о том, что подтверждение фюрером своих прежних взглядов было связано с недавним выступлением Рузвельта, указавшего на то, что США будут защищать свои интересы на морях.

Данная позиция президента Соединенных Штатов разделялась и его личным политическим советником Г. Гопкинсом – в меморандуме, направленном главе Белого дома, он утверждал, что “потопление парохода “Робин Мур” бросает вызов американской политике свободы морей”⁷⁹⁷.

14 июня, “в связи с объявленным президентом неограниченным чрезвычайным положением”, Вашингтон пошел на достаточно резкий шаг, “заморозив” все размещенные в США немецкие⁷⁹⁸ и итальянские активы. Кроме того, аналогичной процедуре подверглись активы оккупированных Германией европейских государств, которые не были “заморожены” ранее, а также активы нейтральных государств Старого света⁷⁹⁹.

На следующий день начальник отдела экономической политики министерства иностранных дел Германии Э. Виль, отвечая на запрос И. фон Риббентропа о возможных контрмерах, выразил идею о необходимости заблокировать все американские активы, размещенные в Третьем рейхе. При этом он указывал на необходимость проинструктировать прессу, чтобы она представляла дело таким образом, будто Германия не давала никакого повода к подобным действиям Соединенных Штатов и последствия аналогичной реакции Берлина будут для Вашингтона весьма серьезными⁸⁰⁰.

⁷⁹⁶ Ibid. P. 987-988.

⁷⁹⁷ Harry Hopkins to FDR. 14 June 1941. Box 4096. Hopkins, Harry L. PPF. FDRL.

⁷⁹⁸ Размещенные в США немецкие активы равнялись сумме в 120 миллионов рейхсмарок.

⁷⁹⁹ Wilkins M. Op. cit. P. 453-454.

⁸⁰⁰ DGFP. Series D. Volume 12. P. 1031-1033.

Американо-германские отношения вступили в фазу своего очередного обострения, приведшего к тому, что уже 16 июня заместитель государственного секретаря С. Уэллес, ссылаясь на “незаконную деятельность” немецких консульств, вручил Г. Томсену ноту, в которой говорилось о требовании Соединенных Штатов к Германии закрыть все свои консульства на территории страны и отозвать их сотрудников в срок до 10 июля 1941 г. При этом речь не шла о закрытии немецкого посольства в Вашингтоне⁸⁰¹.

Вскоре Г. Томсен от имени правительства Германии заявил С. Уэллесу протест, в котором отмечались “произвольные и необоснованные обвинения”, выдвинутые американской стороной против немецких консульств, а также указывалось на то, что действия США нарушают Договор о дружбе, торговле и консульских отношениях, заключенный обоими государствами в 1923 г.⁸⁰²

Собственно, ответ Германии на действия Вашингтона был “зеркальным” – 19 июня статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Э. фон Вайцзеккер вручил поверенному в делах США в Берлине Л. Моррису ноту, в которой указывалось, что функционирование американских консульств в Германии и на оккупированных ею территориях вызывает серьезную обеспокоенность Берлина, поскольку имеются сведения о том, что деятельность их сотрудников “наносит вред рейху” и “не является совместимой со статусом дипломатических представителей”. В связи с этим в ноте указывалось на необходимость прекращения деятельности консульств США в срок до 15 июля 1941 г.⁸⁰³

На следующий день Л. Моррис, действуя по указанию К. Хэлла, оповестил министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа, что Соединенные Штаты “категорически отвергают все подозрения в неправомерной деятельности сотрудников американских консульств”, однако отметил при этом, что Вашингтон

⁸⁰¹ Ibid. P. 1034-1036.

⁸⁰² FRUS. 1941. Volume 2. P. 630.

⁸⁰³ Ibid. P. 630-631.

в течение указанного срока удовлетворит требование Берлина по закрытию консульств и отзыву дипломатов⁸⁰⁴.

Характеризуя упомянутые обоюдные действия Соединенных Штатов и Германии, представляется логичным прийти к выводу, что Вашингтон в известной степени сам обострил ситуацию, настояв на закрытии немецких дипломатических миссий. В то же время, американская сторона располагала данными о причастности немецких дипломатов к разжиганию в стране изоляционистских настроений и попытках влияния с их стороны на некоторых политических деятелей. Таким образом, Вашингтон имел определенные основания для совершения этого, безусловно, важного шага.

20 июня Ф. Рузвельт выступил со специальным обращением к Конгрессу в связи с потоплением американского судна “Робин Мур”. Он полностью возложил ответственность на произошедшее на Германию и заявил, что США ожидают от немецкого правительства “полного возмещения понесенного ущерба”. Резюмируя выступление, президент заявил: “Произошедший инцидент – своеобразный сигнал Соединенным Штатам, нацеленный на то, что мы откажемся противостоять стремлению нацистов к мировому завоеванию... Если мы примем этот сигнал, то неизбежно подчинимся мировому доминированию главарей немецкого рейха. Мы его не принимаем и не собираемся принимать в будущем”⁸⁰⁵.

Белый дом незамедлительно стал получать письма, выражавшие как одобрение, так и осуждение прозвучавших высказываний Рузвельта по поводу инцидента с “Робин Мур”. Так, сторонники президентской линии утверждали, что Рузвельта приветствуют “все свобододлюбивые люди”. В то же время, некоторые отклики были выдержаны в противоположном духе: “Стыдитесь, что вводите народ в заблуждение своими нечестными заявлениями. Вы ведете страну к войне, несмотря на мнение народа”⁸⁰⁶.

⁸⁰⁴ Ibid. P. 631-632.

⁸⁰⁵ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1941 Volume. P. 227-230.

⁸⁰⁶ S.S. Robin Moore Incident 1941. Box 4462. OF. FDRL.

Таким образом, американцы по-прежнему не проявляли единства в своем восприятии интернационалистского курса, претворявшегося в жизнь администрацией Рузвельта.

21 июня 1941 г., на следующий день после выступления президента США, в Берлине состоялось совещание рейхсканцлера А. Гитлера и главнокомандующего кригсмарине гросс-адмирала Э. Редера. Одним из основных итогов встречи стало то, что фюрер настоял на принятии директивы, в которой указывалось на необходимость “избегать даже возможности возникновения морских инцидентов с США, пока не прояснится ход проведения операции “Барбаросса”⁸⁰⁷.

Вступая в войну с Советским Союзом, нацистская Германия, помимо решения основных континентальных задач по расширению “жизненного пространства”, стремилась к тому, чтобы гарантировать себя от возможных осложнений, связанных со все более ярко проявлявшейся международной активностью Соединенных Штатов.

Состояние американо-германских отношений в период с апреля 1940 г. по июнь 1941 г. определялось целым рядом объективных факторов, важнейшими из которых были капитуляция Франции и последовавшее за ней нарастание нацистской угрозы в отношении Великобритании.

Осознание масштаба проблем, с которыми могли столкнуться Соединенные Штаты в случае немецкого триумфа в разворачивавшейся “битве за Англию”, побуждало американское руководство как к действиям по существенному увеличению военного потенциала страны, так и по расширению помощи Великобритании, с огромным трудом сдерживавшей гитлеровский натиск. Убежденный в необходимости реализации этих мер и их прямом соответствии национальным интересам США, Ф. Рузвельт смог преодолеть по-прежнему мощный изоляционистский настрой Конгресса, в очередной раз проявив себя в качестве активного интернационалиста. Американо-британское соглашение “эсминцы в обмен на базы”, расцененное немецкой пропагандой как “вопиющее

⁸⁰⁷ Fuehrer Conferences on Naval Affairs//Brassey's Naval Annual. L., 1948. P. 219-221.

нарушение нейтралитета”⁸⁰⁸, а также принятие закона о ленд-лизе свидетельствовали о том, что Вашингтон явно рассчитывал на продолжение английского сопротивления натиску рейха.

Формально оставаясь невоюющим государством и сохраняя нейтралитет, США оказывали ощутимую поддержку Великобритании. Таким образом, американский внешнеполитический курс был явно ориентирован против нацистской Германии, что, естественно, обостряло и без того непростые отношения Вашингтона и Берлина. Обоюдные решения о закрытии консульств закрепили свойственную им негативную динамику.

⁸⁰⁸ Bang P. Op. cit. S. 111.

Глава 3. Американо-германские отношения от нападения нацистской Германии на СССР до Перл-Харбора

§1. Соединенные Штаты и нападение нацистской Германии на СССР: реакция, оценки, выводы

22 июня 1941 г. силы вермахта вторглись на территорию Советского Союза. Началась Великая Отечественная война, ознаменовавшая собой открытие нового этапа Второй мировой войны.

Информация о нападении Германии на СССР оперативно достигла Нового света; когда временно нетрудоспособный вследствие болезни государственный секретарь США К. Хэлл был оповещен о произошедшем, он незамедлительно связался с президентом Ф. Рузвельтом и собственным заместителем С. Уэллесом и заявил им: “Мы должны предоставить России любую помощь в полном объеме, поскольку многократно говорили, что окажем содействие любой стране, противостоящей державам “оси”. Сейчас Россия, несомненно, относится к числу этих стран”⁸⁰⁹.

В тот же день в Белом доме состоялось чрезвычайное заседание администрации, посвященное рассмотрению ситуации в связи с началом германо-советской войны. На нем Ф. Рузвельт заявил, что Германия “совершила еще один акт агрессии” и это усложнило международную обстановку, поставив перед США новые проблемы в области внешней политики⁸¹⁰.

Посол СССР в Вашингтоне К.А. Уманский в день германского нападения сообщил наркому иностранных дел В.М. Молотову, что “буквально вся Америка живет только вопросами германского нападения на нас”, а также отметил, что Рузвельт и администрация заняли в этом отношении “молчаливую, выжидательную позицию”, что, по его словам, отчасти объяснялось необходимостью осторожного противостояния достаточно мощному изоляционистскому импульсу⁸¹¹.

⁸⁰⁹ Hull C. Op. cit. Volume 2. P. 967.

⁸¹⁰ Цит. по: Тавровская Г.М. К вопросу о создании антигитлеровской коалиции (июнь 1941 г. – июнь 1942 г.)//Вопросы истории. 1957. № 12. Стр. 79.

⁸¹¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941-1943. М., 1984. Стр. 42-43.

Что касается немецких оценок возможной реакции Соединенных Штатов на начавшееся противостояние, то 22 июня начальник генерального штаба верховного командования сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер зафиксировал в своем дневнике позицию статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. фон Вайцзеккера, который полагал, что после начала германо-советской войны Америка будет действовать в высшей степени осторожно и не присоединится к разразившемуся конфликту⁸¹². Тогда же поверенный в делах Германии в США Г. Томсен сообщил в Берлин, что отсутствие официального комментария о начале германо-советской войны является признаком дилеммы, с которой столкнулась американская администрация в вопросе об отношении к начавшемуся противостоянию, отметив, что вряд ли стоит ожидать быстрого установления дружественных или союзнических отношений Вашингтона и Москвы в силу “идеологических и практических причин”⁸¹³.

Тем не менее, официальная реакция Соединенных Штатов на очередной акт немецкой агрессии была обнародована уже на следующий день. Выступая на пресс-конференции, ее обозначил исполняющий обязанности государственного секретаря С. Уэллес. Он осудил “вероломное нападение Гитлера на Советскую Россию”, заявив лишь, что “любая оборона от гитлеризма... послужит нашей собственной обороне и безопасности”, но одновременно подчеркнул диаметрально противоположность принципов нацизма и коммунизма, с одной стороны, и американизма – с другой⁸¹⁴.

23 июня военный министр Г. Стимсон направил президенту США служебный меморандум, в котором привел оценку перспектив войны между Германией и Советским Союзом. В нем подчеркивалось, что советско-германская война является “почти даром Провидения” для Англии и Соединенных Штатов, поскольку она хотя бы на время полностью отвлечет немецкие силы на Восток, и высказывалось твердое убеждение, что Германия разобьет Советский Союз

⁸¹² Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3. Стр. 26.

⁸¹³ DGFP. Series D. Volume 12. P. 1082.

⁸¹⁴ Цит. по: Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. Стр. 18.

“минимум за один, максимум за три месяца”⁸¹⁵. Среди высокопоставленных американских военных лишь начальник штаба сухопутных войск Дж. Маршалл допускал робкую возможность того, что СССР удастся выстоять в начавшейся войне⁸¹⁶.

Отметим также, что в тот же день министр внутренних дел США Г. Икес в частном обращении к Ф. Рузвельту выдвинул достаточно неожиданное предложение созвать в Вашингтоне международный демократический антинацистский конгресс, однако президент ответил, что ввиду стремительно усложнившейся международной обстановки эта инициатива едва ли может быть реализована⁸¹⁷.

Вскоре появились и первые отклики изоляционистов на разразившийся конфликт. В специально выпущенном бюллетене комитета “Америка прежде всего” утверждалось: “Вступление в войну Советской России полностью снимает вопрос о присоединении к ней Соединенных Штатов... Нам следует оставаться в стороне от этого европейского конфликта”⁸¹⁸. Члены Конгресса также выступили с рядом заявлений. Сенатор Б. Кларк отметил: “Я не думаю, что мы должны оказывать помощь кому-либо из них. Нам следует сосредоточиться на собственных делах”⁸¹⁹. В схожем ключе высказался его коллега Б. Уилер: “Пусть Сталин и другие диктаторы бьются между собой до конца”⁸²⁰. Широко известна фраза Г. Трумэна: “Если мы увидим, что побеждает Германия, то нам надо помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует оказывать помощь Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно дольше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах”⁸²¹.

Согласно озвученным мнениям, лейтмотивом поведения Соединенных Штатов должны были стать отстраненное наблюдение за развитием ситуации и воздержание от содействия Советскому Союзу. Кроме того, в них отсутствовало

⁸¹⁵ Henry Stimson to FDR. 23 June 1941. Stimson, Henry L. Box 20. PPF. FDRL.

⁸¹⁶ Doenecke J. Storm on the Horizon. The Challenge to American Intervention, 1939-1941. Lanham, 2003. P. 225.

⁸¹⁷ Harold Ickes to FDR. 23 June 1941. Nazism. Box 5776. PPF. FDRL.

⁸¹⁸ Cole W. America First. The Battle against Intervention 1940-1941. Madison, 1953. P. 85.

⁸¹⁹ New York Times. 24.06.1941.

⁸²⁰ New York Times. 23.06.1941.

⁸²¹ New York Times. 24.06.1941.

конкретное осуждение агрессивных действий со стороны нацистской Германии. Следует упомянуть, что приведенные заявления принадлежали демократам – однопартийцам президента США Ф. Рузвельта.

Что касается самого Рузвельта, то в ходе состоявшейся 24 июня пресс-конференции он полностью поддержал заявление С. Уэллеса, добавив, что его страна намерена оказать России всю помощь, какую только сможет. Он, однако, не уточнил, какую форму приобретет данная помощь и будет ли распространен на СССР закон о ленд-лизе⁸²². В тот же день министерство финансов сняло запрет на использование 40 миллионов долларов советских фондов в США, “замороженных” 14 июня 1941 г. наряду с активами ряда других государств⁸²³. Эта мера недвусмысленно указывала на готовность американской администрации к оказанию содействия Советскому Союзу ввиду резко изменившейся обстановки в Европе.

Вскоре после этого появились очередные комментарии со стороны изоляционистов. Теперь они принадлежали членам республиканской партии. Так, Ф. Осмерс произнес: “Еще вчера мы воспринимали все, связанное с коммунистической Россией, в сугубо негативном ключе. Сегодня же нам говорят, что она является нашим союзником”⁸²⁴. Дж. Ворис высказался более категорично: “Никто из нас не хочет, чтобы война между ними [Гитлером и Сталиным] завершилась чьим-либо триумфом... Даже если они оба завтра умрут, их системы останутся... Наш смертельный враг – тоталитарный строй как таковой...”⁸²⁵. Схожую точку зрения обозначил Р. Рич, выступив с призывом никоим образом не вмешиваться в войну и “предоставить коммунизму и гитлеризму возможность сражаться между собой до самого конца”⁸²⁶.

25 июня 1941 г. ведущее деловое издание США “Уолл Стрит Джорнал”, анализируя начало войны между Германией и СССР, в саркастической манере

⁸²² Complete Presidential Press Conferences of Franklin Delano Roosevelt. Volume 17. N.Y., 1972. P. 409-410.

⁸²³ Wilkins M. Op. cit. P. 454. 14 июня 1941 г. Соединенные Штаты, исходя из ранее провозглашенного неограниченного чрезвычайного положения, “заморозили” активы Германии, Италии и оккупированных ими государств, а также применили аналогичную меру в отношении активов нейтральных на тот момент европейских стран, в том числе и Советского Союза.

⁸²⁴ CR. 1941. Volume 87. Part 5. P. 5460.

⁸²⁵ Ibid. Part 12. P. A3100.

⁸²⁶ Ibid. Part 5. P. 5461.

отмечало: “Американский народ знает, что принципиальная разница между мистером Гитлером и мистером Сталиным определяется только величиной их усов. Союз с любым из них будет оплачен престижем страны”⁸²⁷. В тот же день в крупнейшей изоляционистской газете “Чикаго Трибьюн” можно было прочитать: “Величайшая надежда Америки состоит в том, что Гитлер и Сталин уничтожат друг друга”⁸²⁸.

Подход изоляционистски ориентированных политиков и средств массовой информации к противостоянию Берлина и Москвы явственно отражал их цели, заключавшиеся в отстаивании традиционных постулатов, сохранении и упрочении сложившихся внешнеполитических принципов. Приверженность резко устаревавшим представлениям насчет обособленности Соединенных Штатов от международных процессов сочеталась в данных суждениях с явным непониманием человеконенавистнического характера нацистских устремлений, с неверной трактовкой сущности событий, разворачивавшихся в Старом свете. Агрессивные действия Германии не встречали никакой критики, а догматическое следование укоренившимся идеологическим клише в отношении СССР абсолютно не соответствовало сложившимся реалиям.

Практически единственным выступлением интернационалистской направленности, произнесенным “по горячим следам” нападения Германии на Советский Союз, стала речь конгрессмена-демократа Э. Кефопера. Подчеркнув, что произошедшее событие подтверждает стремление Гитлера к мировому господству, политик заявил, что приветствует помощь любому государству, которое стремится к оказанию сопротивления нацизму. Упомянув, впрочем, что коммунизм сам по себе тоже неприемлем, он подытожил: “Сейчас нет времени, чтобы погружать Америку в споры об идеологиях. Нельзя допустить, чтобы Гитлер, захватив зерно и нефть, набросился на нас, пока мы дискутируем на академические темы”⁸²⁹.

⁸²⁷ Wall Street Journal. 25.06.1941.

⁸²⁸ Chicago Tribune. 25.06.1941.

⁸²⁹ CR. 1941. Volume 87. Part 5. P. 5485.

Соотношение приведенных мнений и оценок указывало на то, что инициативы администрации были восприняты весьма настороженно и не смогли поколебать общий настрой преимущественно изоляционистского Конгресса, а также средств массовой информации, выражавших схожие суждения. Традиционалистские воззрения по-прежнему оставались доминирующими.

25 июня 1941 г. стало известно, что Ф. Рузвельт не намеревается применять в отношении Советского Союза ограничения, предписанные действием закона о нейтралитете⁸³⁰. Практический смысл решения состоял в том, что СССР получал право закупать в США военные материалы, а американские торговые суда сохраняли возможность заходить во Владивосток⁸³¹. Этот шаг, вкупе с “разморозкой” советских счетов, свидетельствовал о готовности Вашингтона к изменению прежних принципов взаимодействия с Москвой.

Однако, комментируя заявление президента, влиятельная газета “Вашингтон Пост” отмечала: “Любая подобная помощь непременно вызовет смятение в умах американцев. Будет нелегко убедить их, что помощь Советскому Союзу соответствует нашим собственным интересам ровно в той же степени, как и помощь Великобритании”⁸³². Вскоре также состоялась встреча советского посла К.А. Уманского с исполняющим обязанности государственного секретаря С. Уэллесом, подтвердившая заявленную ранее позицию руководства Соединенных Штатов относительно начавшейся войны⁸³³.

Изоляционисты Конгресса внимательно следили за действиями администрации. Оценивая ее подход к германо-советскому противостоянию, конгрессмен-республиканец К. Хоффман полагал, что “политика Рузвельта поставила нас наравне с врагами прогресса, процветания и свободы”⁸³⁴. Сенатор-республиканец Р. Тафт отметил, что победа “привлекательного для масс”

⁸³⁰ Президент США не стал издавать прокламацию с определением зон боевых действий применительно к начавшейся войне между Германией и СССР. Подобная прокламация запрещала нахождение американских судов в данных зонах или проход через них.

⁸³¹ Коваль В.С. Указ. соч. Стр. 154; Langer W., Gleason S. The Undeclared War, 1940-1941. N.Y., 1953. P. 541.

⁸³² Washington Post. 28.06.1941.

⁸³³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1984. Т. 1. Стр. 45-46.

⁸³⁴ CR. 1941. Volume 87. Part 12. Appendix. P. 3046.

коммунизма будет для США опаснее, чем триумф фашизма⁸³⁵. Конгрессмен Г. Фиш разделил точку зрения своего идейного соратника и выразил веру в то, что Америка останется в стороне от “омерзительной европейской склоки”⁸³⁶. Подобные высказывания были напрямую связаны с постулатом о невмешательстве в “зарубежные противоречия”, безоговорочно разделявшегося изоляционистами и воспринимавшегося в качестве условия, гарантировавшего национальную безопасность Соединенных Штатов.

В этом отношении важно подчеркнуть, что немецкие документы показывают, что в самой Германии также очень серьезно рассчитывали на невмешательство США. В частности, 28 июня 1941 г. немецкий министр иностранных дел И. фон Риббентроп в письме к послу в Японии О. Отту отмечал, что “[Наша] война с Россией может оказаться лучшим аргументом для удержания США вне войны”⁸³⁷. В то же время, следует отметить, что рейх продолжал реагировать и на антигерманские действия Соединенных Штатов, прямо не связанные с нападением на СССР: 27 июня министр экономики Германии В. Функ уполномочил органы валютного контроля ограничить платежный оборот с Соединенными Штатами и урезать права американских граждан, владевших в Германии каким-либо имуществом. Этот шаг представлял собой ответную меру на “заморозку” немецких активов в США, произошедшую в середине июня 1941 г.⁸³⁸

Тем временем в США произошла определенная активизация интернационалистов. Комментируя ситуацию, они поддерживали стремления администрации, указывая, однако, на ряд сложностей, которые могли возникнуть при их выполнении: сенатор-демократ Г. Бирд отметил ограниченный уровень производства военной продукции в США, а его коллега К. Гласс подчеркнул неизбежную обременительность для бюджета реализации соответствующей программы⁸³⁹.

⁸³⁵ Ibid. P. 3077.

⁸³⁶ New York Times. 27.06.1941.

⁸³⁷ DGFP. Series D. Volume 13. P. 41.

⁸³⁸ Wall Street Journal. 28.06.1941.

⁸³⁹ Washington Post. 29.06.1941.

При этом в выступлениях интернационалистов неизменно присутствовали упоминания о глобальной угрозе, которую заключала в себе немецкая агрессия. Демократ А. Сэбет обратил внимание на то, что конечным устремлением нацистов является завоевание не только Советского Союза, но и Соединенных Штатов: “Предоставление помощи русским... целиком соответствует нашей выгоде и обороне. Любим мы коммунистическую форму правления или нет, мы не можем оставаться слепы к тому, что Россия... борется против гитлеризма, нацеленного на уничтожение демократии во всем мире” – резюмировал политик ⁸⁴⁰. Сенатор-демократ К. Пеппер, воспринимавшийся немецкой пропагандой в качестве “выразителя интересов Белого дома”⁸⁴¹, раскритиковал изоляционистский подход к германо-советскому противостоянию и подчеркнул, что победа рейха над Россией в начавшейся войне представляет непосредственную опасность для Соединенных Штатов: “Какая другая мощная страна поднимется, чтобы сдержать Гитлера, тем самым остановив его продвижение на пути к нам?...”⁸⁴²

Правомерно утверждать, что приверженцы интернационализма, одобрявшие инициативы администрации, в достаточно полной мере осознавали качественно новый уровень угрозы, которую представляли собой действия нацистской Германии на международной арене. Поддержка СССР при этом рассматривалась ими в качестве действенного фактора, который сможет повлиять на развитие событий и обусловить советскую победу, устранив тем самым гипотетическую возможность собственного столкновения с силами вермахта.

Затрагивая в своем дневнике проблему восприятия Соединенными Штатами начавшейся германо-советской войны, министр народного просвещения и пропаганды Германии Й. Геббельс 30 июня 1941 г. отметил: “Изоляционистский лагерь начинает брать верх... В США нарастает раскол общественного мнения. Изоляционисты и церковные круги яро выступают против вовлечения в войну”⁸⁴³. В тот же день представитель министерства иностранных дел Германии при

⁸⁴⁰ CR. 1941. Vol. 87. Part 5. P. 5550.

⁸⁴¹ Schadewaldt H. Op. cit. S. 84.

⁸⁴² Ibid. Part 12. P. A3216.

⁸⁴³ Goebbels J. Die Tagebücher. Teil 1. Band 4. S. 727-728.

верховном командовании сухопутных сил Х. фон Этцдорф констатировал, что в Соединенных Штатах “ощутимо усилилась антивоенная партия. На данный момент кажется, что возможность американского вмешательства исключена”⁸⁴⁴.

Тем не менее, в дипломатических кругах Третьего рейха существовали и иные точки зрения на поведение заокеанской державы в свете разворачивавшихся событий. Бывший посол в Вашингтоне Г. Дикгоф не исключал возможности вмешательства в ситуацию Соединенных Штатов уже в ближайшем будущем. Так, в начале июля 1941 г. он полагал, что Рузвельт уже готов к этому⁸⁴⁵. Очевидно, Дикгоф несколько переоценивал степень “интервенционистского” настроения администрации США, но в то же время осознавал, что Вашингтон склонен к тому, чтобы поддержать Москву, причем не только на декларативном уровне.

Тем временем был запущен процесс определения конкретных путей американо-советского сотрудничества. 30 июня состоялась очередная встреча К.А. Уманского и С. Уэллеса, в ходе которой советский посол передал исполняющему обязанности государственного секретаря подготовленный в Советском Союзе официальный запрос на необходимые военные поставки. Уэллес заверил, что в ближайшее время ознакомит президента Рузвельта с содержанием заявки и что американская администрация безотлагательно приступит к ее рассмотрению⁸⁴⁶. Таким образом, Белый дом подтверждал формальную готовность к началу выстраивания конструктивного партнерства с СССР в деле совместного противодействия гитлеровской агрессии.

Реагируя на данный эпизод, изоляционисты вновь выступили категорически против вовлечения в войну, в какой бы форме оно ни происходило. Конгрессмен-республиканец Г. Фиш подверг действия руководства страны ожесточенной критике, упомянул про стремление администрации трансформировать “ленд-лиз в Ленин-лиз” и выразил однозначную, на его взгляд, позицию граждан США в означенном вопросе: “В день нападения одного диктатора на другого американцы

⁸⁴⁴ Цит. по: Friedländer S. Op. cit. P. 254-255.

⁸⁴⁵ Ibid. P. 253.

⁸⁴⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1984. Т. 1. Стр. 49.

сделали выбор – они решили остаться в стороне от этой страшной смуты, предоставив нацистам и коммунистам возможность сойтись в ожесточенной схватке друг с другом”⁸⁴⁷. С ним полностью солидаризовался однопартиец Л. Тилл: “Для американцев наилучшим вариантом будет, чтобы Гитлер и Сталин, два беспощадных диктатора, сражались между собой, а мы бы занялись наведением внутреннего порядка и выстраиванием собственной обороны”⁸⁴⁸. Республиканец Ф. Брэдли отметил, что линия поведения Соединенных Штатов в сложившейся ситуации должна определяться принципом “держат порошок сухим и помалкивать”⁸⁴⁹. Характерно, что в подобной риторике друг к другу практически напрямую приравнивались нацизм, являвшийся агрессором, и коммунизм, ставший жертвой агрессии.

Еще более прямолинейно 1 июля высказался один из лидеров комитета “Америка прежде всего” Ч. Линдберг; он заявил, что предпочел бы видеть Америку скорее даже в союзе с гитлеровской Германией, нежели с “жестокой, безбожной и варварской Россией”⁸⁵⁰. На следующий день газета “Уолл Стрит Джорнал” писала: “Победа России будет представлять для США большую угрозу, нежели победа Германии”⁸⁵¹.

Исходя из приведенных позиций и точек зрения, представляется необходимым упомянуть про вывод министра народного просвещения и пропаганды Германии Й. Геббельса, сделанный 5 июля относительно американской реакции на германо-советское противостояние: “В США углубляется раскол общественного мнения. Заигрывание с большевизмом увеличивает число врагов Рузвельта”⁸⁵².

В контексте мнения, зафиксированного Геббельсом, весьма интересной также выглядит оценка У. Буллита, несколько ранее обозначившего в письме к Ф. Рузвельту достаточно схожие воззрения: “Общественное мнение сбито с толку.

⁸⁴⁷ CR. 1941. Volume 87. Part 12. Appendix. P. 3188.

⁸⁴⁸ Ibid. P. 3324.

⁸⁴⁹ Ibid. P. 3207.

⁸⁵⁰ Chicago Tribune. 02.07.1941.

⁸⁵¹ Wall Street Journal. 02.07.1941.

⁸⁵² Goebbels J. Die Tagebücher. Teil 1. Band 4. S. 735.

Начало распространяться ощущение, что... коммунисты стали друзьями демократии”⁸⁵³.

В то же время, интернационалисты подвергали доводы изоляционистов ожесточенной критике. Демократ Дж. Дингелл охарактеризовал прозвучавшие призывы к пассивному выжиданию как “убийственную ложь”⁸⁵⁴. К. Пеппер поддержал эту точку зрения: “Они [изоляционисты] хотят, чтобы американцы оказали содействие Гитлеру, отказавшись от предоставления помощи его врагам...”⁸⁵⁵. Обосновывая недалекость этого подхода, сенатор отметил, что “Россия – не на пути к Атлантике, а практически здесь – ее пограничные укрепления можно увидеть с Аляски. И когда Гитлер доберется до них, его жадные глаза каждый день будут пристально смотреть на восходящее солнце, которое озаряет богатство и славу нашей страны”⁸⁵⁶. Как представляется, настрой интернационалистов был весьма корректно определен Р. Джервисом – “они полагали, что победа Германии подвергнет опасности национальную безопасность Соединенных Штатов и считали, что Гитлер может быть разбит за счет американской помощи”⁸⁵⁷.

Кроме того, министр внутренних дел Г. Икес вновь выступил с упреками в адрес категоричной, если не сказать пронацистской, позиции Ч. Линдберга. В частности, он заявил, что “все пламенные речи Линдберга поощряют действия Гитлера и остужают решимость американцев противостоять фюреру и нацизму”⁸⁵⁸.

Интернационалистские воззрения также были отображены на страницах газеты “Нью-Йорк Геральд Трибьюн”: “Если США останутся в стороне от германо-советской войны, то это будет выгодно только Гитлеру, ибо, провозглашая, что он руководствуется только антикоммунизмом, фашистский

⁸⁵³ William Bullitt to FDR. 1 July 1941. William C. Bullitt, 1933-1944. Box 1124. PPF. FDRL.

⁸⁵⁴ CR. 1941. Vol. 87. Part 5. P. 5801.

⁸⁵⁵ Ibid. Part 12. Appendix. P. 3296.

⁸⁵⁶ Ibid.

⁸⁵⁷ Jervis R. Op. cit. P. 131.

⁸⁵⁸ Цит. по: Cole W. Charles A. Lindbergh and the Battle against American Intervention in World War II. N.Y., 1974. P. 132.

диктатор стремится вызвать “паралич воли” в США”⁸⁵⁹. Таким образом, поддержка СССР по-прежнему воспринималась интернационалистами в качестве меры, выполнение которой непосредственно отвечало интересам Соединенных Штатов.

Однако, Соединенные Штаты летом 1941 г. также совершали антигерманские внешнеполитические действия, не находившиеся в прямой зависимости от нападения Третьего рейха на СССР. Так, 7 июля президент Ф. Рузвельт объявил о том, что американские войска оккупируют Исландию⁸⁶⁰. Данная мера только по времени совпала с началом реализации нацистского плана “Барбаросса”. Переговоры с британскими⁸⁶¹ и исландскими властями о возможности осуществления подобного шага начались задолго до июля. Оккупация была отчасти предвосхищена 27 мая 1941 г. заявлением Рузвельта о введении в стране неограниченного чрезвычайного положения, в котором, среди прочего, отмечалась необходимость защиты Западного полушария⁸⁶².

По итогам предшествовавших переговоров и консультаций правительство островного государства согласилось принять защиту от США, и 1 июля целевая группа американских военно-морских пехотинцев в составе около 4000 человек отправились в Исландию. Вечером 7 июля корабли стали на якорь на внешнем рейде Рейкьявика, а 8 июля части морской пехоты, встреченные шотландским гарнизоном, который они должны были сменить, начали высадку⁸⁶³.

Вскоре командующий Атлантическим флотом США адмирал Э. Кинг отметил, что Исландия в стратегическом отношении начинает рассматриваться как территория, относящаяся к Западному полушарию. Помимо этого, он объявил официальную причину американских действий, заключающуюся в необходимости осуществления превентивных мер: “Оккупация Исландии державой, не имеющей

⁸⁵⁹ New York Herald Tribune. 10.07.1941.

⁸⁶⁰ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1941 Volume. P. 255-264

⁸⁶¹ С 10 мая 1940 г. Исландия была оккупирована британскими войсками.

⁸⁶² The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1941 Volume. P. 181-196.

⁸⁶³ Морисон С. Указ. соч. Стр. 119.

суверенных прав на территории Западного полушария, будет представлять серьезную угрозу Гренландии и северной части Американского континента, а также всему судоходству в северной части Атлантики и потоку вооружения, направляемому в Англию”⁸⁶⁴. Проведенные в скором времени опросы общественного мнения показали, что 61 % американцев поддерживал оккупацию Исландии⁸⁶⁵.

Добавим, что 19 июля Э. Кинг издал приказ, согласно которому американские военные корабли приступали к конвоированию судов, плавающих под флагами США и Исландии в северной части Атлантического океана. При этом им было разрешено брать на себя конвоирование судов других национальностей, если “этого требовала обстановка”⁸⁶⁶.

Таким образом, Вашингтон осуществил меры, ставшие весьма показательными как в стратегическом, так и в идеологическом плане. Американские военные утвердились на территории европейского государства, а Берлин получил достаточно отчетливый сигнал, свидетельствовавший о решимости США свести к минимуму потенциальную угрозу Западному полушарию, отстаивая тем самым свои интересы, в том числе и на просторах Атлантики.

Однако, необходимо отметить, что новость об оккупации Исландии не вызвала на Капитолии особого энтузиазма, встретив среди членов Конгресса преимущественно негативные отклики. Так, 9 июля республиканец Ф. Осмерс заявил, что она представляет собой “объявление войны в обход Конгресса”, добавив, что “будет очень удивлен, если она не приведет к вооруженному столкновению между Соединенными Штатами и Германией в течение следующих нескольких недель”⁸⁶⁷. В тот же день его однопартиец К. Хоффман подчеркнул, что, отправив в Исландию контингент морских пехотинцев, президент США нарушил собственное предвыборное обещание не посылать американских солдат

⁸⁶⁴ Там же. Стр. 117-118.

⁸⁶⁵ The Gallup Poll. Public Opinion, 1935-1971. Volume 1: 1935-1948. N.Y., 1972. P. 291.

⁸⁶⁶ Цит. по: Морисон С. Указ. соч. Стр. 120.

⁸⁶⁷ CR. 1941. Volume 87. Part 12. Appendix. P. 3300.

участвовать в иностранных войнах⁸⁶⁸. 10 июля сенатор-изоляционист Р. Тафт отметил, что действия Рузвельта не только незаконны, но и вполне могут быть приравнены к агрессивному военному акту. Кроме того, он прямо обозначил, что оккупация Исландии не может являться оборонительной мерой, поскольку “Германия не совершает в отношении Соединенных Штатов враждебных действий и находится с нами в состоянии мира”⁸⁶⁹.

В свою очередь, поверенный в делах Германии в Вашингтоне Г. Томсен, комментируя факт оккупации Исландии Соединенными Штатами, выразил суждение, что Рузвельт умело пользуется “узурпированной” им властью для осуществления внешнеполитических решений и стремится настраивать общественное мнение в поддержку осуществляемых мер по “обороне” страны⁸⁷⁰. В словах дипломата сквозило заметное расстройство, вызванное тем, что Вашингтон сумел достаточно оперативно реализовать не самое простое действие, влекущее за собой усиление позиций США в североатлантическом регионе.

14 июля начальник отдела по связям со средствами массовой информации министерства иностранных дел Германии К. Мегерле представил И. фон Риббентропу меморандум, в котором утверждалось, что оккупация Соединенными Штатами Исландии, а также “дальнейшие притязания на Ирландию, испанские и португальские острова в Атлантике” позволяют Германии развить концепцию “европейской доктрины Монро”. Для ее реализации предлагалось постепенно вовлекать в орбиту своего влияния Скандинавию (ставя акцент на возможности столкновения скандинавских государств с оккупированной американцами Исландией), а также Португалию и Испанию (пропагандируя опасность утраты ими заморских владений)⁸⁷¹. Данная инициатива, впрочем, не обрела никакой поддержки: видимо, на это повлияли как изрядная гипотетичность доводов Мегерле, так и затруднительность осуществления мер по преодолению нейтралитета, официально зафиксированного Швецией, Португалией и Испанией.

⁸⁶⁸ Ibid. P. 3325.

⁸⁶⁹ Ibid. Part 6. P. 5926.

⁸⁷⁰ DGFP. Series D. Volume 13. P. 101-102.

⁸⁷¹ Ibid. P. 137.

Отметим также, что в двусторонних отношениях шел процесс эвакуации дипломатических работников, обусловленный соответствующими июньскими постановлениями Вашингтона и Берлина: 12 июля государственный департамент США разрешил германскому генеральному консулу в Нью-Йорке Г. Борхерсу и генеральному консулу в Сан-Франциско Ф. Видеманну покинуть страну и направиться в Японию, а остальным консульским представителям Германии – в Португалию. Германия, в свою очередь, разрешила консульским представителям США выехать на родину через Турцию⁸⁷².

Тем временем на самом высоком уровне продолжались американо-советские встречи относительно реализации программы военных поставок. 10 июля 1941 г. президент США Ф. Рузвельт принял К.А. Уманского. Отвечая на вопрос о ходе выполнении советской заявки, глава Белого дома лишь дал понять, что вопрос находится в стадии рассмотрения⁸⁷³. На следующий день состоялась беседа советского посла с Г. Гопкинсом, личным политическим советником Рузвельта. С американской стороны, однако, вновь не последовало конкретных заявлений о поставках.

Начало оказания помощи явно откладывалось, что в значительной степени было обусловлено нелогично затянутой бюрократической проработкой полученного запроса: “Список попадал из одного ведомства в другое; каждое подвергало его скрупулезному изучению с точки зрения собственных возможностей и почти неизменно отклоняло”⁸⁷⁴. Естественно, формалистические проволочки не служили делу скорейшего налаживания военного сотрудничества двух государств, заметно усложняя и без того непростую ситуацию.

21 июля в специальном обращении к Конгрессу президент Ф. Рузвельт заявил, что “опасность сейчас определенно больше, чем год назад. Каждое германское завоевание все ближе приближает нацистское доминирование к

⁸⁷² Полпредство СССР в Германии. Отдел печати. Хроника политических событий по Германии. 1941 г. АВП РФ. Ф. 82. Оп. 25. Папка 88. Д. 31. Л. 35.

⁸⁷³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1984. Т. 1. Стр. 58-61.

⁸⁷⁴ Langer W., Gleason S. The Undeclared War, 1940-1941. N.Y., 1953. P. 558.

Западному полушарию”⁸⁷⁵. Кроме того, Рузвельт ввиду действовавшего в стране “чрезвычайного положения” призвал конгрессменов увеличить срок службы призывников с 12 до 30 месяцев, что и было сделано в тот же день.

На выступление Рузвельта, судя по всему, встретившее негативное восприятие Берлина, оперативно откликнулся начальник отдела по связям со средствами массовой информации министерства иностранных дел Германии К. Мегерле, разместивший 22 июля 1941 г. в газете “Берлинер Берзен Цайтунг” статью под названием “Пылающая правда”. В ней он писал: “То, что большевистская рука, которую сердечно пожимает Рузвельт, запачкана кровью миллионов, не беспокоит его в своей больной ненависти против германского народа. Советский Союз олицетворяет в себе именно то, что Рузвельт, Хэлл и прочие обозначили как нечто такое, с чем никогда не будет иметься ни компромисса, ни дружбы. Это также не беспокоит его”⁸⁷⁶.

Интересно, что 25 июля в Нью-Йорке было объявлено о создании общественной организации “Лояльные американцы германского происхождения”. В программных документах заявлялось, что смысл ее создания заключался в том, чтобы подчеркнуть, что у подавляющего большинства граждан США немецкого происхождения нет ничего общего с гитлеризмом. В ее состав преимущественно вошли работники научной сферы, а также представители среднего бизнеса. Один из руководителей организации писал Ф. Рузвельту, что ее члены будут трудиться на благо “государства и свободы”⁸⁷⁷.

Конец июля стал периодом интенсификации советско-американских дипломатических контактов. 27 июля в Вашингтон прибыла военная миссия во главе с генералом Ф.И. Голиковым, цель которой заключалась в содействии началу реализации обещанной программы помощи. Однако, она так и не была достигнута в силу пассивности позиции, занятой представителями государственного департамента и военного министерства США, уклонявшимися от конкретных заявлений относительно сроков предоставления помощи и ее

⁸⁷⁵ CR. 1941. Volume 87. Part 6. P. 6149-6150.

⁸⁷⁶ Полпредство СССР в Германии. Отдел печати. Хроника политических событий по Германии. 1941 г. АВП РФ. Ф. 82. Оп. 25. Папка 88. Д. 30. Л. 41.

⁸⁷⁷ Gotthilf Bronisch to FDR. 25 June 1941. Germany Miscellaneous. June-August 1941. Box 198a. OF. FDRL.

объемов⁸⁷⁸. В значительной степени это было обусловлено желанием высшего руководства Соединенных Штатов твердо убедиться в целесообразности осуществления поставок Советскому Союзу, дождавшись исхода переговоров Г. Гопкинса с И.В. Сталиным, проходивших в Кремле 30 – 31 июля 1941 г. Основными задачами американского представителя являлись получение точного представления о силе сопротивления СССР и выяснение сведений о его военно-промышленном потенциале. До этого он находился в Великобритании, где вел переговоры с различными официальными лицами, а также имел беседу с советским послом И.М. Майским, предварительно обрисовавшим ситуацию на Восточном фронте. Перед вылетом из Лондона Гопкинс произнес по радио речь, в которой сказал о решимости президента США разбить Гитлера и оказать “всякую возможную помощь России, и притом немедленно”⁸⁷⁹.

Изоляционисты незамедлительно откликнулись на информацию о пребывании президентского советника в Москве. Конгрессмен-республиканец С. Дэй выразил крайнее недоумение: “По какому праву Гопкинс... уверяет Сталина в стремлении администрации начать реализацию ленд-лиза?.. Может ли кто-нибудь честно признать, что это действительно необходимо для обеспечения защиты Соединенных Штатов?”⁸⁸⁰. Его однопартиец Р. Вудруф также был обеспокоен вероятностью поддержки “кровавого русского деспотизма деньгами американских налогоплательщиков и продукцией, выпускаемой американскими рабочими”⁸⁸¹. Подобные замечания вполне отчетливо свидетельствовали об отсутствии изменений в подходе к восприятию длившейся уже более месяца германо-советской войны.

Реакция американских изоляционистов на столкновение СССР и Третьего рейха ярко проявила свойственную им специфику воззрений на разрастающийся глобальный кризис. Наиболее типичным ее проявлением были утверждения о недопустимости вовлечения в “схватку двух тоталитарных режимов”. В качестве

⁸⁷⁸ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1984. Т. 1. Стр. 83-85.

⁸⁷⁹ Цит. по: Мальков В.Л. Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004. Стр. 360.

⁸⁸⁰ CR. 1941. Volume 87. Part 13. Appendix. P. 3709.

⁸⁸¹ Ibid. P. 3676.

мотивировки, аргументировавшей ориентацию на предельно осторожную, выжидательную линию поведения, перечислялся целый ряд факторов. Главенствующим выступал тезис о необходимости отстраненного наблюдения за развитием ситуации и отказе от предоставления помощи Советскому Союзу. Заявления исполнительной власти США о возможности содействия СССР повлекли резкое осуждение со стороны представителей изоляционистского лагеря. Подчеркивая неприемлемость выстраивания сотруднических отношений с социалистическим государством, которое на протяжении десятилетий воспринималось исключительно негативно, они рассчитывали утвердить в общественном сознании идею об “аморальности” поддержки Советского Союза. Кроме того, за антисоветскими высказываниями и враждебной позицией изоляционистов крылось опасение, о котором говорилось вновь и вновь, что победа над гитлеровской Германией (тем более в союзе с СССР) приведет к распространению коммунизма в Европе и по всему миру⁸⁸².

Наряду с политико-идеологическими суждениями о невмешательстве, на Капитолии бытовали также сугубо утилитарные воззрения, согласно которым поддержка Советского Союза обречена на неудачу и не может привести к положительному эффекту. Их основной смысл сводился к тому, что сопротивление русских окажется непродолжительным и будет сломлено в обозримом будущем. В результате, поставленные оружие и материалы попадут в руки нацистов и будут затем обращены против Соединенных Штатов. Подобное мнение разделяли и американские военные аналитики: “Считалось, что война в России завершится к 1 августа. Сторонники этой точки зрения полагали очевидным, что любое оружие, которое мы пошлем, достанется Гитлеру”⁸⁸³.

Начало войны между Германией и СССР явилось важнейшим фактором, усилившим борьбу изоляционистов против сближения с Москвой и подтвердившим их приверженность традиционалистским внешнеполитическим доктринам. Следование данной линии в условиях ширившейся нацистской

⁸⁸² Егорова Н.И. Указ. соч. Стр. 209-210.

⁸⁸³ Стеттиниус Э. Ленд-лиз – оружие победы. М., 2000. Стр. 121.

агрессии являлось убедительным свидетельством трансформации изоляционизма в реакционное течение, не отвечавшее реалиям сложившегося международного контекста. Его регрессивный, ярко выраженный эгоистический характер отчетливо проявлялся в стремлении к сохранению строгого нейтралитета и полному обособлению от происходивших событий. Непонимание подлинного масштаба катастрофы, с которой Соединенные Штаты были бы вынуждены столкнуться в случае немецкой победы, влекло за собой явную недооценку значимости развернувшегося в Европе противоборства.

Замыкая в стремительно усложнявшихся международных условиях государственный интерес США на необходимости воздержания от поддержки противостоявших гитлеризму держав, а также продвигая идею о географической неприступности и защищенности страны водами двух океанов, изоляционисты, фактически, “играли на руку” Третьему рейху. По словам исследователя Р. Осгуда, оппоненты внешнеполитического курса Рузвельта “проявляли глубочайшую эмоциональную предубежденность относительно втягивания ни от кого не зависящей Америки в сети европейской политики”⁸⁸⁴.

Касаясь вопроса о государственном интересе США, представляется правомерным указать на то, что действия нацистской Германии не могли не влиять на его содержание. Расширение агрессии на Восток вкупе с продолжавшимся военным давлением немцев на Великобританию являлись для Вашингтона факторами, свидетельствовавшими о приоритетности проведения активного внешнеполитического курса. Гипотетическое поражение Советского Союза, равно как и Великобритании, ни в коей мере не соответствовало государственному интересу Соединенных Штатов и крайне осложняло бы их международное положение.

В свою очередь, осознавая степень рисков, с которыми могла столкнуться страна в случае воплощения подобного сценария, американские интернационалисты настаивали на энергичном противодействии Германии.

⁸⁸⁴ Osgood R. *Ideals and Self-Interest in America's Foreign Relations: the Great Transformation of the Twentieth Century*. Chicago, 1953. P. 378.

Рассматривая “план Барбаросса” как прелюдию к последующему решающему удару на Западе и считая поэтому гибельными последствия поражения СССР, они выступали в поддержку заявлений администрации об оказании ему помощи⁸⁸⁵. Несмотря на постоянные обмолвки о неприемлемости коммунистических принципов, основной акцент переносился на то, что именно агрессивная экспансионистская политика нацизма представляет опасность для США. Призывы к содействию Советскому Союзу, сопровождавшие выступления интернационалистов, были продиктованы стремлением избежать прямого столкновения с Третьим рейхом, избавить страну от потенциальной гитлеровской угрозы. Следует отметить, что такой ход аргументации в существенной степени начинал отражать складывавшееся в американском общественном мнении восприятие германо-советского противостояния. Согласно результатам опроса, проведенного 10 июля 1941 г. авторитетным институтом Гэллапа, 71% респондентов хотел бы видеть победителем Россию, и лишь 4% - Германию⁸⁸⁶. В Соединенных Штатах постепенно стала проявляться недвусмысленная заинтересованность в победе СССР. Возникновение этой тенденции отвечало заявленным администрацией намерениям относительно поддержки Советского Союза. Однако, Ф. Рузвельту необходимо было дождаться результатов миссии Г. Гопкинса для окончательного решения о предоставлении помощи.

Обстоятельно ознакомившись в Москве с положением дел и исходя из реальных фактов, представитель президента пришел к убеждению, что прогнозы о скором поражении Советского Союза беспочвенны и что страна располагает необходимыми ресурсами для ведения продолжительной войны. 1 августа 1941 г. он телеграфировал в Вашингтон: “Я ощущаю серьезную уверенность в отношении данного фронта. Здесь имеется безусловная решимость победить”⁸⁸⁷.

Вывод Гопкинса окончательно убедил руководство США в целесообразности курса на сотрудничество с СССР. На следующий день американская администрация официально сообщила о “решении оказать все

⁸⁸⁵ Наджафов Д.Г. Нейтралитет США, 1935-1941. М., 1990. Стр. 176.

⁸⁸⁶ Public Opinion, 1935-1946. Princeton, 1951. P. 1187.

⁸⁸⁷ FRUS. 1941. Volume 1. P. 814.

осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии”, подчеркнув соответствие данной меры оборонительным интересам Соединенных Штатов⁸⁸⁸. Таким образом, стремления интернационалистов в известной степени оказались реализованы. Что касается немецкого восприятия визита Г. Гопкинса в Москву и итогов проведенных переговоров, то в Берлине испытывали нескрываемое раздражение и тревогу: ставка на разобщенность противников не подтверждалась, взаимные интересы СССР и США оказывались сильнее их противоречий, на которые так рассчитывал Гитлер⁸⁸⁹.

Вступление Советского Союза в войну с Германией сопровождалось обнародованием четких целей, которые государство будет преследовать в борьбе с гитлеризмом. Они были заявлены в выступлении И. В. Сталина по радио, состоявшемся 3 июля 1941 г. “Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей, — говорил советский лидер — является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма... Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера”⁸⁹⁰.

В свою очередь, Великобритания, находившаяся в состоянии войны с Германией с 3 сентября 1939 г., и США, официально придерживавшиеся нейтралитета, но объявившие себя в конце декабря 1940 г. “арсеналом демократии”, не определяли своих целей в противостоянии с Третьим рейхом вплоть до середины августа 1941 г. Необходимость американо-английского совещания на высшем уровне, в ходе которого могла быть выработана

⁸⁸⁸ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1984. Т. 1. Стр. 95.

⁸⁸⁹ Цит. по: Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны, 1941-1945. М., 1983. Стр. 55.

⁸⁹⁰ Правда. 03.07.1941.

соответствующая программа, обусловила проведение конференции между президентом Соединенных Штатов Ф. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем. Она прошла с 9 по 12 августа 1941 г. на борту американских и британских кораблей в военно-морской базе Арджентия, расположенной на побережье канадского острова Ньюфаундленд⁸⁹¹. Помимо совещаний Рузвельта и Черчилля, повестка Атлантической конференции также включала в себя переговоры высокопоставленных дипломатов и представителей военных ведомств. Несмотря на то, что глава Белого дома отправился на встречу с британским премьер-министром, покинув Вашингтон в обстановке строгой секретности, истинный смысл происходившего не стал секретом для германского военного атташе в США Ф. фон Беттихера, который верно предугадал значение отбытия из столицы 7 августа всех руководителей армии и флота. В тот же день он сообщил о своих выводах в управление разведки и контрразведки Верховного командования вермахта⁸⁹².

14 августа 1941 г., спустя два дня после завершения конференции, США и Великобритания обнародовали итоговую декларацию, которая получила название “Атлантическая хартия”.

Ее основные положения сводились к следующему: У. Черчилль и Ф. Рузвельт заявляли, что они будут стремиться к окончательному уничтожению нацистской тирании, а также что они не претендуют на территориальные или иные приобретения, но не согласятся на территориальные изменения, которые не находятся в соответствии со свободно выраженной волей народов.

Первые лица Великобритании и США декларировали, что их страны будут уважать право народов избирать форму правления по собственному желанию; отмечалась необходимость предоставить всем государствам доступ на равных основаниях к торговле и мировым источникам сырья и о том, что после окончательной ликвидации нацистской тирании люди смогут жить в “условиях свободы от страха и нужды”. Помимо этого, Атлантическая хартия включала в

⁸⁹¹ Яковлев Н.Н. США и Англия во Второй мировой войне. М., 1961. Стр. 114-115.

⁸⁹² Beck A.M. Hitler's Ambivalent Attache: Lt. Gen. Friedrich von Boetticher in America, 1933-1941. Washington, 2006. P. 181.

себя положения, касавшиеся послевоенного времени – обеспечение принципа “свободы морей”, отказ государств от применения силы и избавление народов от бремени вооружений⁸⁹³.

Следует, однако, отметить, что в тексте декларации не были зафиксированы конкретные сроки и направления реализации обозначенной программы. При этом авторы Атлантической хартии явно игнорировали СССР и его значение на международной арене⁸⁹⁴. Тем не менее, отталкиваясь от сложившейся международной обстановки и антинацистской направленности хартии, Советский Союз счел возможным разделить ее основные положения и присоединился к ней 24 сентября 1941 г.

Что касается непосредственной реакции Третьего рейха на обнародование Атлантической хартии, то 14 августа 1941 г. на специальной конференции для представителей печати в министерстве народного просвещения и пропаганды было заявлено, что англо-американская декларация является “целиком и полностью безыскусным агитационным блефом со старой прогнившей фразеологией”. Кроме того, журналистам было рекомендовано вообще не выносить сообщения о встрече Рузвельта и Черчилля на первые полосы газет. Вместо этого им предлагалось “нейтрализовать” новость о подписании Атлантической хартии, затмив ее военными сводками с русского фронта. Также было указано на то, что не следует сосредоточивать внимание на 8 пунктах Атлантической хартии, “дабы не сделать их в мире столь же популярными, какими в свое время стали 14 пунктов Вильсона”⁸⁹⁵. Отметим, что Геббельс назвал хартию “жалкой записочкой”⁸⁹⁶.

Комментируя состоявшуюся конференцию, американские “фольксдойче” отмечали, что ее основным итог заключался в выдвижении “новой вильсонистской

⁸⁹³ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1941 Volume. P. 314-315.

⁸⁹⁴ Поздеева Л.В. Указ. соч. Стр. 316.

⁸⁹⁵ Gassert Ph. Op. cit. S. 312.

⁸⁹⁶ Goebbels J. Die Zeit ohne Beispiel: Reden und Aufsätze aus den Jahren 1939/40/41. München, 1941. S. 549.

программы мира”⁸⁹⁷, а также констатировали, что “еврейская администрация Рузвельта настроена абсолютно проанглийски”⁸⁹⁸.

В министерстве иностранных дел с санкции И. фон Риббентропа 15 августа 1941 г. была подготовлена официальная памятка, получившая название “Предписания для пропаганды против декларации Рузвельта-Черчилля”. Согласно данной памятке, в своих выступлениях по поводу Атлантической хартии немецким дипломатам и пропагандистам, работавшим на внешнеполитическом направлении, следовало опираться на зафиксированные в ней положения. Так, хартия расценивалась как “скверный плагиат вильсоновских пунктов и предательство Европы”. Наряду с этим, рекомендовалось ставить контрвопросы относительно реальности соблюдения принципа “свободы морей” и прав народов на самоопределение, насчет реальности отказа англосаксов от господства на морях; следовало озвучивать вопросы о том, не распространят ли США доктрину Монро на 5 континентов; о том, готова ли Великобритания вернуть индусам, арабам и египтянам право выбирать форму правления; о том, каким образом в СССР обстоит дела с шестым пунктом хартии, предполагавшим свободу от страха и нужды; о том, не отдадут ли Вашингтон и Лондон Европу “в качестве военного трофея” на откуп большевизму⁸⁹⁹.

Кроме того, сам И. фон Риббентроп 17 августа представил А. Гитлеру меморандум с анализом Атлантической конференции. В нем отмечалось отсутствие каких бы то ни было реально значимых результатов конференции, вследствие чего США и Великобритании оставалось лишь “декларировать громогласные пропагандистские заявления”. Кроме того, в меморандуме подчеркивалось, что действия Рузвельта представляют собой сплошной блеф, а “новые 8 пунктов Вильсона нацелены на то, чтобы обманом восстановить против нас побежденные народы, а также привести в замешательство народы союзных нам стран и обратить их против собственных правительств”⁹⁰⁰.

⁸⁹⁷ РГВА. Ф. 1275К. Оп. 5. Д. 503. Л. 8.

⁸⁹⁸ РГВА. Ф. 1275К. Оп. 5. Д. 503. Л. 26 (об).

⁸⁹⁹ Gassert Ph. Op. cit. S. 313.

⁹⁰⁰ DGFP. Series D. Volume 13. P. 321-324.

Из вышеизложенных фактов следует, что негативная реакция Третьего рейха на Атлантическую хартию во многом была проявлением отрицательного отношения к задекларированным в ней принципам, противоречившим общей нацистской доктрине. Стремление лидеров Германии замолчать произошедшее событие или придать ему несущественный характер диктовалось осознанием потенциала перечислявшихся идей, способных объединить противостоявшие гитлеризму силы для совместной борьбы с ним.

Пропаганда, направленная против Атлантической хартии и рассчитанная на рядовых граждан рейха, осуществлялась в достаточно схожей манере. Комментируя появлявшиеся на страницах немецкой печати сообщения об англо-американской декларации, один из лидеров немецкого национал-консервативного Сопротивления, дипломат в отставке У. фон Хассель⁹⁰¹ отмечал: «Существовала боязнь воздействия задекларированных 8 пунктов на умы граждан; они замалчивались... а когда не замалчивались, то в грубой форме критиковались и оспаривались»⁹⁰².

Кроме того, он полагал, что разоружение агрессивных государств, предусматривавшееся восьмым пунктом Атлантической хартии, могло быть воспринято нацистами в качестве требования одностороннего разоружения в духе Версаля, что, естественно, также обуславливало строго негативный тон оценок, применявшихся для характеристики англо-американской декларации⁹⁰³.

Следует обратить внимание, что в докладе, составленном сотрудниками одного из отделений Главного управления имперской безопасности, констатировались факты, в целом совпадавшие с заключениями У. фон Хасселя. В нем отмечалось: «Среди рядовых граждан были достаточно распространены суждения о том, что встреча [Рузвельта и Черчилля] не была столь незначительной, как это преподносится в прессе... Люди интересовались, что же именно представляет из себя план Рузвельта, который комментаторы постоянно

⁹⁰¹ Ульрих фон Хассель (1881-1944) – немецкий дипломат, посол Германии в Италии в 1932-1938 гг. Являлся одним из участников заговора против А. Гитлера, завершившегося неудачным покушением на жизнь фюрера 20 июля 1944 г. Казнён в сентябре 1944 г.

⁹⁰² Цит. по: Gassert Ph. Op. cit. S. 313.

⁹⁰³ Ibid. S. 314.

сравнивают с 14 пунктами Вильсона... У многих было чувство, что от них что-то скрывают и что им навязывается строго определенное мнение»⁹⁰⁴.

Таким образом, резюмируя значение Атлантической хартии для американо-германских отношений, подчеркнем, что данная декларация вызвала беспокойство руководителей Третьего рейха, выразившееся в форме критических оценок и суждений. Потенциал англо-американского блока оказывался существенно выше, чем он представлялся Берлину ранее.

Кроме того, англо-американская декларация служила как свидетельством твердости позиций Лондона и Вашингтона в антинацистской борьбе, так и призывом к другим государствам разделить заявленные в ней принципы. Присоединение Советского Союза к Атлантической хартии также стало весьма значимым событием на пути окончательного складывания антигитлеровской коалиции, отвечавшего интересам всех противостоявших Германии держав.

Начало германо-советского противостояния послужило поводом для поляризации общественного мнения в Соединенных Штатах. Война Берлина и Москвы воспринималась изоляционистами как положительное явление, “схватка диктаторов”. В то же время, сторонники интернационализма во всеуслышание говорили о колоссальной деструктивной мощи, которую приобретет Третий рейх, одержав победу на Востоке. Подразумевая, что затем эта мощь неизбежно будет обращена против США, интернационалисты стремились повлиять на ситуацию, активно отстаивая необходимость оказания помощи Советскому Союзу.

Американская администрация также стояла на позициях, ориентированных на противодействие нацистским устремлениям. Этот факт обусловил поддержку СССР и послужил, наряду с проведением Атлантической конференции, одной из предпосылок формирования антигитлеровской коалиции.

В свою очередь, нацистские лидеры, несмотря на принижение степени значимости Атлантической хартии на уровне официальных оценок, осознавали, что действия противников говорят о тенденции к сплочению их рядов.

⁹⁰⁴ Ibid.

Активность Соединенных Штатов, формально не участвовавших в войне, но огласивших цели, которые они будут в ней преследовать, также добавляла напряженности в германо-американские отношения.

Эта напряженность еще более усилилась в течение осенних месяцев 1941 г., ставших временем “необъявленной войны”, развернувшейся между США и Германией на просторах Атлантического океана.

§2. Необъявленная война в Атлантике (сентябрь – ноябрь 1941 г.)

Осенние месяцы 1941 г. стали временем чрезвычайного обострения американо-германских отношений. В первую очередь это было связано с многочисленными морскими инцидентами, которые позволяют исследователям характеризовать это время как период “необъявленной войны” двух государств.

Первый крупный инцидент произошел 4 сентября 1941 в 200 милях юго-западнее Исландии – его участниками стали американский эсминец “Грир”, экипаж которого возглавлял командер⁹⁰⁵ Л. Фрост, и немецкая подводная лодка U-652 под командованием обер-лейтенанта Г.-В. Фраатца⁹⁰⁶. В ходе сближения с эсминцем субмарина выпустила по нему две торпеды, которые, однако, прошли мимо цели. “Грир” провел контратаку, сбросив глубинные бомбы, но она также не принесла успеха⁹⁰⁷.

Информация об инциденте была оперативно предоставлена президенту США Ф. Рузвельту, который, ознакомившись с ней, незамедлительно направил находившемуся в Исландии контр-адмиралу Р. Гиффену радиосообщение, призывавшее его уничтожить подлодку. Гиффен, однако, испытывал сомнения в правильности данного хода, опасаясь возможных последствий двойного удара со стороны ВМФ США. Тем более, к моменту получения указания из Вашингтона

⁹⁰⁵ Воинское звание в военно-морском флоте и морской авиации США и ряда других государств.

⁹⁰⁶ Debating Franklin D. Roosevelt's Foreign Policies, 1933-1945 (Ed. by J. Doenecke and M.A. Stoler). Lanham, 2005. P. 41-43.

⁹⁰⁷ Курушин М.Ю. Стальные гробы рейха. М., 1999. Стр. 169.

U-652 скрылась от американского слежения. Таким образом, Р. Гиффен ничего не предпринял, вызвав недовольство командующего Атлантическим флотом адмирала Э.Кинга, разделявшего позицию Рузвельта⁹⁰⁸.

5 сентября президент США выступил с регулярной пресс-конференцией, в ходе которой лаконично затронул произошедший инцидент. Рузвельт отметил, что “Грир” был атакован “неоднократно” и что “инцидент произошел в светлое время суток и определенно на американской стороне Атлантического океана”⁹⁰⁹. Слова про “светлое время суток” были связаны с тем, что, по логике Рузвельта, немецкая подлодка не могла не установить принадлежность эсминца к американскому ВМФ.

В тот же день появились первые отклики изоляционистов на произошедшее столкновение – в частности, сенатор-демократ П. МакКарран заявил, что “мы высунули наш нос слишком далеко, и нам следовало ожидать чего угодно”, а сенатор-республиканец Дж. Дэнэхер выразил убеждение, что “если американские корабли и дальше будут входить в зоны военных действий, то, похоже, мы втянемся в войну”⁹¹⁰.

6 сентября министерство иностранных дел Германии выпустило коммюнике, в котором выражалась официальная реакция на произошедший инцидент. В нем утверждалось, что “немецкая подводная лодка была атакована глубинными бомбами и долгое время преследовалась в пределах зоны немецкой блокады... Американская отговорка о том, что субмарина атаковала первой, сделана для того, чтобы прикрыть нарушение нейтралитета”. В завершение было подчеркнуто, что “Рузвельт всеми силами пытается провоцировать инциденты, побуждая американский народ к войне с Германией”⁹¹¹. По сути, это коммюнике представляло собой единственное проявление официальной реакции Германии на инцидент, поскольку формального протеста на уровне внешнеполитического ведомства заявлено не было⁹¹². Военно-морской атташе США в Берлине

⁹⁰⁸ Bailey Th., Ryan P. Op. cit. P. 173.

⁹⁰⁹ Ibid. P. 175.

⁹¹⁰ New York Times. 05.09.1941.

⁹¹¹ DGFP. Series D. Volume 13. P. 455.

⁹¹² Bailey Th.; Ryan P. Op. cit. P. 177.

А. Шрадер отметил, что немецкая пресса настроена в отношении Рузвельта весьма критично и обвиняет его в поджигании войны⁹¹³.

В то же время, 6 сентября министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп обратился к поверенному в делах в США Г. Томсену с указанием попытаться немедленно установить контакт с ведущими изоляционистами Конгресса и в частных беседах с ними обозначить, что выпала уникальная возможность разоблачить президентскую политику “поджигания войны” и нанести по Рузвельту решительный удар. Кроме того, Томсену рекомендовалось ознакомить с коммюнике ведущих изоляционистов Конгресса и побудить их настроить общественное мнение в том духе, что необходимо отозвать “Грир” в порт приписки, допросить экипаж и выявить офицеров, отдавших приказ о сбросе глубинных бомб.

Резюмируя, Риббентроп обращал внимание на то, что “это шанс серьезно пошатнуть позиции Рузвельта, Нокса и Стимсона и выставить их как деятелей, вопреки воле американского народа стремящихся направить Соединенные Штаты в войну с Германией”, а также сообщал, что в Германии “на самом высоком уровне” проявляется особый интерес к данному инциденту⁹¹⁴. В связи с утверждением Риббентропа отметим, что рейхсканцлер А. Гитлер счел действия командира U-652 “абсолютно верными”⁹¹⁵.

9 сентября военно-морской атташе Белого дома Дж. Беардалл представил Рузвельту официальный доклад об инциденте с “Гриром”, в котором обозначалось, что “несомненные доказательства, подтверждающие, что экипаж субмарины знал, корабль какой страны он атакует, отсутствуют”⁹¹⁶.

В тот же день поверенный в делах Германии в США Г. Томсен сообщил И. фон Риббентропу, что установил контакты с “заинтересованными” сенаторами, а также некоторыми конгрессменами, журналистами и организациями, добавив, что деятельность на этом направлении он осуществляет крайне осмотрительно,

⁹¹³ Albert Schrader. Memorandum. 9 September 1941. Navy. Problems of Outbreak of War. Documents L. Berlin: Volume 1. Box 68. Departmental File. PSF. FDRL.

⁹¹⁴ DGFP. Series D. Volume 13. P. 454-456.

⁹¹⁵ Цит. по: Compton J. Op. cit. P. 169.

⁹¹⁶ Цит. по: Hearden P. Op. cit. P. 203.

чтобы никто не мог заподозрить немецкое влияние в развитии ситуации вокруг инцидента с эсминцем “Грир”. Также Томсен упомянул о том, что в скором времени должно состояться важное выступление Рузвельта по международной проблематике и выразил мнение, что президент США постарается “вести изоляционистов в заблуждение, подчеркнув, что инциденты являются следствием агрессивных действий Германии”⁹¹⁷.

Сведения Томсена оказались верными – 11 сентября 1941 г. глава Белого дома выступил в радиозэфире с очередной “беседой у камина”, преимущественно посвященной положению в Атлантике.

Рузвельт представил инцидент с эсминцем “Грир” как “неспровоцированную атаку на Соединенные Штаты”, являвшуюся частью нацистского плана по установлению контроля на морях и прелюдией к цели мирового доминирования. Далее президент отметил: “Мы не стремились к тому, чтобы обмениваться с Гитлером выстрелами... но когда вы видите изготовившуюся к нападению гремучую змею, вы не ждете, пока она вас укусит, а бьете ее первыми” и объявил, что американский военно-морской флот берет под свою защиту все торговые суда независимо от флага, осуществляющие перевозки в Северной Атлантике.

Подытоживая выступление, глава Белого дома провозгласил, что “если германское или итальянское военное судно появится в водах, защита которых необходима для обороны Америки, оно совершит этот шаг на свой страх и риск”⁹¹⁸. Спустя два дня Атлантический флот получил официальный приказ стрелять без предупреждения по любому военному кораблю Германии или Италии, зашедшему в американскую зону патрулирования.

Жесткое выступление президента не оставляло возможностей для его двоякой трактовки: США явственно демонстрировали готовность противостоять Германии в Атлантике. Как отмечает Н.И. Егорова, Рузвельт фактически обосновал ведение Соединенными Штатами “необъявленной войны” в Атлантике,

⁹¹⁷ DGFP. Series D. Volume 13. P. 467-469.

⁹¹⁸ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1941 Volume. P. 384-392.

хотя неоднократно подчеркивал, что предпринимаемые меры не являются “актом войны с американской стороны”⁹¹⁹.

Согласно статистическим данным института Гэллапа, 62 % американцев разделяли заявленную президентом позицию⁹²⁰. В то же время, сенаторы-изоляционисты Дж. Най и Б. Кларк, несмотря на слова Рузвельта, настаивали на всестороннем расследовании обстоятельств инцидента⁹²¹.

Исполком нью-йоркского отделения комитета “Америка прежде всего” охарактеризовал выступление Ф. Рузвельта как “потрясающий шаг к разжиганию истерии и ввязыванию нас в чужую войну”. Один из руководителей комитета, генерал Р. Вуд, опубликовал заявление 58 “известных американцев”, в котором осуждалась речь Рузвельта и подчеркивалось, что “она представляет собой серьезную угрозу конституционным полномочиям Конгресса и демократическому принципу мажоритаризма”. Интересно, что среди людей, подписавших заявление, был известный авиаконструктор Игорь Сикорский, эмигрировавший в США из Советской России в 1919 г.⁹²²

Что касается реакции американской прессы на речь Рузвельта, то оценки, приведенные на страницах изданий, весьма разнились – были высказаны как одобрительные, так и сугубо критические комментарии. При этом, однако, практически все средства массовой информации признавали чрезвычайную значимость выступления президента для будущего Соединенных Штатов в условиях ширившейся войны⁹²³.

Упомянем также, что 11 сентября, в день, когда президент произносил свою речь, грузовое судно “Монтана”, перевозившее в Рейкьявик пиломатериалы, было торпедировано немецкой подлодкой U-105 под командованием капитана Г. Шефе в 260 милях к юго-западу от исландского берега. Оно принадлежало

⁹¹⁹ Егорова Н.И. Указ. соч. Стр. 211-213.

⁹²⁰ New York Times. 03.10.1941.

⁹²¹ CR. 1941. Volume 87. Part 7. P. 7393-7394.

⁹²² Cole W. Roosevelt and the Isolationists, 1932-1945. Lincoln, 1983. P. 159-166.

⁹²³ См. CR. 1941. Volume 87. Part 13. Appendix. P. 4295-4297.

Соединенным Штатам, но шло под панамским флагом⁹²⁴. В результате атаки погибли 18 членов команды.

В тот же день состоялось еще одно событие, приковавшее к себе внимание общественности. Ч. Линдберг, выступая в городе Де-Мойн (штат Айова) на митинге, организованном комитетом “Америка прежде всего”, сделал ряд категоричных заявлений. В частности, он произнес: “Три группы подталкивают США к войне – британцы, евреи и администрация Рузвельта... Они составляют неоспоримое меньшинство нашего народа, но имеют колоссальное влияние... Величайшая опасность евреев для нашей страны заключается в том, что в их руках сосредоточены крупная собственность и рычаги влияния в кинематографе, прессе, радио, а также в административной сфере”⁹²⁵.

Высказывания Линдберга молниеносно приобрели скандальную известность. Американская общественность отреагировала на его пассажи крайне негативно, следствием чего стало заметное усиление критики изоляционизма в целом и комитета “Америка прежде всего”, в частности. Внимание средств массовой информации отчасти переместилось с речи Рузвельта на выступление Линдберга, причем возмущение словами последнего выражали даже изоляционистски ориентированные издания, принадлежавшие магнату У.Р. Херсту⁹²⁶.

Также следует отметить, что 11 сентября 1941 г. Объединенный плановый комитет армии и флота США представил на рассмотрение начальнику штаба армии Дж. Маршаллу и начальнику военно-морского штаба Г. Старку общую стратегическую оценку сложившегося в Европе положения. Согласно данной оценке, “первой целью Соединенных Штатов и их союзников должен явиться полный военный разгром Германии... Основным стратегический метод, который нам следует применить в ближайшем будущем, должен заключаться в том, чтобы материально поддержать нынешние военные операции против Германии и

⁹²⁴ Doenecke J. Storm on the Horizon. P. 262.

⁹²⁵ Цит. по: Cole W. America First. The Battle against Intervention, 1940-1941. Madison, 1953. P. 144.

⁹²⁶ Davis K. FDR: the War President, 1940-1943. N.Y., 2000. P. 287.

усилить их путем активного участия США в войне”⁹²⁷. Спустя некоторое время сам Дж. Маршалл писал Рузвельту, что для сокрушения военной машины нацизма, вероятно, понадобится участие американских сухопутных сил⁹²⁸.

Эти заключения, несмотря на свою категоричность, в известной степени точно отражали характер сложившейся в Европе ситуации. Кроме того, они исходило от военных, предметно знакомых с ситуацией и формировавших свою оценку исходя из реальных фактов, а не теорий, что зачастую было свойственно конгрессменам и остальным аналитикам.

15 сентября, выступая с речью в городе Милуоки, военно-морской министр Ф. Нокс заявил, что со следующего дня США вводят систему конвоирования судов всех национальностей и отметил, что военно-морские силы страны получили приказ “захватывать или уничтожать всеми имеющимися средствами корабли, ведущие войну против торгового судоходства, независимо от того, являются ли они надводными или подводными”, добавив, что эти меры являются “ответом господину Гитлеру”⁹²⁹.

Касаясь немецкой реакции на развитие ситуации, следует указать на то, что 13 сентября министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп заявил послу Италии в Берлине Д. Альфиери: “Ответственность за инцидент с “Гриром” полностью лежит на Рузвельте; все, что может произойти в дальнейшем, будет на совести президента США... Он ненавидит национал-социалистическую Германию, но американский народ, несмотря на провоцируемые Рузвельтом инциденты, не хочет вступления в войну”⁹³⁰. На следующий день И. фон Риббентроп в телеграмме послу в Японии О. Отту выразил практически аналогичное суждение: “Речь Рузвельта несколько не удивила германское правительство... Он хочет втянуть не желающий этого американский народ в войну с Германией... США сами проявили агрессию в инциденте с эсминцем “Грир”⁹³¹.

⁹²⁷ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М., 1958. Т. 1. Стр. 641-642.

⁹²⁸ Цит. по: Hearden P. Op. cit. P. 203.

⁹²⁹ Цит. по: Langer W., Gleason S. The Undeclared War, 1940-1941. N.Y., 1953. P. 746.

⁹³⁰ DGFP. Series D. Volume 13. P. 483.

⁹³¹ Ibid. P. 503.

Немецкая пресса, в свою очередь, получила инструкцию использовать прозвучавшее выступление Ф. Рузвельта таким образом, чтобы изобличить его как человека, в наибольшей степени ответственного за морские происшествия последнего времени⁹³². В частности, на страницах периодических изданий можно было встретить следующие оценки: “Поджигатель войны № 1 решил обострить свои провокации. Он любой ценой пытается создавать инциденты, чтобы найти долгожданный предлог сбросить последнюю маску, реализовать свое стремление к войне, которая должна сделать его диктатором мира”⁹³³.

17 сентября в восточнопрусской штаб-квартире А. Гитлера “Вольфсшанце” состоялось совещание фюрера с главнокомандующим кригсмарине Э. Редером. Как отмечал командующий подводным флотом кригсмарине К. Дениц, Редер отправился на эту встречу крайне обеспокоенным осложнениями, которые были неизбежны после появления приказа Рузвельта об открытии огня по немецким кораблям⁹³⁴.

Выступая перед фюрером с докладом, Редер отметил, что “Германии теперь следует ожидать атак при любой случайной встрече с американцами... Никаких различий между британскими и американскими судами больше нет”. Вследствие изменений, которые влечет за собой речь Рузвельта, Редер призвал фюрера санкционировать активизацию деятельности немецких военно-морских сил в Атлантике⁹³⁵.

Гитлер согласился с общими доводами Редера, но настоял на том, чтобы по крайней мере до середины октября кригсмарине избегали любых инцидентов с американскими торговыми судами. Причиной нежелания фюрера идти на обострение ситуации с Соединенными Штатами было его стремление целенаправленно завершить русскую кампанию, “великой развязки” которой он ожидал в конце сентября”⁹³⁶.

⁹³² Цит. по: Friedländer S. Op. cit. P. 292.

⁹³³ Trefousse H. Op. cit. P. 120.

⁹³⁴ Дениц К. Десять лет и двадцать дней. Воспоминания главнокомандующего военно-морскими силами Германии. 1935-1945 гг. М., 2004. Стр. 196.

⁹³⁵ Fuehrer Conferences on Naval Affairs 1939-1945//Brassey's Naval Annual. L., 1948. P. 232-233.

⁹³⁶ Davis K. FDR: the War President, 1940-1943. N.Y., 2000. P. 288.

Тем не менее, инциденты продолжались. В ночь на 20 сентября 1941 г. в водах между Гренландией и Исландией (в 275 милях к северо-востоку от гренландского мыса Фарвель) немецкой подводной лодкой U-552 под командованием капитан-лейтенанта Э. Топпа было потоплено американское торговое судно “Пинк Стар”, шедшее под флагом Панамы и перевозившее из Нью-Йорка в Ливерпуль смешанный груз. Коснувшись этого инцидента в личной переписке, президент США Ф. Рузвельт отметил: “США обязаны защищать суда под панамским флагом, поскольку сегодня свобода морей определенно включает защиту Западного полушария и входящих в его состав 21 республики”⁹³⁷.

В свою очередь, изоляционисты прокомментировали произошедшее в свойственном им стиле. Сенатор Г. Фиш подчеркнул, что “Пинк Стар” шёл под панамским флагом и заявил, что “США ответственны за подобные суда не более чем за суда шведского или швейцарского военно-морского флота”⁹³⁸, а известный юрист Э. Пинчот⁹³⁹ констатировал: “Германия имеет право, если не сказать обязанность, топить подобные суда”⁹⁴⁰.

Постепенно в США стали распространяться мнения о необходимости отмена закона о нейтралитете в свете напряженной ситуации в Европе и Атлантике. В частности, 23 сентября военно-морской министр США Ф. Нокс заявил: “Пора взглянуть в лицо фактам, которые нельзя больше игнорировать. Настало время отменить закон о нейтралитете. Медлить нельзя”⁹⁴¹. В тот же день на пресс-конференции Ф. Рузвельт упомянул про инцидент с “Пинк Стар” и не исключил возможности пересмотра закона о нейтралитете таким образом, чтобы торговые суда получили право вооружаться⁹⁴². Можно сказать, что этими словами был дан старт кампании по пересмотру закона о нейтралитете, ставшей осенью 1941 г. одной из наиболее дискуссионных проблем Капитолия.

⁹³⁷ Franklin Delano Roosevelt. His Personal Letters. N.Y., 1950. Volume 4. P. 1214.

⁹³⁸ CR. 1941. Volume 87. Part 7. P. 7516.

⁹³⁹ Эймос Пинчот (1873-1944) – американский юрист, близкий к реформистским и прогрессистским кругам.

⁹⁴⁰ Цит. по: Doenecke J. Storm on the Horizon: The Challenge to American Intervention, 1939-1941. Lanham, 2000. P. 262.

⁹⁴¹ Цит. по: Langer W., Gleason S. The Undeclared War, 1940-1941. N.Y., 1953. P. 752.

⁹⁴² The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1941 Volume. P. 392-394. Согласно редакции закона о нейтралитете от 1939 г., американские торговые суда, осуществлявшие доставку грузов в нейтральные порты в военное время, не имели права на размещение оружия.

Следивший за ситуацией министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп потребовал у Г. Дикгофа доклад относительно того, какой эффект повлечет отмена закона о нейтралитете. Спустя сутки Дикгоф ответил, что “подобный шаг грозит далеко идущими последствиями... неизбежно будут происходить морские инциденты... в обществе будет происходить эрозия изоляционистских настроений... рано или поздно Рузвельт побудит Конгресс к объявлению войны Германии”⁹⁴³.

Вскоре произошел очередной морской инцидент – на сей раз местом его действия стала Южная Атлантика. 27 сентября 1941 г. немецкая субмарина U-66 под командованием корветт-капитана Р. Цаппа в 600 милях к востоку от побережья бразильского штата Пернамбуку атаковала танкер “Ай. Си. Уайт”, принадлежавший американской корпорации “Стандард Ойл”, но ходивший под панамским флагом и перевозивший мазут с острова Кюрасао в Кейптаун (Южно-Африканский Союз). В результате атаки погибли 3 члена команды, все – американцы⁹⁴⁴.

Тем временем, сенатский комитет по военно-морским делам под председательством изоляционистски настроенного демократа Д. Уэлша завершил проведение собственного расследования инцидента с эсминцем “Грир” и уличил президента США в искажении фактов. Расследование дало изоляционистам удобный повод вновь заговорить о “дьявольской теории войны” и “заговоре” со стороны президента, жаждавшего развязать военные действия⁹⁴⁵.

7 октября в письме премьер-министру Великобритании У. Черчиллю Ф. Рузвельт отмечал: “Закон [о нейтралитете] серьезно действует в ущерб нашим средствам оказания помощи вам. Я хочу не только вооружать наши суда, но и добиться от конгресса права посылать наши корабли напрямую в британские порты”⁹⁴⁶.

⁹⁴³ DGFP. Series D. Volume 13. P. 621.

⁹⁴⁴ New York Times. 04.10. 1941.

⁹⁴⁵ Цит. по: Егорова Н.И. Указ. соч. Стр. 211-213.

⁹⁴⁶ Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence (Ed. by F. Loewenheim, H. Langley, M. Jonas). N.Y., 1975. P. 155-156.

На следующий день начальник военно-морского штаба США адмирал Г. Старк развил линию, занятую американскими военными, и предоставил государственному секретарю К. Хэллу меморандум, в котором утверждал, что “Германию невозможно одолеть, если Соединенные Штаты не вступят в войну и не предпримут значительных военных и военно-морских усилий везде, где это диктуется стратегией. Было бы весьма желательно вступить в войну при таких обстоятельствах, в которых Германия была бы агрессором. В этом случае Япония смогла бы остаться нейтральной. Однако в целом мое мнение таково, что Соединенным Штатам следует вступить в войну против Германии как можно скорее, даже если придется пойти на военные действия с Японией”⁹⁴⁷.

В свою очередь, финансовые круги США выражали одобрение инициативам администрации по изменению закона о нейтралитете. Так, 8 октября один из руководителей банковского дома Морганов Т. Ламонт писал известному дипломату Дж. Ф. Даллесу: “Я хочу увидеть Гитлера разгромленным, и готов сделать для этого все, что угодно”⁹⁴⁸.

Схожие воззрения выражали участники Национального конвента по внешней торговле, прошедшего в Нью-Йорке с 6 по 8 октября. Председатель правления крупного банка “Чейз” У. Олдрич предостерегал: “Огромная мощь нацифицированной и жестко регламентированной экономики в сфере внешней торговли вынудит американскую администрацию также регламентировать нашу собственную внешнюю торговлю”. У.Р. Берджесс из “Нейшнл Сити Банк” отметил, что США уже примкнули к Великобритании в борьбе против Гитлера и поэтому “его концепция внешней торговли не станет доминирующим на этой планете”. Дж. Ровенски, консультант Нельсона Рокфеллера, соглашался: “Мы привержены борьбе за свободу экономической жизни и за свободу морей, одним словом, борьбе за свободный мир”. Заключительная декларация, выражавшая превалировавший на конвенте боевой настрой, содержала заявление о “полнейшей поддержке политики администрации по военно-морской, военной и

⁹⁴⁷ Цит. по: Шервуд Р. Указ. соч. Т. 1. С. 595-596.

⁹⁴⁸ Цит. по: Hearden J. Op. cit. P. 206.

экономической защите”⁹⁴⁹. Из приведенных высказываний следует, что представители крупного бизнеса и финансовых кругов явно одобряли намерения Рузвельта и его сторонников. Несомненно, что их поддержка также способствовала укреплению настроения интернационалистов.

29 сентября 1941 г. председатель сенатского комитета по иностранным делам демократ Т. Конналли заявил, что во все более усложняющихся вследствие гитлеровской агрессии международных условиях закон о нейтралитете должен быть отменен как таковой⁹⁵⁰. Слова Т. Конналли предвосхитили последовавшую вскоре официальную инициативу руководства страны по этому вопросу.

9 октября 1941 г. президент США Ф. Рузвельт обратился к Конгрессу с тем, чтобы по причине “безотлагательной необходимости и чрезвычайной срочности” обеспечить безопасность американских экипажей и “практически бесценных грузов” и отменить в свете сложившейся на море обстановки положение закона о нейтралитете, запрещавшее вооружение торговых судов⁹⁵¹.

Замысел Рузвельта состоял в следующем: изначально он просил отменить лишь положение о запрете вооружения торговых судов, но при этом выражал надежду, что Конгресс сам признает необходимым внести дополнительную поправку, под которой понималась отмена положения о запрете американским судам заходить в зоны боевых действий: “Я полагаю существенно важным для обороны нашей страны, чтобы мы прекратили оказывать вполне определенную помощь агрессорам... Удерживая свои суда вдали от портов наших друзей, мы укрепляем контроль агрессоров над морем. Настало время, чтобы наша страна перестала действовать на руку Гитлеру”⁹⁵².

Рузвельт верил, что настал подходящий момент для реализации данных шагов. В частности, в письме, отправленном спустя несколько дней британскому королю Георгу VI, президент отмечал: “Сейчас общественное мнение

⁹⁴⁹ Ibid. P. 206-207.

⁹⁵⁰ CR. 1941. Volume 87. Part 13. Appendix. P. 4437-4438.

⁹⁵¹ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1941 Volume. P. 406-408.

⁹⁵² Ibid. P. 410.

существенно лучше, чем полгода назад, оно скорее за администрацию, нежели за Конгресс”⁹⁵³.

Обращение Рузвельта вызвало оживленную реакцию конгрессменов. 9 октября сенатор-демократ Дж. Ли поддержал инициативу Рузвельта, раскритиковал изоляционистов и заявил, что “время дебатов прошло”⁹⁵⁴.

В то же время, конгрессмен-демократ Э. Шефер сравнил предложение о вооружении торговых судов с “отправкой десятилетнего мальчишки в джунгли для охоты на свирепых тигров при помощи рогатки”⁹⁵⁵. Конгрессмен-республиканец Д. Шорт столь же образно сравнил возможные последствия одобрения инициативы Рузвельта с “боксерским поединком между комиком Эдди Кантором и чемпионом в тяжелом весе Джо Луисом”⁹⁵⁶.

Помимо этого, свою позицию также обозначил генерал Р. Вуд, один из лидеров изоляционистского комитета “Америка прежде всего”: “Американские корабли будут топиться, моряки – гибнуть, наша страна вступит в войну на волне истерии, как это было в 1917 году”⁹⁵⁷. Другой активный деятель “Америки прежде всего”, журналист Дж. Флинн выступил на заседании сенатского комитета по внешней политике и заявил, что изменение закона о нейтралитете будет финальным шагом к войне⁹⁵⁸.

Касаясь происходивших в Америке событий, представитель МИД Германии при верховном командовании сухопутных сил Х. фон Этцдорф 10 октября заключил, что “интенсивное сопротивление общественного мнения и Сената отмене закона о нейтралитете заставляет Рузвельта действовать осторожно; он будет действовать поэтапно, стремясь отменять положения закона постепенно”⁹⁵⁹.

В тот же день, анализируя развитие событий в США, Г. Дикгоф писал И. фон Риббентропу, что целью Рузвельта является “полная отмена закона о нейтралитете, но состояние общественного мнения убеждает Рузвельта в

⁹⁵³ Roosevelt F.D. Franklin Delano Roosevelt. His Personal Letters. Volume 2. N.Y., 1950. P. 1224.

⁹⁵⁴ CR, 1941. Volume 87. Part 14. Appendix. P. 4731-4732.

⁹⁵⁵ Ibid. Part 7. P. 7978.

⁹⁵⁶ Ibid. P. 8029.

⁹⁵⁷ Washington Post. 10.10.1941.

⁹⁵⁸ Цит. по: Cole W. America First. The Battle against Intervention, 1940-1941. Madison, 1953. P. 163.

⁹⁵⁹ Цит. по: Friedländer S. Op. cit. P. 295.

возможности отмены лишь некоторых положений закона... перед тем, как перейти к дальнейшим шагам, он будет выжидать, дабы оценить, как пройдет голосование... в любом случае, подобный расклад не несет нам ничего страшного, поскольку в США ощущается недостаток вооружений; к тому же, на оснащение судов потребуется определенное время”⁹⁶⁰.

В Германии верно восприняли стремление Рузвельта к пошаговой тактике в этом вопросе; тем не менее, особого беспокойства относительно возможной отмены закона о нейтралитете не было выражено ни в дипломатических, ни в военных кругах рейха.

13 октября, ознакомившись с меморандумом Г. Старка от 8 октября, перед комитетом Палаты представителей по внешней политике выступили государственный секретарь К. Хэлл, а также военный министр Г. Стимсон и военно-морской министр Ф. Нокс.

Следует обратить внимание на то, что в выступлении К. Хэлла была отображена лишь незначительная часть идей, заявленных Старком. Хэлл взвешенно говорил о слабости существующего закона о нейтралитете и факторах, делавших его модификацию неотвратимой. Он подчеркнул, что “суть законодательства о нейтралитете заключалась в том, чтобы путем предписываемых им ограничений мы могли избежать опасности. Но сегодня опасность существует – она была нам навязана – и наша задача заключается в том, чтобы не уклоняться от нее, а в том, чтобы защитить себя от вражеских действий, серьезно угрожающих нам и всему Западному полушарию”⁹⁶¹. Стимсон и Нокс, в свою очередь, высказались в поддержку выдвинутых администрацией мер по изменению закона.

В самом Конгрессе наблюдалось столкновение позиций. 13 октября конгрессмен-республиканец Дж. Ворис выступил в радиозфире с речью, направленной против инициатив администрации, обосновав свое мнение тем, что в стране наблюдается недостаток вооружений и что даже вооруженное торговое

⁹⁶⁰ DGFP. Series D. Volume 13. P. 638.

⁹⁶¹ Hull C. Op. cit. Volume 2. P. 1049.

судно не будет иметь никаких шансов в столкновении с подлодкой⁹⁶². Тогда же конгрессмен-демократ Л. Арнольд произнес речь в поддержку предложенных мер по вооружению судов. Апеллируя к родителям американских моряков, он вопрошал: “Неужели вы не хотите, чтобы ваш сын обладал правом защитить свою жизнь в случае столкновения с разбойниками международного масштаба?”⁹⁶³

Тем временем, 14 октября 1941 г. начальник штаба ВМС США Г. Старк в официальном отчете констатировал, что “Грир” сам преследовал немецкую субмарину⁹⁶⁴. Изоляционистская газета “Чикаго Трибьюн” прокомментировала выступление Старка очень просто: “Правда открылась”⁹⁶⁵. Э. Пинчот, в свою очередь, сравнил данный инцидент со знаменитой Эмской депешей Бисмарка, послужившей поводом к началу франко-прусской войны⁹⁶⁶, а конгрессмен А. Бердик поставил вопрос: “Что остается делать командиру немецкой подлодки, если его на протяжении нескольких часов преследует эсминец?”⁹⁶⁷.

Вскоре на просторах Атлантики случился очередной инцидент – 16 октября 1941 г. немецкая субмарина U-432 под командованием капитан-лейтенанта Х.-О. Шульце в 500 милях к югу от Исландии пустила ко дну американское торговое судно “Болд Венчур”. Оно имело панамскую регистрацию и направлялось из Балтимора в Ливерпуль с грузом угля, стали, древесины и хлопка. Погибли 17 человек, но американцев среди них не было⁹⁶⁸.

Однако вскоре произошло событие, получившее куда больший резонанс. В ночь на 17 октября в 400 милях южнее Исландии немецкая подводная лодка U-568 под командованием капитан-лейтенанта Й. Пройсса атаковала американский эсминец “Керни”, экипаж которого возглавлял командер Э. Дэнис⁹⁶⁹. Корабль остался на плаву, но погибли 11 человек, пролилась первая кровь американских военных моряков.

⁹⁶² CR. 1941. Volume 87. Part 14. Appendix. P. 4651-4652.

⁹⁶³ Ibid. P. 4655.

⁹⁶⁴ CR. 1941. Volume 87. Part 8. P. 8314-8315.

⁹⁶⁵ Chicago Tribune. 15.10.1941.

⁹⁶⁶ Цит. по: Doenecke J. Storm on the Horizon: The Challenge to American Intervention, 1939-1941. Lanham, 2000. P. 261.

⁹⁶⁷ Цит. по: Doenecke J. The Battle against Intervention, 1939-1941. Malabar, 1997. P. 57.

⁹⁶⁸ New York Times. 22.10.1941.

⁹⁶⁹ Abbazia P. Op. cit. P. 266-269.

Выступая в этот же день на пресс-конференции, государственный секретарь К. Хэлл расценил произошедшее в качестве “акта пиратства и целенаправленного устрашения на пути к завоеванию всего мира”⁹⁷⁰.

Очередной инцидент в Атлантике, к тому же повлекший жертвы среди американцев, произвел сильное впечатление на конгрессменов – 17 октября Палата представителей проголосовала за отмену положения о запрете на вооружение торговых судов, причем данное решение было принято значительно большим числом голосов, чем ожидалось (259 конгрессменов проголосовали “за”, 138 – “против”). Практически сразу начались разговоры о полной отмене закона о нейтралитете. Велась подготовка соответствующей резолюции, но Рузвельт дал совет действовать постепенно, и тогда был составлен проект резолюции, отменявшей не только запрет на вооружение торговых судов, но и их заход в районы военных действий. После этого рассмотрение вопроса началось заново⁹⁷¹. Согласно исследованиям общественного мнения, осуществленным институтом Гэллапа, 72 % американцев поддерживали разрешение вооружать торговые суда, в то время как заход торговых судов в зоны боевых действий положительно воспринимали 46 % граждан⁹⁷². Американский корреспондент “Фихтеанского общества” из штата Нью-Йорк тогда же отмечал, что в США нарастает “умопомешательство”⁹⁷³.

17 октября поверенный в делах Германии в Вашингтоне Г. Томсен, комментируя возможную американскую реакцию по поводу инцидента с “Керни”, сообщал в Берлин: “Он будет использован администрацией... чтобы обострить пропаганду и переломить сопротивление общественности проводимому ей курсу”⁹⁷⁴. Восприятие инцидента немецкой прессой в основном было сведено к оценкам, описывавшим произошедшее как “неуклюжее мошенничество со стороны Рузвельта”⁹⁷⁵.

⁹⁷⁰ New York Times. 18.10.1941.

⁹⁷¹ См. Коваль В.С. Указ. соч. Стр. 291.

⁹⁷² New York Times. 19.10.1941.

⁹⁷³ РГВА. Ф. 1275к. Оп. 5. Д. 502. Л. 66.

⁹⁷⁴ DGFP. Series D. Volume 13. P. 652.

⁹⁷⁵ Цит. по: Langer W., Gleason S. The Undeclared War, 1940-1941. N.Y., 1953. P. 760.

Вскоре изоляционистский комитет “Америка прежде всего”, преследуя собственные цели, предпринял попытку надавить на Рузвельта и вынудить его совершить необдуманный шаг. 22 октября генерал Р. Вуд направил президенту США открытое письмо, в котором, в частности, отмечал: “Наш комитет... предлагает Вам внести на рассмотрение Конгресса резолюцию, провозглашающую состояние войны между Соединенными Штатами и Германией... Неопределенность должна прекратиться. Мы должны прямо знать, что сейчас имеет место – мир или война”. При этом Вуд добавлял, что если Конгресс проголосует за объявление состояния войны, то его комитет “с уважением отнесется к этому решению”; если же Конгресс “проявит мудрость” и провозглашения состояния войны не последует, то администрация должна будет принять данный факт и прекратить “действия, приближающие вовлечение в войну”⁹⁷⁶.

Рузвельт не ответил на обращение и не поддался на уловку Вуда; по свидетельству Р. Шервуда, данное письмо усилило убежденность Рузвельта в том, “что если бы он это сделал, его ожидало бы несомненное и катастрофическое поражение”⁹⁷⁷.

Тем временем события развивались по благоприятному для администрации сценарию – 25 октября комитет Сената по иностранным делам большинством голосов проголосовал за изменение закона о нейтралитете по сценарию администрации, и рассмотрение вопроса перешло на общесенатский уровень⁹⁷⁸. В тот же день поверенный в делах Германии в США Г. Томсен отправил в Берлин телеграмму, в которой констатировал, что “действия республиканцев-интервенционистов, а также результаты голосования в профильном сенатском комитете означают, что планы Рузвельта реализовываются”⁹⁷⁹.

27 октября 1941 г., в День военно-морского флота США, президент Ф. Рузвельт выступил в нью-йоркском отеле “Мэйфлауэр” с пространной речью. Практически сразу упомянув про атаку на эсминец “Керни”, он заявил: “Мы

⁹⁷⁶ Chicago Tribune. 23.10.1941.

⁹⁷⁷ Шервуд Р. Указ. соч. Т. 1. Стр. 599.

⁹⁷⁸ Chronology and Index of the Second World War, 1938-1945. Westport, 1990. P. 84.

⁹⁷⁹ Цит. по: Friedlander S. Op. cit. P. 296.

хотели избежать выстрелов. Но они произошли. И история зафиксировала, кто выстрелил первым. В конечном счете, однако, важно будет лишь то, кто сделает последний выстрел”. После этого президент начал с чувством говорить о возросшей опасности гитлеризма и необходимости интенсификации борьбы с ним любыми средствами, в том числе мерами по обеспечению безопасности морских перевозок. Глава Белого дома говорил, что Америка имеет право направлять свои товары туда, куда желает. В нарушение этого права нацисты атакуют американские корабли, что сопровождается жертвами среди американских моряков. Президент заявил, что Соединенные Штаты не намерены мириться с этой ситуацией и будут стремиться противостоять рейху, вооружая свои торговые суда для защиты от “гремучих змей моря” и предоставляя им свободу заходить с американскими грузами на борту в “дружественные порты”⁹⁸⁰.

Кроме того, президент сделал достаточно неожиданное заявление о том, что в его распоряжении находится “секретная карта, изготовленная правительством Гитлера”, согласно которой 14 стран Центральной и Южной Америки должны быть реорганизованы в 5 вассальных государств под сюзеренитетом нацистской Германии. Эффект от своего заявления Рузвельт подкрепил информацией о якобы существующем нацистском плане по “упразднению существующих религий – католицизма, протестантизма, ислама, индуизма, буддизма, иудаизма и их замене международной Нацистской церковью”⁹⁸¹.

Согласно имеющимся данным, “секретная карта” и документ о намерении создания “Нацистской церкви” могли быть сфабрикованы британскими спецслужбами⁹⁸² или же являться разработками резидентов “Аусланд” – Зарубежной организации НСДАП – в Аргентине⁹⁸³. В любом случае, упомянув про эти документы, Рузвельт достиг своей цели – резко всколыхнул общественное мнение, внушил американцам вполне определенное отношение к хищнической и аморальной сущности гитлеризма.

⁹⁸⁰ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1941 Volume. P. 439-445.

⁹⁸¹ Ibid. P. 446.

⁹⁸² См. Fischer K. Op.cit. P. 149-151.

⁹⁸³ См. Bratzel J., Rout L. FDR and the “Secret Map”//The Wilson Quarterly. 1985. Volume 9. № 1. P. 167-173.

Кроме того, как отмечал А.И. Уткин, пассаж о нацистской секретной карте и планах отмены религий мог быть вставлен Рузвельтом в свое выступление, чтобы добиться принятия поправок от всего Сената вслед за уже проголосовавшим профильным комитетом⁹⁸⁴.

28 октября, на следующий день после выступления президента США в отеле “Мэйфлауэр”, состоялась его пресс-конференция, в ходе которой Рузвельт заявил, что “не может обнародовать упомянутую вчера карту, поскольку на ней нанесено много пометок, которые, будучи воспроизведенными в прессе, раскроют источник ее получения... Это будет нечестно по отношению ко многим людям; более того, это может также перекрыть поступление информации в будущем”⁹⁸⁵.

В связи с утверждениями Рузвельта следует отметить, что фактически президент мог и не заявлять об опасении разоблачения кого-либо, поскольку карты, подробно описывавшие планы нацистского завоевания Американского континента, появлялись на страницах газет еще задолго до того, как глава Белого дома привел соответствующую информацию в собственном выступлении. По мнению американского исследователя И. Геллмана, заявления президента об ответственности немецкого правительства за “существование секретной карты” были в лучшем случае несостоятельны, а в худшем – просто ложны⁹⁸⁶.

На следующий день изоляционистская газета “Чикаго Трибьюн”, затрагивая озвученные Рузвельтом сведения про “секретную карту”, весьма категорично отметила, что “подобные планы вынашиваются генеральными штабами любой страны мира в отношении ее потенциальных противников”⁹⁸⁷.

Вскоре последовала реакция непосредственно со стороны нацистской Германии. Статс-секретарь министерства народного просвещения и пропаганды О. Дитрих дал немецким журналистам указание не ограничивать себя в резкости выражений и заклеить выступление Рузвельта как “речь лжеца и фальсификатора, порождение еврейской демагогии и военной истерии”⁹⁸⁸.

⁹⁸⁴ Уткин А.И. Рузвельт. М., 2012. Стр. 320-321.

⁹⁸⁵ Complete Presidential Press Conferences of Franklin D. Roosevelt. Volume 18. P. 260-261.

⁹⁸⁶ Gellman I. Op. cit. P. 260.

⁹⁸⁷ Chicago Tribune. 29.10.1941.

⁹⁸⁸ Цит. по: Trefousse H. Op. cit. P. 133

В свою очередь, министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп 1 ноября издал циркуляр, согласно которому руководителям всех дипломатических миссий Третьего рейха предписывалось посредством вербальной ноты ознакомить правительства стран, на территориях которых они находились, с официальной позицией немецкого правительства относительно утверждений Рузвельта о существовании “секретной карты” и отмены религий. В частности, дипломатам следовало обозначить, что таких планов не было и нет и что озвученные Рузвельтом голословные обвинения настолько нелепы и абсурдны, что правительство Германии не видит никакой нужды в их обсуждении⁹⁸⁹.

Тем временем, ситуация в Атлантике продолжала оставаться весьма напряженной. 31 октября произошел очередной важный инцидент, во многом затмивший своей значимостью все предыдущие эпизоды подобного рода: в 600 милях западнее Ирландии немецкой субмариной U-552 под командованием капитан-лейтенанта Э. Топпа был потоплен американский эсминец “Рюбен Джеймс”⁹⁹⁰. В результате атаки погибли 115 моряков, в том числе и командер Х. Эдвардс⁹⁹¹. Инцидент произошел на рассвете, и капитан немецкой подлодки наверняка знал, что атакуемый корабль принадлежит к военно-морскому флоту США. Реакция Рузвельта, однако, была достаточно вялой – на пресс-конференции он ограничился словами о том, что он не обладает всей полнотой информации о произошедшем⁹⁹². Вполне вероятно, что в те дни все внимание президента было приковано к процессам, происходившим на Капитолии, следствием чего и стали его сдержанные комментарии относительно атаки на “Рюбен Джеймс”.

Случившаяся трагедия побудила изоляционистов к тому, чтобы осуществить ряд словесных нападок на лидера США. Сенатор-республиканец Дж. Айкен заявил, что “Рузвельт несет личную ответственность за смерть

⁹⁸⁹ DGFP. Series D. Volume 13. P. 724.

⁹⁹⁰ Bailey Th., Ryan P. Op. cit. P. 206-209.

⁹⁹¹ Debating Franklin D. Roosevelt's Foreign Policies, 1933-1945 (Ed. by J. Doenecke and M.A. Stoler). Lanham, 2005. P. 42.

⁹⁹² Beard Ch. President Roosevelt and the Coming of the War 1941. New Haven, 1948. P. 149.

каждого моряка”⁹⁹³; его однопартиец Р. Рич выразился столь же категорично: “Убийство наших моряков совершила наша же администрация”⁹⁹⁴. Сенатор-прогрессист Р. Ла Фоллетт, в свою очередь, обвинил Рузвельта во втягивании страны в войну⁹⁹⁵.

3 ноября состоялась очередная президентская пресс-конференция, в ходе которой, отвечая на вопрос о правильности поддержания дипломатических отношений с Берлином, Рузвельт резюмировал: “Разрыв дипломатических отношений не принесет никакой пользы... Будет значительно полезнее сохранять их в нынешнем состоянии”⁹⁹⁶.

В контексте данных высказываний главы Белого дома весьма показательными предстают слова начальника военно-морского штаба США Г. Старка, обращенные им на следующий день к командующему Азиатским флотом США адмиралу Т. Харту: “События быстро приближаются к кульминации. Мы уже воюем в Атлантике, но, похоже, страна не отдает себе отчет в этом... Знает страна или нет, но мы находимся в состоянии войны”⁹⁹⁷.

Вскоре в водах Атлантики произошел очередной инцидент, который, однако, имел существенные отличия от предыдущих происшествий. 6 ноября 1941 г. в нескольких сотнях миль восточнее побережья Бразилии американский крейсер “Омаха” заметил подозрительное судно, также шедшее под американским флагом, но пытавшееся уклониться от сближения.

Крейсер нагнал и задержал его. Как выяснилось, это был немецкий блокадопрорыватель “Оденвальд”, направлявшийся в Германию из Японии с грузом натурального каучука и замаскированный под американское грузовое судно. Поскольку США не находились в состоянии войны с Германией, возникли сомнения насчет правомочности захвата “Оденвальда” в качестве приза⁹⁹⁸, но капитан “Омахи” Т. Чендлер проявил изобретательность и задержал

⁹⁹³ CR. 1941. Volume 87. Part 8. P. 8393.

⁹⁹⁴ Ibid. P. 8538.

⁹⁹⁵ Ibid. Part 14. Appendix. P. 5043-5045.

⁹⁹⁶ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1941 Volume. P. 462-468.

⁹⁹⁷ Цит. по: Abbazia P. Op. cit. P. 306.

⁹⁹⁸ Понятие “приз” означает добычу, захваченную в морской войне и переходящую, согласно международному праву, в собственность захватившего.

блокадопрорыватель как “подозреваемый в работоторговле” на основании закона начала XIX века⁹⁹⁹. В итоге “Оденвальд” был отведен в порт Сан-Хуан (Пуэрто-Рико).

В Германии к утрате “Оденвальда” отнеслись достаточно сдержанно и не стали заявлять протест, поскольку судно в момент задержания действительно плыло под американским флагом¹⁰⁰⁰.

7 ноября 1941 г. состоялось общее голосование Сената по вопросу об изменении закона о нейтралитете. Перед тем, как оно началось, демократ-изоляционист Б. Уилер произнес: “Если сенаторы пойдут на этот шаг, они будут жалеть об этом всю оставшуюся жизнь”¹⁰⁰¹.

Тем не менее, поправки, предусматривавшие вооружение экипажей американских торговых судов и возможность их захода в зоны военных действий, были приняты большинством голосов (50 – “за”, 37 – “против”). После этого билль был возвращен в Палату представителей, которой также предстояло рассмотреть вопрос о праве нахождения торговых судов в зонах боевых действий¹⁰⁰².

После голосования в Сенате и возвращения билля в Палату представителей, конгрессмен-демократ К. Хилл заявил, что принятие поправок будет означать объявление войны, а конгрессмен-республиканец Дж. Дондеро предрек, что “это будет последнее голосование перед тем, как мы вступим во Вторую мировую войну”¹⁰⁰³. Пессимизм изоляционистов был еще более усугублен президентом Соединенных Штатов – 7 ноября Ф. Рузвельт подписал документ о распространении действия закона о ленд-лизе на СССР¹⁰⁰⁴.

8 ноября 1941 г. рейхсканцлер Германии А. Гитлер произнес в Мюнхене речь, приуроченную к очередной годовщине “пивного путча”. В ней, среди прочего, он упомянул и про США. По словам фюрера, “рузвельтовская Америка

⁹⁹⁹ Drummond D. Op. cit. P. 333; Роско Т. В схватке с “волчьими стаями”. Эсминцы США: война в Атлантике. М., 2004. Стр. 260.

¹⁰⁰⁰ Fuehrer Conferences on Naval Affairs 1939–1945//Brassey’s Naval Annual. L., 1948. P. 239.

¹⁰⁰¹ Цит. по: Cole W. Roosevelt and the Isolationists, 1932-1945. Lincoln, 1983. P. 452-453.

¹⁰⁰² Doenecke J. Storm on the Horizon. The Challenge to American Intervention, 1939-1941. Lanham, 2000. P. 268.

¹⁰⁰³ Цит. по: Doenecke J. The Battle against Intervention, 1939-1941. Malabar, 1997. P. 61.

¹⁰⁰⁴ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1941 Volume. P. 481.

осуществляет исполнение воли евреев... Доводы Рузвельта о вынашивании Германией захватнических планов смехотворны... Мне 52 года и я не приемлю этот детский абсурд... В Германии государство выделяет на поддержку религии 900 миллионов марок в год, а в Америке церкви не получают от государства ни цента... Я могу сказать господину Рузвельту следующее: у меня нет никаких экспертов. Мне достаточно собственной головы. Мне не нужна поддержка мозгового треста. Если где-либо происходят важные события, они будут проанализированы моим мозгом, а не мозгом экспертов... Я не школьник, который перерисовывает карты из атласа. Насколько мне известно, Южная Америка далека настолько же, насколько и Луна”¹⁰⁰⁵.

Кроме того, фюрер упомянул, что “приказал немецким кораблям не стрелять по американским, когда они их увидят, но защищаться, если на них нападут”, добавив, что “отдаст под трибунал любого офицера, который пренебрежет этим, который не сумеет защититься”¹⁰⁰⁶.

Спустя 3 дня, 11 ноября, А. Гитлер вновь высказался относительно Рузвельта. На сей раз фюрер был краток: “Рузвельт – отъявленный масон”¹⁰⁰⁷.

Как видно из слов Гитлера, он, безусловно, следил за развитием событий в американо-германских отношениях; в то же время, свойственный ему набор штампов в отношении президента США и проводимой им политики не претерпел никаких изменений.

11 ноября заместитель государственного секретаря С. Уэллес выступил с официальным заявлением по поводу состояния международной обстановки, изложив позицию Соединенных Штатов: “По ту сторону Атлантики зловеший и безжалостный завоеватель обратил большую часть Европы в рабство. Он хвастается, что его система будет доминировать во всех концах Земли... После продолжительных дебатов американцы... определили свою внешнюю политику.

¹⁰⁰⁵ Hitler. Reden und Proklamationen (Hrsg. von M. Domarus). Würzburg, 1963. Band II. Halbband 2. S. 1778.

¹⁰⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁰⁷ Hitler's Table Talk 1941-1944. His Private Conversations. N.Y., 2000. P. 125.

Они поручились... не беречь сил и не оглядываться на жертвы в деле окончательного разгрома гитлеризма и всего, что он в себе заключает...»¹⁰⁰⁸.

Тем временем рассмотрение вопроса, связанного с законом о нейтралитете, вышло на заключительную стадию. 12 ноября обеспокоенные неявными перспективами успешного голосования спикер Палаты представителей С. Рэйберн и лидер ее демократического большинства Дж. МакКормак направили президенту США Ф. Рузвельту письмо, в котором интересовались, “какой эффект возможный провал... произведет в других странах и, особенно, в Германии”¹⁰⁰⁹.

Ответ Рузвельта был получен на следующий день и зачитан с трибуны. Глава Белого дома отмечал, что провал пересмотра закона о нейтралитете “обескуражит” британцев, китайцев и русских, сражающихся с агрессорами. Кроме того, он “вызовет ликование в государствах “оси”, ...будет способствовать претворению в жизнь агрессивных намерений Германии, а также других хорошо известных государств под предводительством Гитлера”. При этом “позиции Америки в борьбе против агрессии определенно ослабнут, что отразится не только на Европе и Азии, но и на братских республиках континента”¹⁰¹⁰.

Слова Рузвельта повлияли на конгрессменов – закон о нейтралитете был пересмотрен по сценарию администрации (212 конгрессменов высказались “за”, 194 – “против”) ¹⁰¹¹. Таким образом, Соединенные Штаты избавились от всех основных положений законодательства о нейтралитете, принятого в 1935 г. во имя сохранения страны вне войны¹⁰¹².

Оценивая результаты голосования, газета “Нью-Йорк Таймс” отмечала: “Это самое важное решение в США со времени начала войны”¹⁰¹³. В свою очередь, изоляционистская “Чикаго Трибьюн” воспринимала произошедшее как “голосование за войну”¹⁰¹⁴.

¹⁰⁰⁸ U.S. State Department. Peace & War. United States Foreign Policy 1931-1941. Washington, 1943. P. 786.

¹⁰⁰⁹ Sam Rayburn and John McCormack to FDR. 12 November 1941. Neutrality. Box 1561. OF. FDRL.

¹⁰¹⁰ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1941 Volume. P. 487-490.

¹⁰¹¹ CR. 1941. Volume 87. Part 8. P. 8891.

¹⁰¹² Наджафов Д.Г. Нейтралитет США, 1935-1941. М., 1990. Стр. 200.

¹⁰¹³ New York Times. 14.11.1941.

¹⁰¹⁴ Chicago Tribune. 14.11.1941.

Следует отметить, что, по некоторым данным, Белый дом проявил предметную активность, чтобы обеспечить пересмотр закона о нейтралитете; в частности, упоминались точечное давление на некоторых конгрессменов, а также посулы назначения на федеральные должности¹⁰¹⁵.

Тем не менее, в каких бы цифрах не выражались результаты голосования в Конгрессе, они означали, что Рузвельт одержал крупнейшую победу над реакционным американским изоляционизмом. Продолжая формально оставаться невоюющим государством, Соединенные Штаты фактически вступали в неограниченную каким-либо районом морскую войну с Германией¹⁰¹⁶.

Тем не менее, на состоявшемся 13 ноября военно-морском совещании А. Гитлер, несмотря на стремление Э. Редера пойти на обострение в Атлантике, указал, что силы ВМФ Германии “в соответствии со стратегической необходимостью” должны вести себя “сдержанно”. Гитлер решил быть непреклонным: приказ избегать провокаций остается в силе и будет изменен только “в зависимости от обстоятельств”, что бы это ни означало¹⁰¹⁷.

14 ноября министерство народного просвещения и пропаганды выпустило инструкцию для немецкой прессы, в которой рекомендовалось оценивать произошедшее в Конгрессе событие следующим образом: “Несомненно, что голосование происходило под колоссальным давлением и что множество членов Палаты получили взятки... Тот факт, что даже при наличии подкупов разрыв оказался столь незначительным, свидетельствует о том, что большая часть американцев противится отмене закона; итог голосования лишь подтверждает беспринципность еврейской правящей клики”¹⁰¹⁸.

В тот же день всем немецким дипломатическим миссиям был направлен циркуляр, составленный начальником политического отдела МИД Германии Э. Верманном. В нем, в частности, отмечалось: “Результаты голосования, несомненно, являются победой президента, который достиг своей цели... С другой стороны, голосование в обеих палатах ярко показало, что и в помине нет

¹⁰¹⁵ Chamberlin H.Ch. *America's Second Crusade*. Chicago, 1950. P. 145.

¹⁰¹⁶ Коваль В.С. Указ. соч. Стр. 295.

¹⁰¹⁷ *Fuehrer Conferences on Naval Affairs 1939–1945*//Brassey's Naval Annual. L., 1948. P. 239.

¹⁰¹⁸ Цит. по: Friedländer S. *Op. cit.* P. 297.

никакого равнодушия по вопросам внешней политики... В своих комментариях вам следует... постоянно подчеркивать, что, несмотря на террор и устрашение, примененные администрацией Соединенных Штатов, основная масса американцев остается равнодушной и не одобряет воинствующую политику Рузвельта”¹⁰¹⁹.

Следует, однако, подчеркнуть, что приводившиеся немецкой стороной оценки относительно настроения американцев не соответствовали действительности: к этому времени 70 % граждан США считали более важным нанести поражение Германии, нежели остаться вне войны¹⁰²⁰.

17 ноября Рузвельт поставил на одобренном Конгрессом билле свою подпись, вводя его в действие. В тот же день президент, видимо, сбросивший тяжелый моральный груз, обратил внимание генерального прокурора США на возможность осуществления Верховным судом расследования источников финансирования изоляционистского комитета “Америка прежде всего”¹⁰²¹, который создавал серьезные препятствия реализации инициатив администрации. Президент давал понять, что не собирается мириться с противодействием осуществлению мер, которые он считал жизненно важными для возглавляемой им страны.

Осенние месяцы 1941 г. были плотно насыщены событиями и представляли собой период “необъявленной войны” в американо-германских отношениях. Следует признать, что в это время Соединенные Штаты проявили себя как государство, стремившееся к укреплению своих позиций в Атлантике и готовое отстаивать их вооруженными методами.

Конгрессмен-изоляционист Г. Фиш, бывший одним из основных оппонентов Ф. Рузвельта, впоследствии отмечал, что осенью 1941 г. президент США намеренно вводил американцев в заблуждение и “разжигал пламя ненависти” в отношении Германии. Кроме того, Фиш полагал, что Рузвельт

¹⁰¹⁹ Ibid.

¹⁰²⁰ Public Opinion, 1935-1946 (Ed. by H. Cantril). Princeton, 1951. P. 974.

¹⁰²¹ Цит. по: MacDonnell F. Op. cit. P. 140.

пытался “спровоцировать” Берлин приказом о стрельбе без предупреждения по немецким кораблям, но не преуспел в силу нежелания Гитлера интенсифицировать конфликт¹⁰²².

С нашей точки зрения, в действиях Рузвельта отсутствовали признаки, свидетельствовавшие о его желании обострить ситуацию. Напротив, его деятельность была подчинена задаче обеспечения государственных интересов США, заключавшихся в недопущении военных кораблей Третьего рейха в американскую зону патрулирования, а также в наращивании помощи союзникам вследствие ревизии закона о нейтралитете.

Что касается двусторонних морских инцидентов на просторах Атлантики, тем более повлекших жертвы со стороны Соединенных Штатов, правомерно утверждать, что они также заметно повышали уровень напряженности американо-германских отношений. Вследствие произошедших событий Вашингтон был поставлен перед фактом того, что американский нейтралитет, и так подвергшийся заметной эрозии, не мог служить гарантией от столкновений с силами немецкого ВМФ.

Третий рейх, в свою очередь, был вынужден обращать все более пристальное внимание на американский фактор – как в силу имевших место морских столкновений, так и в связи с тем, что США совершили очередной важный шаг в деле помощи европейским противникам гитлеризма, кардинальным образом трансформировав закон о нейтралитете, бывший одной из основ внешней политики страны на протяжении нескольких лет.

¹⁰²² Fish H. Tragic Deception: FDR and America's Involvement in World War II. Old Greenwich, 1983. P. 37.

§3. Американо-германские отношения накануне вступления США в войну

Рассмотрение американо-германских отношений в период, непосредственно предшествовавший официальному началу войны между Соединенными Штатами и Третьим рейхом 11 декабря 1941 г., в значительной степени связано с необходимостью обращения внимания на японский фактор, сыгравший весьма важную роль в том, что нацистская Германия объявила войну США спустя 4 дня после трагедии Перл-Харбора. Причины и мотивы, которые побудили А. Гитлера к совершению этого шага, никоим образом не соотносившегося с политикой Берлина в отношении Вашингтона в течение нескольких предшествовавших лет, могут быть установлены путем анализа германо-японских дипломатических отношений, заметно активизировавшихся в конце 1941 г.

18 ноября начальник разведывательного управления генерального штаба Японии К. Окамото связался с военным атташе посольства Германии в Токио А. Кречмером и попросил его передать в Берлин следующее сообщение: “Генеральный штаб полагает, что мирное решение японо-американских противоречий невозможно. Решение Японией проблем в одностороннем порядке, которое при таком раскладе станет необходимым, вероятно, повлечет вступление США в войну... Генштаб считает, что в таком случае лучшим представляется вариант, при котором взаимная помощь будет подтверждена обязательством обоих государств, Германии и Японии, не заключать сепаратный мир или перемирие, а только совместное”¹⁰²³.

Рассмотрение выдвинутого Окамото предложения заняло в немецкой столице два дня, и 21 ноября министр иностранных дел И. фон Риббентроп поручил посольству в Токио устно сообщить японской стороне, что в Берлине “идея исключительно совместного заключения перемирия или мира в том случае, если Япония или Германия – неважно, по каким причинам – окажется вовлеченной в войну с Соединенными Штатами, считается само собой

¹⁰²³ DGFP. Series D. Volume 13. P. 799.

разумеющейся и что... Германия рассчитывает зафиксировать ее в форме соглашения»¹⁰²⁴.

23 ноября военный атташе А. Кречмер озвучил К. Окамото ответ немецкой стороны, после чего состоялась встреча последнего с немецким послом О. Оттом. Окамото был весьма обрадован немецкой реакцией, передал благодарность от премьер-министра Х. Тодзио и в порядке уточнения запросил, «означает ли это, что в случае, если Япония откроет военные действия против Соединенных Штатов, Германия тоже будет считать себя находящейся в состоянии войны с ними»¹⁰²⁵. Следует отметить, что противоположный сценарий, связанный с обязательством Германии, Японии и Италии оказать коллективное противостояние возможной агрессии со стороны Соединенных Штатов в отношении кого-либо из них, был зафиксирован в подписанном в сентябре 1940 г. Тройственным пакте.

На следующий день телеграмма Отта, содержащая в себе вопрос Окамото, достигла Берлина. Однако, в силу отсутствия источников, свидетельствующих о каком-либо ответе на этот запрос, достоверно установить непосредственную реакцию Германии не представляется возможным¹⁰²⁶.

Тем временем, 26 ноября 1941 г. ударное соединение японского императорского флота под командованием вице-адмирала Т. Нагумо по приказу командующего флота И. Ямамото покинуло базу на острове Итуруп и направилось к Гавайским островам. С этого момента японо-американские переговоры конфиденциально были сочтены окончательно провалившимися. Вследствие этого японская сторона стала предпринимать все возможное для того, чтобы как можно скорее добиться от Германии договорно закрепленных заверений о ее незамедлительном вступлении в начинаемую Японией войну и отказе Берлина от заключения сепаратного мира¹⁰²⁷.

¹⁰²⁴ Ibid. P. 806-807.

¹⁰²⁵ Ibid. P. 813.

¹⁰²⁶ Syring E. Hitlers Kriegserklärung an Amerika vom 11. Dezember 1941//Der Zweite Weltkrieg: Analysen, Grundzüge, Forschungsbilanz. München, 1989. S. 688.

¹⁰²⁷ Hillgruber A. Der Zweite Weltkrieg. Kriegsziele und Strategie der großen Mächte. Stuttgart, 1983. S. 83.

28 ноября состоялась встреча министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа и японского посла в Берлине Х. Осимы. Согласно немецкому протоколу их беседы, обсуждался широкий круг проблем, но ни одна из сторон не упомянула про уточняющий запрос К. Окамото о реакции Германии на возможное развязывание Японией войны с Соединенными Штатами¹⁰²⁸. Однако, этот протокол был неполным; в нем не была отображена заключительная часть беседы¹⁰²⁹.

Тем не менее, она была зафиксирована в отчете Осимы, направленном в Токио на следующий день. Согласно данному отчету, в самом конце встречи “Риббентроп со ссылкой на Гитлера сказал, что если Япония вступит в войну с Соединенными Штатами, то Германия незамедлительно присоединится к ней и что никакого сепаратного мира невозможно”¹⁰³⁰. Таким образом, исходя из утверждений Осимы, возможно утверждать, что вопрос, ранее поставленный японской стороной, нашел недвусмысленный ответ. Два государства были готовы к выработке условий соответствующего соглашения.

Дипломатическая подготовка к нему также осуществлялась и в Токио – 30 ноября министр иностранных дел Японии С. Того встретился с немецким послом О. Оттом и обстоятельно поведал ему о весьма напряженной ситуации в японо-американских отношениях. При этом Того выразил заинтересованность в том, что в случае начала японо-американского конфликта Германия поддержит Японию. Отт, в свою очередь, ответил, что японской стороне не следует испытывать каких-либо сомнений на данный счет¹⁰³¹.

1 декабря посол Японии в Берлине Х. Осима получил из Токио указание активизировать свою деятельность и добиться подписания Германией документа в соответствии с устно достигнутыми соглашениями. Вечером того же дня он встретился по этому поводу с И. фон Риббентропом, но министр иностранных дел уклонился от принятия конкретных обязательств, заявив, что прежде ему следует

¹⁰²⁸ DGFP. Series D. Volume 13. P. 868-870.

¹⁰²⁹ Ibid. P. 870 (Footnote 3).

¹⁰³⁰ U.S. Department of Defense. The “Magic” Background of Pearl Harbor. Volume 4. Appendix. Washington, 1978. P. A-383; DGFP. Series D. Volume 13. P. 870 (Footnote 4).

¹⁰³¹ DGFP. Series D. Volume 13. P. 906-908.

посоветоваться с фюрером. Гитлер в эти дни совершал инспекционную поездку на Восточный фронт и, по уверениям Риббентропа, связаться с ним было нельзя. Тем не менее, министр пообещал, что 4 или 5 декабря он будет проводить с фюрером совещание и обязательно обсудит с ним данный вопрос¹⁰³².

Вечером 4 декабря А. Гитлер возвратился с русского фронта в свою штаб-квартиру “Вольфшанце”. Там состоялась его встреча с И. фон Риббентропом. Очевидно, фюрер принял японскую инициативу, поскольку уже в ночь с 4 на 5 декабря проект трехстороннего германо-итало-японского соглашения был направлен в Рим.

В 2.20 ночи 5 декабря немецкий посол в Риме Г.Г. фон Макензен представил данный проект министру иностранных дел Италии Г. Чиано. Первая статья проекта предполагала, что в случае войны между Японией и США, Германия и Италия также незамедлительно провозглашают себя находящимися в состоянии войны с Соединенными Штатами и будут вести эту войну с применением всех имеющихся сил. Япония также брала на себя аналогичные обязательства в отношении начала войны. Вторая статья фиксировала отказ от заключения сепаратного мира или перемирия с США, а также с Великобританией, если Япония вступит с ней в войну¹⁰³³.

Чиано незамедлительно одобрил данный проект, и уже в 2.45 ночи в Берлин было сообщено об итальянском согласии¹⁰³⁴. В 4 часа утра находившийся в Берлине помощник Риббентропа Э. фон Ринтелен вручил японскому послу Х. Осиме одобренный Италией проект соглашения¹⁰³⁵.

Однако в силу вызванных техническими причинами трудностей со связью между Берлином и Токио и из-за уточнения формулировок переговоры с японской стороной об утверждении соглашения затянулись настолько, что

¹⁰³² Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха. Т. 2. М., 1991. Стр. 286; U.S. Department of Defense. The “Magic” Background of Pearl Harbor. Volume 4. Washington, 1978. P. A-387-388.

¹⁰³³ DGFP. Series D. Volume 13. P. 958.

¹⁰³⁴ Ibid. P. 961.

¹⁰³⁵ Ibid. P. 962.

оказались “опрокинутыми” вследствие внезапного японского нападения на Перл-Харбор, произошедшего утром 7 декабря 1941 г.¹⁰³⁶

Поскольку Япония никогда не открывала Берлину свои планы в отношении Перл-Харбора, атака на него стала для руководства Третьего рейха достаточно неожиданной.

Несмотря на это, по-прежнему находившийся в “Вольфсшанце” рейхсканцлер А. Гитлер воспринял известие о японском нападении в высшей степени положительно: он выглядел так, словно “избавился от кошмара”, и впал в “состояние эйфории”¹⁰³⁷. Фюрер сказал присутствовавшему там же офицеру связи штаб-квартиры и своему личному другу В. Хевелю: “Мы не можем проиграть войну. Теперь у нас есть союзник, непобедимый на протяжении 3000 лет”¹⁰³⁸.

Министр иностранных дел И. фон Риббентроп и статс-секретарь немецкого МИДа Э. фон Вайцзеккер сначала не поверили в новость о нападении на Перл-Харбор¹⁰³⁹. По свидетельству П. Шмидта, Риббентроп “был чрезвычайно сердит, что его беспокоят по поводу непроверенных сообщений”¹⁰⁴⁰. Риббентроп со всей отчетливостью осознал произошедшее лишь после скорого получения многочисленных подтверждений. В связи с этим следует отметить, что он специально позвонил министру иностранных дел Италии Г. Чиано, чтобы выразить свою “радость от нападения японцев на Соединенные Штаты”¹⁰⁴¹.

Как только посол Японии в Берлине Х. Осима узнал об атаке на Перл-Харбор, он сразу же позвонил И. фон Риббентропу. К тому моменту министр был уже в курсе событий и сказал, что, хотя он еще не получил санкцию Гитлера на такие высказывания, но “немедленное участие в войне Германии и Италии – само собой разумеющееся дело”¹⁰⁴².

¹⁰³⁶ Syring E. Op. cit. S. 690. В результате нападения японской палубной авиации на американские военно-морскую и воздушные базы, расположенные в Перл-Харборе (Гавайские острова) были потоплены 4 американских линкора, 2 эсминца и 1 минный заградитель. Ещё 4 линейных корабля, 3 лёгких крейсера и 1 эсминец получили серьёзные повреждения. Потери американской авиации составили 188 самолётов уничтоженными и 159 серьёзно поврежденными. Были убиты 2403 американца, 1178 граждан США были ранены.

¹⁰³⁷ См. Syring E. Ibid.

¹⁰³⁸ Цит. по: Fischer K. Op. cit. P. 153.

¹⁰³⁹ Weizsäcker E. von. Op. cit. S. 328.

¹⁰⁴⁰ Шмидт П. Указ. соч. С. 328-329.

¹⁰⁴¹ Ciano G. Op. cit. P. 416.

¹⁰⁴² DGFP. Series D. Vol. 13. P.977-978 (Editor's Note).

Что касается поверенного в делах Германии в США Г. Томсена, то он вскоре сообщил в Берлин, что нападение на Перл-Харбор стало для администрации и народа Соединенных Штатов “полной неожиданностью”¹⁰⁴³.

Тем не менее, руководство США приняло оперативные действия, связанные с необходимостью адекватной реакции на японскую атаку. 7 декабря в 15.00 по вашингтонскому времени президент Ф. Рузвельт созвал военный совет. По интересному замечанию присутствовавшего на нем Г. Гопкинса, “совещание открылось в не слишком напряженной атмосфере, поскольку... все мы считали, что в конечном счете противником является Гитлер и что его никогда не удастся разгромить иначе, как силой оружия; что рано или поздно нам пришлось бы вступить в войну и что Япония дала нам такой повод”¹⁰⁴⁴.

Присутствовавшим было известно, что президентское послание Конгрессу, которое будет содержать просьбу об объявлении войны Японии, назначено на следующий день. Военный министр Г. Стимсон сообщил, что провел совещание с армейским руководством и пришел к выводу, что, возможно, следует ставить вопрос об одновременном объявлении войны Японии и Германии¹⁰⁴⁵. Однако, предложение Стимсона не было поддержано.

В первую очередь это объясняется тем, что сам Рузвельт не был намерен форсировать сложившуюся ситуацию. Основой занятой им позиции была информация, содержавшаяся в перехваченном и расшифрованном отчете Х. Осимы от 29 ноября, в котором утверждалось, что если Япония окажется вовлеченной в войну с Соединенными Штатами, Германия незамедлительно присоединится к войне¹⁰⁴⁶. Кроме того, как отмечает В.С. Коваль, в психологическом плане было выгоднее, чтобы Германия выступила в роли нападающей стороны. Это должно было усилить в американском народе понимание не только справедливости, но и необходимости войны против Гитлера, поднять боевой дух армии¹⁰⁴⁷.

¹⁰⁴³ Ibid. P. 968.

¹⁰⁴⁴ Шервуд Р. Указ. соч. Т. 1. Стр. 668.

¹⁰⁴⁵ Цит. по: Hill R. Hitler Attacks Pearl Harbor: why the United States Declared War on Germany. Boulder, 2003. P. 19.

¹⁰⁴⁶ Ibid. P. 18-19.

¹⁰⁴⁷ Коваль В.С. Указ. соч. Стр. 395.

Тот факт, что президент США был уверен в скором объявлении войны Берлином и был готов к нему, подтверждается свидетельством Г. Икеса, согласно которому “во время встречи кабинета 7 декабря Рузвельт сказал и повторил, что он ожидает, что Германия и Италия объявят войну США”¹⁰⁴⁸. Добавим, что еще 13 ноября Рузвельт был оповещен о частном мнении поверенного в делах Германии в Вашингтоне Г. Томсена, согласно которому в случае начала японо-американской войны Германия незамедлительно вступит в нее¹⁰⁴⁹. Данная точка зрения была высказана им в ходе беседы с лидером американских квакеров М. Ловеллом, являвшимся негласным осведомителем Отдела по координации информации¹⁰⁵⁰.

8 декабря в 13.00 по берлинскому времени Х. Осима связался с И. фон Риббентропом и, следуя полученным к тому моменту указаниям министра иностранных дел Японии С. Того, настоял, чтобы Германия объявила войну Соединенным Штатам. Риббентроп ответил, что Гитлер проводит консультации в “Вольфсшанце” о том, какую пропагандистскую пользу можно извлечь из объявления войны США и пообещал незамедлительно передать фюреру японское требование.

Кроме того, Риббентроп сообщил, что утром текущего дня Гитлер отдал ВМФ Германии распоряжение топить при встрече любые американские корабли¹⁰⁵¹. Затем Риббентроп вручил Осиме проект соглашения между Германией, Италией и Японией, который предусматривал, что три державы будут совместно вести до победного конца войну против США и Англии и берут на себя обязательство не заключать сепаратный мир или сепаратное перемирие с любой из этих стран¹⁰⁵². Риббентроп попросил Осиму направить этот документ правительству Японии.

¹⁰⁴⁸ Ickes H. Op. cit. Volume 3. N.Y., 1955. P. 664.

¹⁰⁴⁹ William Donovan to FDR. Memorandum. 13 November 1941. Coordinator of Information. 1941. Box 128. Subject File. PSF. FDRL.

¹⁰⁵⁰ Отдел по координации информации (Office of the Coordinator of Information) был создан Ф. Рузвельтом в июле 1941 г. и представлял собой административную структуру, занимавшуюся сбором разведывательных данных.

¹⁰⁵¹ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal (далее - IMT). Nuremberg, 1947. Volume 35. P. 324.

¹⁰⁵² DGFP. Series D. Volume 13. P. 982.

На протяжении трех последующих дней между Берлином и Токио осуществлялся обмен мнениями относительно “шлифовки” формулировок проекта соглашения. К утру 11 декабря был достигнут консенсус, и посол в Берлине Х. Осима был уполномочен подписать соглашение. В итоге документ был подписан им, а также итальянским послом в Германии Д. Альфиери и министром иностранных дел Третьего рейха И. фон Риббентропом¹⁰⁵³.

8 декабря президент США Ф. Рузвельт обратился к Конгрессу с короткой речью. Назвав нападение агрессора “днем бесславия”, он предложил объявить войну Японии. За исключением члена Палаты представителей Дж. Рэнкин, - ультрапацифистки, также голосовавшей против вступления страны в Первую мировую войну в 1917 году - все конгрессмены поддержали президента. В 16.10 по вашингтонскому времени Ф. Рузвельт подписал закон, провозглашавший состояние войны между США и Японской империей.

Помимо этого, в стране была объявлена всеобщая мобилизация. Следует отметить, что “с целью борьбы против шпионов и диверсантов” были отданы распоряжения по задержанию и аресту не только японцев, но также немцев и итальянцев, “представлявших угрозу для безопасности США”¹⁰⁵⁴.

Г. Томсен незамедлительно сообщил в Берлин о стремительной консолидации всех политических сил Соединенных Штатов¹⁰⁵⁵. Во время состоявшейся в тот же день очередной беседы с М. Ловеллом он упомянул, что “не знает, как будет действовать германское правительство, но чувствует, что сам он вряд ли задержится в Вашингтоне”¹⁰⁵⁶.

9 декабря глава Белого дома выступил в радиоэфире с очередной “беседой у камина”, заявив, что США “намереваются выиграть войну и добиться мира”¹⁰⁵⁷. Характерной чертой высказываний Рузвельта стало то, что он явно связывал

¹⁰⁵³ См. Jäckel E. Hitler in History. Hannover, 1987. P. 82-83; Herde P. Pearl Harbor, 7. Dezember 1941. Darmstadt, 1980. S. 301; DGFP. Series D. Volume 13. P. 992-993, 998.

¹⁰⁵⁴ LeMay M.C., Barkan E.R. U.S. Immigration and Naturalization Laws and Issues: a Documentary History. Westport, 1999. P. 184-187.

¹⁰⁵⁵ DGFP. Series D. Vol. 13. P. 979.

¹⁰⁵⁶ Malcolm Lovell to William Donovan. Memorandum. 8 December 1941. Coordinator of Information. 1941. Box 128. Subject File. PSF. FDRL.

¹⁰⁵⁷ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1941 Volume. P. 522-530.

японскую атаку на Перл-Харбор с агрессивными действиями Германии на протяжении всех последних лет; общий посыл его выступления заключался в том, что Соединенные Штаты противостоят не только Японии, но и Германии с Италией¹⁰⁵⁸.

9 декабря Гитлер прибыл в Берлин из своей восточнопрусской штаб-квартиры. В тот же день Г. Дикгоф приступил к составлению перечня антигерманских акций Рузвельта, необходимого фюреру для его специального выступления в Рейхстаге, намеченного на 11 декабря. Что касается И. фон Риббентропа, то он в беседе с послом Италии Д. Альфиери отметил: “Главное, что Япония сейчас находится в войне на стороне держав “оси”. Это стало тяжелым ударом для Америки и еще более тяжёлым – для Англии. Это самое важное событие с момента начала войны”¹⁰⁵⁹.

Поверенный в делах Германии в США Г. Томсен, в свою очередь, получил указание уничтожить секретные коды и бумаги. Вечером того же дня он сообщил в Берлин, что американская администрация, вероятно, находится в курсе осуществлявшихся в Берлине подготовительных действий: “Здесь считают, что в течение 24 часов Германия объявит войну Соединенным Штатам или, по крайней мере, разорвет дипломатические отношения”¹⁰⁶⁰.

Показательно, что аналогичная точка зрения была тогда же зафиксирована и на страницах газеты “Уолл Стрит Джорнал”: “Вашингтон осознает скорое начало войны с Германией и Италией... Из-за границы приходят заслуживающие доверия предупреждения о надвигающейся опасности...”¹⁰⁶¹.

Общаясь с недавно назначенным на пост посла СССР в Вашингтоне М.М. Литвиновым, президент Рузвельт заявил, что “схватка, в которую были вынуждены вступить США, тесно связана, если не является его составной частью, с гигантским по масштабу противостоянием, инспирированным родственными агрессивными силами, подогреваемыми амбициями мирового завоевания и

¹⁰⁵⁸ Hill R. Op. cit. P. 42-43.

¹⁰⁵⁹ DGFP. Series D. Volume 13. P. 994.

¹⁰⁶⁰ Цит. по: Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 2. Стр. 288.

¹⁰⁶¹ Wall Street Journal. 09.12.1941.

доминирования”¹⁰⁶². Можно сказать, что таким образом глава Белого дома обозначил неотделимость американо-японской войны от необходимости ведения глобальной борьбы против держав “оси”.

Тем временем, напряженность американо-германских отношений начала подходить к своей кульминационной точке. 10 декабря министр иностранных дел И. фон Риббентроп обратился к Г. Томсену с предписанием предъявить на следующий день в 15.30 по берлинскому времени государственному секретарю ноту с объявлением войны (ее текст прилагался), запросить свой паспорт и возложить на Швейцарию дипломатическое представительство Германии в Соединенных Штатах¹⁰⁶³. Таким образом, решение о войне с Соединенными Штатами было принято Берлином окончательно и бесповоротно. На следующий день произошло его оформление.

11 декабря в 14.18 по берлинскому времени министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп принял американского поверенного в делах в Берлине Л. Морриса и, не предлагая сесть, вручил ему ноту, в которой отмечалось, что Соединенные Штаты, “начав с первых нарушений нейтралитета, после состоявшегося 11 сентября 1941 г. выступления Рузвельта перешли к открытым актам войны против Германии и фактически создали состояние войны между двумя странами” и констатировалось, что Германия с текущего дня считает себя находящейся в состоянии войны с США. При этом Риббентроп сухо добавил: “Ваш президент получил войну, которую он хотел”. Встреча длилась 3 минуты¹⁰⁶⁴.

Менее чем через час, в 15.00 по берлинскому времени началось выступление рейхсканцлера Германии А. Гитлера перед специально созванным Рейхстагом. Оно продлилось почти полтора часа.

В начале речи Гитлер достаточно развернуто поведал о ходе войны, которая, по словам фюрера, складывалась для рейха весьма успешно.

¹⁰⁶² Washington Post. 10.12.1941.

¹⁰⁶³ DGFP. Series D. Volume 13. P. 999-1000,

¹⁰⁶⁴ Ibid. P. 1004-1005.

Впрочем, уже вскоре он перешел к вопросу о взаимоотношениях с США, являвшимся центральным сюжетом всего выступления. Фюрер подверг персональной критике Ф. Рузвельта, с “фанатичной враждебностью” относившегося к Германии. Гитлер заявил, что Германия никогда не имела никаких политических интересов на Американском континенте и не проявляла враждебности к Соединенным Штатам¹⁰⁶⁵.

Указав, что Рузвельт сам культивирует враждебное отношение к Германии, тем самым инспирируя войну, Гитлер в многословной манере выделил причины, побуждавшие президента США к этим действиям.

Во-первых, фюрер подчеркнул, что в свое время Рузвельт, в силу принадлежности к классу капиталистов, наживался на Первой мировой войне – “он знал лишь приятные стороны всемирного конфликта”. При этом Гитлер резко противопоставил собственную судьбу жизненному пути Рузвельта, упомянув про сражения на полях брани и непреходящую бедность. После войны Рузвельт, по словам фюрера, пустился в финансовые махинации и наживался на росте инфляции. Сам же фюрер в то время “наряду с сотнями тысяч других раненых” лежал в госпиталях¹⁰⁶⁶.

Во-вторых, Гитлер заявил, что президент США целенаправленно растравливал нынешнюю войну, чтобы избежать ответственности за провал своей внутриполитической деятельности. Данное обвинение также было преподнесено в сравнительной форме: “... Президент Рузвельт не добился ни малейшего улучшения жизни своей страны... И это неудивительно, поскольку каждому ясно, что интеллектуалы, которых он призвал себе на помощь, или, точнее, которые поставили его президентом, - евреи, заинтересованные только в разложении общества и беспорядках. В то время как национал-социалистическая Германия предпринимала меры против финансовых спекуляций, при Рузвельте они процветали. Законодательство Рузвельта, связанное с “новым курсом”, являлось недееспособным и, следовательно, было величайшей ошибкой, каковой никто

¹⁰⁶⁵ Hitler. Reden und Proklamationen (Hrsg. von M. Domarus). Würzburg, 1963. Band II. Halbband 2. S. 1801.

¹⁰⁶⁶ Ibid. S. 1802-1803.

никогда не совершал. Не может быть никаких сомнений в том, что продолжение этой экономической политики привело бы к краху его президентства еще в мирное время... В европейском государстве его карьера закончилась бы в верховном суде за преднамеренное растранивание национального богатства; он вряд ли избежал бы гражданского суда за преступные методы ведения бизнеса”¹⁰⁶⁷.

После этих слов Гитлер сделал вывод о том, что единственным средством противостояния усилившейся оппозиции для Рузвельта было переключение общественного внимания исключительно на внешнеполитические проблемы. Подстрекаемый и поощряемый евреями, Рузвельт “выискивал споры по миру, но прежде всего в Европе, чтобы связать одну из сторон узами американских экономических обязательств, что ввергло бы Америку в войну и, таким образом, отвлекло внимание от его запутанной внутренней экономической политики”¹⁰⁶⁸.

Затем Гитлер привел длинный перечень антигерманских действий американского президента, включавший в себя карантинную речь 5 октября 1937 г., миротворческое обращение 15 апреля 1939 г., “представлявшее собой смесь географического и политического невежества, в сочетании с высокомерием миллионера”, отмену эмбарго на поставки оружия 4 ноября 1939 г., передачу пятидесяти эсминцев Великобритании в сентябре 1940 г., принятие “обременившего американский народ” закона о ленд-лизе в марте 1941 г., “заморозку” германских активов и закрытие консульств в июне 1941 г., акты “необъявленной войны” в Атлантике осенью 1941 г.¹⁰⁶⁹

Нацистский диктатор продолжал: “Я думаю, что все вы почувствовали облегчение, когда нашлось государство, первым предпринявшее акцию протеста против этого беспрецедентного и бесстыдного злоупотребления правдой и правом... Тот факт, что японское правительство, которое годами вело переговоры с этим человеком, устало от его недостойных насмешек, вызывает у нас, у всего немецкого народа и, я думаю, у всех честных людей во всем мире чувство

¹⁰⁶⁷ Ibid. S. 1803-1804.

¹⁰⁶⁸ Ibid. S. 1804.

¹⁰⁶⁹ Ibid. S. 1804-1807.

глубокого удовлетворения... Что касается немецкой нации... она обеспечит себе право на жизнь, даже если тысячи Черчиллей и Рузвельтов будут плести заговоры против нее... Поэтому я дал распоряжение сегодня же выдать паспорт американскому поверенному в делах”. Эти слова фюрера потонули в возгласах шумного одобрения и аплодисментах¹⁰⁷⁰.

В завершающей части речи Гитлер объявил об оформленном соглашении Германии, Италии и Японии, декларировавшем “их непоколебимую решимость не складывать оружия и не заключать сепаратного мира до тех пор, пока не будет достигнуто успешное завершение совместной войны против Соединенных Штатов и Англии”¹⁰⁷¹.

Таким образом, рейхсканцлер в очередной раз выступил с речью, в значительной степени состоявшей из набора антиамериканских штампов, а также передергивания фактов из истории двусторонних отношений. Путем сравнения Германии и США, себя и Рузвельта, фюрер стремился обосновать правомерность, если не сказать, обязанность Третьего рейха вступить в военное противостояние с заокеанской державой.

В тот момент, когда Гитлер уже начал свою речь (15.30 по берлинскому времени/09.30 по вашингтонскому времени), поверенный в делах Германии в США Г. Томсен явился в государственный департамент, чтобы вручить К. Хэллу ноту об объявлении войны. Хэлл, однако, избежал встречи с ним; Томсен был перенаправлен к начальнику европейского отдела Р. Атертону. Принимая ноту, Атертон отметил, что он просто подтверждает осознание того факта, что “администрация и народ США с самого начала войны в 1939 году столкнулись с угрозой и притязаниями немецкого правительства и режима в отношении Западного полушария и свободной американской цивилизации”¹⁰⁷².

Имеет смысл кратко упомянуть и про формальное начало войны США с третьей державой “оси” – Италией. В 10.40 по вашингтонскому времени итальянский посол в Вашингтоне А. Колонна появился в государственном

¹⁰⁷⁰ Ibid. S. 1807-1808.

¹⁰⁷¹ Ibid. S. 1809-1810.

¹⁰⁷² Цит. по: Langer W., Gleason S. The Undeclared War, 1940-1941. New York, 1953. P. 940.

департаменте и озвучил принимавшему его советнику К. Хэлла Дж. Данну вербальную ноту, в которой констатировалось, что Италия находится в состоянии войны с США. В ответ Данн заявил, что Соединенные Штаты отчетливо осознают, что Италия “покорно повинуетя курсу Германии”¹⁰⁷³.

В свою очередь, в 14.30 по римскому времени (08.30 по вашингтонскому времени) министр иностранных дел Италии Г. Чиано также объявил американскому поверенному в делах Дж. Уодсуорту, что отныне Италия находится в состоянии войны с Соединенными Штатами. Что касается Б. Муссолини, то с 15.00 до 15.15 по римскому времени дуче выступал в итальянской столице с балкона дворца Палаццо Венеция. Он объявил войну США, причем сделал это даже хронологически раньше, чем А. Гитлер. По словам Муссолини, указывавшим на Рузвельта, но не называвшим его прямо, “только один человек, настоящий тиран-демократ, путем бесконечных провокаций, в высшей степени предательских по отношению к народу его страны, жаждал войну и день за днем готовился к ней с дьявольским упрямством”¹⁰⁷⁴.

11 декабря в 12.21 по вашингтонскому времени Конгрессу было зачитано обращение Рузвельта с просьбой объявить войну Германии и Италии. Голосование в поддержку данного решения было единогласным. В 15.05 по вашингтонскому времени президент США Ф. Рузвельт подписал декларацию насчет объявления войны Германии, а спустя минуту – аналогичный документ в отношении Италии¹⁰⁷⁵. Таким образом, Соединенные Штаты в течение трех дней вступили в войну со всеми державами “оси”.

Необходимо указать, что начало войны с этими государствами также выступило в роли фактора, определившего окончательный крах американского изоляционизма и, в первую очередь, его ведущей силы – комитета “Америка прежде всего”. Организация была распущена 11 декабря. В официальном заявлении комитета по этому поводу выражалось сожаление о том, что продвигавшиеся им внешнеполитические принципы не возобладали, но далее

¹⁰⁷³ Цит. по: Shirley C. December 1941. 31 Days that Changed America and Saved the World. Nashville, 2011. P. 230.

¹⁰⁷⁴ New York Times. 12.12.1941.

¹⁰⁷⁵ Shirley C. Op. cit. P. 232.

отмечалось: “Сегодня мы уже вовлечены в войну... Наша главная цель – победа”¹⁰⁷⁶.

Серьезность вызова, брошенного Вашингтону ревизионистскими державами, требовала решительного отхода от изоляционистской доктрины ради защиты своих национальных интересов в условиях ширившегося военного противостояния. Вступление Соединенных Штатов в войну способствовало стремительной консолидации всех внутривойсковых сил страны.

Начало войны между Германией и Соединенными Штатами стало логичным этапом в отношениях двух государств. Весь ход событий предыдущих месяцев и, в особенности, участвовавшие морские столкновения, к декабрю 1941 г. уже фактически создали состояние “необъявленной войны” Вашингтона и Берлина. На этом фоне нападение Японии на Перл-Харбор явилось достаточно мощным импульсом, подтолкнувшим фюрера к совершению решительного шага – официальному объявлению войны заокеанской державе.

Необходимо отметить, что, несмотря на положительное восприятие японской атаки на Перл-Харбор, общий настрой Гитлера в те дни был далеко не триумфальным. Причина заключалась в том, что 5 декабря 1941 г. началось контрнаступление Красной армии в ходе битвы под Москвой, опрокинувшее планы нацистов относительно молниеносной победы и ставшее свидетельством краха “блицкрига” на Востоке.

В таких условиях фюрер был вынужден сам поставить крест на собственной политике уклонения от войны с Америкой. Он предпочел взять инициативу объявления войны в свои руки, “чтобы не подрывать еще больше моральное состояние фашистских войск, терпящих поражение на Восточном фронте”¹⁰⁷⁷.

Исходя из этих фактов, следует заключить, что в стратегическом плане приобретение нового противника представляло для Германии явно негативный факт.

¹⁰⁷⁶ Chicago Tribune. 12.12.1941.

¹⁰⁷⁷ Цит. по: Коваль В.С. Указ. соч. С. 399.

США, в свою очередь, были готовы к тому, что Третий рейх решится на объявление войны и сами не форсировали ситуацию, дабы утвердить в общественном мнении четкое представление о том, что в начинавшемся противостоянии Вашингтон будет бороться с агрессивной державой, притязающей, среди прочего, и на территории Западного полушария. Уже к ноябрю 1941 г. 68 % американцев были убеждены, что для их страны более важно сокрушить Германию, нежели избежать вовлечения в войну с ней¹⁰⁷⁸. Подобный расклад свидетельствовал о том, что линия действий американской администрации была вполне оправданной.

¹⁰⁷⁸ The Gallup Poll. Public Opinion, 1935-1971. Volume 1: 1935-1948. N.Y., 1972. P. 311.

Заключение

Рассмотрение отношений Соединенных Штатов Америки и нацистской Германии в период с октября 1938 г. по декабрь 1941 г. позволяет прийти к выводу о том, что их характер определялся рядом объективных и субъективных факторов, оказывавших влияние на развитие событий. Они касались как непосредственно контактов двух государств, так и внутривнутриполитической конъюнктуры (в первую очередь, американской), которая накладывала весьма заметный отпечаток на связи США и Германии.

Обобщая проведенное исследование, логично сначала обратить внимание на специфику американско-германских отношений в достаточно противоречивый временной отрезок, предшествовавший началу Второй мировой войны, а затем оценить сущность отношений США и нацистского рейха в период с сентября 1939 г. до декабря 1941 г., вплоть до официального начала войны между двумя государствами.

Переходя к характеристике американско-германских отношений в период до сентября 1939 г., следует обратить особое внимание на господство изоляционизма во внешней политике Соединенных Штатов.

Агрессивный настрой государств “оси”, и прежде всего нацистской Германии, слишком долго оставался проблемой, не вызывавшей в Вашингтоне того уровня внимания, который он заслуживал. Несмотря на очевидную тревожность инспирированных рейхом международных процессов, в действиях США в течение продолжительного времени отсутствовали конкретные сигналы о несогласии с ними.

На протяжении 1938 – 1939 гг. многочисленные американские изоляционисты продолжали настаивать на необходимости для Соединенных Штатов оставаться в стороне от любых зарубежных “склок”. Риторика такого рода находила отклик среди американцев в том смысле, что значительная часть населения продолжала поддерживать устоявшуюся внешнеполитическую доктрину.

В условиях ширившейся нацистской агрессии изоляционистский подход, замыкавший сферу государственных интересов Соединенных Штатов пределами страны, в лучшем случае – пределами Западного полушария, носил выраженный эгоистический характер. При этом явно недооцененным, а, по существу, проигнорированным оставался тотальный деструктивный потенциал, носителем которого являлся Третий рейх, руководимый А. Гитлером.

Заметим также, что американское общество в целом не было готово к тому, чтобы изменить свои взгляды и убеждения. Несмотря на то, что набирали обороты и усиливались определенные интернационалистские тенденции, влияние традиционалистов как в политических кругах США, так и среди рядовых граждан по-прежнему оставалось весьма существенным.

Изоляционисты видели в качестве основной дестабилизирующей фигуры президента Ф. Рузвельта, стремления которого становились постоянными объектами критики. Действительно, роль, которую играл глава Белого дома в американо-германских отношениях исследуемого периода, была крайне важна и значительна.

Несмотря на его первые положительные отклики на Мюнхенское соглашение, эйфория по этому поводу прошла довольно быстро. Стало очевидно, что произошедшее в столице Баварии событие не давало Соединенным Штатам никаких преимуществ и, в принципе, шло вразрез с интересами Вашингтона. Руководство США пришло к осознанию тревожного факта: надежды на долгосрочный мир в Европе эфемерны, именно там находится главный очаг международной нестабильности и источник угрозы американской безопасности¹⁰⁷⁹.

В таких условиях президент поставил вопрос об отходе от традиционных внешнеполитических доктрин. В послании Конгрессу от 4 января 1939 г. он недвусмысленно высказался насчет того, что в современных международных условиях действующее законодательство о нейтралитете не является идеальным, что возможна его трансформация. С этого момента началась борьба

¹⁰⁷⁹ Григораш И.В. Указ. соч. Стр. 21.

администрации за изменение закона о нейтралитете. На протяжении всего времени до августа 1939 г., особенно в летние месяцы, предпринимались шаги в этом направлении. Однако Конгресс, имевший в данном вопросе решающее значение, остался непреклонным, несмотря на многочисленные заявления президента и государственного секретаря, в которых делался акцент на несоответствии законодательства прежде всего интересам самих Соединенных Штатов.

Тем не менее, интернационалистские инициативы столкнулись на Капитолии с ожесточенным сопротивлением, и планам президента не суждено было воплотиться в жизнь. Допустимо вести речь о том, что на данном этапе Рузвельт потерпел ощутимое внутривластическое поражение, так и не сумев добиться достижения своей цели – пересмотра законодательства о нейтралитете. Соответственно, его стремление к выстраиванию антинацистской внешнеполитической линии также осталось нереализованным.

В то же время, говоря о роли президента США, следует отметить его весьма успешный курс по отношению к государствам Латинской Америки, проводившийся в рамках политики “добраго соседа”. Несмотря на то, что эти страны не относились к прямым целям Третьего рейха, в них имели место процессы, связанные с экономическим и идеологическим проникновением Германии, с активизацией деятельности немецкой резидентуры. В этих условиях постановления Лимской панамериканской конференции (декабрь 1938 г.) можно отнести к безусловным достижениям Соединенных Штатов в деле их противоборства с утверждением нацизма в Западном полушарии.

Однако, принципиально важно указать, что активность главы Белого дома несла в себе изрядную долю противоречивости. Наиболее ярко она проявилась в миротворческих обращениях, адресованных А. Гитлеру. Вполне допустимо говорить о том, что к весне 1939 г. Рузвельт не мог не осознавать, что внешнеполитический курс Германии ориентирован на избавление от “оков Версаля”, на слом существовавшей системы международных отношений и ее коренную трансформацию.

В таких условиях обращение Рузвельта к Гитлеру, состоявшееся в апреле 1939 г. после очередных актов немецкой агрессии, являлось проявлением политической наивности. Фюрер, к тому моменту уже присоединивший к рейху Австрию, большую часть расчлененной Чехословакии, Клайпеду с прилегающей территорией, не мог быть тронут ни услужливостью американского президента, ни, тем более, его упоминаниями о несчастных страдальцах и их чаяниях. Он уже был фактическим хозяином положения в Центральной Европе, сосредоточив под своим контролем значительные территории, промышленный потенциал и людские ресурсы; ему не нужно было оглядываться на воззвания заокеанского лидера и на то, в какой форме они сформулированы.

Когда до начала войны в Европе оставалось менее недели, лидер США вновь выступил с обращением к Гитлеру, призывавшим решить “мирными средствами” германо-польские противоречия. С нашей точки зрения, на этот раз он очевидно осознавал, что никакого эффекта на рейхсканцлера оно не произведет; в связи с этим, вполне обоснованной выглядит оценка, согласно которой президент этим действием снимал с себя лично, да и с Америки в целом определенный моральный груз ответственности за развитие событий.

Таким образом, представляется допустимым утверждать, что Ф. Рузвельт также пытался проводить линию “умиротворения” в отношениях с гитлеровской Германией на протяжении 1938 – 1939 гг.

Как известно, Соединенные Штаты не подписывали Мюнхенское соглашение – документ, ставший прологом к европейской, а затем и к мировой трагедии, а высшие американские государственные руководители не имели в период 1938 – 1939 гг. никаких непосредственных встреч и контактов с лидерами Германии. Тем не менее, стремление США остановить экспансию Гитлера выражалось в том, чтобы рейх и его потенциальные противники и жертвы – Чехословакия и Польша улаживали свои “противоречия” за столом переговоров. Рузвельт, предлагая подобные пути, постоянно подчеркивал, что “решение всех вопросов вполне возможно” – то есть, американский президент имел в виду удовлетворение территориальных и иных притязаний Германии, но без

применения оружия, без начала войны. Такая позиция вполне может быть отнесена к действиям, входящим в рамки политики умиротворения агрессора.

Что касается Германии, то, безусловно, в 1938 – 1939 гг. Соединенные Штаты не входили в орбиту ее притязаний. Другой вопрос, что экономическое и идеологическое проникновение нацизма в прочие государства Западного полушария все же имело место. США воспринимали латиноамериканский регион как территорию собственного доминирования и не мирились с тем, что Германия пытается утвердить там свои позиции. Успешная реализация Вашингтоном политики “доброго соседа” к концу 1930-ых гг. практически свела к нулю подобные немецкие устремления, позволив при этом значительно укрепить собственные позиции в Западном полушарии.

Вплоть до начала Второй мировой войны, Третий рейх был сосредоточен на решении текущих европейских задач. Соединенные Штаты при этом занимали явно периферийное место в стратегических построениях лидеров нацистского государства. Отказ Конгресса осуществить пересмотр законодательства о нейтралитете по сценарию администрации послужил для Германии достаточно убедительным подтверждением того, что за океаном по-прежнему доминируют традиционалистские подходы, связанные с невовлечением в зарубежные противоречия, а интернационалистские усилия Рузвельта на данном этапе не могут встретить широкой поддержки.

Тем не менее, “европоцентризм”, присущий действиям и расчетам нацистов, также вызывал озабоченность американского руководства. Рузвельт понимал, что даже если бы рейхсканцлер в своих экспансионистских планах ограничился исключительно европейскими территориями, то непосредственное влияние произошедших изменений на Соединенные Штаты все равно оказалось бы колоссальным. Еще до начала войны Рузвельт произнес, обращаясь к Г. Икесу: “Гитлеру не надо будет захватывать всю Европу, чтобы значительно ухудшить наше экономическое положение”¹⁰⁸⁰. И это вполне соответствовало действительности. Германия, утвердившись в Центральной и Восточной Европе,

¹⁰⁸⁰ Ickes H. Op. cit. Volume 2. P. 568.

стала бы определяющим силовым фактором в Старом свете. А поражения Франции и Великобритании, которые вполне могли последовать за этим, еще более усугубили бы ситуацию. Связи с европейскими демократиями – экономические, политические, идеологические – при таком развитии событий неминуемо оказывались ликвидированными. Естественно, что подобный расклад наносил мощнейший удар по государственным интересам Соединенных Штатов.

Следует подчеркнуть, что характер отношений США и Германии накануне Второй мировой войны не отличался устойчивостью и стабильностью. Общее осуждение нацизма как такового, ярое неприятие антисемитских проявлений, отзыв посла, введение повышенных таможенных тарифов на немецкие товары соседствовали в действиях Соединенных Штатов с довольно пассивной внешнеполитической позицией, воздержанием от решительных актов противостояния планам Берлина, выдвижением инициатив по фактическому умиротворению рейха. По меткому замечанию Г.Н. Севостьянова, “Вашингтон выжидал, наблюдая за барометром мировой политической жизни”¹⁰⁸¹. В то время, когда Германия на протяжении 1938 – 1939 гг. по-своему перекраивала политическую карту Европы, Белый дом ограничивался лишь призывами к “решению спорных вопросов мирными средствами”, на которые фюрер практически не обращал внимания, планомерно занимаясь предметным решением своих стратегических задач.

Эффективный метод противостояния гитлеризму заключался в следовании принципам интернационализма и международного сотрудничества. Однако, в критические предвоенные годы Соединенные Штаты продолжали руководствоваться стремительно устаревавшими внешнеполитическими доктринами, намереваясь остаться в стороне от надвигавшегося масштабного конфликта, обособиться от происходивших тревожных процессов.

В одной из своих работ классик политического реализма Ганс Моргентау указывал, что “внешняя политика, не учитывающая государственный интерес,

¹⁰⁸¹ Севостьянов Г.Н. Указ.соч. Стр. 373.

обречена на провал”¹⁰⁸². С нашей точки зрения, подобное определение вполне может быть отнесено к сущности внешнеполитического курса США в отношении нацистской Германии, проводимого вплоть до начала Второй мировой войны. В сложившейся к осени 1939 г. международной обстановке изоляционизм не являлся и не мог являться панацеей, способной обеспечить стране уверенное и безопасное будущее. Американский государственный интерес начинал диктовать отчетливую необходимость выработки обновленного подхода к разворачивавшимся событиям.

Начало Второй мировой войны стало событием, наложившим заметный отпечаток на американо-германские отношения. Осознанный к тому моменту антагонизм собственных интересов и целей с интересами и целями Германии побуждал руководство Соединенных Штатов к осуществлению действий, ориентированных на помощь вовлеченным в борьбу с гитлеризмом европейских демократий.

Состоявшаяся в ноябре 1939 г. по сценарию администрации трансформация законодательства о нейтралитете, позволившая Великобритании и Франции приобретать в США военные товары на основе принципа “кэш-энд-кэрри” представляла собой акт, направленный против нацистской Германии и ее устремлений.

Третий рейх, что вполне логично, воспринял произошедшее в сугубо негативном ключе. Бывший посол в Соединенных Штатах Г. Дикгоф впоследствии отмечал: “С этого момента не могло быть сомнений в том, что данная мера была ориентирована исключительно против Германии. От нейтралитета Соединенных Штатов осталось лишь название”¹⁰⁸³.

Однако, наряду с этим, справедливо будет подчеркнуть, что и после начала Второй мировой войны Соединенные Штаты на протяжении некоторого времени продолжали испытывать определенные надежды на реализацию курса, связанного

¹⁰⁸² Morgenthau H. In Defense of the National Interest: a Critical Examination of American Foreign Policy. N.Y., 1951. P. 33-34.

¹⁰⁸³ Dieckhoff H. Op. cit. S. 20-21.

с возможностью “замирения” Германии. Этот курс выражался как в санкционировании (пусть, и с определенными особенностями) миссии в Германию нефтяного магната У.Р. Дэвиса осенью 1939 г. и поддержке миротворческих усилий крупного бизнесмена Дж. Муни весной 1940 г., так и в официальном турне по европейским столицам заместителя государственного секретаря США С. Уэллеса, состоявшемся в феврале-марте 1940 г.

Тем не менее, по результатам миссии Уэллеса американское руководство было поставлено перед фактом, что установление в скором времени в Европе длительного мира не реалистично и что нацистская Германия не намерена отказываться от проведения агрессивной экспансионистской линии. Последовавшие вскоре атаки на Данию и Норвегию послужили этому наглядным подтверждением.

Еще более европейская ситуация усугубилась вследствие нападения Германии на Бельгию, Голландию, Люксембург и превращения “странной войны” с армиями Франции и Великобритании в полномасштабные боевые действия. Произошедшие спустя непродолжительное время падение Парижа и капитуляция Франции являлись для Вашингтона в высшей степени тревожными событиями. 80 % состава американского Генерального штаба были убеждены, что и Британию ожидает аналогичная участь¹⁰⁸⁴. Гитлер был готов обрушить военную мощь Германии на Великобританию, оставшуюся, по сути, последним союзником США в Европе. Перспектива ее разгрома с последующим переходом ресурсов и флота в руки нацистов воспринималась Вашингтоном с ощутимым беспокойством.

В свою очередь, в течение 1940 г. Третий рейх также активизировал свою деятельность в направлении Соединенных Штатов. Важнейший германский интерес состоял в том, чтобы не допустить вовлечения Америки в войну, а также попытаться повлиять на минимизацию объемов помощи, предоставляемой Лондону.

С одной стороны, главари рейха стремились усыпить бдительность американцев, еще раз подтвердив, что Германия не имеет никаких враждебных

¹⁰⁸⁴ Davis F., Lindley E. How War Came: an American White Paper. N.Y., 1942. P. 94.

намерений в отношении Западного полушария, с другой – инспирировать через своих агентов изоляционистские выступления в печати, по радио, в конгрессе, на съездах республиканской и демократической партий¹⁰⁸⁵.

Нацистский фюрер А. Гитлер, признававший невыгодность активной внешней политики Соединенных Штатов для реализации стратегии Третьего рейха, в интервью К. фон Виганду в июне 1940 г. прямым текстом говорил о том, что Вашингтону не следует принимать деятельное участие в делах Старого света, а также уверял, что нацистской опасности для Западного полушария нет и быть не может.

Однако, признать итоги этих усилий успешными для Германии не представляется возможным. В США осуществлялось наращивание обороноспособности страны; кроме того, ширились военные и экономические связи с латиноамериканскими государствами. И, несомненно, Вашингтон при этом продолжал сочетать внимание к Западному полушарию с оказанием помощи Великобритании, находившейся в весьма затруднительном положении.

Заключенное 2 сентября 1940 г. американо-британское соглашение “эсминцы в обмен на базы” фактически привело к тому, что Соединенные Штаты обрели статус невоюющего союзника Великобритании. Рузвельт прекрасно понимал неординарность данной меры: работая над проектом соглашения, он говорил своему личному секретарю Г. Талли: “Конгресс обезумеет от этого”, но добавлял, что ее откладывание может стать “фатальным”¹⁰⁸⁶. Аналогичную точку зрения выражал С. Уэллес: “Если бы не сентябрьское соглашение, Англия была бы сокрушена еще до наступления зимы”¹⁰⁸⁷.

Следующим важным шагом США, направленным против Германии, стало принятие закона о ленд-лизе. Его роль была крайне значительна как для самих Соединенных Штатов, так и для Великобритании. Вашингтон за счет предоставления столь нужных Лондону вооружения, снаряжения и сырья по-прежнему “отодвигал” приближение войны к Западному полушарию, которое с

¹⁰⁸⁵ Никитин В.А. Указ. соч. Стр. 72-73.

¹⁰⁸⁶ Цит. по: Barnett R.J. The Rockets' Red Glare. When America Goes to War. The Presidents and the People. N.Y., 1990. P. 210.

¹⁰⁸⁷ Welles S. Op. cit. P. 172.

большой долей вероятности последовало бы за падением Британии, а Лондон, в свою очередь, продолжал сопротивляться ожесточенному натиску нацистской Германии, давая США возможность и время для выстраивания и укрепления собственной обороны. Собственно, именно об этом 9 февраля 1941 г., за месяц до принятия закона о ленд-лизе, просто и четко говорил в своем выступлении британский премьер-министр У. Черчилль: “Дайте нам инструменты, и мы завершим дело”¹⁰⁸⁸.

Комментируя впоследствии принятие закона о ленд-лизе, известный нацистский публицист В. Шенеман отмечал, что “оно покончило с политикой изоляционизма и нейтралитета Соединенных Штатов и превратило доктрину Монро в абсурд”¹⁰⁸⁹. Действительно, ленд-лиз представлял собой очередную меру, носившую антигерманский характер. США подтверждали свой курс на оказание помощи Великобритании, более того, эта помощь интенсифицировалась и увеличивалась. Вашингтон, несмотря на крайне тяжелое положение Лондона, не только не отказался от поддержки англичан, но и продемонстрировал свой принципиальный настрой. Проявлявшийся “американский фактор” начинал вносить свои коррективы в реализацию гитлеровских планов установления тотального доминирования в Старом свете.

Нападение Германии на Советский Союз в июне 1941 г. стало весьма значительной проблемой в отношении Соединенных Штатов к действиям Третьего рейха и к европейской войне. Однако, восприятие нацизма в качестве силы, представлявшей опасность не только для коммунизма, но и для демократии, способствовало определению американских приоритетов в изменившейся обстановке. Несмотря на то, что в суждениях ряда изоляционистов по-прежнему превалировали идеи о невмешательстве в “европейскую схватку” и выжидательном наблюдении за развитием ситуации, общий ход событий постепенно обусловил укрепление мнения о необходимости взаимодействия с Советским Союзом в условиях ширившейся гитлеровской агрессии. Осознание

¹⁰⁸⁸ Churchill W. Blood, Sweat and Tears. N.Y., 1941. P. 453.

¹⁰⁸⁹ Schönemann W. Geschichte der Vereinigten Staaten von Nordamerika. Leipzig, 1942. S. 291.

серьезности угрозы, с которой Соединенные Штаты могли столкнуться в случае поражения русских, побуждало к активизации поиска способов, позволявших избежать подобного сценария.

В сложившихся обстоятельствах оказание помощи СССР в его борьбе с Третьим рейхом являлось логичным действием, непосредственно отвечавшим интересам и нуждам Соединенных Штатов. Между двумя государствами, выступавшими в роли противников деструктивной нацистской политики, начался процесс налаживания рационального сотрудничества. Ориентация на совместное противодействие гитлеризму обусловила складывание союзнических отношений между США и СССР в годы Второй мировой войны. В этом плане весьма показательным представляется изменение оценок, произошедшее применительно к германо-советскому противостоянию на страницах одной из ведущих газет США – “Вашингтон Пост”. Так, 4 июля 1941 г. она писала, что “песенка Сталина спета”¹⁰⁹⁰, а уже 22 июля 1941 г. в ней можно было встретить суждение о том, что “сила русского сопротивления удивила мир”¹⁰⁹¹.

Что касается непосредственного отношения Германии к Соединенным Штатам и занятой ими позиции в этот период времени, то оно было выражено рейхсканцлером А. Гитлером 25 июля 1941 г. во время совещания с командующим кригсмарине Э. Редером. Гитлер заявил, что не хочет, чтобы Америка объявила Германии войну, пока не завершится Восточная кампания. После ее предполагавшегося победного окончания фюрер оставил за собой право “предпринять серьезные действия и против США”¹⁰⁹². Недвусмысленное разъяснение этой тактики последовало от Гитлера спустя три месяца, 26 октября 1941 г. Тогда он отметил: “Нелепо думать о мировой политике, пока не контролируешь весь континент... Став хозяевами Европы, мы обретем господствующее положение в мире. 130 миллионов людей в рейхе, 90 миллионов – на Украине. Добавим к этому другие государства Новой Европы,

¹⁰⁹⁰ Washington Post. 4 July 1941.

¹⁰⁹¹ Washington Post. 22 July 1941.

¹⁰⁹² Fuehrer Conferences on Naval Affairs. 25 July 1941//Brassey's Naval Annual. L., 1948. P. 222.

и нас будет 400 миллионов в сравнении со 130 миллионами американцев”¹⁰⁹³. Как представляется, эта ремарка была произнесена фюрером в первую очередь с целью еще раз подчеркнуть приоритет и насущность решения континентальных задач. Гипотетическое преимущество, которым мог бы обладать Третий рейх в случае возможного последующего столкновения с Соединенными Штатами, представлялось возможным заработать, лишь одержав победы на Западе и Востоке.

Тем временем, заметно обострились непосредственные отношения США и нацистской Германии – осенью 1941 г. оба государства вступили в состояние “необъявленной войны”. Неоднократные инциденты на атлантических просторах, в том числе с многочисленными жертвами среди американских моряков, являлись свидетельством существенного усложнения ситуации.

Согласно мнению командующего подводным флотом Германии гросс-адмирала К. Деница, Соединенные Штаты *de facto* вступили в войну с Германией в Атлантике в начале сентября 1941 г.¹⁰⁹⁴ Дениц пришел к подобному выводу вследствие озвученного вскоре после инцидента с эсминцем “Грир” приказа президента Ф. Рузвельта, позволявшего атаковать вражеские корабли, появлявшиеся в морской “зоне безопасности” США. По оценке одного из ведущих пропагандистов Третьего рейха Ф. Бербера, этот приказ представлял собой “надругательство над нейтралитетом, и, более того, начало ведения прямых военных действий против Германии”¹⁰⁹⁵. Проявляя готовность к отстаиванию своих интересов при помощи оружия, Соединенные Штаты расстраивали сложившуюся “картину мира” нацистов, всерьез рассчитывавших на пассивность Америки, пусть и перед лицом происходивших трагических событий.

Произошедшая вскоре отмена ключевых положений морально изжившего себя закона о нейтралитете являлась важной победой Рузвельта над изоляционистами, упорно продолжавшими наиболее насущной проблемой государства разрешение внутривосточных задач.

¹⁰⁹³ Hitler's Table Talk 1941-1944. His Private Conversations. N.Y., 2000. P. 93.

¹⁰⁹⁴ Дениц К. Указ.соч. Стр. 195.

¹⁰⁹⁵ Berber F. Die amerikanische Neutralität im Kriege, 1939-1941. Essen, 1943. S. 35-37.

Несмотря на в целом неблагоприятную для Третьего рейха позицию, занятую в этот период Соединенными Штатами, его деструктивный потенциал по-прежнему оставался крайне высоким. Исходя из этого факта, 12 ноября 1941 г. Г. Гопкинс в частном письме указывал на отсутствие уверенности в том, что “США смогут одолеть Гитлера лишь посредством осуществления программы ленд-лиза”¹⁰⁹⁶. Допустимо утверждать, что данное мнение, пусть и выраженное в неформальном порядке, вполне соответствовало общему настрою администрации Ф. Рузвельта в отношении нацистской Германии в свете ширившейся европейской войны и кровопролитных инцидентов, происходивших в Атлантике.

Война между Германией и Соединенными Штатами, официально начавшаяся 11 декабря 1941 г., представляла собой логичный исход как развития собственно их двусторонних отношений на протяжении нескольких предшествовавших лет, так и общей международной ситуации, сложившейся к тому времени.

Роль нападения Японии на Перл-Харбор при этом была весьма важна, но она не являлась единственным определяющим фактором, повлиявшим на решение А. Гитлера объявить войну США. Ни сам фюрер, ни кто-либо из немецких политиков и дипломатов не был заранее проинформирован японской стороной о грядущей атаке на базу американского Тихоокеанского флота. Перл-Харбор стал своего рода откровением, сюрпризом для высшего руководства Третьего рейха. Тем не менее, он не мог быть не использован Гитлером в немецких интересах.

Ознаменованный советским контрнаступлением под Москвой провал попытки добиться стремительной победы на Востоке свидетельствовал о крахе плана “Барбаросса”, реализация которого занимала принципиально важное место в стратегических построениях фюрера. Операция, которую он представлял как последовательность блицев, стала войной на истощение¹⁰⁹⁷. Именно поэтому внезапный японский удар по Перл-Харбору Гитлер воспринял как неожиданность, которая не только являлась благоприятной, но могла стать еще и

¹⁰⁹⁶ Harry Hopkins to James Hall. 12 November 1941. “Shoot on Sight”; Convoys; Neutrality. Box 308. Harry Hopkins Papers. FDRL.

¹⁰⁹⁷ Jäckel E. Op. cit. P. 86.

выгодной для Германии. Характеризуя в мае 1942 г. дни мощнейшего контрнаступления Красной армии, нацистский фюрер расценивал атаку на Перл-Харбор как “исключительно ценную для нас, хотя бы только из-за даты”, добавляя, что она произошла в момент, “когда превратности русской зимы самым тяжелым образом угнетали боевой дух нашего народа”¹⁰⁹⁸.

Касаясь причин, побудивших Гитлера к объявлению войны заокеанской державе, следует упомянуть и про заявление, сделанное бывшим министром иностранных дел Германии И. фон Риббентропом на Нюрнбергском трибунале. По его свидетельству, Гитлер также исходил из того, что “Соединенные Штаты уже вели огонь по немецким кораблям и практически создали состояние войны”¹⁰⁹⁹.

В свою очередь, американские руководители и после сокрушительного удара по Перл-Харбору не забывали, что основным врагом все же являлась не Япония, а Германия, ранее уклонявшаяся от столкновений. Тем не менее, сам Рузвельт не форсировал ситуацию и не спешил с объявлением войны Третьему рейху.

Выжидательная позиция главы Белого дома в эти дни была обусловлена тем, что из перехваченной германо-японской дипломатической переписки ему было доподлинно известно о подготовке соглашения между Берлином, Римом и Токио, согласно условиям которого после возможного нападения Японии на Америку европейские государства “оси” также вступали бы в войну с Соединенными Штатами.

Кроме этого, Рузвельт исходил из сугубо утилитарных соображений. Они заключались в том, что “Япония была реальным врагом, ударившим по Перл-Харбору, а Германия и Италия, в свою очередь, не совершили к тому времени в отношении США ничего сопоставимого с этим актом агрессии”¹¹⁰⁰. Исходя из данного факта, весьма вероятной представлялась возможность того, что Конгресс не поддержал бы объявление войны Третьему рейху. Американскому руководству

¹⁰⁹⁸ Hitler's Table Talk 1941-1944. His Private Conversations. N.Y., 2000. P. 489.

¹⁰⁹⁹ IMT. Volume 10. P. 298.

¹¹⁰⁰ Bailey Th., Ryan P. Op. cit. P. 251.

требовалось выдержать непродолжительный, но напряженный отрезок времени, чтобы Берлин первым пошёл на решительное обострение двусторонних отношений, заявив о начале войны с Вашингтоном.

Расчет американской администрации оказался верным и полностью оправдал себя. 11 декабря 1941 г. А. Гитлер произнес ожидавшиеся слова. В тот же день Конгресс США единогласно выступил за объявление войны Германии. Таким образом, длительная политическая, дипломатическая и идеологическая конфронтация двух государств приобрела статус официального военного противостояния.

Библиография

Источники

I. Неопубликованные документы.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

Референтура по США.

1. Фонд 0129. Опись 21. Папка 134а. Дело 3.
2. Фонд 0129. Опись 24. Папка 138а. Дело 5.

Референтура по Германии.

3. Фонд 082. Опись 23. Папка 73. Дело 8.
4. Фонд 082. Опись 25. Папка 88. Дело 30.
5. Фонд 082. Опись 23. Папка 73. Дело 31.

Российский государственный военный архив (РГВА)

1. Фонд 1275к. Опись 5. Дело 501. Документальные материалы, собранные имперским архивом в г. Потсдаме (коллекция). Подготовка к войне Германии и Вторая мировая война.
2. Фонд 1275к. Опись 5. Дело 502. Документальные материалы, собранные имперским архивом в г. Потсдаме (коллекция). Подготовка к войне Германии и Вторая мировая война.
3. Фонд 1275к. Опись 5. Дело 503. Документальные материалы, собранные имперским архивом в г. Потсдаме (коллекция). Подготовка к войне Германии и Вторая мировая война.

Franklin D. Roosevelt Presidential Library, Hyde Park, N.Y. (FDRL)

1. Berle, Adolf A.: Papers: Assistant Secretary of State, 1938-1944 (Adolf Berle Papers).
 - Adolf A. Berle Diary. July-August 1939.
2. Hopkins, Harry L.: Papers: Advisor to the President, 1940-1945.
 - "Shoot on Sight"; Convoys; Neutrality.
3. Roosevelt, Franklin D.: Papers as President, Official File (OF).

- Germany Miscellaneous. 1938.
 - Germany Miscellaneous. January-June 1939.
 - Germany Miscellaneous. June-August 1941.
 - Germany. President's Peace Proposal to Adolf Hitler.
 - Neutrality.
 - S.S. Robin Moore Incident 1941.
4. Roosevelt, Franklin D.: President's Personal File (PPF).
 - American Institute of Public Opinion.
 - Bullitt, William C.
 - Hopkins, Harry L.
 - Nazism.
 - Stimson, Henry L.
 5. Roosevelt, Franklin D.: Papers as President, President's Secretary's File (PSF).
 - Coordinator of Information. 1941.
 - Diplomatic Correspondence, Germany: 1940-1941.
 - Dispatches, Germany: 4 November 1938 – 13 May 1939.
 - Dispatches, Germany: 8 October 1939 – 28 August 1941.
 - Italy.
 - Navy. Problems of Outbreak of War. Documents L. Berlin: Volume 1.
 - Navy Department. "Plan Dog".
 - State: Hull, Cordell. January - September 1939.
 - State: Hull, Cordell. October 1939-1940.
 - State: Welles, Sumner. June-December 1941.
 6. Welles, Sumner: Papers: Under Secretary of State, 1937-1943 (Sumner Welles Papers).
 - Czechoslovakia, 1933-1943.
 - Germany, 1933-1943.
 - Roosevelt, Franklin D., December, 1938.
 - Roosevelt, Franklin D., January-February, 1939.
 - Speeches, 1939. Speeches & Writings, 1928-1950.

II. Опубликованные документы.

Официальные публикации и документы

1. Документы по истории мюнхенского сговора, 1937-1939 гг.. М., 1979.
2. Совершенно секретно! Только для командования! Документы и материалы. Составитель В.И. Дашичев. М., 1967.
3. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941-1943. М., 1984.
4. Documents on American Foreign Relations. Volumes 1-4. Boston, 1939-1942.
5. Documents on German Foreign Policy 1918-1945. Series D (DGFP). Washington, 1949 – 1964.
6. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1938-1941. Washington, 1955-1958.
7. Franklin Delano Roosevelt and Foreign Affairs. Volumes 11, 13, 16. N.Y., 1969.
8. Fuehrer Conferences on Naval Affairs 1939-1945//Brassey's Naval Annual. L., 1948. P. 29-496.
9. Fuehrer Directives and Other Top-Level Directives of the German Armed Forces, 1939-1941. Washington, 1948.
10. Kriegspropaganda 1939-1941. Geheime Ministerkonferenzen im Reichspropagandaministerium (Hrsg. von W. Boelcke). Stuttgart, 1966.
11. Report of the Delegate of the United States of America to the Meeting of the Foreign Ministers of the American Republics held at Panamá, September 23-October 3, 1939. Washington, 1940.
12. Second Meeting of Ministers of Foreign Affairs of the American Republics, Habana, July 21-30, 1940. Washington, 1941.
13. Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Vertrauliche Aufzeichnungen iiber Unterredungen mit Vertretern des Auslandes 1939-1944 (Hrsg. von A. Hillgruber). München, 1969.
14. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal (IMT). Volumes 25, 31, 35. Nuremberg, 1947-1949.

15. U.S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates (CR). 1939-1941. Volumes 84-87. Washington, 1940-1942.
16. U.S. Department of Defense. The "Magic" Background of Pearl Harbor. Volumes 4, 4-Appendix. Washington, 1978.
17. U.S. State Department. Peace & War. United States Foreign Policy, 1931-1941. Washington, 1943.
18. Wollt Ihr den totalen Krieg? Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1939-1943 (Hrsg. von W. Boelcke). Stuttgart, 1967.

Речи, статьи, переписка и мемуары современников

19. Acheson D. Present at the Creation: My Years in the State Department. N.Y., 1970.
20. Berle A. Navigating the Rapids. From the Papers of Adolf Berle. N.Y., 1973.
21. Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. Volume 1 (Ed. by W. Kimball). Princeton, 1984.
22. Churchill W. Blood, Sweat and Tears. N.Y., 1941.
23. Churchill W.S. The Second World War. Volumes 1-6. L.-Toronto, 1950. (Русский перевод: Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х томах. М., 1991.)
24. Ciano G. The Ciano diaries. 1939-1943. N.Y., 1946.
25. Complete Presidential Press Conferences of Franklin Delano Roosevelt. Volumes 17-18. N.Y., 1972.
26. Dieckhoff H. Zur Vorgeschichte des Roosevelt-Krieges. Berlin, 1943.
27. Dönitz, K. Zehn Jahre und Zwanzig Tage. Erinnerungen 1935-1945. Bonn, 1958 (Русский перевод: Дёниц К. Десять лет и двадцать дней. Воспоминания главнокомандующего военно-морскими силами Германии. 1935-1945 гг. М., 2004.).
28. Eden A. Freedom and Order. Selected Speeches 1939-1946. Boston, 1948.
29. Farley J. Jim Farley's Story. N.Y., 1948.
30. Fish H. FDR. The Other Side of the Coin. N.Y., 1976.

31. Fish H. *Tragic Deception: FDR and America's Involvement in World War II*. Old Greenwich, 1983.
32. *For the President Personal and Secret. Correspondence Between Franklin Roosevelt and William Bullitt* (Ed. by O.H. Bullitt). Boston, 1972.
33. Goebbels E. *Das eherne Herz. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1941/42*. München, 1943.
34. Goebbels J. *Die Tagebücher von Joseph Goebbels: Sämtliche Fragmente. Teil 1: Aufzeichnungen, 1924-1941. Band 3: 1.1.1937 - 31.12.1939, Band 4: 1.1.1940 - 8.7.1941*. N.Y., L., München, 1987.
35. Goebbels J. *Die Zeit ohne Beispiel: Reden und Aufsätze aus den Jahren 1939/40/41*. München, 1941.
36. Halder F. *Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939-1942*. In 3 Bände. Stuttgart, 1962-1964 (Русский перевод: Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939-1942 гг. В 3 томах. М., 1968-1971.).
37. Hassell U. von. *Von Hassell Diaries, 1938-1944: The Story of the Forces against Hitler inside Germany, as Recorded by Ambassador Ulrich von Hassell, a Leader of the Movement*. Garden City, 1947.
38. Hitler. *Reden und Proklamationen 1932-1945* (Hrsg. von M. Domarus). Würzburg, 1963.
39. Hitler A. *Hitler's Table Talk, 1941-1944. His Private Conversations*. N.Y., 2000.
40. Hull C. *The Memoirs of Cordell Hull. Volumes 1, 2*. N.Y., 1948.
41. Ickes H. *The secret diary of Harold Ickes. Volumes 2, 3*. N.Y., 1954.
42. Leahy W. *I Was There: the Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman Based on his Notes and Diaries Made at the Time*. N.Y., 1950.
43. Lindbergh Ch. *The Wartime Journals of Charles A. Lindbergh*. N.Y., 1970.
44. Lochner L. *Always the Unexpected: a Book of Reminiscences*. N.Y., 1956.
45. Long B. *The War Diary of Breckinridge Long: Selections from the Years 1939-1944*. Lincoln, 1966.

46. Moffat J.P. The Moffat papers. Selections from the Diplomatic Journals of J.P. Moffat. 1919-1943. Cambridge, 1956.
47. Raeder E. Mein Leben. Tübingen, 1956 (Русский перевод: Редер Э. Гросс-адмирал. М., 2004.).
48. Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence (Ed. by F. Loewenheim, H. Langley, M. Jonas) N.Y., 1975.
49. Roosevelt and Frankfurter: Their Correspondence, 1928-1945 (Ed. by M. Freedman). Boston-Toronto, 1967.
50. Roosevelt and Morgenthau, a Revision and Condensation from the Morgenthau Diaries (Ed. by J.M. Blum). Boston, 1970.
51. Roosevelt F.D. Franklin Delano Roosevelt. His Personal Letters. Volume 2. N.Y., 1950.
52. Schellenberg W. Memoiren. Köln, 1959. (Русский перевод: Шелленберг В. В паутине СД. Мемуары. Минск, 1999.).
53. Schmidt P. Statist auf diplomatischer Bühne, 1923-1945. Erlebnisse des Chefdolmetschers im Auswärtigen Amt mit den Staatsmännern Europas. Bonn, 1949 (Русский перевод: Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск, 2001.).
54. Sherwood R. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. N.Y., 1948 (Русский перевод: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. В 2 томах. М., 1958.).
55. Shirer W. Berlin Diary, the Journal of a Foreign Correspondent, 1934-1941. N.Y., 1941 (Русский перевод: Ширер У. Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента М., 2002.).
56. Smith T. Berlin Alert: the Memoirs and Reports of Truman Smith. Stanford, 1984.
57. Stettinius E. Lend-Lease: Weapon for Victory. N.Y., 1944 (Русский перевод: Стеттиниус Э. Ленд-лиз – оружие победы. М., 2000.).
58. The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1939-1941 (Ed. by S. Rosenman). N.Y., 1941-1950.
59. Vandenberg A. The Private Papers of Senator Vandenberg. Boston, 1952.

60. Weizsäcker E. von. Die Weizsäcker-Papiere, 1933-1950. Frankfurt-am-Main, 1974.
61. Weizsäcker E. von. Erinnerungen. München, 1950.
62. Welles S. The Time for Decision. N.Y., 1944.
63. Wilson H. A Career Diplomat. The Third Chapter, the Third Reich. N.Y., 1960.

Публицистические издания

64. Arntz W. Zwanzig Profile, scharf geschnitten: die Regisseure des Zweiten Weltkrieges. Berlin, 1942.
65. Artucio H. Nazi Underground in South America. N.Y., 1942.
66. Bailey Th. Man in the Street: The Impact of American Public Opinion on Foreign Policy. N.Y., 1948.
67. Bang P. Amerika. Stuttgart, 1941.
68. Berber F. Die amerikanische Neutralität im Kriege, 1939-1941. Essen, 1943.
69. Bendiner R. Riddle of the State Department. N.Y., 1942.
70. Borkin J. The Crime and Punishment of I. G. Farben. N.Y., 1979. (Русский перевод: Боркин Дж. Преступление и наказание "И.Г. Фарбениндустри". М., 1982.)
71. Buderose G. Roosevelt & Co: Kriege-Lügen-Verbrechen. Berlin, 1942.
72. Buell R. Isolated America. N.Y., 1940.
73. Chamberlin W. America's Second Crusade. Chicago, 1950.
74. Clauss M., Scheffer P., Krauss J. USA 1940: Roosevelt-Amerika im Entscheidungsjahr. Berlin, 1940.
75. Davis F., Lindley E. How War Came: an American White Paper. N.Y., 1942.
76. Diebow H. Die Juden in USA. Berlin, 1939.
77. Diewerge W. Kriegsziel der Weltplutokratie. Berlin, 1941.
78. Eicke R. Warum Aussenhandel? Eine Lebensfrage für das deutsche Volk. Berlin, 1939.
79. Farago L. Game of the Foxes: The Untold Story of German Espionage in the United States and Great Britain during World War II. N.Y., 1972.

80. Freytagh-Loringhoven A. von. Deutschlands Aussenpolitik, 1933-1941. Berlin, 1941.
81. Gallup G., Rae S. The Pulse of Democracy. N.Y., 1940.
82. Gracht H. "Die fünfte Kolonne". Berlin, 1941.
83. Gross H. Amerikas Wirtschaft. Berlin, 1942.
84. Gunther J. Inside Latin America. L., 1942.
85. Halfeld A. Ich erlebte USA im Kriege. Berlin, 1941.
86. Halfeld A. USA im Krieg. Berlin, 1942.
87. Hammer A. USA hinter den Kulissen. Berlin, 1942.
88. Hausleiter L. Quo vadis, Amerika? Hamburg, 1941.
89. Hedin S. Amerika im Kampf der Kontinente. Leipzig, 1942.
90. Heym S. Nazis in the USA. N.Y., 1938.
91. Higham Ch. American Swastika. Garden City, 1985.
92. Higham Ch. Trading with the Enemy. N.Y., 1983.
93. Hitchens H. America Goes to War. Chicago, 1941.
94. Johnson W. The Battle against Isolation. Chicago, 1944.
95. Kaufman Th. Germany Must Perish. Newark, 1941.
96. Krock A. In the Nation. N.Y., 1966.
97. Lavine H., Wechsler J. War Propaganda and the United States. New Haven, 1940.
98. Leers J. von. Kräfte hinter Roosevelt. Berlin, 1942.
99. Lochner L. What about Germany? N.Y., 1943.
100. Lohe W. Roosevelt-Amerika. München, 1941.
101. Martin J. All Honorable Men. Boston, 1950. (Русский перевод: Мартин Дж. Братство бизнеса. М., 1951.)
102. Mauch K. Amerika und der Krieg. USA im Ringen um die neue Weltordnung. Leipzig, 1941.
103. Miller D. You Can't Do Business with Hitler. N.Y., 1942.
104. Osthold P., Wagenführ R. Roosevelt zwischen Spekulation und Wirklichkeit: Grundlagen und Methoden der anglo-amerikanischen Rüstungsgemeinschaft. Berlin, 1943.

105. Perpetual War for Perpetual Peace (Ed. by H. Barnes). Caldwell, 1953.
106. Riebe P. Weltkrieg im Pazifik! Gründe und Hintergründe des pazifischen Krieges und seine Wechselbeziehungen zum europäischen Kriege. Berlin, 1942.
107. Reimann G. Patents for Hitler. N.Y., 1942.
108. Riess C. Total Espionage. N.Y., 1941.
109. Rippy J.F. South America and Hemisphere Defense. Baton Rouge, 1941.
110. Rolo Ch. Radio Goes to War. N.Y., 1942.
111. Ross C. Die "westliche Hemisphäre" als Programm und Phantom des amerikanischen Imperialismus. Leipzig, 1942.
112. Sasuly R. IG Farben. N.Y., 1947. (Русский перевод: Сэсюли Р. ИГ Фарбениндустри. М., 1948.)
113. Sanders A. Die Stunden der Entscheidung. Kampf um Europa. München, 1943.
114. Sayers M., Kahn A. Sabotage! The Secret War Against America. N.Y., 1942. (Русский перевод: Сейерс М., Кан А. Тайная война против Америки. М., 1947.)
115. Schadewaldt H. Was will Roosevelt? Düsseldorf, 1941.
116. Schönemann F. Die aggressive Wirtschaftspolitik der Vereinigten Staaten in Südamerika und die Stellung Deutschlands. Stuttgart, 1939.
117. Schönemann F. Geschichte der Vereinigten Staaten von Nordamerika. Leipzig, 1942.
118. Schmalix A. Sind die Roosevelts Juden? Weimar, 1939.
119. Seibert Th. Das amerikanische Rätsel: die Kriegspolitik der USA in der Aera Roosevelt. Berlin, 1941.
120. Siewert W. Der Atlantik. Geopolitik eines Weltmeeres. Leipzig, 1940.
121. Wirsing G. Der masslose Kontinent: Roosevelts Kampf um die Weltherrschaft. Jena, 1942.
122. Wunsche J. Der Wirtschaftskampf der USA um Süd- und Mittelamerika. Leipzig, 1942.
123. USA und Weltpolitik. Berlin, 1940.
124. USA von heute. München, 1941.

125. We Testify (Ed. by N. Schoonmaker and D.F. Reid). N.Y., 1941.

Периодические издания

126. Известия. 1938-1941.

127. Правда. 1938-1941.

128. Chicago Tribune. 1938-1941.

129. Das Reich. 1940-1941.

130. Foreign Affairs. 1938-1941.

131. Fortune. 1938-1941.

132. Life. 1938-1941.

133. Nation. 1938-1941.

134. New York Times. 1938-1941.

135. Newsweek. 1938-1941.

136. Time. 1938-1941.

137. Völkischer Beobachter. 1938-1941.

138. Wall Street Journal. 1938-1941.

139. Washington Post. 1938-1941.

Справочные и статистические издания

140. Шведе Е.Е. Военные флоты 1939-1940 гг. Справочник по военно-морским флотам иностранных государств. М.-Л., 1940.

141. Chronology and Index of the Second World War, 1938-1945. Westport, 1990.

142. Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. A Statistical Abstract Supplement. Washington, 1960.

143. Public Opinion, 1935-1946 (Ed. by H. Cantril). Princeton, 1951.

144. Statistical Abstracts of the United States. № 60, 63. Washington, 1939, 1942.

145. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Bände 1939, 1941/42. Berlin, 1940-1942.

146. The Gallup Poll. Public Opinion, 1935-1971. Volume 1: 1935-1948. N.Y., 1972.

147. World War II in the Pacific: an Encyclopedia (Ed. by St. Sandler). N.Y.-L., 2001.

Литература

Монографии, коллективные исследования

1. 1939 год: уроки истории. Под ред. О.А. Ржешевского. М., 1990.
2. Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940-1941 гг. СПб., 2005.
3. Батурин М. США и Мюнхен: из истории американской внешней политики 1937-1938 гг. М., 1961.
4. Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и методологии политического анализа. М., 2002.
5. Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны, 1941-1945. М., 1983.
6. Вальков В.А. СССР и США, их политические и экономические отношения. М., 1965.
7. Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989.
8. Германский империализм и Вторая мировая война. М., 1963.
9. Гонионский С.А. Латинская Америка и США, 1939-1959 гг. Очерки истории дипломатических отношений. М., 1960.
10. Горохов В.Н. История международных отношений, 1918-1939. М., 2004.
11. Григорьян Ю.М. Германский империализм в Латинской Америке. М, 1974.
12. Гус М.С. Американские империалисты – вдохновители мюнхенской политики. М., 1951.
13. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. В 2 томах. М., 1973.
14. Дашичев В.И. Стратегия Гитлера - путь к катастрофе, 1933-1945. Исторические очерки, документы и материалы. В 4 томах. Т. 1-3. М., 2005.
15. Егорова Н.И. Изоляционизм и европейская политика США, 1935-1941. М., 1996.
16. Зубарева Е.Ю. Формирование внешнеполитического аппарата нацистской Германии (1933-1938). М., 1998 (депонированная рукопись).
17. Иванов Р.Ф. Сталин и союзники, 1941-1945 гг. М., 2005.

18. Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны, 1941-1945. Воронеж, 1995.
19. Иноземцев Н.Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960.
20. История Второй мировой войны. В 12 томах. Т. 3, 4. М., 1974-1975.
21. История дипломатии. В 3 томах. Т. 3 (1914-1939). М., 1945.
22. История США. В 4 томах. Т. 3. М., 1985.
23. Коваль В.С. Политика и стратегия США во Второй мировой войне (проблема парирования угрозы из Европы до перелома в войне). Киев, 1987.
24. Коваль В.С. США во Второй мировой войне: некоторые проблемы внешней политики. Киев, 1975.
25. Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории. М., 2001.
26. Кризис и война: международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 1930-1940-х годах. М., 1998.
27. Кузнец Ю.Л. Вступление США во Вторую мировую войну. М., 1962.
28. Кульков Е.Н., Ржешевский О.А. Правда и ложь о Второй мировой войне. М., 1983.
29. Курушин М.Ю. Стальные гробы рейха. М., 1999.
30. Лан В.И. США в военные и послевоенные годы, 1940-1960. М., 1964.
31. Ленд-лиз и Россия. Под ред. М.Н. Супруна. Архангельск, 2006.
32. Мальков В.Л. Великий Рузвельт. М., 2011.
33. Мальков В.Л. Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004.
34. Мальков В.Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. Историко-документальные очерки. М., 1988.
35. Маныкин А.С. “Эра демократов”: партийная перегруппировка в США, 1933-1952. М., 1990.
36. Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991.
37. Мельников Ю.М. США и гитлеровская Германия, 1933-1939. М., 1959.

38. Наджафов Д.Г. Народ США – против войны и фашизма. М., 1969.
39. Наджафов Д.Г. Нейтралитет США, 1935-1941 гг. М., 1990.
40. Основы общей теории международных отношений. Под ред. А.С. Маныкина. М., 2009.
41. Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007.
42. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006.
43. Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994.
44. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М., 2012.
45. Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны, 1939-1941. М., 1964.
46. Попов А.Я. США организатор и активный участник Мюнхенского сговора. М., 1952.
47. Причины возникновения Второй мировой войны. Под ред. Е.М. Жукова. М., 1982.
48. Розанов Г.Л. Сталин – Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939-1941 гг. М., 1991.
49. Севостьянов Г.Н. Европейский кризис и позиция США, 1938-1939. М., 1992.
50. Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. США и Франция в годы войны, 1939-1945. М., 1974.
51. Селиванов В.Н. Военная политика США в странах Латинской Америки. М., 1970.
52. Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза, 1936-1939. М., 1987.
53. Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1989.
54. Системная история международных отношений. Т. 1. События 1918-1945. Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2006.

55. Солонцов З.М. Дипломатическая борьба США за господство на море и противоречия империалистических держав. М., 1962 (депонированная рукопись).
56. Спивак Л.Ю. Уильям Буллит. Одиночество дипломата. Нижний Новгород, 2011.
57. Уткин А.И. Вторая мировая война. М., 2002.
58. Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990.
59. Уткин А.И. Рузвельт. М., 2012.
60. Ушаков В.Б. Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961.
61. Фомин В.Т. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933-1939 гг. М., 1963.
62. Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М., 2008.
63. Цветков Г.Н. Политика США в отношении СССР накануне Второй мировой войны. Киев, 1973.
64. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2006.
65. Чевтаев А.Г. Сталин, Рузвельт, Черчилль: создание, борьба и победа антифашистской коалиции (1940-1945). Екатеринбург, 2009.
66. Черная Л.Б. Коричневые диктаторы. М., 1992.
67. Шпотов Б.М. Генри Форд: жизнь и бизнес. М., 2003.
68. Юнгблюд В.Т. Внешнеполитическая мысль США в 1939-1945 гг. Киров, 1998.
69. Юнгблюд В.Т. Эра Рузвельта: дипломаты и дипломатия. СПб., 1996.
70. Яковлев Н.Н. США и Англия во Второй мировой войне. М., 1961.
71. Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт. Человек и политик. Новое прочтение. М., 2003.
72. Янчук И.И. Политика США в латинской Америке в 1939-1945 гг. М., 1975.
73. Adams H. Harry L. Hopkins. N.Y., 1977.
74. Abbazia P. Mr. Roosevelt's Navy: the Private War of the U.S. Atlantic Fleet, 1939-1942. Annapolis, 1975.
75. Adler S. The Isolationist Impulse. L.-N.Y., 1957.

76. Adler S. *The Uncertain Giant, 1921-1941: American Foreign Policy between the Wars*. N.Y., 1968.
77. Bailey Th., Ryan P. *Hitler Versus Roosevelt. The Undeclared Naval War*. N.Y., 1979.
78. Baker L. *Roosevelt and Pearl Harbor*. L., 1970.
79. Baptiste F. *War, Cooperation and Conflict: the European Possessions in the Caribbean, 1939-1945*. N.Y., 1988.
80. Barnes H. *Pearl Harbor After a Quarter of a Century*. N.Y., 1972.
81. Barnett R.J. *The Rockets' Red Glare. When America Goes to War. The Presidents and the People*. N.Y., 1990.
82. Barron G. *Leadership in Crisis: FDR and the Path to Intervention*. N.Y. -L., 1973.
83. Bavendamm D. *Roosevelts Weg zum Krieg: Amerikanische Politik 1914-1939*. München, 1983.
84. Beard Ch. *President Roosevelt and the Coming of the War 1941*. N.Y., 1948.
85. Beck A. *Hitler's Ambivalent Attache. Lt. Gen. Friedrich von Boetticher in America, 1933-1941*. Washington, 2005.
86. Bell L. *In Hitler's Shadow: The Anatomy of American Nazism*. N.Y., 1973.
87. Bennett E. *Franklin D. Roosevelt and the Search for Security. American-Soviet Relations, 1933-1939*. Wilmington, 1985.
88. Bennett E. *FDR and the Search for Victory: American-Soviet Relations, 1939-1945*. Wilmington, 1990.
89. Bergmeier H., Lotz E. *Hitler's Airwaves*. L., 1997.
90. Beschloss M. *Kennedy and Roosevelt*. N.Y., 1980.
91. Bethell N. *The War Hitler Won: the Fall of Poland, September, 1939*. N.Y., 1972.
92. Billstein R. *Working for the Enemy: Ford, General Motors, and Forced Labor in Germany during the Second World War*. N.Y., 2000.
93. Boelcke W. *Die Macht des Radios. Weltpolitik und Auslandsrundfunk, 1924-1976*. Frankfurt-am-Main, 1977.
94. Bonacker M. *Goebbels' Mann beim Radio. Der NS-Propagandist Hans Fritzsche (1900-1953)*. München, 2007.

95. Boulding R. Conflict and Defence: a General Theory. N.Y., 1962.
96. Breuer W. Hitler's Undercover War: the Nazi Espionage Invasion of the USA. N.Y., 1989.
97. Buchanan A. The United States and World War II. Volume 1. N.Y., 1964.
98. Burns J.M. Roosevelt: the Lion and the Fox. N.Y., 1956.
99. Burns J. Roosevelt: the Soldier of Freedom, 1940-1945. N.Y., 1970.
100. Casey S. Cautious Crusade: Franklin D. Roosevelt, American Public Opinion and the War against Nazi Germany. N.Y., 2001.
101. Cashman S. America, Roosevelt and World War II. N.Y., 1989.
102. Chadwin M. The Hawks of World War II. Chapel Hill, 1968.
103. Collier P., Horowitz D. The Kennedys: an American Drama. N.Y., 1984 (Русский перевод: Горовиц Д., Кольер П. Клан Кеннеди: американская драма. М., 1988).
104. Cole W. America First. The Battle Against Intervention, 1940-1941. Madison, 1953.
105. Cole W. Charles A. Lindbergh and the Battle against American Intervention in World War II. N.Y.-L., 1974.
106. Cole W. Roosevelt and the Isolationists, 1932-1945. Lincoln, 1983.
107. Cole W. Senator Gerald P. Nye and American Foreign Relations. Minneapolis, 1962.
108. Compton J. The Swastika and the Eagle. Hitler, the United States and the Origins of World War II. Boston, 1967.
109. Conn S., Fairchild B. The Framework of Hemisphere Defense. Washington, 1960.
110. Crocker G. Roosevelt's Road to Russia. N.Y., 1975.
111. Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932-1945. N.Y., 1979.
112. Davis K. FDR: Into the Storm, 1937-1940. N.Y., 1993.
113. Davis K. FDR: the War President, 1940-1943. N.Y., 2000.
114. Dawson R. The Decision to Aid Russia, 1941: Foreign Policy and Domestic Politics. Chapel Hill, 1959.

115. Debating Franklin D. Roosevelt's Foreign Policies, 1933-1945 (Ed. by J. Doenecke and M.A. Stoler). Lanham, 2005.
116. De Conde A. A History of American Foreign Policy. N.Y., 1963.
117. De Jong L. The German Fifth Column in World War II. Chicago, 1956.
118. Der deutsche Faschismus in Lateinamerika, 1933-1943 (Hrsg. von H. Sanke). Berlin, 1966.
119. Deutscher Widerstand, 1938-1944. Fortschritt oder Reaktion? (Hrsg. von B. Scheurig) München, 1969.
120. Deutschland und die USA in der internationalen Geschichte des zwanzigsten Jahrhunderts (Hrsg. von M. Berg, D. Junker, Ph. Gassert). Stuttgart, 2004.
121. Diamond S. The Nazi Movement in the United States, 1924-1941. Ithaca, 1974.
122. Die USA und Deutschland 1918-1975. Deutsch-amerikanische Beziehungen zwischen Rivalität und Partnerschaft. München, 1978.
123. Diner D. America in the Eyes of Germans. An Essay on Anti-Americanism. Princeton, 1996.
124. Divine R. Illusion of Neutrality. Chicago, 1962.
125. Divine R. The Reluctant Belligerent: American Entry into World War II. N.Y., 1979.
126. Divine R. Roosevelt and World War II. Baltimore, 1969.
127. Divine R. Second Chance. The Triumph of Internationalism in America during World War II. N.Y., 1967.
128. Doenecke J. The Battle Against Intervention, 1939-1941. Malabar, 1997.
129. Doenecke J. Storm on the Horizon: The Challenge to American Intervention, 1939-1941. Lanham, 2000.
130. Drummond D. The Passing of American Neutrality, 1937-1941. Ann Arbor, 1955.
131. Duffy J. Target: America. Hitler's Plan to Attack the United States. Westport, 2004.
132. Dunn J. Caught between Roosevelt and Stalin: America's Ambassadors to Moscow. Lexington, 1998.

133. Eckes A. *Opening America's Market: U.S. Foreign Trade Policy Since 1776*. Chapel Hill, 1995.
134. Farnham B. *Roosevelt and the Munich Crisis. A Study of Political Decision-Making*. Princeton, 1997.
135. *FDR and the US Navy* (Ed. by E. Marolda). N.Y., 1998.
136. Feingold H. *Politics of Rescue: The Roosevelt Administration and the Holocaust, 1938-1945*. New Jersey, 1970.
137. Fischer K. *Hitler and America*. Philadelphia, 2011.
138. Forty G. *US Army Handbook, 1939-1945*. N.Y., 1980.
139. Friedländer S. *Prelude to Downfall: Hitler and the United States, 1939-1941*. L., 1967.
140. Friedman M. *Nazis and Good Neighbors: The United States Campaign against the Germans of Latin America in World War II*. Cambridge, 2003.
141. Frye A. *Nazi Germany and the American Hemisphere, 1933-1941*. New Haven, 1967.
142. Gannon M. *Operation Drumbeat. The Dramatic True Story of Germany's First U-boat Attacks Along the American Coast in World War II*. N.Y., 1990.
143. Gassert Ph. *Amerika im Dritten Reich. Ideologie, Propaganda und Volksmeinung, 1933-1945*. Stuttgart, 1997.
144. Gatzke H. *Germany and the United States: "A Special Relationship?"*. Harvard, 1980.
145. Gellman I. *Good Neighbor Diplomacy: United States Policies in Latin America, 1933-1945*. Baltimore, 1979.
146. Gellman I. *Secret Affairs: Franklin Roosevelt, Cordell Hull and Sumner Welles*. Baltimore, 1995.
147. Giblin J. *Charles A. Lindbergh: a Human Hero*. N.Y., 1997.
148. Goodman W. *The Committee. The Extraordinary Career of the House Committee on Un-American Activities*. L., 1968.
149. Greer Th. *What Roosevelt Thought: the Social and Political Ideas of Franklin D. Roosevelt*. East Lansing, 1958.

150. Guarrant E. Roosevelt's Good Neighbor Policy. Albuquerque, 1950.
151. Hagemann J. Die Presselenkung im Dritten Reich. Bonn, 1970.
152. Haight J. American Aid to France, 1938-1940. N.Y., 1970.
153. Harper J. American Visions of Europe. Cambridge, 1994.
154. Hass G. Von München bis Pearl Harbor: zur Geschichte der deutsch-amerikanischen Beziehungen, 1938-1941. Berlin, 1965.
155. Hayes P. Industry and Ideology. I.G. Farben in the Nazi Era. Cambridge, 1987.
156. Hearden P. Roosevelt Confronts Hitler: America's Entry into World War II. De Kalb, 1987.
157. Heiferman R. US Navy in World War II. L., 1978.
158. Heinrichs W. Threshold of War: Franklin D. Roosevelt and American Entry into World War II. N.Y., 1988.
159. Herde P. Italien, Deutschland und der Weg in den Krieg im Pazifik 1941. Wiesbaden, 1983.
160. Herde P. Pearl Harbor, 7. Dezember 1941. Darmstadt, 1980.
161. Herring G. Aid to Russia, 1941-1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N.Y.-L., 1973.
162. Herwig H. Politics of Frustration: the United States in German Naval Planning, 1889-1941. Boston, 1976.
163. Herzstein R. Roosevelt and Hitler: Prelude to War. N.Y., 1989.
164. Hildebrand K. Deutsche Aussenpolitik 1933-1945. Kalkül oder Dogma? Stuttgart, 1971.
165. Hill R. Hitler Attacks Pearl Harbor: why the United States Declared War on Germany. Boulder, 2003.
166. Hillgruber A. Der Zweite Weltkrieg. Kriegsziele und Strategie der grossen Mächte. Stuttgart, 1983.
167. Hoffmann P. History of the German Resistance, 1933-1945. Cambridge, 1977.
168. Hönicke Moore M. Know Your Enemy. The American Debate on Nazism, 1933-1945. Cambridge, 2010.
169. Irving D. Göring: a Biography. L., 1989.

170. Jäckel E. Hitler in History. Hannover, 1984.
171. Jacobs T. America and the Winter War, 1939-1940. N.Y., 1981.
172. James P. Crisis and War. Kingston, 1988.
173. Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, 1976.
174. Jonas M. Isolationism in America, 1935-1941. Ithaca, 1966.
175. Jonas M. The United States and Germany. A Diplomatic History. Ithaca, 1984.
176. Junker D. Der unteilbare Weltmarkt: das ökonomische Interesse in der Aussenpolitik der USA, 1933-1945. Stuttgart, 1975.
177. Junker D. Franklin D. Roosevelt. Macht und Vision: Präsident in Krisenzeiten. Göttingen, 1973.
178. Junker D. Kampf um die Weltmacht: die USA und das Dritte Reich, 1933-1945. Düsseldorf, 1988.
179. Kessemeier C. Der Letartikler Goebbels in den NS-Organen "Der Angriff" und "Das Reich". Munster, 1967.
180. Kimball W. Forged in War: Roosevelt, Churchill, and the Second World War. N.Y., 1997.
181. Kimball W. The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. N.Y., 1991.
182. Kimball W. The Most Unsordid Act: Lend-Lease, 1939-1941. Baltimore, 1969.
183. Kinsella W. Leadership in Isolation: FDR and the Origins of the Second World War. Boston, 1978.
184. Kipphan K. Deutsche Propaganda in der Vereinigten Staaten. Heidelberg, 1971.
185. Kolko G. The Politics of War: The World and United States Foreign Policy. N.Y., 1968.
186. Konstam A. Naval Miscellany. Oxford, 2010.
187. Koppes C., Black G. Hollywood Goes to War. How Politics, Profits and Propaganda Shaped World War II Movies. Los Angeles, 1990.
188. Koskoff D. Joseph Kennedy. New Jersey, 1974.
189. Landecker M. The President and Public Opinion: Leadership in Foreign Affairs. Washington, 1964.
190. Langer W., Gleason S. The Challenge to Isolation, 1937-1940. N.Y., 1952.

191. Langer W., Gleason S. The Undeclared War, 1940-1941. N.Y., 1953.
192. Langley L. America and the Americas: the United States in the Western Hemisphere. Athens, 1989.
193. Langley L. The United States and the Caribbean, 1900-1970. Athens, 1980.
194. Laurie C. The Propaganda Warriors. America's Crusade against Nazi Germany. Lawrence, 1996.
195. Leigh M. Mobilizing Consent: Public Opinion and American Foreign Policy, 1937-1947. Westport, 1976.
196. Leighton R., Coakley R. Global Logistics and Strategy 1940-1943. Washington, 1968.
197. LeMay M.C., Barkan E.R. U.S. Immigration and Naturalization Laws and Issues: A Documentary History. Westport, 1999.
198. Leopold R. Growth of American Foreign Policy. N.Y., 1964.
199. Levering R. American Opinion and the Russian Alliance, 1939-1945. Chapel Hill, 1976.
200. Lewis D. The Public Image of Henry Ford: An American Folk Hero and His Company. Detroit, 1976.
201. Lochner L. Herbert Hoover and Germany. N.Y., 1960.
202. Lookstein H. Were We Our Brothers' Keepers? The Public Response of American Jews to the Holocaust, 1938 -1944. N.Y., 1985.
203. Lübken U. Bedrohliche Nähe: Die USA und die nationalsozialistische Herausforderung in Lateinamerika, 1937-1945. Stuttgart, 2004.
204. MacDonald C. United States, Britain and Appeasement. N.Y., 1981.
205. MacDonnell F. Insidious Foes. The Axis Fifth Column and the American Home Front. N.Y., 1995.
206. MacKenna M. Borah. Ann Arbor, 1961.
207. Margaret L. Mr. Baruch. Boston, 1957.
208. Martin B. Friedensinitiativen und Machtpolitik im Zweiten Weltkrieg, 1939-1942. Düsseldorf, 1974.

209. Matloff M., Snell E. Strategic Planning for Coalition Warfare. 1941-1942. Washington, 1953.
210. Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988.
211. Michalka W. Ribbentrop und die Deutsche Weltpolitik 1933-1940. München, 1980.
212. Millward A. War, Economy and Society, 1939-1945. Los Angeles, 1977.
213. Mitchell C. The Structure of International Conflict. N.Y., 1981.
214. Moltmann G. Amerikas Deutschlandpolitik im Zweiten Weltkrieg: Kriegs und Friedensziele, 1941-1945. Heidelberg, 1958.
215. Morgenthau H. In Defense of the National Interest: a Critical Examination of American Foreign Policy. N.Y., 1951.
216. Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y., 1948.
217. Morison S. The Battle of the Atlantic. Boston, 1952.
218. Morison S. The Two-Ocean War. Toronto, 1963.
219. Morse A. While Six Millions Died: a Chronicle of American Apathy. N.Y., 1968.
220. Notter H. Postwar Foreign Policy Preparation, 1939-1945. Washington, 1949.
221. Olsson C. Congress and the Executive. Kungälv, 1982.
222. Offner A. The Origins of the Second World War. American Foreign Policy and World Politics. N.Y., 1975.
223. O'Neill W. A Democracy at War: America's Fight at Home and Abroad in World War II. Cambridge, 1993.
224. Orr P.D. Peace at Daggers Drawn. Baltimore, 2005.
225. Osgood R. Ideals and Self-Interest in America's Foreign Relations: the Great Transformation of the Twentieth Century. Chicago, 1953.
226. O'Sullivan C.D. Sumner Welles, Postwar Planning and the Quest for a New World Order, 1937-1943. N.Y., 2008.
227. Pearl Harbor and the Coming of the War (Ed. by G. Waller). Boston, 1965.
228. Polenberg R. War and Society: the United States, 1941-1945. Philadelphia, 1972.

229. Pommerin R. Das Dritte Reich und Lateinamerika. Die deutsche Politik gegenüber Süd- und Mittelamerika, 1939-1942. Düsseldorf, 1977.
230. Porter D. The Seventy-Sixth Congress and World War II, 1939-1940. Columbia, 1979.
231. Pratt J. Cordell Hull. Volume 1. N.Y., 1964.
232. Radkau J. Die deutsche Emigration in den USA. Düsseldorf, 1971.
233. Rauch B. Roosevelt from Munich to Pearl Harbor. N.Y., 1950.
234. Rauch B., Malone D. America and World Leadership, 1940-1965. N.Y., 1965.
235. Reynolds D. Lord Lothian and Anglo-American Relations, 1939-1940. Philadelphia, 1983.
236. Reynolds D. The Creation of the Anglo-American Alliance, 1937-1941: a Study in Competitive Co-Operation. L., 1981.
237. Rogge O. Official German Report: Nazi Penetration, 1924-1942. N.Y., 1961.
238. Root W. The Secret History of the War. Volume 1. N.Y., 1945.
239. Roscoe Th. United States Destroyer Operations in World War II. Annapolis, 1953.
240. Rosen R. Saving the Jews: Franklin D. Roosevelt and the Holocaust. N.Y., 2006.
241. Rosenbaum R. Waking to Danger. Americans and Nazi Germany, 1933-1941. Santa Barbara, 2010.
242. Ross Steven. US War Plans. Malabar, 2000.
243. Ross Stewart. How Roosevelt Failed America in World War II. Jefferson, 2006.
244. Ross W. The Last Hero: Charles A. Lindbergh. N.Y., 1968.
245. Rothfels H. The German Resistance to Hitler. Hinsdale, 1948.
246. Ruge F. Der Seekrieg, 1939-1945. Stuttgart, 1954.
247. Salewski M. Die deutsche Seekriegsleitung 1935-1945. Band 1: 1935-1941. Frankfurt-am-Main, 1970.
248. Sanborn F. Design for War: a Study of Secret Power Politics, 1937-1941. N.Y., 1951.
249. Schollgen G. Ulrich von Hassell, 1881-1944: ein Konservativer in Opposition. München, 1990.

250. Schröder H.-J. Deutschland und die Vereinigten Staaten, 1933-1939. Wirtschaft und Politik in der Entwicklung des deutschamerikanischen Gegensatzes. Wiesbaden, 1970.
251. Schwarzenberger G. Power Politics. A Study of World Society. Third Edition. L., 1964.
252. Seabury P. The Wilhelmstrasse. A Study of German Diplomats under the Nazi Regime. Los Angeles, 1954.
253. Shachtman T. The Phony War, 1939-1940. N.Y., 1982.
254. Shirer A. The Rise and Fall of the Third Reich. N.Y., 1959 (Русский перевод: Ширер А. Взлет и падение третьего рейха. В 2 томах. М., 1991.).
255. Shirley C. December 1941. 31 Days that Changed America and Saved The World. Nashville, 2011.
256. Shoup L., Minter W. The Imperial Brain Trust. The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy. N.Y., 1977.
257. Sirois H. Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA, 1933-1941. Paderborn, 2000.
258. Sommer Th. Deutschland und Japan zwischen den Mächten, 1935-1940. Tübingen, 1962.
259. Steele R. Propaganda in an Open Society: The Roosevelt Administration and the Media, 1933-1941. Westport, 1985.
260. Stiller J. George S. Messersmith, Diplomat of Democracy. Chapel Hill, 1987.
261. Sutton A. Wall Street and the Rise of Hitler. Suffolk, 1976.
262. Tansill Ch. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy, 1933-1941. Westport, 1952.
263. The United States and World Sea Power (Ed. by E. Potter). Englewood Cliffs, 1955.
264. Transatlantic Images and Perceptions. Germany and America since 1776 (Ed. by D. Barclay and E. Glaser-Schmidt). Cambridge, 1997.
265. Thompson K. Political Realism and the Crisis of World Politics: An American Approach to Foreign Policy. Princeton, 1960.

266. Trefousse H. Germany and American Neutrality, 1939-1941. N.Y., 1951.
267. Turner H. General Motors and the Nazis. New Haven, 2005.
268. Ueberschär G. Hitler und Finnland 1939-1941. Wiesbaden, 1978.
269. US Diplomats in Europe, 1919-1941. Santa Barbara, 1983.
270. Waltz K. Theory of International Politics. N.Y., 1979.
271. Watkins T. Righteous Pilgrim. Harold Ickes. N.Y., 1990.
272. Watson M.S. Chief of Staff: Prewar Plans and Preparations. Washington, 1950.
273. Welles B. Sumner Welles. FDR's Global Strategist. N.Y., 1997.
274. Whalen R. The Founding Father: the Story of Joseph P. Kennedy. N.Y., 1964.
275. Wilhelm C. Bewegung oder Verein? Nationalsozialistische Volkstumspolitik in den USA. Stuttgart, 1998.
276. Wilkins M. The History of Foreign Investment in the United States, 1914-1945. Cambridge, 2004.
277. Wilkins M. The Maturing of Multinational Enterprise: American Business from 1914 to 1970. Harvard, 1974.
278. Williamson G. The SS: Hitler's Instrument of Terror. Saint Paul, 2004.
279. Wilson Th. The First Summit. Roosevelt and Churchill at Placentia Bay, 1941. Boston, 1969.
280. Wittner L. Rebels against War: the American Peace Movement, 1933-1983. Philadelphia, 1984.
281. Wyman D. Paper Walls: America and the Refugee Crisis 1938-1941. Amherst, 1968.
282. Zalampas M. Adolf Hitler and the Third Reich in American Magazines, 1923-1939. Bowling Green, 1989.

Статьи

283. Арутюнян Ю.В. Роль американской дипломатии в организации Мюнхенской конференции 1938 года//Вопросы истории. 1958. № 2. Стр. 76-95.

284. Афолина Т.А. Нацистская угроза и латиноамериканская политика США (1938-1939)//Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2006. № 2. Стр. 21-43.
285. Беглов И. Миссия Уэллеса в Европу//Вопросы истории. 1949. № 6. Стр. 49-69.
286. Бурова Т.Т. Критика политики нейтралитета в Конгрессе США. Новая и новейшая история. 2012. № 6. Стр. 176-186.
287. Бурова Т.Т. Обсуждение в Конгрессе США проблемы ленд-лиза (январь-март 1941 г.)//США и внешний мир. Материалы IV научной конференции Ассоциации изучения США. М., 1997. Стр. 14-22.
288. Бурова Т.Т. Обсуждение в Конгрессе США проблемы нейтралитета (январь-июль 1939)//Исторические и историографические вопросы внешней политики империалистических государств. Томск, 1987. Стр. 54-70.
289. Бурова Т.Т. Обсуждение политики нейтралитета и утверждение законопроекта о продаже оружия воюющим странам в конгрессе США (сентябрь-ноябрь 1939 г.)//Исторические и историографические проблемы американской и английской буржуазной дипломатии. Томск, 1991. Стр. 64-76.
290. Буханов В.А. Подготовка фашистской Германии к установлению “нового порядка” в экономике оккупированных и зависимых стран Европы (май-октябрь, 1940)//Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1986. Стр. 89-107.
291. Григораш И.В. Борьба Ф. Рузвельта за усиление позиций исполнительной власти во внешнеполитическом механизме США (зима – лето 1939 г.)//Вопросы гуманитарных наук. 2002. № 3. Стр. 19-32.
292. Григораш И.В. Влияние военных на внешнеполитический курс Франклина Рузвельта в 1939-1941 гг.//Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2003. № 3. Стр. 94-114.
293. Гришин Ю.М. Крах гитлеровских планов в отношении Латинской Америки//Латинская Америка. 1975. № 5. Стр. 76-83.

294. Егоров Б.А. Нацистская агрессия и общественное мнение США//Международные отношения накануне Второй мировой войны. СПб., 1993. Стр. 92-104.
295. Коробочкин М.Л. Связи монополий США и гитлеровской Германии, 1933-1939//О войне и мире: из истории стран Западной Европы и Америки (новейшее время). М., 1990. Стр. 40-60.
296. Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Некоторые проблемы германского фашизма//Новая и новейшая история. 1973. №6.
297. Мельников Ю.М. Роль американо-германских противоречий в возникновении второй мировой войны//Вопросы истории. 1959. № 3. Стр. 76-97.
298. Наджафов Д.Г. Советско-германские переговоры 1939 года (по документальным публикациям США)//Предвоенный кризис 1939 года в документах. М., 1992. Стр. 45-69.
299. Никитин В.А. Подрывная деятельность нацистского рейха в США//Американский ежегодник 1976. М., 1976. Стр. 43-94.
300. Поздеева Л.В. Предвоенный политический кризис в Европе и позиция США//Причины возникновения Второй мировой войны. М., 1982. Стр. 206-220.
301. Позняков В.В. Американское общественное мнение и проблема сотрудничества СССР и Соединенных Штатов (июнь-декабрь 1941 г.)//Американский ежегодник 1988. М., 1988. Стр. 117-126.
302. Попов В.И. Соединенные Штаты Америки и англо-франко-советские переговоры 1939 года//Вопросы истории 1963. № 1. Стр. 66-85.
303. Севостьянов Г.Н. Мюнхен и дипломатия США//Новая и новейшая история. 1987. № 4. Стр. 177-199.
304. Скорнякова С.С. США и Мюнхен: некоторые факты дипломатической истории//Мюнхен – преддверие войны. Исторические очерки. М., 1988. Стр. 94-113.

305. Случ С.З. “Фактор США” в оценке командования вермахта накануне Второй мировой войны//Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1973. № 2. Стр. 50-69.
306. Степанова О.Л. Историки-“ревизионисты” о внешней политике США//Вопросы истории. 1973. № 3. Стр. 93-107.
307. Тавровская Г. М. К вопросу о создании антигитлеровской коалиции (июнь 1941 – июнь 1942 г.)//Вопросы истории. 1957. № 12. Стр. 76-98.
308. Тотмянин Н.Д. США в экспансионистских планах Гитлера//Вопросы германской истории. Выпуск 11: Германский фашизм: история и современность. Днепропетровск, 1983. Стр. 29-37.
309. Юнгблюд В.Т. Военные ведомства и внешняя политика США 1939-1945 гг.//Великобритания и США в XIX-XX веках: политика, дипломатия, историография. Уссурийск, 1997. Стр. 131-148.
310. Юнгблюд В.Т. Военные ведомства и разведка во внешней политике США (1933-1941 гг.)//Внешняя политика США в первой половине XX века. СПб., 1996. Стр. 144-163.
311. Юнгблюд В.Т. Европейская политика США в воззрениях руководителей госдепартамента и дипломатов в 1933-1941 гг.//Общественная мысль и социально-политическое движение в Новое и Новейшее время. Волгоград, 1994. Стр. 118-132.
312. Юнгблюд В.Т. Государственный секретарь США К. Хэлл и политика “доброго соседа” (1933-1941гг.)//Исторические и историографические проблемы американской и английской буржуазной дипломатии. Томск, 1991. Стр. 44-55.
313. Юнгблюд В.Т. От Лиги Наций к “системе всеобщей безопасности”: идеи организации мирового сообщества в воззрениях Ф.Д. Рузвельта, 1918-1941 годы//Вестник ТГПУ. 2007. № 3. Серия: Гуманитарные науки. Стр. 66-70.
314. Юнгблюд В.Т. Эволюция внешнеполитических воззрений Рузвельта в 1933-1941 гг.//Международные отношения накануне второй мировой войны. СПб., 1993. Стр. 59-73.

315. Яковлев Н.Н. Ф. Рузвельт – сторонник сотрудничества с Советским Союзом//Вопросы истории. 1972. № 12. Стр. 77-91.
316. Янчук И.И. США на Лимской конференции 1938 г.//Американский ежегодник 1974. М., 1974. Стр. 297-312.
317. Bell L. The Failure of Nazism in America: the German American Bund, 1936-1941//Political Science Quarterly. 1970. Volume 85. № 4. P. 585-599.
318. Billington R. The Origins of Middle Western Isolationism//Political Science Quarterly. 1945. Volume 60. № 1. P. 44-64.
319. Bratzel J., Rout L. FDR and the “Secret Map”//The Wilson Quarterly. 1985. Volume 9. № 1. P. 167-173.
320. Bytwerk R. The Argument for Genocide in Nazi Propaganda//Quarterly Journal of Speech. 2005. Volume 91. № 1. P. 37-62.
321. Child J. From “Color” to “Rainbow”: U.S. Strategic Planning for Latin America, 1919-1945//Journal of Interamerican Studies and World Affairs. 1979. Volume 21. № 2. P. 233-259.
322. Craig G. Roosevelt and Hitler. The Problem of Perception//Deutsche Frage und europäisches Gleichgewicht. Festschrift für Andreas Hillgruber (Hrsg. von K. Hildebrand und R. Pommerin). Köln, 1985. S.169-194.
323. Diamond S. The Bund Movement in the United States: an Overview// Germany and America: Essays on Problems of International Relations and Immigration (Ed. by H. Trefousse). N.Y., 1980. P.183-198.
324. Doenecke J. American Isolationism, 1939-1941//Journal of Libertarian Studies. 1982. Volume 6. № 3-4. P. 201-216.
325. Doenecke J. Rehearsal for Cold War: United States Anti-Interventionists and the Soviet Union, 1939-1941//International Journal of Politics, Culture, and Society. 1994. Volume 7. № 3. P. 375-392.
326. Donovan J. Congressional Isolationists and the Roosevelt Foreign Policy//World Politics. 1951. Volume 3. № 3. P. 299-316.
327. Fensterwald B. The Anatomy of American Isolationism and Expansionism. Part 1//The Journal of Conflict Resolution. 1958. Volume 2. № 2. P. 111-139.

328. Freidel F. FDR vs. Hitler: American Foreign Policy, 1933-1941//Proceedings of the Massachusetts Historical Society. 1987. Volume 99. P. 25-43.
329. Hass G. Die "Friedensbedingungen" der imperialistischen Mächte und die Welles-Reise (Februar/März 1940)//Die Volksmassen, Gestalter der Geschichte. Berlin, 1962. S. 452-469.
330. Helbich W. Die Vereinigten Staaten von Amerika 1941-1945//Weltpolitik II 1939-1945: 14 Vorträge (Hrsg. von O. Hauser). Göttingen, 1975. S. 37-52.
331. Herwig H. Prelude to Weltblitzkrieg: Germany's Naval Policy toward the United States of America, 1939-1941//The Journal of Modern History. 1971. Volume 43. № 4. P. 649-668.
332. Hillgruber A. Der Faktor Amerika in Hitlers Strategie 1938-1941//Nationalsozialistische Aussenpolitik. Darmstadt, 1978. S. 493-525.
333. Hillgruber A. Hitler und die USA 1933-1945//Deutschland und die USA 1890-1985 (Hrsg. von D. Junker). Heidelberg, 1986. S. 27-41.
334. Hilton S. The Welles Mission to Europe, February-March 1940: Illusion or Realism//The Journal of American History. 1971. Volume 58. № 1. P. 93-120.
335. Hönicke M. Das nationalsozialistische Deutschland und die Vereinigten Staaten von Amerika 1933-1945//Deutschland und die USA im 20. Jahrhundert. (Hrsg. von K. Larres und T. Oppelland). Darmstadt, 1997. S. 62-94.
336. Junker D. Deutschland im politischen Kalkül der Vereinigten Staaten 1933-1945//Der Zweite Weltkrieg: Analysen, Grundzüge, Forschungsbilanz (Hrsg. von W. Michalka). München, 1989. S. 57-73.
337. Junker D. Nationalstaat und Weltmacht. Die globale Bestimmung des nationalen Interesses der USA durch die Internationalisten 1938-1941//Weltpolitik II 1939-1945: 14 Vorträge (Hrsg. von O. Hauser). Göttingen, 1975. S. 17-36.
338. Junker D. Franklin D. Roosevelt und die nationalsozialistische Bedrohung der USA//Amerika und die Deutschen. Bestandsaufnahme einer 300-jährigen Geschichte (Hrsg. von F. Trommler). Opladen, 1986. S. 379-392.
339. Kolko G. American Business and Germany, 1930-1941//The Western Political Quarterly. 1962. Volume 15. № 4. P. 713-728.

340. Krebs G. Deutschland und Pearl Harbor//Historische Zeitschrift. 1991. Band 253. Heft 2. S. 313-369.
341. MacDonald C. Deterrent Diplomacy: Roosevelt and the Containment of Germany, 1938-1940//Paths to War: New Essays on the Origins of the Second World War. N.Y., 1989.
342. MacDonald C. Die USA, Grossbritannien und die Appeasement-Politik 1936-1939//Die Westmächte und das Dritte Reich 1933-1939. Paderborn, 1982. S. 83-101.
343. Martin B. Durchbruch zur politischen Weltmacht. Die interventionistische Globalstrategie der Regierung Roosevelt 1933-1941. Militärgeschichtliche Mitteilungen. Freiburg-in-Breisgau., 1981. Band 30. Heft 2. S. 57-98.
344. Moltmann G. Franklin D. Roosevelts Friedensappell vom 14. April 1939: ein fehlgeschlagener Versuch zur Friedenssicherung//Jahrbuch für Amerikastudien. 1964. Band 9. S. 91-109.
345. Offner A. Appeasement Revisited: The United States, Great Britain, and Germany, 1933-1940//The Journal of American History. 1977. Volume 64. № 2. P. 373-393.
346. Rahn W. Der Atlantik in der strategischen Perspektive Hitlers und Roosevelts 1941//Der Zweite Weltkrieg: Analysen, Grundzüge, Forschungsbilanz. München, 1989. S. 667-682.
347. Rahn W. Strategische Optionen und Erfahrungen der deutschen Marineführung 1914 bis 1944: zu den Chancen und Grenzen einer mitteleuropäischen Kontinentalmacht gegen Seemächte//Werner Rahn - Dienst und Wissenschaft (Hrsg. von W. Radisch). Potsdam, 2010. S. 27-72.
348. Rippy J. German Investments in Latin America//The Journal of Business of the University of Chicago. 1948. Volume 21. № 2. P. 63-73.
349. Schröder H.-J. Das Dritte Reich, die USA und Lateinamerika 1933-1941//Hitler, Deutschland und die Mächte (Hrsg. von M. Funke). Düsseldorf, 1976. S. 339-364.
350. Schröder H.-J. Das Dritte Reich und Amerika: die ökonomische Konfrontation 1933-1941//Studia Historiae Oeconomicae. Poznan, 1976. Volume 11. S. 159-183.

351. Schröder H.-J. Das Dritte Reich und die USA//Die USA und Deutschland 1918-1975 (Hrsg. von M. Knapp). München, 1978. S. 107-152.
352. Schröder H.-J. Economic Appeasement. Zur britischen und amerikanischen Deutschlandpolitik vor dem Zweiten Weltkrieg//Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1982. Band 30. Heft 1. S. 82-97.
353. Schröder H.-J. Hauptprobleme der deutschen Lateinamerikapolitik 1933-1941//Jahrbuch für Geschichte von Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Lateinamerikas. 1975. Band 12. S. 408-433.
354. Schröder H.-J. The Ambiguities of Appeasement: Great Britain, the United States and Germany, 1937-1939//The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement (Ed. by W. Mommsen). L., 1983. P. 390-399.
355. Schwabe K. Die Regierung Roosevelt und die Expansionspolitik Hitlers vor dem Zweiten Weltkrieg//Die Westmächte und das Dritte Reich 1933-1939. Paderborn, 1982. S. 103-132.
356. Smith A. The Foreign Organization of the Nazi Party and the United States 1931-1939//Germany and America: Essays on Problems of International Relations and Immigration (Ed. by H. Trefousse). N.Y., 1980. P.173-182.
357. Steele R. Franklin D. Roosevelt and his Foreign Policy Critics//Political Science Quarterly. 1979. Volume 94. № 1. P. 15-32.
358. Steele R. The Great Debate: Roosevelt, the Media, and the Coming of the War, 1940-1941//The Journal of American History. 1984. Volume 71. № 1. P. 69-92.
359. Stromberg R. American Business and the Approach of War 1935-1941//The Journal of Economic History. 1953. Volume 13. № 1. P. 58-78.
360. Syring E. Hitlers Kriegserklärung an Amerika vom 11. Dezember 1941//Der Zweite Weltkrieg: Analysen, Grundzüge, Forschungsbilanz. München, 1989. S. 683-696.
361. Trefousse H. Germany and Pearl Harbor//The Far Eastern Quarterly. 1951. Volume 11. № 1. P. 35-50.

362. Weinberg G. Germany's Declaration of War on the United States: a New Look//Germany and America: Essays on Problems of International Relations and Immigration (Ed. by H. Trefousse). N.Y., 1980. S.54-70.
363. Weinberg G. Hitler's Image of the United States//The American Historical Review. 1964. Volume 69. № 4. P. 1006-1021.
364. Wright Q. Escalation of International Conflict//Journal of Conflict Resolution. 1965. № 4. P. 434-449.

Диссертации

365. Афонина Т.А. Нацистское проникновение в Латинскую Америку и позиция США (1933-1939 гг.)... диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007.
366. Гольцев А.В. Специфика германо-американских отношений в политической, экономической и военной сферах (1933-1941)... диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Нижний Новгород, 2006.
367. Григораш И.В. Эволюция механизма формирования внешнеполитического курса США в 1937-1941 гг... диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2004.
368. Паузин Л.Н. Дипломатическая подготовка политики реванша и экспансии гитлеровской Германии (1933-1939)... диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2006.
369. Тотмянин Н.Д. Подрывная деятельность германо-американских нацистских организаций в США (1924-1942)... диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1988.
370. Шварцкопф К.Э. Образ внешнего мира в национал-социалистической пропаганде, 1933-1941... диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Краснодар, 2004.